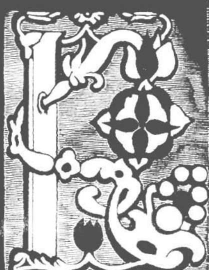

Русская Старина

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СЕНТЯБРЬ
И
ОКТЯБРЬ.
1883 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

СЕНТЯБРЬ и ОКТЯБРЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VII. 1883 г.

Сентябрь и Октябрь, 1883 г.

стр.

I. ЛѢТОПИСНЫЙ ЮРЬЕВЪ НА РОСИ. (Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты). **М. Андреевскаго** 1

II. СТРАШНЫЙ ІОСИФЪ. (Переводъ съ польскаго) 39

III. СЕРАПІОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ. **Ф. А. Терновскаго** . . 88

VI. ЗАПИСКИ БАРОНА ТОТТА О ТАТАРСКОМЪ НАБѢГѢ 1769 Г. НА НОВО-СЕРБІЮ. (Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ С. Е.). . . . 135

V. КАРТИНКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. (Изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству) **А. Смоктія** 199

VI. РАЗНОВИДНОСТИ МАРЦѢПАННЪ И ГАННУСКОВОЙ ГОРѢЛКИ . . 227

VII. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 года. (*Окончаніе*) 254

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Витебская Старина. Витебскъ, 1883 г.—*В. И.*—б) Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ—православный храмъ и существовавшее при немъ братство. Ар. Логиновъ. Варшава, 1883 г.—в) Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. В. Т. М-чъ. Варшава, 1883 г.—*Фратеркулюса.*—г) Не судилось. Драма І. Старицкаго.—*Н. Костомарова.* 287

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Необыкновенная ярмарка.—*О. Левицкаго.*—б) Шпиталь въ м. Боромлѣ.—*Н. Сумцова.*—в) Братства и союзы нищихъ.—*П. Ефименка.*—г) Гетманское представительство при русскомъ дворѣ.—Сообщ. *А. Лазаревскій*—д) Воспоминаніе о Шевченкѣ.—*А. Смоктія.*—е) Запорожская пѣсня, записанная нѣмцемъ отъ нѣмца.—ж) Традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей—*М. П.*—з) По поводу портрета жены Гонты. 301

ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ жены Гонты.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2-го сентября 1883 года.

Жена Гонты

ЛѢТОПИСНЫЙ ЮРЬЕВЪ НА РОСИ.

(Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты).

Имя южно-русскаго, домонгольскаго, теперь уже несуществующаго города, поставленное въ заглавіи этой статьи, въ лѣтописяхъ является обыкновенно въ своей болѣе древней звуковой формѣ, съ разными ея варьяціями, а именно: *Гурıовъ*, *Гурıевъ*, *Гурьевъ*; *Гюрıовъ*, *Гюрıевъ*, *Гюрьевъ*; *Юрıевъ*, и только изрѣдка въ наиболѣе новой формѣ *Юрьевъ* [1]). Основываясь на лѣтописномъ свидѣтельствѣ 1032 года (Лавр. 146, Ипатск. 105): „Ярославъ поча ставити городы по Рсі“, думаютъ, что Юрьевъ на Роси поставленъ Ярославомъ, въ крещеніи Георгіемъ, который и нарекъ его въ свое христіанское имя—*Юрьевъ* [2]). Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются упоминанія о г. *Юрьевѣ*, *юрьевцахъ* и *юрьевскихъ епископахъ*.

---

[1]) Гурьговъ (Ипатск. 159, 185), Гурговцѣ (Ипатск. 160), гурьговскый (Ипатск. 146, 206); Гургевъ (Ипатск. 199, Лавр. 221), Гуревци (Лавр. 221 по Р. А.), гургевьскій (Лавр. 176, 204; Ипатск. 148 по Х. П.), *гурıеньскый* (Ипатск. 148); *гурьевци* (Ипатск. 160 по Х.); Гюрговъ (Ипатск. 223), гюрговскій (Ипатск. 428); Гюргевъ (Ипатск. 160, 344, 356; Лавр. 221, 240, 269), Гюргевци (Ипатск. 159, 344; Лавр. 221), гюрьгевьскый (Лавр. 278, 434; Ипатск. 241 по Х.), *гюрıийский* (Ипатск. 241), *гюрьевскый* (Ипатск. 428 по Х. П.); *Юрıевци* (Лавр. 221); Юрьевъ (Ипатск. 185 по Х. П.; Лавр. 269 по Р. А., Карамз. III, пр. 171), юрьевьскый (Ипатск. 127, 473 трижды).—Ссылки на лѣтописи, ипатскую и лаврентьевскую, дѣлаются по новому ихъ изданію археографической коммиссіи: лѣтопись по Ипатск. списку, Спб. 1871 г.,—по Лавр.—Спб. 1872 г.

[2]) Еще Карамзинъ (III, прим. 30) замѣтилъ: «Города, основанные на сей рѣкѣ Ярославомъ, могутъ быть: Корсунь, Богуславъ, *Юрьевъ*».

Что южно-русскій Юрьевъ былъ на Роси, или по меньшей мѣрѣ близъ Роси и во всякомъ случаѣ въ бассейнѣ этой рѣки, на это, кромѣ косвенныхъ лѣтописныхъ указаній, есть и прямое—въ Кодиновой росписи епархій, въ которой, въ числѣ епископій, подчиненныхъ кіевской митрополіи, значится: „S. Georgius ad Russum [1]) fluvium“ [2]).

Что касается вопроса о томъ, на которой сторонѣ Роси онъ находится: на правой, южной, обращенной къ бывшимъ степямъ половецкимъ, или на лѣвой, сѣверной, обращенной къ Кіеву, то вопросъ этотъ разрѣшается на основаніи слѣдующаго лѣтописнаго извѣстія объ осадѣ Юрьева половцами въ 1095 году (Лавр. 221, Ипатск. 159): „В се же лѣто приидоша Половци к Гургеву, стояша около его лѣто все и мало не взяша его; Святополкъ же омири (Ипатск. умири, смири) я; Половци-же *не идоша за Рось*; Гюргевци же выбѣгоша Кыеву..., а Гюргевъ зажгоша Половци тощь“. На Рось (въ выраженіи „за Рось„) слѣдуетъ, конечно, смотрѣть не съ точки зрѣнія половцевъ, дѣлавшихъ набѣгъ по направленію съ юга на сѣверъ, а съ точки зрѣнія лѣтописца, заносившаго это извѣстіе въ свою лѣтопись въ Кіевѣ; а если такъ, то Юрьевъ окажется не на правой, а на лѣвой сторонѣ Роси. Смыслъ этого извѣстія, очевидно, таковъ: хотя половцы и были замирены Святополкомъ, однако они медлили возвращаться за Рось, оставаясь на лѣвой сторонѣ ея, гдѣ былъ и Юрьевъ, вслѣдствіе чего юрьевцы и ушли изъ своего города. Очевидно, что между неудаленіемъ половцевъ за Рось, т. е. съ лѣвой ея стороны на правую, и бѣгствомъ юрьевцевъ въ лѣтописи устанавливается самая тѣсная, причинная связь: послѣднее обстоятельство есть результатъ перваго.

---

[1]) Въ лѣтописяхъ пишется *Рось* и *Русь*, какъ *Божыкъ* и *Бужыкъ*, *Ротъ* и *Рутъ*, *Торки* и *Турки* и т. п. Ср. разночтенія: *Рось* и *Русь* (Ипатск. 359, Лавр. 221), *Поросье* и *Порусье* (Ипатск. 230, 279 дважды, 391, 365), *пороский* и *порусский* (Ипатск. 612 дважды), а также *Руси* вм. Роси (Ипатск. 456).

[2]) Notitiae Graecorum Episcopatuum a Leone Sapiente ad Andronicum Palaeologum, приложенныя при сочиненіи Кодина: «De officiis Magnae Ecclesiae Constantinopolitanae (Memoriae populorum, изд. Стриттера, Спб. 1771—9, т. II, стр. 1037).

Такъ понялъ это извѣстіе и Соловьевъ (Исторія Россіи, т. II по 4 изд., стр. 67), и такъ какъ это пониманіе вполнѣ согласно и съ буквою, и со смысломъ текста лѣтописнаго извѣстія, то несомнѣнное общее заключеніе касательно топографическаго положенія Юрьева, основанное на прямомъ указаніи Кодиновой росписи и состоящее въ томъ, что Юрьевъ былъ вообще въ Пороськи, мы съ полнымъ правомъ можемъ дополнить еще и болѣе частнымъ выводомъ, основаннымъ на ясномъ указаніи лѣтописнаго свидѣтельства 1095 года и состоящимъ въ томъ, что Юрьевъ находился на лѣвомъ берегу Роси или, по меньшей мѣрѣ, въ лѣвой половинѣ Поросья [1]).

Вотъ и все, что можетъ быть признано несомнѣннымъ о мѣстоположеніи Юрьева. Что же касается дальнѣйшаго, частнѣйшаго опредѣленія, въ какомъ именно пунктѣ лѣвой половины Поросья онъ находился, или, что то же, къ какому изъ населенныхъ мѣстъ или пустыхъ древнихъ городищъ, существующихъ въ настоящее время въ лѣвомъ районѣ Поросья, онъ долженъ быть пріуроченъ, то это остается вопросомъ, на который существуютъ лишь предположительные, гадательные отвѣты. Изъ сказаннаго видно, что лѣтописный Юрьевъ на Роси принадлежитъ къ категоріи тѣхъ загадочныхъ, таинственныхъ, исчезнувшихъ древнихъ городовъ, самое мѣстоположеніе которыхъ теперь въ точности неизвѣстно, которые поэтому осуждены представляться въ воображеніи историковъ не иначе, какъ оторвавшимися отъ земли и словно носящимися въ воздухѣ. Этотъ пробѣлъ въ лѣтописной топографіи древней русской земли, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, для каждаго изслѣдователя домонгольскаго періода южно-русской исторіи долженъ быть очень досаденъ. Нельзя не замѣтить вообще, что въ отрывочныхъ и болѣе или менѣе случайныхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ многое умолчано о Юрьевѣ, и онъ остается такимъ образомъ въ тѣни; но его значеніе легко угадывается при сопоставленіи и сравненіи извѣстій какъ о самомъ Юрьевѣ, юрьевцахъ и

---

[1]) «Половци не идоша за Рось», слѣдовательно *тутъ* (?) былъ Юрьевъ» (Карамз. II, прим. 171). Замѣтка эта столь сжата и осторожна, что изъ нея едва-ли можно вывести, на которой сторонѣ Роси полагалъ Юрьевъ Карамзинъ. Надеждинъ и Неволинъ (Ж. М. В. Д. 1848, т. XXIII, стр. 74) полагали Юрьевъ на правой сторонѣ Роси.

юрьевскихъ епископахъ, такъ и вообще о Пороси, поршанахъ, поросскихъ князьяхъ, о Торческѣ, торческихъ князьяхъ и вообще о князьяхъ, имѣвшихъ свои удѣлы въ области Поросья, а также о черныхъ клобукахъ, или черкасахъ, подъ разными ихъ племенными наименованіями, имѣвшихъ свои поселенія и кочевья въ этой области. Вслѣдствіе этихъ соображеній не можетъ, кажется, не представлять нѣкотораго интереса попытка приподнять нѣсколько таинственную завѣсу, скрывающую отъ насъ мѣстоположеніе лѣтописнаго Юрьева, т. е. посредствомъ сопоставленія и сравненія всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ Юрьеву, его жителямъ и его епископамъ, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, принимая при томъ во вниманіе существующіе въ настоящее время въ лѣвой половинѣ Поросья вещественные остатки и слѣды древнихъ поселеній, равно связанныя съ ними преданія и топографическую номенклатуру,—пополнить сколько нибудь упомянутый выше пробѣлъ, выяснивъ, въ предѣлахъ возможности, положительно и точно, мѣстоположеніе Юрьева въ лѣвой половинѣ бассейна Роси [1]).

Итакъ приступимъ къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ, придерживаясь при этомъ той хронологической послѣдовательности, въ которой они предъ нами выступаютъ.

I. Въ 1072 году (Лавр. 176, Ипатск. 127) гюргевскій епископъ *Михаилъ* участвуетъ въ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ *Вышгородѣ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Георгіемъ и епископами бѣлгородскимъ, черниговскимъ и переяславскимъ (ср. Исторія русск. церкви Макарія, т. II по 2-му изданію, стр. 229).

II. Въ 1073 году (Лавр. 178, Ипат. 129) епископъ *Михаилъ*, конечно, тотъ самый, о которомъ упомянуто въ предъидущемъ

---

[1]) Пособіями мнѣ служили: а) Военно-топографическая карта Европейской Россіи, въ масшт. 3 верстъ въ дюймѣ, рядъ XXIII, листы 8, 9 и 10, рядъ XXIV, листъ 8; б) Спеціальная карта Европейской Россіи, изд. подъ ред. полковника *Стрѣльбицкаго*, въ масшт. 10 верстъ въ дюймѣ, листы 17-й, 31-й, 32-й; в) Подробный атласъ Россійской имперіи *А. Ильина*. Спб. 1876, карты кіевской и др. губ., въ масшт. 20 верстъ въ дюймѣ; г) Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи. *Л. Похилевича*. Кіевъ 1864 г.; д) Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. *П. Семенова*, т. I—IV и V-го т. вып. 1-й. Спб. 1863—1875 г. и пр.

свидѣтельствѣ, т. е. гюргевскій, закладываетъ каменную церковь печерскую, „митрополиту Георгію, какъ объясняетъ лѣтопись, тогда сущю въ Грьцѣхъ“, т. е. за отсутствіемъ митрополита, какъ-бы заступая его мѣсто (ср. Исторія рус. церкви Макарія, т. II, стр. 79).

III. Владиміръ Мономахъ, въ разсказѣ о своихъ путяхъ и ловахъ (Поученіе Мономаха, Лавр. 240), разсказавъ о побѣдѣ, одержанной имъ надъ половцами на Сулѣ, говоритъ затѣмъ: „И потомъ на *Святославль* гонихомъ по Половцихъ и потомъ на *Торческій городъ* и потомъ на *Гюргевъ* по Половцихъ и пакы на той-же сторонѣ у *Красна* Половци побѣдихомъ и потомъ съ Ростиславомъ-же у *Варина* вежѣ взяхомъ“. Эти подвиги Мономаха относятъ (Погодинъ, „Изслѣдованія“ и пр. V, 161) къ 1085 году. Всматриваясь въ построеніе рѣчи разсказа Мономаха о его походахъ, мы приходимъ къ заключенію, что ни изъ чего нельзя вывести, былъ-ли это одинъ и тотъ-же походъ: на Святославль, Торческъ и Гургевъ, или это были три отдѣльные похода. Мѣстоположеніе *Святославля* (не есть-ли это Nebenname *Богуславля*?) и *Варина*, за неимѣніемъ никакихъ другихъ данныхъ объ этихъ мѣстахъ, остается невыясненнымъ; *Торческій городъ* „Поученія“—это, конечно, тотъ самый Торческъ, который потомъ, въ 1093 году, былъ сожженъ и опустошенъ половцами, т. е. теперешнее городище Торчь у села Старыхъ Безрадичъ, кіевскаго уѣзда, *Краснъ*—теперешнее село *Красное* кіевскаго уѣзда, въ 7 верстахъ къ западу отъ м. Триполья, по обѣимъ сторонамъ р. Красны [1]).

IV. Въ 1089 г. (Ипатск. 146) гюргевскій епископъ *Антоній* участвуетъ въ освященіи печерской церкви, вмѣстѣ съ митрополитомъ Іоанномъ II-мъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ и ростовскимъ (Макарій, Ист. рус. ц. II, стр. 81) [2]).

V. Въ 1091 г. (Лавр. 204, Ипатск. 148) гургевскій епископъ *Маринъ* участвуетъ въ перенесеніи мощей св. Θеодосія печерскаго, вмѣстѣ съ епископами: черниговскимъ, переяславскимъ и владимиръволынскимъ (Макарій, Ист. рус. ц. II, стр. 236).

---

[1]) О *Красномъ* см. *Карамз.* II, прим. 146; *Солов.* II, прим. 204; *Фундуклея*: Обозрѣніе могилъ и пр., стр. 37.

[2]) Въ Ипатск. лѣтописи онъ названъ юрьевскимъ *игуменомъ*, но въ Кодиновой росписи епархій именно о немъ упоминается, какъ о епископѣ юрьевскомъ.

VI. Въ лѣтописномъ извѣстіи 1095 года, которое мы уже отчасти и разсмотрѣли, опредѣляя положеніе Гургова по отношенію къ Роси, разсказывается, что, когда юрьевцы выбѣжали изъ своего города, Святополкъ повелѣлъ рубить городъ на *Витичевскомъ холмѣ* и назвалъ его въ свое имя *Святополчь „и повелѣ епископу Марину съ Гургевцы сѣсти ту и Засаковцемъ и прочимъ отъ иныхъ градъ* (въ Р. А. нѣтъ *градъ*, въ Ипатск.: *отъ нихъ*). Въ воскр. лѣтописи сказано, что юрьевцы „сѣдоста на Витичевѣ холмѣ, во градѣ Святополчи, за Саковцемъ" [1]). Для объясненія выраженія *Засаковцемъ* обыкновенно сопоставляютъ его съ лѣтописными упоминаніями о городѣ *Саковѣ*, бывшемъ несомнѣнно на лѣвой сторонѣ Днѣпра и пріурочиваемомъ предположительно къ теперешней деревнѣ *Салькову*, переяславскаго у., полтавской губ.[2]). Но спрашивается, чего ради къ юрьевцамъ, жителямъ Поросья, уходившимъ отъ половцевъ поближе къ Кіеву, на Витичевскій холмъ, приплетены были-бы тутъ какіе-то лѣвобережные засаковцы, жившіе въ мѣстности, которая была ближе къ Кіеву, чѣмъ Витичевскій холмъ (до Кіева отъ Витичева 43 версты, отъ Салькова 30 верстъ)? Очевидно, что рѣчь тутъ можетъ идти лишь о жителяхъ Поросья-же, находившихся, по отношенію къ половцамъ, въ одинаковыхъ условіяхъ съ юрьевцами. Существуетъ въ каневскомъ уѣздѣ рѣчка, названная у Похилевича разъ, при описаніи села Дацекъ, *Саковицей*, въ другой разъ, при описаніи села Селища, на той-же рѣчкѣ расположеннаго,—*Сикавицей* (на военно-топографическихъ и спеціальныхъ картахъ она не надписана). *Саков-ица* (ср. Камен-ица, Ольшан-ица, Узян-ица) имя уменшительное отъ *Саковь*, *Саква* (ср. морки, морковь, морква). Населеніе, жившее по отношенію къ Гургову на правой сторонѣ Роси, за рѣкой Саковью (къ востоку отъ ея теченія?) и могло быть названо „Засаковьци" [3]). *Витачевъ* (Βιτετζεβη)—теперь село

---

[1]) *Погодинъ* (Изсл. и пр. IV, 154) замѣчаетъ, что правописаніе воскресенскаго списка неправильно, и что на немъ основываться въ этомъ случаѣ нельзя.

[2]) Городъ *Саковъ* упоминается подъ 1101 (Лавр. 265, Ипатск. 181) и 1150 (Лавр. 310, Ипатск. 277) п.—*О Сальковѣ*, см. *Погодина* Изслѣд. и пр. IV, 154, *Солов.* II, прим. 141.

[3]) Не мѣшаетъ принять при этомъ къ свѣдѣнію еще и слѣдующія данныя. Въ каневскомъ-же уѣздѣ, верстахъ въ 9-ти прямо къ сѣверу отъ устья Саковицы,

надъ Днѣпромъ, въ 6-ти верстахъ ниже м. Триполья, съ древнимъ городищемъ, опоясаннымъ валомъ, нѣкогда городъ, основаніе котораго относится къ глубокой древности, такъ какъ о немъ упоминаетъ еще Константинъ Багрянородный при описаніи судоходства руссовъ изъ Новгорода въ Цареградъ [1]). Слово *холмъ* въ разбираемомъ извѣстіи едва-ли возможно понимать въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ небольшаго возвышенія, ибо трудно себѣ представить, чтобы на небольшомъ возвышеніи помѣстились два города. Думаю, что Витичевскимъ холмомъ названа въ лѣтописи та плоская возвышенность, образующая какъ-бы полуостровъ, огибаемый Днѣпромъ, на которой расположены села: Халепье, Витачевъ и Стайки, и что *Святополчь* долженъ быть пріуроченъ къ теперешнему селу *Стайкамъ*, расположенному въ 4-хъ верстахъ ниже Витачева, по замѣчанію Похилевича, „на возвышенной равнинѣ, въ полуверстѣ отъ Днѣпра, по обѣимъ сторонамъ р. *Иквы*, нынѣ высохшей“ [2]). Сѣверная половина села, по лѣвую сторону Иквы, носитъ имя „Литвиновки“, а южная, по отношенію къ Кіеву— за Иквой, имя „*Гуриновки*“, поразительно напоминающее гурговцевъ, для которыхъ Святополчь и былъ первоначально построенъ [3]). Набѣгъ половцевъ на Юрьевъ въ 1095 году

на правой сторонѣ р. *Корсунки* расположено село *Сытники*, названіе котораго, по разсказамъ жителей, какъ сообщается объ этомъ у Похилевича, произошло отъ того, что жители въ старину снискивали себѣ пропитаніе выдѣлкою *ситъ* (сито=рѣшето), а для татаръ работали волосяные мѣшки, извѣстные подъ именемъ *сакєвъ*.—Одинъ изъ пяти отдѣльныхъ кутковъ (=частей) села Цесарской Слободы, черкасскаго у., при Днѣпрѣ, называется: *Сикавка*. По преданію, село прежде называлось: *Секава*.—Близь г. Лодзи въ Польшѣ есть м. *Секава*.

[1]) О *Витичевѣ* см. *Карамз*. I, прим. 513, прим. 195; Ист. Россіи, *Иловайскаго*, М. 1876, ч. I, прим. 47.—Въ книгѣ Большого Чертежа: «А ниже Триполья на Днѣпрѣ градъ *Витачевъ* (вар.: Витичевъ) Порѣцкого (вар.: Порѣцково).

[2]) Въ книгѣ «Большого Чертежа: «А ниже Вытачева четыре версты градъ *Стайки*. О *Стайкахъ*, см. «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1859, № 42 (статья: «Стайки и Ржищевъ»).—*Святополчь* упоминается еще подъ 1224 г. (Ипатск. 497; въ Лавр. 482 подъ 1223 г.) подъ именемъ *Новгорода Святополческаго*.

[3]) Что имя «*Гуриновка*» могло образоваться отъ *Гургевъ*, *гурговци*, подтвержденіемъ тому служатъ: а) указанныя нами выше видоизмѣненія именъ *гур-*

былъ уже не первымъ ихъ набѣгомъ изъ-за Роси. Въ 1071 году (Лавр. 169, Ипатск. 122) „воеваша половци у *Растовьця* и у *Нетина* (такъ въ Р. А. и въ Ипатск., въ Лавр. *Ятина*"), положеніе которыхъ невыяснено [1]); къ 1085 году, какъ мы видѣли, относятся упоминаемые въ поученіи Владиміра Мономаха набѣги половцевъ на *Святославль, Торческій городъ, Юрьевъ* и *Красенъ;* въ 1092 г. (Лавр. 208, Ипатск. 150) „Половци многа села воеваша по обѣма странама" (Днѣпра); наконецъ, въ 1093 г. (Лавр. 210—8, Ипатск. 152—7) они долго и настойчиво осаждали *Торческъ,* нанесли пораженіе русскимъ за р. *Стугной* (по отношенію къ Кіеву) и на р. *Желани* взяли и сожгли Торческъ (который потомъ уже, кажется, и не возобновлялся), а жителей его увели въ плѣнъ [2]). Въ 1095 году

гевци, гюрговьскый въ *Гурьевци* (Ипатск. 160 по Х.), *гюрьевьскый* (Ипатск. 428, по Х. П.); б) производство имени села *Гуричево* (Ипатск. 314, Лавр. 320) отъ имени *Гургичь* (=Юрьичь, стало быть—село Юрьича). О немъ приходилось мнѣ говорить въ моемъ изслѣдованіи текста пѣсни игоревой, ч. I, стр. 301. Едва-ли имя «Гуриновка» произошло отъ слова «гора», такъ какъ обѣ части Стаекъ расположены, какъ выше замѣчено, на равнинѣ.

[1]) Судя по приведеннымъ разночтеніямъ, думаю, что имя это могло происходить отъ глагола *яти,* или *няти* (им-у; ймати, емлю), и слѣд. могло выговариваться двояко: и *Ятинъ,* и *Нятинъ.* Существуетъ село *Емчиха* каневскаго уѣзда, на правой сторонѣ р. Росавы, при небольшомъ безъ-именномъ ручьѣ, впадающемъ въ Росаву.

[2]) Этотъ жестокій набѣгъ произвелъ столь глубокое впечатлѣніе на народную массу, что воспоминаніе о немъ очень живо сохранилось въ народномъ преданіи, связанномъ съ городищемъ Торчь, находящимся на природной обширной обрывистой горѣ, при западной оконечности села: «Старые Безрадичи» кіевскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Стугны. См. статьи: а) «Сближеніе историческихъ показаній съ народною *легендою* (=съ народнымъ преданіемъ) о древнемъ Торческѣ» *П. Ревякина* и *А. Стоянова* (Кіевскія Губернскія Вѣдомости, 1863, №№ 33—4) и б) «Южно-русская пѣсня о событіи XI в.» *А. Стоянова* (Кіевская Старина, 1882, № 7, стр. 88). Кстати замѣтить, что я не могу согласиться съ почтеннымъ оппонентомъ А. И. Стоянова, утверждающимъ, что «лѣтопись знаетъ одинъ только Торческъ, именно тотъ, который близъ *Новыхъ* (?)Безрадичь» (Кіевская Старина, 1882, №, 9, стр. 432). Слѣдуетъ, мнѣ кажется, имѣть въ виду, что въ лѣтописяхъ послѣ 1093 г., въ теченіи 68-ми лѣтъ, *не упоминается* ни о возобновленіи Торческа (между тѣмъ о возобновленіи Юрьева, сожженнаго половцами въ 1095 г., *упоминается*), «ни о какомъ-бы то ни было Торческѣ. Послѣ этого перерыва, лѣтописныя извѣстія о

они столь-же настойчиво осаждали Юрьевъ, какъ въ 1093 году Торческъ, и очень естественно, что юрьевцы, опасаясь участи торчанъ, выбѣжали изъ своего города.

VII. Подъ 1103 годомъ, слѣдовательно спустя восемь лѣтъ послѣ извѣстія о выселеніи юрьевцевъ въ Святополчь градъ, въ лѣтописяхъ (Лавр. 269, Ипатск. 185) встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: „Мѣсяца августа въ 18 день пошелъ Святополкъ и срубилъ городъ Гюргевъ, который пожгли было Половци". Очевидно, что это извѣстіе находится въ самой тѣсной связи съ предъидущимъ, представляя ясный намекъ на возвращеніе гургевцевъ на свое прежнее мѣсто, и указываетъ этимъ самымъ на то, что въ теченіи восьми лѣтъ, съ 1095—1103 г., обстоятельства Руси въ ея борьбѣ съ половцами нѣсколько поправились. Такъ это было и на самомъ дѣлѣ. Въ 1096 г. (Лавр. 224, Ипатск. 161) половцы были разбиты Святополкомъ и Владиміромъ Мономахомъ въ битвѣ на Трубежѣ, въ которой палъ и тесть Святополка Тугорканъ; въ 1103 г. (Лавр. 267, Ипатск. 183) русскіе князья разгромили половцевъ въ приазовской степи, у луки моря, какъ я думаю,—у теперешняго Молочанскаго озера, или лимана, вливающагося въ Азовское море [7]). Если мы сообразимъ, съ одной стороны, что эта побѣда одержана была въ 1103 году 4 апрѣля, и что Святополкъ срубилъ Юрьевъ (окончилъ постройку, которую могъ начать и раньше?) въ томъ-же году 19 августа, то и придемъ къ заключенію, что по-

---

Торческѣ возобновляются съ 1161 г. и тянутся до 1234 г., слѣдовательно почти вплоть до татарскаго погрома. Но что Торческъ этихъ извѣстій тотъ-же самый Торческъ, что и въ лѣтописномъ разсказѣ 1093 года,—вотъ съ этимъ то и нельзя согласиться.

[7]) Съ лѣтописными свидѣтельствами объ этихъ побѣдахъ мнѣ приходилось имѣть дѣло въ моемъ трудѣ о «Словѣ о полку Игоревѣ» (ч. 1, стр. 261 и 304). Мнѣ извѣстно, что *лука* значитъ низменное прибрежное мѣсто (Кіевская Старина, 1882, № 9, стр. 450), и что въ кіевской губерніи есть нѣсколько населенныхъ мѣстностей съ именами, происходящими отъ слова *лука* именно въ этомъ его значеніи; но думаю, что значеніе *залива*—первоначальное, а значеніе низменнаго прибрежнаго мѣста—переносное, позднѣйшее. Представленіе о томъ, что *вода* можетъ лѧкънѹти, лѹчитисѧ, т. е. *заливаться* въ низменныя мѣста, проще и естественнѣе, чѣмъ представленіе о томъ, что «*суша* направляется, прилегаетъ къ водѣ, соединяется съ нею».

стройка Юрьева является какъ-бы непосредственнымъ результатомъ упомянутой побѣды.

VIII. Подъ 1114 г. (Лавр. 276, Ипатск. 199) упомянуто о поставленіи въ епископы Гюргеву *Данила*.

IX. Въ 1115 г. (Ипатск. 201) юрьевскій епископъ *Данило* участвуетъ въ 2-мъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ *Вышгородѣ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ, переяславскимъ и полоцкимъ (ср. Ист. рус. ц. Макарія, II, стр. 232).

X. Подъ 1122 г. (Лавр. 278, Ипатск. 206) упомянуто о кончинѣ *Данила*, епископа гургевськаго.

XI. Подъ 1142 г. (Ипатск. 223) упоминается группа городовъ, данныхъ в. к. кіевскимъ Всеволодомъ Ольговичемъ, по занятіи имъ Кіева, въ удѣлъ брату его Игорю: *Городецъ*, *Гюрговъ* и *Рогачевъ*. Историки обыкновенно полагаютъ, что въ этомъ случаѣ о Гурговѣ на Роси не можетъ быть и рѣчи [1]). Я думаю, напротивъ, что всѣ три города находились именно на Пороси, и что *Юрьевъ* разбираемаго извѣстія вполнѣ тождественъ съ Юрьевомъ на Роси всѣхъ другихъ лѣтописныхъ извѣстій. Лѣтописный *Рогачевъ*—теперь село Рогачи сквир. у., расположенное на лѣвой сторонѣ р. Орѣховатки (на в.-т. и спеціальныхъ картахъ Орѣховецъ), лѣваго притока Роси. По свѣдѣніямъ, сообщаемыхъ у Похилевича, въ визитѣ Погребисскаго уніатскаго деканата за 1746 г. оно названо *Рагачевъ*. Въ немъ есть остатки древняго городища, состоящіе изъ рвовъ и валовъ, въ которыхъ, какъ утверждаютъ жители, было трое воротъ. По народному преданію, на мѣстѣ теперешняго села Рогачи былъ большой

---

[1]) *Городецъ* Надеждинъ и Неволинъ пріурочиваютъ къ теперешнему м. Городцу кобринскаго у., гродненской губ., между Дорогичиномъ кобринскимъ и Кобриномъ, давшимъ имя Городецкому (Днѣпровско-бугскому, прежде—королевскому) каналу. *Рогачевъ* Арцыбашевъ (II, 344) полагаетъ въ волынской губ. Погодинъ пріурочиваетъ его къ Рогачеву ровенскаго у., волынской губ. на лѣвой сторонѣ р. Устья, лѣваго притока Горыни, верстахъ въ 6-ти отъ впаденія Устья въ Горынь, замѣчая при этомъ, что есть еще въ волынской губ. и другой Рогачевъ, мѣстечко на Случи въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ. Соловьевъ (II, прим. 226) основательно замѣчаетъ, что о Рогачевѣ волынскомъ тутъ нельзя думать; волынскихъ городовъ Всеволодъ Ольговичъ не могъ отдавать; они принадлежали Изяславу Мстиславичу. Мнѣніе самаго Соловьева будетъ приведено мною ниже.

городъ *Ргачевъ*, или *Иргачевъ* (ср. лѣтописныя имена *Родня*, *Родунь* и имя тепер. болота *Ирдынь*), разрушенный во время татарскаго погрома. Что касается *Городца* разбираемаго лѣтописнаго извѣстія, то думаю, что онъ долженъ быть пріуроченъ къ м. Кагарлыку кіевскаго уѣзда, расположенному на р. *Мокромъ-Кагарлыкѣ*, лѣвомъ притокѣ Росавы [1]). По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ „Сказаніяхъ" Похилевича, въ мѣстечкѣ этомъ есть два укрѣпленныя мѣста, изъ коихъ одно расположено почти въ центрѣ мѣстечка (какъ и городище Торчь, лѣтописный Торческъ 1093 г.), на возвышенной горѣ, окруженной съ одной стороны рѣчкой, а съ прочихъ оврагами значительной глубины и трудной доступности, и называется *Городкомъ*, а другое находится въ ю.-в. части мѣстечка, въ урочищѣ называемомъ *Хандыбы*, или *Татарское коневище*. Жители Кагарлыка утверждаютъ, что въ эпоху татарскаго завоеванія на мѣстѣ Кагарлыка поселена была татарская пограничная стража, центръ которой находился въ урочищѣ Хандыбы. Кажется, что именно этотъ лѣтописный Городецъ, данный Игорю въ 1142 г., въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, съ 1161—1234 г., и выступаетъ на сцену подъ именемъ Торческа, бывшаго главнымъ пунктомъ поселеній черныхъ клобуковъ на Поросьи, такъ какъ всѣ эти извѣстія (которыхъ впрочемъ я не имѣю въ виду разбирать въ настоящей статьѣ) указываютъ именно на эту мѣстность. Если это такъ, то можно, кажется, предположить, что въ упомянутомъ преданіи о татарской пограничной стражѣ, какъ это нерѣдко бываетъ и въ народныхъ пѣсняхъ, мы имѣемъ дѣло съ фактомъ позднѣйшаго пріуроченія къ татарамъ того, что первоначально относилось къ другимъ тюркскимъ племенамъ, раньше татаръ появившимся на Руси, каковыми были, напр., черные клобуки, или черкасы, которые дѣйствительно играли роль пограничной стражи Руси по отношенію къ половцамъ и, какъ сами они выражались, „умирали за русскую землю и головы свои складывали" (Ипат. 330, Лавр. 327, подъ 1155 годъ [2]). Предположеніе о

---

[1]) Въ Словарѣ Семенова: при р. *Гнилушѣ* (Кагарлыкъ).

[2]) О *Кагарлыкѣ*, см. Жур. мин. Внутр. дѣлъ, т. IX, стр. 497; Кіевскія Губернскія Вѣдомости, 1851, № 9, 1854, №№ 22—3; 1857, № 33.—Плано-Карпини (путешествовалъ въ Монголію въ 1246 г.) говоритъ: «Первое мѣсто, въ

тождествѣ Городца 1142 г. съ Городкомъ Кагарлыцкимъ, позднѣйшимъ Торческомъ, я дѣлаю на слѣдующемъ основаніи. Три города въ лѣтописномъ разсказѣ 1142 г. указаны лѣтописцемъ, какъ указывалъ ихъ, конечно, и самъ Всеволодъ, въ извѣстномъ географическомъ порядкѣ, по степени близости ихъ къ Кіеву. Во всякомъ случаѣ Городецъ, такъ какъ съ него начинается перечисленіе, не могъ быть западнѣе Рогачева и долженъ быть ближе къ Кіеву, чѣмъ Юрьевъ и Рогачевъ, а въ этомъ направленіи другаго какого-либо замѣчательнаго городка, кромѣ Кагарлыцкаго, не встрѣчается [1]). Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. касательно Гюргева можно вывести во 1-хъ то, что Юрьевъ находился между Городцемъ и Рогачевымъ, слѣдовательно былъ центральнымъ городомъ въ удѣлѣ, данномъ Игорю на Поросьи, а во 2-хъ—что относительное значеніе Юрьева среди другихъ городовъ въ удѣлѣ Игоря было выдающееся. Всеволодъ долго торговался съ братьями (двумя двоюродными, Давыдовичами, и двумя родными, Игоремъ и Святославомъ), и города, которые онъ имъ давалъ, перечисляются три раза. Изъ городовъ въ собственно русской землѣ въ первый разъ онъ имъ не давалъ ни одного, во второй разъ давалъ Городецъ и Рогачевъ, но Юрьева не давалъ, наконецъ только въ третій разъ онъ уступилъ и Юрьевъ, изъ чего неизбѣжно слѣдуетъ то заключеніе, что Всеволодъ болѣе дорожилъ Юрьевомъ, чѣмъ Городцемъ и Рогачевымъ, желая его удержать за

коемъ живутъ монголы (за Кіевомъ), называется Хановымъ (=*Каневомъ*). Монголы дали намъ вожатыхъ до орды главнаго ихъ начальника, который называется Куремсою и хранитъ западные предѣлы монгольскихъ владѣній». Изъ данныхъ, представляемыхъ Плано-Карпини, видно, что Куремса кочевалъ между Росью и Тясминомъ.

[1]) Думаю, что Городецъ лѣтописнаго извѣстія 1142 г. тождественъ съ Городцемъ лѣтописнаго извѣстія 1147 г. (Ипатск. 250, Лавр. 302: «и посла Изяславъ по Володимера въ Городечь, а по Ростислава въ Смоленскъ»). Основываясь на сопоставленіи обоихъ этихъ извѣстій, можно, кажется, предположить, что, по низверженіи Игоря Ольговича и вокняженіи своемъ, при помощи черныхъ клобуковъ, въ Кіевѣ въ 1146 году, Изяславъ Мстиславичъ отдалъ прежній удѣлъ Игоря (Городецъ, Юрьевъ, Рогачевъ) своему брату Владиміру. Этимъ, быть можетъ, объясняются и позднѣйшія отношенія этого Владиміра къ чернымъ клобукамъ (предводительство ими, по ихъ-же просьбѣ) во время движенія Юрія Долгорукаго противъ Изяслава къ Кіеву въ 1152 г. (Ипатск. 295).

собою, и что слѣдовательно Юрьевъ, будучи центральнымъ городомъ въ удѣлѣ Игоря, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе значительнымъ и важнымъ городомъ (что впрочемъ слѣдуетъ уже и изъ того, что въ Юрьевѣ была епископія); вслѣдствіе этого, естественно предполагать, что Юрьевъ былъ по меньшей мѣрѣ преимущественною резиденціею князя [1]).

Соловьевъ (т. II, пр. 226) разбираемое нами лѣтописное свидѣтельство комментируетъ такъ: „*Городецъ* остерскій, или Юрьевъ, принадлежавшій Юрію Долгорукому и отнятый у него недавно Всеволодомъ; *Рогачевъ*—уѣздный городъ могилевской губерніи“ (на прав. берегу Днѣпра, при впаденіи въ него р. Друти). Историкъ такъ мотивируетъ свое мнѣніе: „Между Святославичами дѣло шло о дѣлежѣ турово-пинскаго княжества, пріобрѣтеннаго этою линіею вслѣдствіе переселенія Вячеслава въ Переяславль; Всеволодъ и отдаетъ туровскіе города или черниговскіе, за нимъ оставшіеся“. Взвѣшивая внимательно эти доводы историка и сопоставляя ихъ съ цѣлымъ рядомъ лѣтописныхъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу, я прихожу къ слѣдующимъ соображеніямъ, представляющимъ, какъ мнѣ кажется, сильныя возраженія противъ упомянутыхъ доводовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подкрѣпляющимъ высказанное мною мнѣніе о томъ, что Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ были городами въ русской землѣ въ тѣсномъ смыслѣ.

1) Между Святославичами дѣло шло далеко не о дѣлежѣ только турово-пинскаго княжества, и перемѣщеніе Вячеслава послужило братьямъ Всеволода только поводомъ къ разнаго рода домогательствамъ. Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. видно, что братья Всеволода домогались отъ него городовъ не въ турово-пинской об-

---

[1]) Слѣдуетъ, быть можетъ, предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ лѣтописи говорится о князьяхъ *поросскихъ*, безъ упоминанія города, въ которомъ они княжили, какъ главное мѣсто ихъ пребыванія подразумѣвается именно Юрьевъ. Въ 1155 г. (Ипатск. 329, въ Лавр. 327 подъ 1154 г.) Юрій Долгорукій «сыну своему Васильнови два *Поросье* (вар.: Порусье). Въ волынской лѣтописи подъ 1289 г. (Ипатск. 612) упоминается *поросьскій* (вар.: порусьскій) князь Юрій. Впрочемъ, кажется, что судьба Юрьева тѣснымъ образомъ связана съ судьбой Торческа, и что князья поросскіе жили то въ Юрьевѣ, то въ Торческѣ (Городцѣ), то, смотря по временнымъ обстоятельствамъ, въ какомъ-нибудь другомъ городѣ княжества.

ласти (которые Всеволодъ даетъ имъ сразу: Брестъ, Дорогичинъ, Черторыескъ и Клеческъ), но въ его отчинѣ, землѣ вятичей, которою Всеволодъ, какъ видно, въ особенности дорожилъ (города Вятическіе являются лишь въ третьемъ перечисленіи: Вщижь, Ормина); но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что они не добивались отъ него и городовъ въ собственно русской землѣ[1]). Напротивъ, факты говорятъ иное. Въ 1141 г. Всеволодъ, по выраженію лѣтописи (Ипатск. 221), „разлучивая (Святослава) съ братомъ своимъ (Игоремъ) и да ему Бѣлъ городъ" (ср. Ист. Солов. II, пр. 223). Очевидно, что и Игорь, какъ старшій послѣ Всеволода, могъ добиваться отъ него себѣ части именно въ русской землѣ, вблизи Кіева. Въ домогательствѣ Игоря и Святослава Ольговичей городовъ на Руси отъ ихъ брата Всеволода, какъ только послѣднему удалось усѣсться въ Кіевѣ, мы имѣемъ, кажется, дѣло съ явленіемъ, вполнѣ аналогичнымъ съ стремленіемъ въ позднѣйшее время разныхъ князей, даже такихъ, которые уже обладали многолюдными и богатыми областями, получить хоть какую нибудь часть еще и въ собственно русской землѣ, вблизи Кіева [2]). Это стремленіе къ „причастью" въ русской землѣ объясняется, быть можетъ, тѣмъ традиціоннымъ обаяніемъ, которое имѣла эта область въ глазахъ каждаго русскаго князя, какъ ближайшая къ тогдашнему центру политической и культурной жизни, къ *матери* и *главѣ* всѣхъ русскихъ городовъ—Кіеву.

---

[1]) «Посла Всеволодъ ис Киева па Вячьслава, река: «сѣдѣши *во кіевьской волости* (=въ Туровѣ), а мнѣ достоить». И ѣха Святославъ къ Игореви и рече: «Что ти даеть братъ старѣйшій?» И рече Игорь: «даеть ны по городу (перечисляются города туровской области), а отчинѣ своеѣ не даеть, Вятичь». И посламась братья къ Всеволоду, рекуще: «се в Киевѣ сѣдѣши, а мы просимъ у тебе черниговьской и новгороцкой (=новгородъ-сѣверской) волости, а киевьскоѣ (т. е. туровской) не хочемъ». «Онъ-же Вятичь не съступяшеть». Очевидно, что подъ кіевскою волостью здѣсь разумѣется туровско-пинская область. а подъ черниговскою и новгородскою—земля вятичей, и что о русской землѣ въ собственномъ смыслѣ, т. е. объ области приднѣпровской, здѣсь ничего не говорится.

[2]) Въ 1195 г. (Ипатск. 459—462) и Романъ Мстиславичъ волынскій, и Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій въ одно и тоже время домогались отъ великаго князя кіевскаго Рюрика Ростиславича себѣ «части въ русской землѣ» и ссорились съ нимъ изъ-за надѣловъ. Въ 1231 г. (Ипатск. 511) Даніилъ Романовичъ галицкій «из русской земля взя собѣ часть—Торцький городъ».

2) Изъ лѣтописи видно, что Всеволодъ, при окончательной раздачѣ городовъ братьямъ, уже примирился съ ними, и есть основаніе предполагать, что уже тогда онъ обѣщалъ Игорю послѣ себя Кіевъ [1]). А если это такъ, то онъ, очевидно, уже вслѣдствіе одного этого намѣренія, долженъ былъ посадить Игоря гдѣ нибудь въ русской землѣ, близъ Кіева, для того, чтобы онъ заранѣе могъ расположить къ себѣ кіевлянъ и, въ особенности, черныхъ клобуковъ, которые все болѣе и болѣе пріобрѣтали вліянія на политическія дѣла Руси.

3) Князья обыкновенно надѣлялись городами, составлявшими какъ въ территоріальномъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ болѣе или менѣе цѣльныя группы, и очевидно, что и въ разбираемомъ нами лѣтописномъ разсказѣ рѣчь идетъ именно о такихъ группахъ. Въ удѣлѣ Игоря Ольговича, отъ ближайшаго къ Кіеву Городца кагарлыцкаго до дальнѣйшаго—Рогачева (Юрьевъ, очевидно, былъ между ними) 101 верста, слѣд. Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ составляли довольно цѣльную группу поросскихъ городовъ, и, во всякомъ случаѣ, группа эта цѣльнѣе, чѣмъ предполагаемая историкомъ: Остеръ и могилевскій Рогачевъ, между которыми разстояніе 305 верстъ.

4) Самъ историкъ говоритъ, что „Всеволодъ могъ отдавать черниговскіе города, за нимъ оставшіеся", слѣд. и прежде ему принадлежавшіе; но Городецъ Остерскій (тепер. Остеръ, у. г. черн. г. на р. Острѣ) принадлежалъ не къ черниговской, а къ переяславской области и никогда не принадлежалъ Всеволоду, но неоспоримо принадлежалъ Юрію Долгорукому, былъ его отчиною.

5) Городецъ (Городокъ, городъ) остерскій въ лѣтописяхъ упоминается очень часто и обозначается въ нихъ нерѣдко своимъ спеціальнымъ географическимъ прозвищемъ: *вострьскій, на Въстри* [2]);

---

[1]) Въ 1144 г. (Ипатск. 226, Лавр. 296) Игорь говорилъ Всеволоду: «Про што ми обреклъ еси Киевъ, а приятьльи ми не даси приймати».

[2]) Вострьскимъ *городцемъ* (Ипатск. 221), *городкомъ* (Ипатск. 258, 276, 289). Подъ 1094 г.: «Заложи Володимеръ Мономахъ *городъ на Въстри*». (О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в. Бестужева-Рюмина, Спб. 1868 г., приложенія, стр. 60). «Всеволодъ Гюргевичь созда *градъ на Городци на Въстри*, обнови свою отчину» (Ипатск. 179, Лавр. 391).

часто называется онъ просто Городцемъ [5]), и только однажды (Ипатск. 308) названъ Городцемъ Гюргевымъ, и то вовсе не въ смыслѣ постояннаго, обычнаго прозвища, а въ совершенно ясномъ смыслѣ: „принадлежащій Юрію“ [6]).

6) Если въ третьемъ и послѣднемъ перечисленіи городовъ, которыми надѣлялъ Всеволодъ братьевъ (Берестій, Дорогичинъ Вщижъ, Ормина; *Городець, Гюрговъ,* Рогачевъ, Клеческъ и Черторыескъ) слова *Городець Гюрговъ* принимать, какъ дѣлаетъ это историкъ, за названіе одного только города, то является вопросъ, почему Городець не названъ Гюрговымъ во второмъ перечисленіи (*Городець, Рогачевъ,* Берестій, Дорогичинъ и Клическъ), когда онъ въ первый разъ выступаетъ на сцену?

7) Въ 1141 году (Ипатск. 221) Всеволодъ Ольговичъ дѣйствительно занялъ Городецъ Остерскій, принадлежавшій Юрію Долгорукому, но это занятіе, какъ видно изъ лѣтописи, было не болѣе, какъ временною военною мѣрою, вызванною временными-же политическими обстоятельствами, а не занятіемъ въ смыслѣ присвоенія себѣ въ постоянное владѣніе, ибо въ противномъ случаѣ въ междукняжескихъ отношеніяхъ по владѣнію областями слѣдуетъ предположить отсутствіе какихъ-бы то ни было установившихся, традиціонныхъ обычаевъ, полную анархію, чего на самомъ дѣлѣ не было; слѣдовательно, еслибы Всеволоду, по собственному сознанію котораго Городецъ принадлежалъ по праву Юрію, и пришла несообразная, съ точки зрѣнія междукняжескихъ отношеній, мысль надѣлить Игоря Городцемъ Остерскимъ, то едвали Игорь, добивавшійся по праву, на основаніи родовыхъ мѣстническихъ счетовъ,

---

[5]) *Городцемь* (Ипатск. 253, 255, 304 дважды, 314 дважды; Лавр. 303); *городкомъ* (Ипатск. 253 трижды, 256, 257, 277 дважды, 293, 306 пять разъ, 307 четыре раза, 344; Лавр. 318, 319 трижды, 302, 303, 309, 310, 313 трижды).

[6]) Ср. подъ 1152 г.: а) «Изяславъ Мьстиславичь скупивъся съ Давыдовичемъ Изяславомъ и Святославомъ Всеволодичемъ и ту сдумавше разведоша Городокъ Гюргевъ и пожгоша и» (Ипатск. 308); б) «Гюрги бо тако молвяшеть: « Оже есте *мой* Городець пожгли, то я ся тому отъожгу противу» (Ипатск. 314). Въ такомъ-же смыслѣ объ этомъ городѣ сказано: «городъ отень (вар.: отечь)» по отношенію къ Глѣбу, сыну Юрія Долгорукаго (Ипатск. 253).

хорошаго удѣла въ русской землѣ въ собственномъ смыслѣ, согласился-бы княжить въ чужомъ городѣ, въ постоянномъ ожиданіи быть со стыдомъ выгнаннымъ изъ него его безспорнымъ хозяиномъ.

8) Наконецъ, историкъ своимъ мнѣніемъ объ отдачѣ въ 1142 году Всеволодомъ Ольговичемъ Городца Остерскаго Игорю поставилъ себя въ противорѣчіе съ тѣмъ, что высказано имъ ниже, при обозрѣніи состоянія русскаго общества съ 1054—1228 г. (т. III, стр. 9): „при общемъ родовомъ владѣніи князья, разумѣется, имѣли и частную собственность, разбросанную въ разныхъ волостяхъ. Отецъ раздавалъ сыновьямъ села свои безъ всякаго соотвѣтствія столамъ, на которыхъ они должны были сидѣть, тѣмъ болѣе, что столы эти не были постоянны. На земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ въ частную собственность, они могли строить города и отдавать ихъ дѣтямъ въ частную-же собственность; такъ, думаемъ, Владиміръ Мономахъ, построивши Городецъ Остерскій на своей землѣ, отдалъ его въ частную собственность младшему сыну Юрію, и тотъ владѣлъ имъ, будучи княземъ суздальскимъ". Не входя въ оцѣнку этого мнѣнія о Городцѣ Остерскомъ, какъ частной собственности, по существу, я замѣчу, что, слѣдовательно, отдача Всеволодомъ Игорю Городца Остерскаго, и съ точки зрѣнія самаго историка, не была-бы основана на правѣ общаго родоваго владѣнія, но была-бы со стороны великаго князя просто на просто грабежемъ чужой собственности.

Всѣ эти соображенія и заставляютъ меня отвергнуть мнѣніе Соловьева, пріурочивающее Городецъ Юрьевъ, какъ онъ читаетъ, къ теперешнему городу Остру черн. губ. и склоняютъ къ признанію того, что Юрьевъ, данный въ удѣлъ Всеволодомъ Ольговичемъ его брату Игорю въ 1142 году, есть Юрьевъ на Роси, и это тѣмъ болѣе, что и другіе два города, Рогачевъ и Городецъ, легко открываются въ русской-же землѣ, и тоже на Поросьи.

XII. Въ 1147 г. (Ипатск. 241) епископъ гюргевскій *Демьянъ* участвуетъ въ соборѣ епископовъ, созванномъ въ Кіевѣ для поставленія, по волѣ в. к. Изяслава Мстиславича, въ митрополиты Климента Смолятича и состоявшемъ, кромѣ Демьяна, изъ епископовъ: черниговскаго, бѣлгородскаго, переяславскаго, владимірскаго (на Волыни) и туровскаго, соглашавшихся на поставленіе Климента,

и трехъ несоглашавшихся на это: новгородскаго, смоленскаго и полоцкаго (Ср. Ист. рус. ц. Макарія, т. III, стр. 12).

XIII. Въ 1154 году (Ипатск. 327, Лавр. 326) кіевляне, по смерти Изяслава Мстиславича, послали *епископа каневскаго Демьяна* звать къ себѣ на княженіе Изяслава Давыдовича. Преосв. Макарій (И. рус. ц., т. III, стр. 30, прим. 42), сопоставляя лѣтописное упоминаніе 1147 г. о Демьянѣ, епископѣ юрьевскомъ, съ лѣтописнымъ упоминаніемъ 1154 г. о Демьянѣ, епископѣ каневскомъ, и приходя къ заключенію, что Демьянъ обоихъ свидѣтельствъ одно и тоже лице, замѣчаетъ, что, на основаніи свидѣтельства 1154 года, можно думать, что юрьевскіе епископы назывались иногда каневскими, и что предполагать существованіе особой епархіи каневской нѣтъ достаточнаго основанія [1]). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что епископы нерѣдко и въ древнемъ періодѣ титуловались, какъ и теперь титулуются, не по одному, а по двумъ или нѣсколькимъ городамъ, болѣе значительнымъ въ ихъ епархіи, слѣд. изъ лѣтописнаго свидѣтельства 1154 года можно сдѣлать тотъ несомнѣнный выводъ, что къ юрьевской епархіи принадлежалъ и Каневъ, а этотъ выводъ, въ свою очередь, указываетъ отчасти мѣстоположеніе самаго Юрьева: Каневъ былъ ближе къ Юрьеву, чѣмъ къ Кіеву, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ принадлежалъ-бы скорѣе къ епархіи кіевской [2]).

---

[1]) М. А. Максимовичъ, въ своемъ «Воспоминаніи о стародавнемъ монастырѣ каневскомъ» (Кіев. Епарх. Вѣд. 1864 г., № 24, стр. 757; тоже перепечатано въ Собраніи сочиненій его, т. II), сопоставляя тѣ-же лѣтописныя свидѣтельства о Демьянѣ и тоже приходя къ заключенію, что Демьянъ обоихъ свидѣтельствъ одно и тоже лице, замѣчаетъ, что если во второмъ извѣстіи Демьянъ названъ каневскимъ не обмолвкою, то мы въ правѣ полагать, что въ срединѣ XII вѣка юрьевская епископія находилась въ Каневѣ, при церкви св. Георгія, заложенной въ 1144 г. великимъ княземъ Всеволодомъ (Юріемъ) Ольговичемъ (Ипатск. 227, Лавр. 296). Тоже высказано Максимовичемъ и въ другомъ мѣстѣ его сочиненій (Собраніе соч., т. I, стр. 683). Мнѣ кажется, что такого вывода мы никоимъ образомъ не вправѣ сдѣлать, такъ какъ епископы никогда не титуловались, какъ и теперь не титулуются, по церквамъ; но всегда титуловались по городамъ и областямъ, входившимъ въ составъ ихъ епархій.

[2]) Аналогическое явленіе мы встрѣчаемъ и по отношенію къ князю. Изъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ: а) 1149 г. (Ипатск. 268): «Гюрги-же старѣйшаго сына своего Ростислава посади у *Переяславли*, Андрея *Вышегородѣ*, а Бориса въ *Бѣлѣгородѣ*, а Глѣба въ *Каневѣ*, а Василка въ *Суждали*»

Но спрашивается, чего ради кіевляне уполномочили въ послы епископа Демьяна, когда обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ выступалъ на сцену митрополитъ? Это обстоятельство объясняется едва-ли не тѣмъ, что тогдашняго митрополита Климента, не получившаго благословенія отъ патріарха, не всѣ признавали, и что по смерти Изяслава Мстиславича, по волѣ котораго Климентъ былъ поставленъ, онъ остался въ неопредѣленномъ положеніи (Ср. И. Ц. Макарія, т. III, стр. 17; Солов. III, стр. 60 и слѣд.); такъ что кіевляне при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они тогда находились, нашли болѣе удобнымъ послать не Климента, а Демьяна, который, въ этомъ случаѣ, какъ-бы заступаетъ мѣсто митрополита (Ср. Солов. II, стр. 183).

XIV. Подъ 1159 (Ипатск. 344) встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что половцы бѣжали отъ *Бѣлгорода* на *Гюргевъ* „и много ихъ изоймаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во Pсі истопе". Извѣстіе это, само по себѣ, конечно не говоритъ въ частности о мѣстоположеніи Юрьева; но если мы возьмемъ его въ связи съ сдѣланнымъ нами въ предъидущемъ пунктѣ выводомъ о принадлежности къ юрьевской епархіи Канева, а также и съ другими извѣстіями, указывающими на направленіе движеній половцевъ изъ ихъ степей на правобережную Русь и обратно, то прійдемъ къ новому заключенію, что Юрьевъ находился вообще между Бѣлгородомъ, Росью и Каневомъ.

XV. Подъ 1162 г. (Ипатск. 356) мы встрѣчаемъ слѣд. извѣстіе: „половцы пришли къ *Гургову* и взяли много вежъ *по Роту*; черные-же клобуки (которымъ принадлежали вежи), собравшись всѣ, погнались за ними и настигли ихъ на Роси" и пр. Это извѣстіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ съ упоминаніемъ о Юрьевѣ тѣсно

и б) 1155 (Ипатск. 329, Лавр. 397 подъ 1154): «Тогды же сѣдъ раздая волости дѣтемъ: Андрѣя посади *Вышегородѣ*, а Бориса *Туровѣ*, Глѣба въ *Переяславли*, а Василкови да *Поросье* (вар.: Порусье)», можно предполагать, что въ 1149 году Глѣбъ Юрьевичъ назначенъ былъ собственно княземъ Поросья, слѣд. былъ княземъ юрьевскимъ, хотя и жилъ въ Каневѣ по какимъ либо обстоятельствамъ, такъ какъ Каневъ былъ главнымъ сторожевымъ пунктомъ, охранявшимъ судовые пути изъ Чернаго и Азовскаго морей (греческій, соляный и залозный) въ Кіевъ.

связано упоминаніе о кочеваньи черныхъ клобуковъ по Роту, т. е. на теперешней бѣлоцерковской равнинѣ, лѣтописномъ Перепетовскомъ полѣ. Черные клобуки, при разселеніи своемъ въ бассейнѣ Роси, выбирали и занимали прежде всего, конечно, такія мѣста, которыя, будучи менѣе другихъ удобны для земледѣлія, представляли собою удобныя и обильныя пастбища, которыя, слѣд., по характеристическимъ чертамъ своей природы, наконецъ, по своему общему ландшафту, сколько нибудь напоминали этимъ дѣтямъ пустыни роскошныя приволья степей донецкихъ и приазовскихъ, изъ которыхъ они были вытѣснены другими кочевниками, а такими мѣстами и были прежде всего тѣ болѣе или менѣе значительныя равнины, или, по мѣстному выраженію, степи, которыя встрѣчаются въ области Поросья [1]). Теперешняя бѣлоцерковская равнина, простирающаяся по рр. Ротку, Узину и Рокитнѣ и славящаяся доселѣ своими пастбищами, и была самою обширною и привлекательною изъ этихъ равнинъ. Вслѣдствіе этого мнѣ кажется, что лѣтописное извѣстіе 1165 г. можетъ бросить лучъ свѣта и на лѣт. извѣстіе 1095 года (см. пунктъ VI-й). Спрашивается, чего ради тогда половцы мед-

---

[1]) У Семенова указаны слѣд. равнины А) на лѣвой половинѣ Поросья: а) въ васильк. у., обширная равнина, простирающаяся около м. *Бѣлой Церкви*, по направленію къ *Василькову, Фастову* и *Мировкѣ*; ширина ея отъ Мировки къ Фастову 40 верстъ, а длина отъ Бѣлой Церкви до р. Стугны 80 верстъ; продолженіе ея тянется на востокъ, между сс. *Острійками, Житніе горы* и *Рокитною;* б) въ канев. у., между сс. *Пустовойтами* и *Зеленьками*; в) въ канев. у. наибольшая равнина простирается на лѣвомъ берегу р. Росавы, между с. *Синявкою, Большими Степанцами*, ниже села *Ковали*, къ селамъ *Яблунову* и *Малому Ржавцу*; длина ея 15 верстъ, ширина отъ 3 до 8 верстъ; Б) на правой половинѣ Поросья: а) въ таращ. у. открытая равнина, между сс. *Николаевкою, Острою Могилою, Буркатовкою* (иначе—Брилевка) и лѣвымъ берегомъ *Гнилого Тикича*, заключающая въ себѣ около 10 квадр. верстъ; б) въ канев. у., равнина между м. Медвиномъ и с. Баранье поле. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Похилевича, и въ настоящее время обширныя тучныя степи по р. *Узину* арендуются купцами подъ выпасъ скота; земли вокругъ села *Пустовойты*, расположеннаго на равнинѣ, служащей продолженіемъ *бѣлоцерковской* и *кагарлыцкой* степи, степныя, съ обильнымъ черноземомъ, затвердѣвающимъ при малѣйшей засухѣ, отчего хлѣба часто не удаются; Баранье поле расположено на оконечности равнины, или раздолья, которое ограничивается рѣчкою Бояркой и селомъ Медвиномъ и называется *Черкесъ-долиною*.

лили возвращаться за Рось, съ лѣвой ея стороны на правую? Они тогда цѣлое лѣто кочевали около Юрьева на Перепетовскомъ полѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что имъ очень не хотѣлось разставаться съ этимъ привольемъ для кочеванья. Изъ сопоставленія лѣт. извѣстія 1095 г. съ извѣстіемъ 1162 г. можно вывести, что борьба велась главнымъ образомъ изъ-за кочеванья на Перепетовской равнинѣ и происходила главнымъ образомъ между половцами и черными клобуками, изъ которыхъ первые старались вытѣснить послѣднихъ. Изъ той настойчивости, съ которою половцы осаждали Юрьевъ въ 1095 г., а также и изъ того обстоятельства, что Святополкъ въ 1103 г., при первой представившейся къ тому возможности, поспѣшилъ возобновить Юрьевъ, можно заключать, что городъ Юрьевъ былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, защищавшимъ упомянутую равнину отъ половцевъ, былъ, такъ сказать, ключемъ, ее запиравшимъ [1]).

XVI. Въ 1183 г. (Ипатск. 428) епископъ *гюргевскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи церкви св. Василія въ Кіевѣ, на Великомъ дворѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ.

---

[1]) Съ лѣтописными извѣстіями 1095 и 1162 г. необходимо, кажется, должны быть сопоставлены также и лѣтописныя свидѣтельства о набѣгахъ половцевъ на Поросье въ 1165 и 1172 г., хотя въ нихъ и не упоминается о Юрьевѣ. Въ 1165 г. (Ипатск. 359) Василько Ярополчичъ, княжившій въ г. *Михайловѣ*, у юго-западной окраины Перепетовскаго поля, избилъ половцевъ на Роси. Подъ 1172 г. (Ипатск. 379, а по Лавр. 339 подъ 1169 г.) въ лѣтописяхъ встрѣчается *сказаніе* легендарнаго характера (которое мнѣ приходилось уже отчасти разсматривать въ моемъ розысканіи о Перепетовскомъ полѣ) о жестокомъ двукратномъ пораженіи, нанесенномъ половцамъ, главнымъ образомъ черными клобуками, на Перепетовскомъ полѣ въ *лукѣ моря* (у рутецкаго озера) и о преслѣдованіи ихъ за р. *Бугъ* (по всей вѣроятности,—за Гнилой Тикичъ). Въ Лавр. лѣтописи сказаніе это раздвоилось на двѣ части: подъ 1169 г. помѣщенъ разсказъ о битвахъ на Перепетовскомъ полѣ, а подъ 1173 г. тотъ-же самый разсказъ, съ тѣми-же дѣйствующими лицами и съ тѣми-же пріемами и подробностями, приложенъ къ пораженію половцевъ за р. Бугомъ. Должно быть, преслѣдованіе половцевъ за Бугъ слѣдовало непосредственно за пораженіемъ ихъ на Перепетовскомъ полѣ. Въ концѣ концевъ половцамъ, кажется, пришлось таки примоститься къ этой равнинѣ; по крайней мѣрѣ, у окраины Перепетовскаго поля мы встрѣчаемъ такія названія населенныхъ мѣстъ, которыя прямо указываютъ на половецкую народность. Весьма возможно, справедливо замѣчаетъ г. Похилевичъ, что основаніе селъ *Большая Половецька* и *Малая Половецька* принадлежитъ эпохѣ половецкихъ нашествій».

XVII. Въ 1197 г. (Ипатск. 473) епископъ *гюргевскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи каменной церкви св. Апостолъ въ *Бѣлгородѣ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ бѣлгородскимъ.

XVIII. Въ томъ-же, 1197 г. (Ипатск. 474) епископъ *гюргевскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи церкви св. Василія въ Кіевѣ, на новомъ дворѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ бѣлгородскимъ.

XIX. Въ посланіи Симона къ Поликарпу упоминается юрьевскій епископъ *Олексій*, умершій или оставившій свой постъ около 1220 года (Памятн. россійск. словесн. XII в., стр. 255; Карамз. III, прим. 171) [1]).

XX. Въ 1231 году (Лавр. 434) *юрьевскій* епископъ, не названный по имени, участвуетъ при поставленіи въ Кіевѣ Кирилла въ епископы Ростову, Ярославлю и Углечю Полю, вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ и полоцкимъ. (Ср. И. Р. Ц. Макарія, т. IV, стр. 107).

Сопоставляя цѣлый рядъ лѣтописныхъ упоминаній о юрьевскихъ епископахъ (пункты I, II, IV—VI, VIII—X, XII, XIII, XVI—XX), мы видимъ, что эти извѣстія, ничего не говоря о мѣстоположеніи Юрьева въ частности, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что Юрьевъ, какъ и Бѣлгородъ, былъ ближайшею къ Кіеву епископіею; видимъ также, что гюргевскіе епископы заступаютъ иногда мѣсто митрополита (пункты II, XIII), участвуютъ въ разныхъ церковныхъ торжествахъ въ Кіевѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, Вышгородѣ и Бѣлгородѣ, а именно: въ закладкѣ и освященіи церквей (п. II, IV, XVI—XVIII), перенесеніи мощей (п. I, V, IX), посвященіи іерарховъ (п. XII, XX), а иногда и въ мірскихъ дѣлахъ (п. VI, XIII).

Изъ представленнаго хронологическаго обзора лѣтописныхъ извѣстій о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ видно, что свидѣтельства эти тянутся почти непрерывною вереницею въ

---

[1]) «Пишеть ми книги княгиня Ростиславля Верхуслава, хотящи тебе поставити епископомъ Новуграду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или *Юрьеву на Олексіево мѣсто*». Антоній (Добрыня Адрѣйковичъ) былъ епископомъ въ Новгородѣ 1212—20 и снова 1225—9 г.

теченіи 159-ти лѣтъ и обрываются лишь наканунѣ монгольскаго погрома [1]).

Максимовичъ (Собр. соч I, стр. 692) замѣчаетъ, что *Юрьевъ* значится еще и въ „Спискѣ русскимъ городамъ" XIV-го вѣка.

Размотримъ теперь существующія предположенія касательно мѣстоположенія лѣтописнаго Юрьева въ лѣвомъ районѣ бассейна Роси. Такихъ предположеній существуетъ, сколько мнѣ извѣстно, два: одно г. Похилевича, другое г. Н. Барсова, и оба они одинаково неосновательны.

Г. Похилевичъ пріурочиваетъ лѣтописный Гурговъ къ теперешнему мѣстечку Бѣлой-Церкви, кіевской губерніи, васильковскаго уѣзда, на р. Роси, при впаденіи въ нее съ лѣвой стороны р. Ротка. „Къ Юрьеву, говоритъ онъ, *относятъ* (кто?) тѣ историческія событія, которыя въ періодъ удѣльныхъ междоусобій описываются происходившими на урочищѣ Ротку, *такъ какъ* ручей Ротокъ впадаетъ въ Рось въ самой Бѣлой-Церкви и подъ симъ именемъ доселѣ извѣстна часть мѣстечка, примыкающая къ этому ручью". Изъ обзора лѣтописныхъ свидѣтельствъ о Юрьевѣ видно, что въ лѣтописи упоминаніе объ этомъ городѣ только однажды является въ связи съ упоминаніемъ о Роткѣ, а именно въ свидѣтельствѣ 1162 года (пунктъ XV-й). Это и есть единственное свидѣтельство, которое г. Похилевичъ могъ-бы привести въ пользу своего мнѣнія; но дѣло-то въ томъ, что въ 1162 г. половцы могли появиться у Ротка не только прямо съ юга, со стороны Бѣлой-Церкви, но также и съ юго-запада, всего-же вѣроятнѣе, что они появились съ юго-востока, такъ какъ изъ многихъ другихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ видно, что они являлись на Поросье найчаще именно съ этой послѣдней стороны. Что-же

---

[1]) Г. Похилевичъ замѣчаетъ, что въ 1197 г. къ юрьевской епархіи присоединена упраздненная бѣлгородская; преосв. Филаретъ (И. р. ц. II, 129, прим. 220) полагаетъ, что въ 1231 г. полоцкій епископъ назывался вмѣстѣ бѣлгородскимъ и юрьевскимъ; но преосв. Макарій въ своей замѣткѣ: «Когда закрылись епархіи бѣлгородская и юрьевская?» (И. р. ц., т. IV, приложеніе XV-е) разъясняетъ, что эти мнѣнія возникли вслѣдствіе неправильнаго чтенія лѣтописныхъ свидѣтельствъ, и что обѣ эти епархіи, бѣлгородская и юрьевская, не теряли своей самостоятельности до самаго татарскаго погрома и закрылись лишь вслѣдствіе этого погрома.

касается прочихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о событіяхъ, совершавшихся на Роткѣ, то изъ нихъ дѣйствительно видно, что событія эти (пораженіе Юрія Долгорукаго Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 г., пораженіе половцевъ Михаиломъ Юрьевичемъ въ 1172 году и пр.) происходили довольно близко къ мѣстности, занимаемой теперь Бѣлою-Церковью; но именно эти-то свидѣтельства и доказываютъ вовсе не то, что хотѣлъ доказать г. Похилевичъ, т. е., что Бѣлая-Церковь есть Юрьевъ, но прямо противоположное тому, т. е., что Бѣлая-Церковь не есть Юрьевъ, ибо во всякомъ случаѣ было-бы странно, чтобы въ довольно обстоятельныхъ разсказахъ (разсказъ о рати Юрія съ Изяславомъ доходитъ даже до мельчайшихъ подробностей) о событіяхъ, которыя, какъ это выходитъ изъ словъ г. Похилевича, происходили въ самомъ Юрьевѣ (Бѣлой-Церкви),—городѣ, столь извѣстномъ въ то время хоть-бы уже ради бывшей въ немъ епископіи, лѣтописцамъ не пришлось ни разу назвать этого города [1]) Кромѣ того, противъ предположенія г. Похилевича говоритъ также и то, во 1-хъ, что въ Бѣлой-Церкви нѣтъ вовсе такихъ вещественныхъ остатковъ или слѣдовъ древней населенности, которые можно было-бы относить къ домонгольскому періоду; во 2-хъ, что ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ устныхъ преданіяхъ не сохранилось ни малѣйшаго намека на то, что Бѣлая-Церковь когда-либо называлась Юрьевомъ.

Г. Н. Барсовъ пріурочиваетъ лѣтописный Юрьевъ къ селамъ „*Большой* и *Малый Ерчики* на р. *Ростовицѣ* въ сквирскомъ уѣздѣ. (Очерки русск. ист. географіи, Варшава, 1873, стр. 119). Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что книга г. Барсова далеко не чужда неточностей. Относительно Ерчиковъ необходимо сдѣлать слѣдующія поправки: а) каждое изъ этихъ двухъ селъ носитъ въ отдѣльности имя въ формѣ множественнаго числа, а не единственнаго: *Большіе Ерчики*, а не Большой Ерчикъ, и *Малые Ерчики*, а не Малый Ерчикъ; б) и то и другое село распо-

---

[1]) Изъ сказаннаго видно, до какой степени правъ Н. И. Костомаровъ, замѣтивъ, въ разсказѣ о поѣздкѣ своей въ Бѣлую-Церковь (Кіевская Старина 1882 г., № 5, стр. 242), что мнѣніе г. Похилевича о тождествѣ Юрьева съ Бѣлой-Церковью—не болѣе, какъ одно предположеніе, имѣющее за собою мало точныхъ указаній.

ложены не на самой Раставицѣ, а на ея правыхъ небольшихъ, безъименныхъ притокахъ, Большіе—верстахъ въ 5-ти, а Малые—верстахъ въ 2-хъ отъ Раставицы. Къ соображеніямъ г. Барсова о Ерчикахъ я съ своей стороны добавлю, что, кромѣ Ерчиковъ, въ лѣвой половинѣ Поросья, въ сквирскомъ-же уѣздѣ, есть еще и село *Ерешки,* или *Ярешки,* верстахъ въ 26 къ с.-з. отъ Малыхъ Ерчиковъ. Г. Барсову казалось, должно быть, что въ имени *Ерчики* сохранился звуковой слѣдъ имени *Юрія* (*Юрчикъ, Ерчикъ*); но въ Словарѣ Даля мы встрѣчаемъ такое толкованіе: *éрикъ, éричекъ* ю.-в.: а) стари́ца, рѣчи́щѣ, часть покинутаго русла рѣки, куда по веснѣ заливается вода и остается въ долгихъ яминахъ; б) глухой рукавъ рѣки, образовавшійся изъ старицы; в) узкій, глубокій проливъ изъ рѣки въ озеро, между озерами и ильменями". По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Похилевича, упомянутое нами село *Ерешки* (=*Ерички*) отдѣляется отъ села Бровокъ, расположеннаго на правомъ берегу р. Каменки, лѣваго притока Роси, небольшимъ оврагомъ (яромъ) съ ручьемъ, изъ чего можно догадываться, что оно получило свое названіе отъ того, что расположено при *еричкѣ* (р. Каменки) въ 1-мъ или во 2-мъ значеніи этого слова. По всей вѣроятности и тѣ рѣчки, впадающія въ Раставицу, при которыхъ расположены *Ерчики* суть собственно *ерички* въ которомъ нибудь изъ значеній этого слова, и что отъ нихъ-то и пошли имена этихъ селъ [1]). Слѣд. имя Ерчики, возникшее отъ особенностей топогра-

---

[1]) Внѣ бассейна Роси въ кіевской губ. есть еще: а) въ сквирскомъ-же уѣздѣ *Ерчики жидовецкіе*, деревня расположенная, какъ это видно изъ в.-т. карты (рядъ XXIV-й, листъ 8-й), на лѣвой сторонѣ р. Унавы, при впаденіи въ нее безъименнаго ручья, верстахъ въ 4-хъ ниже села Жидовецъ и въ 17-ти верстахъ прямо къ сѣверу отъ Малыхъ Ерчиковъ; б) въ звенигородскомъ уѣздѣ село *Ерки* на правой сторонѣ р. Шполки, лѣваго притока Гнилого Тикича, верстахъ въ 4-хъ отъ впаденія Шполки въ Тикичъ, съ замѣчательнымъ ключемъ воды, подробности о которомъ сообщены у Похилевича. Внѣ предѣловъ кіевской губ., въ Словарѣ Семенова упоминаются: а) с. *Ерковцы* переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи при безъименномъ озерѣ; б) с. *Иловатый Ерикъ* (иначе—Иловатка) новоузенскаго уѣзда, самарской губ. при р. *Иловатомъ Ерикѣ.* Въ книгѣ Большого Чертежа упоминается рѣчка *Ерекъ Каменный* (теперь—Каменка), впадающая въ Донецъ съ правой стороны ниже г. Изюма харьковской губ. Слово *ерикъ,* конечно, тюркскаго происхожденія, такъ что села Ерки, Ерчики, Ерешки (=Еречки), Ерковцы представляютъ слѣды осѣданія на русской почвѣ тюркскихъ племенъ.

фическаго положенія селъ, которые его носятъ, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ имени города Юрьева. Кромѣ того, противъ предположенія г. Барсова говоритъ также и то, что ни въ Большихъ, ни въ Малыхъ Ерчикахъ нѣтъ никакихъ ни остатковъ, ни слѣдовъ древняго городища [1]). До какой степени къ Ерчикамъ могутъ быть пріурочены лѣтописныя свидѣтельства о Юрьевѣ, объ этомъ рѣчь впереди.

Взамѣнъ существующихъ предположеній касательно мѣстоположенія лѣтописнаго Юрьева въ лѣвой половинѣ Поросья я позволяю себѣ выставить свое мнѣніе, по которому Гурговъ долженъ быть пріуроченъ къ городищу *Райгороду*, или *Райгородку* близъ села *Ольшаницы* васильков. уѣзда. Городище это, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Фундуклея (Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіев. губ. Кіевъ 1848, стр. 28) и Похилевича, расположено въ 2-хъ верстахъ къ с.-в. отъ Ольшаницы, на правомъ берегу р. *Гороховатки*, въ просторѣчіи—*Ольшаницы*, лѣваго притока Роси, и состоитъ изъ земляныхъ укрѣпленій, соединяющихся валомъ со рвомъ; валъ вышиною въ $2^1/_2$ сажени, а всего пространства въ городищѣ $43^1/_3$ десятины. Оно обращено теперь въ пахатное поле, но что это мѣсто было населено, это видно изъ того, что здѣсь безпрестанно попадается кирпичный мусоръ и перержавѣвшіе куски желѣза. Городище это отстоитъ отъ т. н. *Троянова вала* въ 4-хъ верстахъ [2]). Самое село Ольшаница расположено по обоимъ берегамъ Гороховатки, верстахъ въ 4-хъ отъ впаденія ея

Кромѣ того, видоизмѣненіе *Ерешки* въ *Ярешки* указываетъ на сближеніе слова *ерикъ*, и по звуку, и по значенію, со словомъ *яръ* (яруга, оврагъ), отъ котораго также есть немало именъ населенныхъ мѣстностей и въ кіевской и въ другихъ губ., особенно юго-восточныхъ.

[1]) Г. Барсовъ замѣчаетъ: «Между ними (Большими и Малыми Ерчиками) сел. Буки-*Бакожинъ*, по преданію, древній городъ (Фунд. 46). По что-же изъ этого? Бакожинъ есть Бакожинъ, а не Юрьевъ.

[2]) Валъ этотъ начинается въ сквирскомъ у., у села *Почуекъ* (на противоположной сторонѣ р. Каменки), вступаетъ въ васильковскій уѣздъ при селѣ *Красный-Лѣсъ* (при р. Холопѣ), тянется по лѣвой сторонѣ Роси чрезъ м. *Бѣлую-Церковь*, деревни *Томиловку* (на лѣвой сторонѣ Роси), *Чепелевку* (при р. Узинѣ), село *Сухолѣсы* (на лѣвой сторонѣ Роси), м. *Рокитну* (нѣкогда—*Кротыловъ*, на р. Рокитнѣ), село *Ольшаницу*, наконецъ у села *Саварки* (на лѣвой сторонѣ Роси), склоняется къ каневскому уѣзду, къ селу *Синицѣ* (на пр. ст. Роси, при впаденіи въ нея р. Синицы).

въ Рось. По свѣдѣніямъ, передаваемымъ г. Похилевичемъ, ольшаницкіе жители по преданію, утверждаютъ, что городище Райгородъ очень древнее, что тамъ былъ городъ *Райгородъ*, что въ немъ жили цари, или *князья, имѣвшіе свое войско*, что въ городѣ этомъ было *много церквей*, что онъ, какъ и всѣ его окрестности, *разрушенъ и опустошенъ татарами*, и что, наконецъ, нынѣшняя Ольшаница возникла, по разореніи Райгорода, изъ хуторовъ, заведенныхъ жителями города въ ольховыхъ лѣсахъ [1]). До какой степени, по отношенію къ населеннымъ мѣстностямъ домонгольскаго періода, крѣпка народная память и живучи сохраняемыя ею преданія, это съ поразительною ясностью доказало ученому міру указанное мною выше преданіе о Торчѣ, лѣтописномъ Торческѣ, или Торційскомъ градѣ, поразительнымъ образомъ совпадающее съ лѣтописнымъ разсказомъ объ осадѣ Торческа половцами въ 1093 году. Въ виду этого обстоятельства я думаю, что и Ольшаницкое преданіе, съ совершенною прозрачностью указывающее на Райгородъ, какъ на домонгольскій стольный княжескій городъ со многими церквами, едва ли такъ незначительно, чтобы не обращать на него никакого вниманія. Напротивъ, въ виду полной исторической достовѣрности преданія о Торчѣ, я думаю, что и ольшаницкое преданіе заслуживаетъ самаго полнаго и глубокаго нашего вниманія.

Уже одно то обстоятельство, что въ Райгородѣ существуетъ древнее городище, съ которымъ связывается народное преданіе о Райгородѣ, какъ о домонгольскомъ княжескомъ стольномъ городѣ „со многими церквами", между тѣмъ какъ ни въ Бѣлой-Церкви ни въ Ерчикахъ никакого древняго городища не существуетъ, и никакого древняго преданія не сохранилось, склоняетъ преимущество пріуроченія древняго Юрьева къ Райгороду, а не къ Бѣлой-

---

[1]) Части городища Райгородка, хотя оно и обращено въ пахатное поле, и доселѣ называются такими именами, которыя напоминаютъ о бывшемъ здѣсь значительномъ населеніи, напр., Ткачівщина, Ковалівщина и т. п. По догадкѣ Фундуклея городище Райгородокъ есть слѣдъ удѣльнаго города князей Ольшанскихъ, или Гольшанскихъ (о нихъ см. у Стрійковскаго I, стр. 317—8). Похилевичъ къ с. Ольшаницѣ пріурочиваетъ извѣстіе Стрійковскаго подъ 1527 г. (ч. II, стр. 394) о томъ, что русскіе князья, собравшись у Кіева, гонили татаръ за Кіевъ миль 40 «az do Holsczanicy»; но мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ скорѣе рѣчь можетъ идти о р. Ольшанкѣ, впадающей въ Днѣпръ ниже впаденія Роси.

Церкви и не къ Ерчикамъ; но само-собою разумѣется, что это апріорное заключеніе можетъ получить силу вывода рѣшительнаго и окончательнаго лишь въ томъ только случаѣ, если мы докажемъ, что во 1-хъ, всѣ вообще лѣтописныя свидѣтельства о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ, взятыя въ ихъ совокупности и взаимной связи, равно основанные на нихъ выводы какъ о значеніи Юрьева, такъ и о его мѣстоположеніи, легко, безъ всякихъ натяжекъ, пріурочиваются къ Райгороду Ольшаницкому, а во 2-хъ, что всѣ или, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ свидѣтельствъ и выводовъ гораздо естественнѣе и легче пріурочиваются къ Райгороду, чѣмъ къ какому-либо другому пункту лѣвой половины Поросья, какъ напр. къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, къ которымъ Юрьевъ по существующимъ догадкамъ пріурочивается.

Итакъ приступимъ теперь къ оцѣнкѣ разсмотрѣнныхъ нами выше лѣтописныхъ свидѣтельствъ съ точки зрѣнія примѣнимости ихъ къ Райгороду, Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ.

1-е. Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. мы вывели, что *Юрьевъ* находился между *Городцемъ* и *Рогачевымъ*, слѣдовательно былъ болѣе или менѣе центральнымъ городомъ въ удѣлѣ, данномъ Игорю на Поросьи. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Кагарлыка:	*до Рогачей*:
отъ *Ольшаницы*	25 верстъ, ...	85 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви*. . . .	49 верстъ, ...	33 версты,
„ *Большихъ Ерчиковъ*. .	81 верста, ...	20 верстъ,

мы видимъ, что по отношенію къ Кагарлыку и Рогачамъ наиболѣе центральнымъ пунктомъ является прежде всего Бѣлая-Церковъ, затѣмъ Райгородъ и наконецъ Ерчики, но что тѣмъ не менѣе по силѣ упомянутаго вывода, если взять его въ отдѣльности, мѣстоположеніе Юрьева можетъ быть безъ всякаго затрудненія пріурочено не только къ Бѣлой-Церкви, но и къ Райгороду, и къ Ерчикамъ. Кромѣ того, изъ того-же лѣтописнаго разсказа выведено было нами, что Юрьевъ, будучи центральнымъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе значительнымъ и важнымъ и, по всей вѣроятности, и *стольнымъ княжескимъ городомъ* въ удѣлѣ Игоря. А такъ какъ въ лѣвомъ районѣ бассейна Роси только о Райгородѣ сохранилось преданіе, какъ о стольномъ княжескомъ городѣ, и

такъ какъ ни о Бѣлой-Церкви, ни о Ерчикахъ и ни о какомъ другомъ пунктѣ лѣвой половины Поросья такого преданія не сохранилось, то это обстоятельство и склоняетъ преимущество пріурочения Юрьева къ Райгороду, а не къ Бѣлой-Церкви, Ерчикамъ или къ какому-либо другому пункту.

2) Лѣтописныя извѣстія о юрьевскихъ епископахъ сами по себѣ указываютъ лишь вообще на *Юрьевъ*, какъ на ближайшую, на ряду съ *Бѣлгородомъ* (теперь м. Бѣлогородка кіевскаго у.), къ *Кіеву* епископію. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Кіева:	*до м. Бѣлогородки:*
отъ *Ольшаницы*	83 версты, ...	80 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви*. . . .	76 верстъ, ...	63 версты,
„ *Большихъ Ерчиковъ* . .	92 версты, ...	74 версты,

мы видимъ, что по отношенію къ Кіеву и Бѣлогородкѣ наиболѣе центральнымъ пунктомъ является прежде всего Райгородъ (Ольшаница), затѣмъ Бѣлая-Церковь и наконецъ Ерчики, но тѣмъ не менѣе очевидно, что упомянутыя извѣстія, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, могутъ быть примѣнены не только къ Райгороду, но также и къ Бѣлой-Церкви и даже, хотя и не безъ натяжки, къ Ерчикамъ. Дѣло въ томъ, что эти извѣстія, указывая на Юрьевъ какъ на городъ, въ которомъ въ теченіи по меньшей мѣрѣ 159-ти лѣтъ существовала епископія, свидѣтельствуютъ этимъ самымъ о томъ, что Юрьевъ былъ городомъ *значительнымъ по отношенію къ развитію въ немъ церковной жизни*. А такъ какъ въ лѣвой половинѣ Поросья только о Райгородѣ сохранилось воспоминаніе, какъ о городѣ, въ которомъ было „*много церквей*“, между тѣмъ какъ ни о Бѣлой-Церкви, ни о Ерчикахъ и ни о какомъ другомъ пунктѣ лѣвой половины Поросья такого преданія не сохранилось, то это обстоятельство въ свою очередь даетъ намъ основаніе пріурочивать Юрьевъ именно къ Райгороду, а не къ какому-либо другому пункту лѣвой стороны Поросья.

3) Лѣтописное извѣстіе 1095 г. (а также и находящееся съ нимъ въ тѣснѣйшей связи извѣстіе 1103 г.) указываетъ въ общихъ чертахъ на топографическое отношеніе *Юрьева* къ р. *Саковицѣ* (за которою жили засаковцы) и къ *Святополчу*, теп. Стайкамъ. Изъ слѣдующей таблицы разстояній:

	до устья Саковицы:	до Стаекъ:
отъ *Ольшаницы*	46 верстъ, ...	48 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви*. . . .	82 версты, ...	62 версты,
„ *Большихъ Ерчиковъ* . .	111 верстъ, ...	90 верстъ,

мы видимъ, что извѣстіе это гораздо удобнѣе пріурочивается къ Райгороду Ольшаницкому, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ Райгородъ, во 1-хъ, и къ Саковицѣ и къ Стайкамъ ближе, во 2-хъ, по отношенію къ нимъ центральнѣе, чѣмъ Бѣлая-Церковь и Ерчики.

4) Изъ сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій 1147 и 1154 г. мы сдѣлали выводъ о томъ, что *Каневъ*, какъ городъ юрьевской епархіи, былъ ближе къ *Юрьеву*, чѣмъ къ *Кіеву*. Изъ слѣдующей росписи разстояній:

отъ *Канева до Кіева*	96 верстъ,
„ „ „ *Ольшаницы* . . .	56 „
„ „ „ *Бѣлой-Церкви* . .	90 „
„ „ „ *Большихъ-Ерчиковъ*	122 версты,

мы видимъ, что упомянутый выводъ гораздо удобнѣе примѣняется къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви, и что онъ едва-ли можетъ быть примѣненъ къ Ерчикамъ, такъ какъ отъ Канева гораздо ближе къ Кіеву, чѣмъ къ Ерчикамъ.

5) Изъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ 1159 и 1154 и другихъ мы вывели заключеніе о томъ, что *Юрьевъ* находился вообще между *Бѣлгородомъ*, *Росью* и *Каневомъ*. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Бѣлгородки:	до Канева:
отъ *Ольшаницы*	80 верстъ, ...	56 верстъ.
„ *Бѣлой-Церкви* . . .	63 версты, ...	90 „
„ *Большихъ Ерчиковъ* . .	74 „	122 версты,

мы видимъ, что, по отношенію къ Бѣлгородкѣ и Каневу, Райгородъ является и наиболѣе близкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе центральнымъ пунктомъ. Но и безъ этихъ выкладокъ достаточно взглянуть на карту Поросья, чтобы убѣдиться въ томъ, что упомянутое заключеніе, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе примѣняется къ Райгороду Ольшаницкому, лежащему на Роси именно въ указанномъ направленіи между Бѣлгородкой и Каневомъ, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ

и Бѣлая-Церковь и тѣмъ болѣе Ерчики отъ линіи Бѣлгородка—Рось—Каневъ лежатъ въ сторонѣ, къ западу.

6) Въ разсказѣ Владиміра Мономаха (пунктъ III) группируются, какъ мы видѣли, пункты одной и той-же мѣстности, не слишкомъ далеко отстоящіе отъ *Днѣпра* (Торчъ, Краснъ), со стороны котораго по преимуществу и дѣлали свои набѣги половцы на правобережную Русь. Изъ слѣдующей росписи разстояній:

до ближайшаго пункта Днѣпра:

отъ *Ольшаницы* 44 версты (до Ржищева),
„ *Бѣлой-Церкви* 56 верстъ (до Триполья),
„ *Большихъ Ерчиковъ* 83 вер. (до Триполья),

мы видимъ, что и этотъ разсказъ, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе пріурочивается къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ Райгородъ ближе къ Днѣпру, чѣмъ послѣдніе два пункта.

7) Извѣстіе 1162 г. указываетъ въ общихъ чертахъ на отношеніе *Юрьева* къ бассейну *Ротка.* Изъ слѣдующей росписи разстояній:

до Рутецкаго озера:

отъ *Ольшаницы*	 30	верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви*	 17	„
„ *Большихъ Ерчиковъ*	. . . 30	„

нельзя не замѣтить, что упомянутое извѣстіе, взятое въ отдѣльности, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, легче всего пріурочивается къ Бѣлой-Церкви, и мы видѣли, что это и есть то единственное свидѣтельство, которое г. Похилевичъ могъ-бы привести въ пользу своей гипотезы; но при сопоставленіи его съ другими естественнѣе предполагать, что въ 1162 г. половцы появились изъ-за Роси къ Юрьеву приблизительно по тому-же пути, по которому они появились къ нему и въ 1095 г. (пунктъ VI-й), по которому они отъ Бѣлогорода бѣжали за Рось въ 1159 году, (пунктъ XIV-й), и, быть можетъ, по которому преслѣдовалъ ихъ Владиміръ Мономахъ въ 1085 году (пунктъ III-й), а такъ какъ извѣстія о всѣхъ этихъ событіяхъ, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе, какъ мы видѣли, пріурочиваются къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, то это обсто-

ятельство побуждаетъ насъ пріурочивать и извѣстія 1162 г. къ Райгороду, а не къ Бѣлой-Церкви и не къ Ерчикамъ. Кромѣ того, изъ сопоставленія лѣт. свидѣтельствъ 1162, 1095 и 1103 гг., мы вывели заключеніе о Юрьевѣ, какъ о важномъ *стратегическомъ пунктѣ, защищавшемъ отъ половцевъ доступъ къ перепетовской равнинѣ.* Достаточно, кажется мнѣ, взглянуть на карту Поросья и всмотрѣться въ положеніе Райгорода, Бѣлой-Церкви и Ерчиковъ, по отношенію къ этой равнинѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что упомянутому значенію Юрьева гораздо болѣе соотвѣтствуетъ мѣстоположеніе Райгорода, лежащаго въ юго-восточномъ углу равнины, ближайшему къ той сторонѣ, съ которой обыкновенно появлялись половцы, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви, лежащей къ сѣверо-западу отъ Райгорода, на западной окраинѣ равнины, и что положеніе Ерчиковъ вовсе не соотвѣтствуетъ указанному значенію Юрьева, такъ какъ они лежатъ даже и не при окраинѣ равнины, но въ сторонѣ отъ нея, къ западу.

Теперь подведемъ итогъ всѣмъ тѣмъ результатамъ, къ которымъ приводитъ насъ наше розысканіе о мѣстоположеніи лѣтописнаго Юрьева въ лѣвой половинѣ полости Роси.

Лѣтописный Юрьевъ есть теперешнее городище Райгородъ близъ села Ольшаницы васильк. у., на прав. берегу р. Гороховатки, въ просторѣчіи—Ольшаницы, недалеко отъ впаденія ея въ Рось. Доказательствами сему служатъ: а) существованіе древняго городища въ Райгородѣ и связанное съ этимъ городищемъ народное преданіе о Райгородѣ, какъ о домонгольскомъ княжескомъ стольномъ городѣ со многими церквами; б) несуществованіе древнихъ городищъ и подобнаго преданія въ другихъ мѣстахъ лѣвой половины Поросья, къ которымъ, по предположеніямъ, древній Юрьевъ пріурочивается (въ Бѣлой-Церкви и Ерчикахъ); в) близкое совпаденіе лѣтописнаго свидѣтельства 1142 г. о Юрьевѣ, какъ объ удѣльномъ княжескомъ городѣ и цѣлаго ряда историческихъ свидѣтельствъ о Юрьевѣ, какъ о епископіи, съ упомянутымъ выше народнымъ преданіемъ о Райгородѣ; г) полное соотвѣтствіе всѣхъ лѣтописныхъ указаній и намековъ, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, на мѣстоположеніе и стратегическое значеніе Юрьева мѣстоположенію Райгорода; д) большая степень примѣнимости большей части упомянутыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ (см.

пункты 3, 4 и 6-й) къ положенію Райгорода, чѣмъ къ положенію другихъ пунктовъ лѣвой стороны Поросья, какъ, напр., Бѣлой-Церкви и Ерчиковъ; е) значительное неудобство пріуроченія нѣкоторыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о мѣстоположеніи Юрьева (см. пункты 5 и 7-й) ко всякому другому пункту лѣвой половины Поросья (напр. къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ), кромѣ Райгорода; ж) шаткость и несостоятельность мнѣній, по которымъ Юрьевъ лѣтописнаго извѣстія 1142 г. слѣдуетъ отличать отъ Юрьева на Роси всѣхъ прочихъ лѣтописныхъ извѣстій о немъ, каково, напр., мнѣніе автора „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", отождествляющее Юрьевъ извѣстія 1142 г. съ Городцемъ остерскимъ; з) шаткость и несостоятельность существующихъ предположеній о мѣстоположеніи Юрьева на Роси, каковы гипотезы Похилевича, отождествляющаго Юрьевъ съ теперешнею Бѣлой-Церковью, и Н. Барсова, пріурочивающаго Юрьевъ къ Ерчикамъ сквирскимъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что если оцѣнивать обѣ существующія гипотезы о мѣстоположеніи Юрьева на Роси,—гг. Похилевича и Н. Барсова, сравнительно, съ точки зрѣнія лѣтописныхъ свидѣтельствъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, то должно отдать предпочтеніе гипотезѣ г. Похилевича, такъ-какъ она, какъ мы видѣли, имѣетъ хоть кое-какое основаніе въ лѣтописныхъ указаніяхъ и, во всякомъ случаѣ, постольку ближе къ истинѣ, чѣмъ гипотеза г. Барсова, поскольку Бѣлая-Церковь ближе къ Райгороду, чѣмъ Ерчики, между тѣмъ, какъ гипотеза Барсова основана лишь на случайномъ созвучіи имени *Юрьевъ* и слова *ерчикъ*. Но, тѣмъ не менѣе, отвергая традицію и преемство имени въ этомъ случаѣ, нельзя не признать вообще, что, при розысканіяхъ въ области лѣтописной топографіи, послѣ лѣтописныхъ указаній и намековъ на мѣстоположеніе той или другой мѣстности, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, и *имя, звукъ* имѣетъ громадное значеніе и нерѣдко невзначай освѣщаетъ новымъ свѣтомъ самыя лѣтописныя свидѣтельства и приводитъ къ положительнымъ и достовѣрнымъ заключеніямъ. До какой степени живуча традиція древнихъ именъ, въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться и въ этой статьѣ, въ которой имена: *Рогачи (Рогачевъ, Ргачевъ, Иргачевъ), Городецъ* (въ Кагарлыкѣ), р. *Саковица* въ значительной степени помогли намъ подвинуть и обосновать наше розысканіе о

самомъ Юрьевѣ. Въ виду этой живучести традиціи древнихъ именъ, и такъ какъ мы уже отчасти напали на звуковой слѣдъ *„юрьевцевъ“* въ имени южной половины Стаекъ, лѣтописнаго Святополча,— *„Гуриновка“*, представляющемъ совершенно правильное, подкрѣпляемое лѣтописными варьяціями этого имени, видоизмѣненіе имени *Гургиновка*, неизбѣжно долженъ возникнуть предъ нами вопросъ, не существуетъ-ли и въ самомъ Райгородѣ, или по меньшей мѣрѣ въ его ближайшихъ окрестностяхъ чего либо, что̀ хоть сколько нибудь сближало-бы Райгородъ съ лѣтописнымъ Юрьевомъ и *по имени?*

Въ отвѣтъ на это я могу представить слѣдующія соображенія:

1) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Фундуклея, рѣчка *Гороховатка*, на прав. берегу которой расположено городище Райгородокъ, въ просторѣчіи называется *Ольшаницей*. Но изъ того, что рѣчка эта такъ называется *въ просторѣчіи*, выходитъ, что болѣе древнее, сохранившееся по преданію имя „Гороховатка“ сдѣлалось непонятнымъ, а потому и стало выходить изъ употребленія, замѣняясь понятнымъ, произведеннымъ отъ названія села именемъ „Ольшаница“. Да и въ самомъ дѣлѣ, имя „Гороховатка“, съ забвеніемъ его первоначальнаго смысла, должно было представляться страннымъ и необычнымъ, по сравненію съ другими именами рѣчекъ, заимствованными отъ именъ растеній. Дѣло въ томъ, что такія имена даются рѣчкамъ обыкновенно по некультурнымъ, дико растущимъ растеніямъ, которыми поростаютъ ихъ берега или воды, а не по культурнымъ, каковымъ является горохъ. Если мы переберемъ для сравненія названія всѣхъ многочисленныхъ рѣчекъ богато орошеннаго Поросья, то въ числѣ ихъ встрѣтимъ не мало рѣчекъ съ именами, произведенными отъ именъ растеній некультурныхъ, каковы имена: *Березянка*, *Нехворощъ*, *Орѣховатка*, *Орѣшна*, *Осична* (отъ *осика=осина*), *Репяхъ*, *Рогозна*, *Рокитна*, *Шандра* [1]), и за исключеніемъ Гороховатки не встрѣтимъ ни

---

[1]) *Орѣховатка* на в.-т. и спеціальныхъ картахъ надписана *Орѣховецъ; Рогозна* надписана *Рубченка*, и при ея верховьи означено село *Рубченка*. На самомъ-же дѣлѣ село это называется *Рубченки*, а рѣчка Рогозной потому, что она изобилуетъ водянымъ растеніемъ *аиръ*, по малорусски—*рогоза*. *Рокитна* получила названіе отъ растенія *рокиты*, или *верболоза*, во множествѣ растущаго по ея лугамъ. *Шандра* на в.-т. и спеціальныхъ картахъ надписана *Руда* (ру-

одного названія, произведеннаго отъ имени растенія культурнаго. Въ виду этой несообразности названія рѣчки по имени культурнаго растенія, а также въ виду того несомнѣннаго факта, что нерѣдко имена небольшимъ рѣчкамъ даются по именамъ населенныхъ мѣстъ, которыя на нихъ расположены, каково и нынѣшнее имя занимающей насъ рѣчки въ просторѣчіи, каково имя р. Корсунки, на которой стоитъ Корсунъ и т. д., мы смѣло можемъ предположить, что первоначальное имя и нашей рѣчкѣ дано было по имени того населеннаго мѣста, которое на ней въ древности находилось, что имя это было *Гурговa*, уменьшительное—*Гургов-ица*, *Гурговка* (ср. въ бассейнѣ Роси имена рѣчекъ: Каменица, или Каменка, Саковица, Ольшаница, или Ольшанка, Узяница), а если такъ, то и первоначальное имя Райгорода было не иное, какъ *Гурговъ*; но съ тѣхъ поръ, какъ древній Гурговъ былъ разрушенъ и опустошенъ и вблизи его возникло новое поселеніе и съ новымъ именемъ, имя Гурговицы стало, конечно, непонятнымъ, вслѣдствіе чего, подъ вліяніемъ случайнаго созвучія съ вполнѣ понятнымъ словомъ *горохъ*, оно рядомъ постепенныхъ звуковыхъ измѣненій и могло превратиться въ *Гороховица*, или *Гороховатка* [1]).

2) Что касается имени городища „*Райгородъ*“, то, въ виду вышесказаннаго, необходимо заключить, что оно представляетъ собою не иное что, какъ вторую звуковую вѣтвь того-же самаго

да=болото), по *шандрою* называется болотное растеніе, извѣстное своимъ непріятнымъ запахомъ и наркотическими свойствами. Очень можетъ быть, что и имя рѣчекъ *Узинъ*, *Узка* (лѣтописная Възяница) произошло отъ имени растенія. Въ сѣверно-русскомъ словарѣ, приложенномъ при «Причитаньяхъ сѣв. края, ч. 1, М. 1872», изд. *Е. Барсовымъ*, встрѣчается: *узикъ*—трава водяная.

[1]) Имена: *Георг, Гюрг, Горг и горох,* кромѣ значительнаго созвучія, могли сблизиться въ народной фантазіи и по миѳическо-поэтическимъ представленіямъ, съ ними связаннымъ. Ср. воспоминаніе о царѣ *Горохѣ* и сказочномъ Покоти-*Горошкѣ*, съ одной стороны, и духовные стихи и легенды о *Егоріи Храбромъ*. Ср. народный разсказъ въ «Малорусскихъ преданіяхъ и разсказахъ» (стр. 140), составленный въ формѣ діалога между двумя односельчанами: «Хто-жъ теперъ буде миромъ управляти?» —А то, кажуть,—Юрко!» — «Отсе було-бъ добре: вінъ-би сихъ чортовихъ панівъ тее» ...

имени, отъ котораго пошло и имя рѣчки, т. е. что имя Райгородъ есть видоизмѣненіе имени *Гургій*, *Гурій*—городъ въ *Гурай*—городъ, вполнѣ соотвѣтствующее видоизмѣненію въ малорусскомъ языкѣ имени Юрій въ Юрахъ, Юрась, или Еврахъ, Еврась (какъ это встрѣчается, напр., въ думѣ о Юріи Хмѣльницкомъ), а затѣмъ—сокращеніе его въ *Урай*, *Рай*-городъ [1]). А что имя Юрій существуетъ и въ настоящее время въ малорусскомъ языкѣ въ формѣ Урай, блестящимъ доказательствомъ тому служитъ слѣдующая волынская пѣсня о св. Юріѣ, или Егоріѣ Храбромъ, который въ народныхъ поэтическихъ представленіяхъ является истребителемъ волковъ, зміевъ и всякихъ гадовъ, устроителемъ земли свято-русской и покровителемъ какъ земледѣльческаго, такъ и пастушескаго труда, и которому между прочимъ приписывается отмыканіе росы:

Та Урай матку кличе:
—Та подай, матко, ключа одімкнути небо,
Выпустити росу, дівоцькую красу.
Та дівоцькая краса, якъ *літняя* роса:
У *меду* потопае, въ *вині* вьринае.
Та *Урай* матку кличе и пр...
Выпустити росу, парубоцькую красу.
Парубоцькая краса, якъ *зімняя* роса:
Въ *смолі* потопае, въ *дёгтю* вырипае (Чубинскій, III,30—1 [2]).

---

[1]) У г. Барсова (Очерки р. ист. геогр., прим. 205) встрѣчается слѣдующая замѣтка: «На Росп мы видимъ *Урогородокъ*, къ югу отъ Канева, на лѣвомъ берегу Роси, почти у самаго поворота ея теченія на сѣверъ». Догадываюсь, что г. Барсовъ впалъ въ странное недоразумѣніе, именно превратилъ въ *Урогородокъ* (Юрьевъ городокъ) обозначенное на в.-т. картѣ на лѣвомъ берегу Роси, немного выше устья Саковицы, *Уроч. Городокъ*, т. е. *урочище* Городокъ.—Замѣчательно, что два предмѣстья м. *Линецъ* липовецкаго у. (лежатъ на равнинѣ, при соединеніи рѣчекъ *Соба, Собка* и *Вязовицы*) называются: *Ольшанка* и *Райки*. Въ кіевской губ. есть еще *Райгородъ* — село черкасскаго у., при р. Тясминѣ. Въ волынской губ. есть *Райгородокъ* въ южной части житомирскаго у. Въ подольской губ. есть *Райгородъ*, м. гайсинскаго у., при р. Бугѣ. Въ харьковской губ. есть *Райгородокъ*—слобода изюмскаго у., на р. Торцѣ, и *Райгородка*—слобода старобѣльскаго у., при р. Айдарѣ. Въ астраханской губ. есть *Райгородокъ*—село черноярскаго у., при р. Малой Воложкѣ.

[2]) Недавно этой пѣснѣ посчастливилось войти въ кругъ изслѣдованій А. А. Потебни (Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсень, Фил. Вѣстникъ, 1882, № 3, стр. 129), который и объяснилъ ее съ свойственнымъ ему умѣньемъ.

Не мѣшало-бы какому нибудь завзятому и состоятельному любителю археологіи, какихъ теперь, со времени учрежденія періодическихъ археологическихъ съѣздовъ, появилось немало, порыться ради любознательности въ почвѣ древняго городища Райгородка у Ольшаницы. Хотя, конечно, наши древніе города были далеко не то, что Геркуланумъ и Помпея, тѣмъ не менѣе, авось откопалось-бы что либо, что́-бы хоть сколько нибудь пополнило и оживило наши, основанныя на сухихъ, отрывочныхъ и болѣе или менѣе случайныхъ замѣткахъ лѣтописи, представленія о лѣтописномъ Юрьевѣ, этомъ нѣкогда „златомъ столѣ" и „епископіи" привольнаго, текшаго медомъ и млекомъ Поросья [1]).

М. Андреевскій.

---

[1]) Для облегченія читателей въ разсмотрѣніи и соображеніи всѣхъ пунктовъ изслѣдуемой мѣстности, перечислимъ въ азбучномъ порядкѣ всѣ надписи, сдѣланныя на картѣ юрьевскаго княжества и всего Поросья:

Р. Атака.

с. Баранье Поле.
с. Безрадичи Старые.
р. Березянка.
р. Боборъ.
р. Бобрица (близъ Канева).
р. Бобрица (близъ Триполья).
г. Богуславъ.
р. Боровица.
р. Боярка.
с. Брилевка.
с. Бровки.
р. Бутень Мокрый.
р. Бутень Сухой.
р. Быстра.
р. Быстрикъ (притокъ Орѣховатки).
м. Бѣлая-Церковь.
м. Бѣлгородка.

г. Васильковъ.
р. Верховенка.
с. Витачевъ.
м. Володарка.
г. Вышгородъ.

р. Гнилой Тикичь.
р. Голубка.
р. Гопчица.
р. Гороховатка.
р. Горькій Тикичь.
с. Гребенки.
р. Грузькій.

с. Деренковець.
р. Днѣпръ.
р. Дунаець.
р. Дунайка.

с. Емчиха.
с. Ерешки.
с. Ерки.
с. Ерчики Большіе.
с. Ерчики Жидовецкіе.
с. Ерчики Малые.

р. Жива.
р. Жигалка.
р. Жидь.
с. Житні Горы.

с. Зеленьки.

р. Иква.
р. Ирпень.

м. Кагарлыкъ.
р. Кагарлыкъ Мокрый.
р. Кагарлыкъ Сухой.
р. Калена.
р. Каменка (близъ р. Раставицы).
р. Каменка (близъ р. Корсунки).
г. Каневъ.
р. Кисловка.
г. Кіевъ.
с. Ковали.
р. Кожанка.
м. Корсунъ.
р. Корсунка.
р. Котлуй.
р. Котлярка.
р. Коянка, или Коза.
р. Красна.
с. Красно.
р. Крива.

р. Лаврикъ.
р. Легличь.
р. Лымарка.

м. Медвинъ.
р. Мира.
с. Мировка.

с. Михайловка.
р. Молодецька.
р. Молочна.
р. Мыка.

р. Насташка.
р. Нехворощь.
с. Николаевка.

с. Ольшаница.
р. Ольшанка.
р. Орѣховатка.
р. Орѣшна.
р. Осична.
с. Острая Могила.
с. Острійки.

р. Паволочка.
Перепетиха (курганъ).
Перепетовское поле
Перепетъ (курганъ).
г. Переяславъ.
р. Погань, или Зубрь.
с. Половецька Большая.
с. Половецька Малая.
р. Потокъ.
с. Почуйки.
с. Пустовойты.

р. Раставица.
Райгородъ (городище).
р. Репейка.
р. Репяхъ.
с. Ржавецъ Большой.
с. Ржавецъ Малый.

м. Ржищевъ.
с. Рогачи.
р. Рогозна.
р. Рокитна.
м. Рокитна.
р. Росава.
р. Рось.
р. Роська.
р. Ротокъ.
р. Руда.

р. Саковица.
р. Салиха.
с. Сальковъ.
р. Самецъ.
р. Свись.
с. Селище.
р. Синица.
р. Синявка.
с. Синявка.
р. Сітня.
с. Ситники.
р. Скваровка.
г. Сквира.
р. Сквира.
р. Смотруха.
м. Стайки.
с. Степанцы Большіе
Степь (ржавецкая).
Степъ (пустовойтовская).
Степь (тикичская).
р. Стругъ.
р. Стугна.
р. Ступка.
р. Субодъ (Соботъ).
р. Супой.

г. Тараща.
р. Торганъ.
р. Торчица.
с. Торчица.
Торчь (городище).
р. Торчь Южный.
м. Триполье.
р. Трубежъ.
р. Тясминъ.
Турчинъ лѣсъ (урочище).

р. Унава.
р. Узинъ.
р. Узка.

м. Фастовъ.

р. Халча.
р. Ходоровка.
р. Холопъ.
р. Хоробра.
р. Хрещатый Яръ.

с. Черкасъ.
Черкесъ-Долина.
р. Черна.
р. Чернявка.
р. Чучинка.

р. Шандра.
р. Шанова.
р. Шполка.

с. Яблуновъ.

СТРАШНЫЙ ІОСИФЪ *).

(Переводъ съ польскаго).

I.

Въ началѣ царствованія Станислава Августа, число стремившихся ко двору лицъ знатнаго происхожденія было очень незначительно. Тѣмъ легче, поэтому, достигали значенія при дворѣ ловкіе интриганы, избравшіе себѣ широкій, но скользкій путь карьеры. При этомъ, не личныя заслуги, а удачливость, умѣнье завладѣть на болѣе или менѣе продолжительное время благосклонностью непостояннаго короля, имѣли рѣшающее значеніе. Если послѣдній Пястъ лишалъ благосклонности кого нибудь изъ своихъ избранниковъ, то это было скорѣе слѣдствіемъ равнодушія и забвенія, чѣмъ каприза или гнѣва... Избранникъ, разъ онъ хотѣлъ остаться имъ долго, долженъ былъ постоянными мелкими услугами напоминать о себѣ своему доброму господину, безпрестанно убѣждать его въ своей необходимости, непрерывно выступать съ заявленіями привязанности, почти граничащей съ обожаніемъ. Такого образа дѣйствій держался Іосифъ Стемпковскій, и вотъ почему послѣднія 25 лѣтъ его жизни протекли для него такъ благополучно. Дошло до

---

*) Opowiadania historyczne. Dr. Antoni I. Serya 3, t. I, str. 171—221. Warszawa. 1882.—Іосифъ Стемпковскій, герой предлагаемаго очерка, не принадлежитъ нашей исторіи, но его имя неразрывно связано съ исторіею великаго движенія нашего народа 2-й половины XVIII в., извѣстнаго подъ именемъ *Колiивщины*. Исторія эта вообще мало обслѣдована, самое событіе остается еще подъ различными освѣщеніями. Помѣщаемая біографія, о которой въ свое время (см. Кіев. Стар. 1882 г., т. IV, стр. 569—573) данъ былъ нами отчетъ, содержитъ нѣкоторыя новыя данныя для исторіи *Колiивщины*; но гораздо болѣе интереса представляетъ безпристрастный, набросанный трудолюбивою и искусною рукою очеркъ лица, увѣковѣчившаго имя свое не чѣмъ-либо инымъ, какъ-ролью экзекутора или палача,

того, что въ значительной части современной ему Польши голосъ его имѣлъ рѣшающее значенiе. Разскажемъ здѣсь исторiю этого счастливаго избранника; она любопытна во многихъ отношенiяхъ. Какъ въ зеркалѣ, отражается въ ней настроенiе извѣстнаго общественнаго слоя, въ рукахъ котораго находилась судьба „Рѣчи Посполитой“.

Iосифъ Стемпковскiй не былъ человѣкомъ новымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ доказательство этого можно привести не мало упоминанiй то въ тѣхъ, то въ другихъ документахъ объ его предкахъ. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ ничего смѣшнѣе генеалогiй, фабрикованныхъ въ прошломъ столѣтiи. На видъ поражаютъ онѣ своимъ великолѣпiемъ: родословная тянется отъ Попеля, причемъ авторъ такого вѣтвистаго дерева, если ему приходится указать на своихъ предковъ, жившихъ на Руси, съ спокойной совѣстью присовокупляетъ, что предки эти переселились изъ Мазовiи, хотя-бы въ XII или XIII вѣкѣ. Соблюденiе исторической истины не входитъ въ его соображенiя.

И нашъ герой, для удовлетворенiя своего тщеславiя, обладалъ родословной, стоившей столькихъ-же трудовъ и сколоченной какимъ-то ученымъ кармелитомъ изъ Бердичева, пожалуй даже изъ Лабуни [1])... Между тѣмъ, современникъ Стемпковскаго, Букаръ, иначе высказывается по этому поводу. „Что касается знатности его происхожденiя, пишетъ онъ, ничего не могу сказать, такъ

въ дѣйствiяхъ котораго отобразилась безграничная месть польской шляхты надъ беззащитнымъ украинскимъ народомъ, жаждавшая поголовнаго его истребленiя. Исторiя наша ждетъ еще полной картины казней, совершенныхъ во имя абсолютной мести; но, безъ ярко очерченной фигуры главнаго палача, эта картина никогда не была-бы полной, и въ этомъ отношенiи почтенный авторъ: «Страшнаго Iосифа» оказалъ ей значительную услугу. Если, по справедливому замѣчанiю автора, въ дѣйствiяхъ Стемпковскаго, какъ экзекутора, отразился духъ вѣка и извѣстной части общества, то съ другой стороны эти экзекуторы, которыхъ исторiя выставляетъ цѣлый рядъ, но далеко не въ одинаковомъ свѣтѣ, должны и каждый самъ по себѣ нести личную отвѣтственность за свои дѣйствiя предъ потомствомъ. Не даромъ проклятiе народное легло на памяти Стемпковскаго и не легло оно на имени Понятовскаго и Браницкаго, подъ командою которыхъ онъ выполнялъ свою омерзительную роль.—Ред.

[1]) Имѣнiе Стемпковскаго.

какъ всегда меньше всего интересуюсь этимъ вопросомъ, будучи убѣжденъ, что у насъ, въ странѣ, мало такихъ людей, знатность происхожденія которыхъ была-бы связана съ какими-нибудь историческими воспоминаніями".

Справедливо-ли это основаніе—спорить не станемъ; оставивъ въ сторонѣ этотъ выводъ относительно родовыхъ заслугъ, вкратцѣ изложимъ все дѣло, ссылаясь на историческіе источники.

Геральдикъ былъ-бы въ немаломъ затрудненіи, если-бы ему пришлось рѣшать вопросъ относительно фамиліи и герба Стемпковскихъ. Stępkowski или Stempkowski, а вѣдь можно найти и Stąpkowski-хъ? употреблялъ-ли онъ гербъ „Iunosza", или „Suche komnaty"? Минуя этотъ вопросъ, перейдемъ, говоря парламентскимъ языкомъ, къ очередному порядку. Мелочные споры о произношеніи фамиліи отложимъ въ сторону, такъ какъ указаніемъ относительно этого послужитъ намъ самъ герой, именно—его подписи на различныхъ региментарскихъ [1]) приказахъ, слѣдовательно на документахъ, носящихъ оффиціальный характеръ. Первый разъ встрѣчаемся мы съ фамиліей Стемпковскаго въ концѣ XVI вѣка. Въ 1598 году Христофоръ Радзивилъ, гетманъ литовскій, переуступилъ свое имѣніе, Полонское (Полонное), Григорію Сангушкѣ-Кошерскому; инвентарь этихъ имѣній былъ внесенъ въ книги гродско-луцкія, и на немъ подлѣ подписи подстаростія [2]) помѣстилъ и свою подпись нѣкто Максимъ Стемпковскій, вѣроятно писарь. Онъ былъ русинъ и, какъ вся мѣстная шляхта того времени, принадлежалъ къ церкви восточной; еще до сихъ поръ мы встрѣчаемъ много представителей этой фамиліи среди православнаго клира. Упомянутая нами вѣтвь раньше всего ополячилась, поэтому-то съ тѣхъ поръ Стемпковскіе все чаще и чаще встрѣчаются въ исторіи волынской земли. Такъ въ 1606 году одинъ изъ нихъ, Матвѣй, является уже подстаростой луцкимъ. Конечно, чинъ это очень скромный... Но уже 17 лѣтъ спустя землевладѣльцы, собравшіеся въ томъ-же городѣ для отдачи инструкцій своимъ посламъ на сеймъ, не забыли помянуть въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „petita", и предковъ Іосифа: „просить, говорится тамъ, его Величесто, коро-

---

[1]) Региментарь—командующій войсками, извѣстною ихъ частію или отрядомъ.

[2]) Подстаростій—помощникъ старосты.

ля, за Стемпковскаго, подчашія [1]) волынскаго, который всѣхъ своихъ сыновей отправлялъ въ различныя экспедиціи, а именно: Гавріила, прежде въ Валахію, а потомъ съ его Высочествомъ, Королевичемъ, въ Москву, съ приличнымъ иждивеніемъ, при чемъ все тамъ осталось; потомъ другаго Даніила, съ покойнымъ гетманомъ (Жолкевскимъ) въ Валахію, и этотъ тоже погибъ тамъ со всѣмъ имуществомъ; 3-ій-же (Петръ) доставляетъ почту ко двору Его Величества, Короля, уже нѣсколько лѣтъ: господа послы обязываются просить... о вознагражденіи". Изъ сказаннаго явствуетъ, что оба старшіе брата погибли—одинъ въ московскомъ походѣ, другой—подъ Цецорой; оказалось, однако, что палъ лишь средній, старшій-же попалъ только въ плѣнъ, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился подъ родную кровлю. Послѣ смерти Сигизмунда III, волынская шляхта поспѣшила на такъ наз. каптуровые [2]) суды въ Луцкъ, и между собравшимися тамъ мы встрѣчаемъ и двухъ сыновей подчашія: Гавріила, уже подстолія [3]) и Петра, стольника [4]) волынскаго. Въ 1641 году въ посольскихъ инструкціяхъ помѣщики опять ходатайствуютъ за Гавріила Стемпковскаго, старосту владимірскаго, владѣльца „Несвича" съ угодіями (имѣніе, находящееся въ двухъ миляхъ отъ Луцка) каштеляна [5]) брацлавскаго (чинъ этотъ онъ получилъ въ 1638 году), причемъ перечисляются его *merita*.

Исторію домашнихъ отношеній этого-то Гавріила написалъ Пржездзецкій въ видѣ монографіи, носящей названіе его родоваго имѣнія... мрачную, кровавую, но для того времени очень обыкновенную исторію. Сынъ его былъ избранъ въ 1650 году посломъ на сеймъ отъ земли волынской, а въ 1653 году и отъ воеводства кіевскаго. Послѣ Гавріила каштеляномъ брацлавскимъ сдѣлался Стефанъ, умершій въ 1674 году. Къ этой-же семьѣ принадлежалъ и Янъ Людвигъ, епископъ каменецкій, время управленія котораго совпало съ тяжелой эпохой козацкаго нашествія: епархія его лежала въ развалинахъ, уцѣлѣло лишь нѣсколько храмовъ внѣ Каменца—

---

[1]) Подчашій—виночерпій.

[2]) Временные суды въ Польшѣ во время междуцарствія.

[3]) Подстолій—помощникъ стольника.

[4]) Стольникъ—чиновникъ, смотрѣвшій за королевскимъ столомъ.

[5]) Каштелянъ—сановникъ, засѣдавшій въ сенатѣ.

extra muros—и то въ червоногродскомъ уѣздѣ. Епископъ сочинялъ жалобныя пастырскія посланія, призывалъ къ возобновленію храмовъ Божіихъ; но была-ли тутъ возможность думать объ этомъ возобновленіи, когда даже въ прихожанахъ чувствовался недостатокъ, такъ какъ цѣлыя поселенія были уничтожены огненнымъ дыханіемъ кровожаднаго вожака. Стемпковскій этотъ умеръ въ 1660 году въ Каменцѣ, не дождавшись лучшей участи. Еще разъ, а именно въ 1712 году, мы встрѣчаемся съ довольно подробными историческими указаніями относительно нѣсколькихъ членовъ изъ дома Стемпковскихъ. Три родные брата (Степанъ, Иванъ и Федоръ) ведутъ тяжбу съ женой Власа Шишнаровича Сынгаевскаго, отнимаютъ у нея часть села Мошки, находящагося подъ Бердичевомъ, пользуясь смертью помѣщика, убитаго козаками, причемъ сама женщина не могла съ ними справиться. Въ 1722 году на историческое поприще выступаетъ Яковъ, каштелянъ жарновскій, въ заслугу которому можно поставить развѣ только то, что онъ удержался на каштелянствѣ ровно 42 года, до самой своей смерти, т. е. до 1764 года. Онъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Аннѣ Генриковской, во второй—на Терезѣ Гешъ, дочери генералъ-маіора; отъ послѣдней у него остался сынъ Иванъ, отъ первой-же—Іосифъ, герой нашего разсказа.

Отецъ имѣлъ имѣніе въ Галиціи и скромно сидѣлъ на своей нивкѣ, не имѣя гдѣ развернуться; молодежь, хватившая немного науки, вѣроятно у львовскихъ іезуитовъ, бросилась въ широкій свѣтъ искать лучшей доли...

Судьба сблизила Іосифа съ Францомъ Ксаверіемъ Браницкимъ. Оба каштеляничи [1]), оба бѣдняки съ немалой склонностью къ разгульной жизни, сразу прильнули другъ къ другу. Для Стемпковскаго эти отношенія съ будущимъ гетманомъ были истиннымъ даромъ провидѣнія, подобно тому, какъ для Браницкаго его сближеніе съ стольникомъ литовскимъ [2]) и совмѣстное пребываніе съ послѣднимъ въ Петербургѣ. Послѣ возвращенія Понятовскаго изъ его экскурсіи на берега Невы, молодые жарновскіе каштеляничи ближе познакомились съ нимъ. Всѣ трое мало походили другъ на

[1]) Каштеляничъ—сынъ каштеляна.

[2]) Понятовскимъ—будущимъ королемъ польскимъ.

друга, но тѣмъ прочнѣе была ихъ связь. Прекрасно образованный, съ утонченно-вѣжливымъ свѣтскимъ обращеніемъ, сердечный, несмотря на свою приверженность къ этикету—Станиславъ, ех-посолъ, а въ то время, вѣроятно, уже и ех-любовникъ, олицетворялъ собою въ этомъ кружкѣ цивилизаціонный элементъ... Товарищи постоянно льстили ему, поклонялись, удивлялись... Счастливецъ! взоръ высокопоставленной женщины остановился на немъ...

Понятовскій не могъ существовать безъ безпрестанныхъ овацій; приблизительно около того-же времени онъ самъ пишетъ о себѣ слѣдующее: „я такъ люблю быть любимымъ и восхваляемымъ, что если-бы опасеніе стать смѣшнымъ и знаніе свѣта не пріучили меня воздерживаться въ этомъ отношеніи, я могъ-бы сдѣлаться чрезвычайно тщеславнымъ“.

Браницкій занималъ второе мѣсто въ этомъ кружкѣ и представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ искателя приключеній, притомъ космополита. Одаренный безумной отвагой, истинно польской хвастливостью, дерзскій до бѣшенства, онъ не переносилъ ни малѣйшаго противорѣчія. Онъ обладалъ достаточно свѣтскимъ обращеніемъ, зналъ хорошо языки и съ саблей при боку не разъ побывалъ во многихъ странахъ Европы; къ женщинамъ былъ неравнодушенъ, но не видя въ романѣ ни цѣли, ни жизненной потребности, предпочиталъ, кажется, утѣшеніе за чарой наслажденіямъ любви, конечно вѣнчающейся успѣхомъ. Со стольникомъ соединяли его самыя близкія отношенія. Понятовскій ухаживалъ за его сестрой, Елизаветой, которая пользовалась большимъ вліяніемъ на брата, а еще большимъ на любовника. Будучи старше ихъ обоихъ—въ 1750 году, когда стольнику было едва 17 лѣтъ, Елизавета была уже матерью; она отличалась сверхъ того энергіей мужчины... Будучи женой двухъ воеводичей, сначала смоленскаго, потомъ мстиславскаго, она славилась своей красотой въ концѣ царствованія Августа III. Ея преданное сердце усладило „Стасю“ не одну минуту, и только гораздо позже она сдѣлалась однимъ изъ самыхъ болѣзненныхъ терній въ его тяжелой, хотя съ такой любовью носимой имъ коронѣ.

Къ этому кружку принадлежали и Стемпковскіе. Иванъ старался во всемъ подражать стольнику, Іосифъ—Францу. Первый—обходительный, вѣжливый, скромный, больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, заботился о пріобрѣтеніи свѣтскаго лоска, былъ влюбленъ

въ дипломатическую карьеру; второй пристрастился къ рыцарскому ремеслу, но не обладая истинно воинскимъ духомъ, весь потонулъ исключительно въ формахъ. Грубый, размашистый, онъ до самой своей смерти не снялъ польскаго костюма, подбривалъ лобъ и затылокъ, носился съ анекдотами, причемъ эти его *jovialitates* снискивали ему приверженцевъ, способствовали его популярности. Шляхта, особливо пограничная, надрывалась отъ смѣху за сальными шутками пана воеводы.

Браницкій послѣ смерти отца получилъ панцырную хоругвь; панъ Іосифъ, въ подражаніе ему, также постарался получить званіе ротмистра и служить въ иностранномъ аутораментѣ. Это былъ мужчина средняго роста, хорошо сложенный, съ лицомъ пріятнымъ и открытымъ, причемъ наружность его обращала на себя вниманіе еще и той особенностью, что его висячіе усы были двухцвѣтные: одинъ темный, другой льняного цвѣта... Само собой разумѣется, что ротмистромъ былъ онъ лишь для виду и выступалъ въ этой роли только въ торжественныхъ случаяхъ. Обстоятельствамъ было угодно, чтобы портретъ Стемпковскаго именно въ этомъ марсовомъ костюмѣ перешелъ въ потомство. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Кіевскій староста, извѣстный Василій Потоцкій, облюбовавъ унію, принялъ подъ свое особенное покровительство монашескій орденъ базиліановъ почаевскихъ и такъ много дѣлалъ въ его пользу, что почаевскіе монахи и до сихъ поръ молятся за его душу, хотя уже давно перестали быть послѣдователями уніи... Староста, какъ извѣстно изъ исторіи, построилъ монастырь, построилъ церковь, наконецъ занялся приготовленіями къ коронаціи чудотворной почаевской иконы, и актъ этотъ былъ отпразднованъ съ необыкновенной торжественностью въ началѣ царствованія Станислава Августа. Герой нашъ выступалъ во время празднества во главѣ своей хоругви. Потоцкій поручилъ какому-то неумѣлому художнику увѣковѣчить этотъ моментъ, а ксендзъ граверъ изъ Бердичева воспроизвелъ это художественное произведеніе на бумагѣ. Первое лицо во главѣ военнаго кортежа и есть Іосифъ Стемпковскій.

Но не станемъ предупреждать событій.

Въ 1764 году Понятовскій сдѣлался королемъ. На руку это было Браницкому, ничего не потеряли отъ этого жарновскіе каште-

ляничи. Младшій получилъ званіе шамбеляна, старшій не оставилъ военнаго поприща. Послѣдній, вѣроятно, пошелъ-бы далеко, еслибы захотѣлъ для карьеры пожертвовать своими убѣжденіями; но онъ этого не сдѣлалъ, а потому на всю жизнь остался при своемъ скромномъ званіи. Іосифъ, болѣе сговорчивый, считалъ для себя болѣе подходящимъ, или по крайней мѣрѣ болѣе выгоднымъ держаться при королѣ, или хотя при комъ-нибудь изъ его любимцевъ. Поэтому неудивительно, что въ матеріальномъ отношеніи онъ устроился очень хорошо. Благодаря стараніямъ Браницкаго, онъ попалъ въ коммиссію, составлявшую въ 1767 году регламентацію для кавалерійскихъ полковъ, „по которой они должны были производить воинскія упражненія, какъ конныя, такъ и пѣшія". Коммиссія состояла изъ предсѣдателя, князя Августа Чарторыжскаго, и двѣнадцати членовъ, въ числѣ которыхъ фигурировалъ и Іосифъ Стемпковскій, но безъ всякаго титула... Это былъ первый шагъ, и не такой ничтожный по значенію, какъ это сразу можетъ показаться. Предсѣдательствующимъ въ коммисіи былъ всегда или сенаторъ, или иной высокій сановникъ, такъ какъ званіе это считалось очень почетнымъ; въ члены-же избирались люди, знакомые съ военнымъ дѣломъ. Шляхта, читая ихъ предписанія, любопытствовала знать имена составителей, и вотъ въ числѣ знакомыхъ фамилій встрѣчается съ незнакомой фамиліей Стемпковскаго... Кто это? спрашиваютъ другъ друга шляхтичи... Должно быть человѣкъ опытный въ военномъ искусствѣ, разъ онъ попалъ сюда... И вотъ первый шагъ къ повышеніямъ.

Такъ обстояли дѣла, когда разразилась барская смута.

Королевскимъ приверженцамъ представлялся случай доказать свою привязанность къ его величеству. Браницкій, въ то время генералъ коронныхъ войскъ, генералъ артиллеріи литовской, кавалеръ польскихъ орденовъ, староста перемышльскій, великій ловчій [1]) коронный, самъ навязывался Понятовскому.

— Повелите только, ваше королевское величество, сказалъ онъ ему,—и я пойду и разсѣю эту свору...

Король охотно принялъ эту жертву, и вотъ, въ первыхъ числахъ іюля 1768 года, Браницкій былъ уже въ Подоліи во главѣ нѣсколь-

---

[1]) *Ловчій* — егермейстеръ.

кихъ полковъ, а помошникомъ его, „субалтерномъ", или обознымъ [1]) былъ назначенъ Іосифъ Стемпковскій. Главнокомандующій не щадилъ для него похвалы и ежеминутно доносилъ королю о его заслугахъ и самопожертвованіи.

„Бдительность обознаго нисколько не уступаетъ моей, пишетъ онъ 4-го іюля изъ Ходорова. Относительно его съ спокойной совѣстью могу засвидѣтельствовать, что искренно, охотно и не щадя издержекъ помогаетъ мнѣ".

Первое столкновеніе произошло подъ Зинковомъ съ отрядомъ Славошевскаго. Браницкій нападалъ, Стемпковскій сначала стоялъ въ резервѣ, а подъ конецъ помогалъ авангарду. Перестрѣлка окончилась побѣдой королевскихъ приверженцевъ. Силы были неравныя. Само собой разумѣется, въ Варшаву немедленно былъ отправленъ рапортъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и, вѣроятно, много было въ немъ сказано объ обозномъ, такъ какъ въ отвѣтѣ Понятовскаго мы встрѣчаемъ слѣдующее упоминаніе о немъ: „прошу сердечно обнять отъ меня регимептаря Стемпковскаго, поддержавшаго авангардъ съ такой поспѣшностью (nie kłusem, ale pędem). Станиславъ-Августъ назвалъ обознаго региментаремъ, вѣроятно, изъ вѣжливости, или по своей забывчивости, такъ какъ панъ Іосифъ имъ еще тогда не былъ.

Вскорѣ была одержана новая побѣда. Баръ былъ взятъ. Пало 400 конфедератовъ, въ плѣнъ было взято еще больше, и въ числѣ взятыхъ находился и Иванъ Стемпковскій, шамбелянъ, братъ Іосифа. Встрѣча братьевъ была очень тягостна для ихъ обоихъ... Они вели долгую бесѣду наединѣ, которая не привела, однако, къ желанному соглашенію. Убѣжденія Ивана не поколебались, что дѣлаетъ ему честь. Ему грозило изгнаніе въ далекія степи—тѣмъ не менѣе онъ не покорился. А такъ какъ это было еще въ началѣ, и начальники русскихъ войскъ еще не получили точныхъ инструкцій относительно того, какъ поступать съ заключенными, то, по просьбѣ короля, освобождали нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ былъ и шамбелянъ.

— Взятъ Стемпковскій? спрашивалъ Станиславъ-Августъ у Браницкаго: не тотъ-ли это, что былъ при моемъ дворѣ? Если тотъ, то передай ему отъ меня, что сердце мое не предубѣждено противъ

---

[1]) Обозный — квартирмейстеръ.

него; но пусть помнитъ на другой разъ, что безъ меня лучше не вмѣшиваться въ такія дѣла!

Освобожденный панъ Иванъ возвратился въ Галицію, не простившись даже съ братомъ, и, кажется, они больше уже не видѣлись...

Но это была послѣдняя побѣда. Обозный, однако, успѣлъ получить награду, о чемъ усердно хлопоталъ Браницкій: „прошу ваше королевское величество орденъ для него переслать въ мои руки, причемъ онъ останется у меня до тѣхъ поръ, пока Стемпковскій не получитъ чего нибудь побольше“.

Послушный король два раза отправлялъ звѣзду святаго Станислава, но она ни разу не доходила по назначенію.

Дальнѣйшія судьбы нашего героя, сражающагося съ рыцарями св. Маріи въ окрестностяхъ Днѣстра, не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго. Полгода провелъ онъ въ постоянной перекочевкѣ, въ собираніи фуража, въ „военныхъ посѣщеніяхъ“ спокойныхъ обывателей (помѣщиковъ), подозрѣваемыхъ въ симпатіяхъ къ заговорщикамъ. Стемпковскій требовалъ отъ компутовыхъ [1]) строгаго воздержанія, но самъ очень часто не соблюдалъ его. Для виду, comme le gènéral du jour, такъ иногда называетъ его Браницкій, онъ присутствовалъ ежедневно при обнародованіи войсковаго приказа, выдавалъ билеты на выѣздъ изъ обоза. Послѣ такихъ тяжелыхъ трудовъ слѣдовалъ отдыхъ: бесѣда за бутылкой, а при такой бесѣдѣ все предавалось забвенію. Кто-либо изъ офицеровъ замѣнялъ обознаго; случалось однако, что заступающій мѣсто начальника, служащій подъ королевскимъ знаменемъ, втайнѣ сочувствовалъ конфедератамъ...

Бѣда не велика, за то сколько развлеченій и удовольствій! Веселился и ловчій коронный, веселился и обозный въ многочисленномъ обществѣ помѣщиковъ, съ щирымъ сердцемъ привѣтствующихъ такъ называемыхъ спасителей...

Да и что-же имъ было дѣлать? Изъ двухъ золъ—лучше ужъ угощать свои, чѣмъ чужія войска.

---

[1]) *Компутовымъ* войскомъ въ Польшѣ называлось постоянное войско, содержащееся на счетъ Рѣчи Посполитой.

II.

Но когда не съ кѣмъ уже было воевать на равнинахъ Подоліи, такъ какъ конфедераты тихо сидѣли въ бессарабскихъ степяхъ, когда, наконецъ, и уманская рѣзня была усмирена, необходимо было подумать о судѣ и расправѣ. До сихъ поръ Стемпковскій только повидимому принималъ участіе въ усмиреніи черни, таскаясь то съ отрядомъ Кречетникова, то съ отрядомъ Апраксина, теперь-же принялъ на себя активную роль экзекутора.

Бартошевичъ, говоря о Браницкомъ, восклицаетъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ: „вмѣстѣ съ Стемпковскимъ одерживалъ легкія побѣды и моремъ крестьянской крови потушилъ пожаръ Украины“.

Однако Браницкій не былъ лишенъ нѣкоторыхъ заслугъ въ данномъ случаѣ; онъ умиротворялъ ожесточеніе шляхты и наушничанья вѣрноподданныхъ, бросая имъ насмѣшки въ глаза:

— „Благодаря вамъ—говорилъ онъ—происходятъ эти волненія; при малѣйшемъ намекѣ на нашествіе гайдамакъ всякій жидъ и шляхтичъ спѣшитъ уйти за границу и увезти, кого возможно. Оставшіяся безъ руководителей села принимаются за воровство и разбой“.

Ревностные сторонники экзекуціи пятились какъ-бы окаченные ушатомъ холодной воды, пристыженные такимъ заявленіемъ. Наконецъ, Браницкій обладалъ еще однимъ магическимъ словомъ для усмиренія этого кровожаднаго рвенія.

— Кто-же будетъ обрабатывать ваши поля—шепталъ онъ просителямъ, требующимъ неумолимаго правосудія,—если вы истребите ихъ до одного?..

Король, приведенный въ ужасъ многочисленными казнями, постоянно писалъ Браницкому: „Довольно! Если вамъ угодно, лучше ужъ клеймите десятаго“... Неосторожный совѣтъ. Стемпковскій примѣнилъ его буквально.

Три человѣка имѣли право жизни и смерти (jus gladii) въ это тяжелое время въ пограничныхъ областяхъ: Браницкій, Дубравскій, судья житомирскій и Iосифъ Стемпковскій.

Дубравскій приводилъ въ ужасъ взбунтовавшихся крестьянъ. Въ Житомирѣ засѣдало нѣчто въ родѣ коммисіи, на подобіе тепе-

решнихъ временныхъ судовъ. Предсѣдателемъ ея былъ Дубравскій, помощниками его—Выверскій, Лабенцкій и Почентовскій. Проступки разбирались въ ней со всей добросовѣстностью. Дубравскій былъ маленькій человѣкъ и такого слабаго сложенія, что даже литой поясъ былъ для него слишкомъ тяжелъ и, вслѣдствіе этого, онъ не носилъ сабли, а опоясывался ремнемъ съ серебрянной застежкой, привѣшивая къ нему небольшой кинжалъ... Но это не мѣшало ему быть очень храбрымъ, и когда шляхта, при извѣстіи о „коліивщинѣ“, потеряла голову,—одинъ Дубравскій не только не потерялъ ея, но, по примѣру знаменитыхъ ротмистровъ XVII вѣка, бросился прямо въ огонь и потушилъ его въ кіевскомъ и волынскомъ Полѣсьи. Послѣ этого онъ сдѣлался пугаломъ ожесточеннаго крестьянства. Обвиняемыхъ въ убійствѣ онъ отсылалъ въ Кодню, мѣстечко, находящееся на разстояніи трехъ миль отъ города тамъ стояла польская команда, а во главѣ оной находился Іосифъ Стемпковскій...

Приговоры житомирскаго суда были приведены въ исполненіе въ первой половинѣ сентября. Русскій писатель, Максимовичъ, утверждаетъ, что тамъ обезглавлено было въ продолженіи этого времени 114, а повѣшено болѣе 200 преступниковъ (різунівъ). Однако, по неволѣ является вопросъ, отчего народъ не заклеймилъ проклятіемъ ни Браницкаго, ни Дубравскаго, а сохранилъ воспоминанія только объ одномъ Стемпковскомъ?

Извѣстный русскій писатель Антоновичъ, вмѣстѣ съ Драгомановымъ, издавали нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ историческія пѣсни малорусскаго народа, очень интересныя во многихъ отношеніяхъ. Въ одной части этого труда собраны такъ называемыя гайдамацкія думы. Эти пѣсни еще не вышли въ свѣтъ, но если даже часть слышанныхъ нами войдетъ въ ихъ сборникъ,—имя „страшнаго Іосифа“ займетъ въ нихъ первое мѣсто... О „страшномъ Іосифѣ“ повѣтствовалъ долго украинскій крестьянинъ, слѣпой лирникъ переносилъ изъ села въ село разсказы о грозномъ панѣ, который снималъ головы „невинныхъ людей, какъ маковки“!...

Могилы казненныхъ въ Коднѣ уже давно поросли травой; одно поколѣніе успѣло совсѣмъ вымереть, но еще второе и третее повторяло нѣчто въ родѣ проклятья, брошеннаго недоброму человѣку.

— Да не минетъ тебя святая Кодня! *Колибъ тебе не минула святая Кодня!*

Исторія и народныя преданія—двѣ совершенно различныя вещи. Преданіями можно пользоваться, но очень осторожно, разъ существуетъ желаніе добросовѣстно служить исторіи. Однако, въ данномъ случаѣ, и исторія и преданія идутъ рука объ руку: въ обѣихъ запечатлѣна несомнѣнная истина... Опять невольно является вопросъ—отчего товарищи страшнаго Іосифа не удостоились такой печальной чести, отчего не воскресли они, подобно ему, въ пѣсняхъ украинскаго народа? Вы скажете, можетъ быть, что Дубравскій только подписывалъ приговоры, между тѣмъ какъ Стемпковскій приводилъ ихъ въ исполненіе. Да, но и Браницкій присутствовалъ въ Сербахъ, когда четвертовали Гонту, и когда сотни товарищей послѣдняго шли подъ топоръ блюстителя правосудія... Однако-же на ловчаго нѣтъ и намека въ народномъ преданіи!.. Въ чемъ-же лежитъ причина этого? Вопросъ рѣшается легко, если возобновимъ въ памяти событія того времени. Какъ геній разрушенія, обрушился обозный на Полѣсье. Путь свой онъ намѣчалъ висѣлицами, при чемъ вздергивалъ каждаго, казавшагося ему подозрительнымъ; но таковымъ казался ему почти всякій встрѣчный крестьянинъ, а потому въ это время повальнаго бѣгства въ лѣса, гдѣ люди искали временнаго убѣжища,—жертвъ его оказалось не мало. Онъ прибылъ, наконецъ, въ Кодню. Расположенное среди болотъ и трясинъ, мѣстечко это производило какое-то тяжелое впечатлѣніе. Общества въ немъ не было никакого, такъ какъ подкомандные бригадиры, Дзержекъ и Любовицкій, и поручики Дрогоевскій, Дедеркалъ, Поморскій и Веверковскій отправились въ разъѣзды, обшаривая ближайшія и дальнѣйшія окрестности... Дубравскій присылалъ преступниковъ изъ Житоміра, но ими не удовлетворялся Стемпковскій. Вѣдь не напрасно-же король далъ ему право жизни и смерти (право меча)? Шляхта жаждала экзекуцій... и онъ не скупился на нихъ; король совѣтовалъ клеймить—и онъ старался угодить лучшему изъ королей...

Онъ не вдавался въ мелочи, не допрашивалъ—кто болѣе виноватъ, а кто менѣе; каждый пойманный былъ у него преступникомъ, кандидатомъ на висѣлицу.

Народъ не проклиналъ Дубравскаго, такъ какъ послѣдній былъ въ его воображеніи олицетвореніемъ правосудія; онъ не бросилъ проклятія Браницкому, такъ какъ ловчій коронный наказывалъ гайдамакъ лишь на дымившихся кровью поляхъ, причемъ обвиняемыхъ ему отдавали въ руки русскія войска съ оговоркой, что отдаютъ виновниковъ рѣзни, слѣдовательно, преступниковъ... Стемпковскій, напротивъ даже спустя 3 мѣсяца послѣ взрыва не колебался примѣнять смертную казнь. Пора уже было остыть, пора было изслѣдовать причины страшной катастрофы... А ему легче было это сдѣлать, чѣмъ кому-бы то ни было другому, такъ какъ въ его отрядѣ находился Шелестъ, окозаченный крестьянинъ, приверженецъ короля и Рѣчи-Посполитой.

Вѣдь Шелестъ громко разсказывалъ свою простую исторію, и всякій, желавшій слушать, слушалъ ее. Отъ него-же и въ той-же Коднѣ узналъ о ходѣ всего волненія Игнатій Игнатовичъ, войскій [1]) червоноградскій, впослѣдствіи, 12 лѣтъ спустя, секретарь пограничной коммисіи „между польской Украйной и Новороссіей". Онъ-то и передалъ потомству исторію Шелеста. Шелестъ былъ богуславскимъ сотникомъ; мѣсяца за 4 до рѣзни, запорожцы, укрывавшіеся въ мотроненскомъ лѣсу, предложили ему принять участіе въ походѣ на ляховъ и жидовъ, присовокупляя, что этотъ походъ уже не будетъ обыкновеннымъ гайдамацкимъ набѣгомъ, но рѣзней, покровительствуемой „ея величествомъ императрицей" и окончится вѣчнымъ счастіемъ украинскаго крестьянства. И для Шелеста свобода имѣла невыразимое очарованіе. Долго думалъ онъ, какъ поступить, а мужикъ, какъ видно, былъ „смышленый": „если это правда", сказалъ онъ себѣ, „что царица хочетъ дать волю польскимъ крестьянамъ, то, вѣроятно, знаетъ объ этомъ и кіевскій намѣстникъ. До Кіева не далеко, при случаѣ и мощамъ святымъ поклониться можно".

И вотъ ѣдетъ Шелестъ къ генералу Воейкову и спрашиваетъ его безъ обиняковъ, какъ обстоитъ дѣло, передавая при этомъ слухи, распространившіеся въ украинскихъ степяхъ. Генералъ-губернаторъ похвалилъ козака, но сказалъ ему, что „ея императорское вели-

---

[1]) Войскій—чиновникъ наблюдавшій за спокойствіемъ въ краѣ, во время всеобщаго ополченія.

чество, русская монархиня, далека отъ мысли принимать подъ свой протекторатъ разбойниковъ". Ну, и возвратился Шелестъ домой; круто обращался онъ во время волненій съ гайдамаками, а послѣ прибытія Стемпковскаго въ Кодню, поспѣшилъ со своею дружиною къ его услугамъ и ревностно помогалъ ловить грабителей. Тѣмъ не менѣе, этотъ фактъ обращенія за справками очень характеренъ.

Обозный, вѣроятно, зналъ эту исторію. Если-бы онъ захотѣлъ обдумать ее серьезно, онъ не могъ-бы не придти къ заключенію, что народъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ собственныхъ кровожадныхъ инстинктовъ, но былъ лишь орудіемъ въ рукахъ подстрекателей, которымъ, однако, почти всѣмъ удалось ускользнуть изъ предѣловъ Рѣчи-Посполитой [1]).

Темное заднѣпровское духовенство, религіозный антагонизмъ, прозелитическая политика, веденная на свой страхъ, наконецъ, излишняя свобода въ волостяхъ, расположенныхъ вдоль польской границы,—вотъ главныя причины рѣзни. Притѣсненія со стороны пановъ не могли быть поводомъ и искрой бунта, такъ какъ этихъ притѣсненій именно тамъ-то и не было. Только ослѣпленные ненавистью малорусскіе исторіографы, вовсе незнакомые съ мѣстными отношеніями, недоброжелательные и злонамѣренные, въ ложномъ свѣтѣ изображающіе долю украинскаго крестьянина, могутъ разсѣевать подобныя выдумки и ложь [2]).

Но возвратимся къ Стемпковскому. Нисколько не сдерживая своихъ страстей, онъ примѣнилъ во всемъ объемѣ страшный терроризмъ висѣлицы, и тогда только прекратилъ свои ужасныя дѣйствія,

---

[1]) Здѣсь уважаемый историкъ не имѣлъ мужества отступить отъ традиціоннаго пріема объясненія историческаго хода событій подстрекательствами, свѣдѣнія о которыхъ ни на чемъ не основаны.—Ред.

[2]) Не знаемъ, какихъ исторіографовъ разумѣетъ здѣсь почтенный авторъ и кого именно честитъ онъ столь сильными эпитетами. Есть однако полная возможность въ сужденіи о причинахъ возстанія 1768 г., выставляемыхъ авторомъ такъ односторонно, отрѣшиться отъ личныхъ воззрѣній и слѣдовать только указаніямъ современныхъ документовъ, каковы, между прочимъ, помѣщены въ I и II т. 1-й ч. Архива юго-зап. Россіи, 1865 г., равно начаты печатаніемъ въ «Кіев. Стар.» за 1882 г., т. III, стр. 523—552 и т. IV, стр. 89—119. Окончаніе послѣднихъ не замедлитъ, а они даютъ болѣе широкое очертаніе событію 1768 г., по его внутреннимъ, основнымъ мотивамъ, напрягавшимъ обѣ враждебныя стороны, и причинамъ внѣшнимъ, дѣйствовавшимъ на ослабленіе одной и усиленіе другой стороны.—Ред.

когда въ Варшавѣ громко начали порицать его излишнюю строгость... Даже самъ король разсердился на обознаго.

Неудовольствіе Станислава-Августа немедленно проявилось. Нѣсколько времени спустя, уже осенью, Браницкій, желая уѣхать изъ Подоліи, просилъ у короля позволенія передать Стемпковскому свою команду. Понятовскій запротестовалъ въ первый моментъ съ безпримѣрной настойчивостью, доказывая, что полковники не станутъ повиноваться Стемпковскому, не говоря уже о крѣпостныхъ комендантахъ: Коритовскомъ во Львовѣ и Виттѣ въ Каменцѣ, которые ни за что не пожелаютъ подчиниться его инструкціямъ. „Стемпковскій“, присовокупляетъ онъ, „и въ польскихъ войскахъ не имѣлъ достаточнаго вѣса, такъ какъ свѣжи еще у всѣхъ воспоминанія о разныхъ очень недавнихъ событіяхъ, притомъ-же, я не могу быть увѣреннымъ, что, при его вѣжливости и гуманности, онъ не сдѣлаетъ, будучи подъ хмѣлькомъ, какихъ нибудь крупныхъ промаховъ, благодаря своему бурному темпераменту“.

Выраженіе „разныя очень недавнія событія“ можно себѣ объяснить двоякимъ образомъ: подъ нимъ подразумѣваются или получившія въ то время громкую извѣстность такъ называемыя „военныя посѣщенія“, или слишкомъ строгое обращеніе съ украинскимъ крестьянствомъ. Браницкій однако не терялъ надежды на возможность переубѣдить Станислава-Августа, и, зная его характеръ, все настаивалъ на своемъ. „Обозный“, писалъ онъ королю, „не такой человѣкъ, который былъ-бы способенъ командовать самъ, en chef, но какъ субалтернъ, какъ исполнитель, онъ незамѣнимъ. Въ случаѣ, еслибы пришлось драться или маневрировать, ему смѣло можно дать письменныя инструкціи, и онъ все исполнитъ въ точности“. Браницкому, вѣроятно, удалось представить еще другіе, болѣе убѣдительные доводы, такъ какъ Станиславъ-Августъ поддался, наконецъ, его просьбамъ и согласился на его выѣздъ изъ Подоліи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы онъ разставилъ по квартирамъ гвардейскіе и иные полки въ экономіяхъ брестской и козеницкой. Письмо короля заключается слѣдующими словами: „Если какія-либо непреоборимыя обстоятельства заставятъ тебя оставить Стемпковскаго при оставшейся еще горсти войска, то, по пріѣздѣ сюда, немедленно пошли ему приказъ распустить его“.

Это происходило въ декабрѣ 1768 года. Страшный Іосифъ, не обращая вниманія на магнатовъ, упрекавшихъ его въ жестокости, ни на неблагосклонность къ нему короля, оставался въ пограничныхъ областяхъ въ роли единственнаго ихъ защитника. Генеральскій чинъ придавалъ ему больше вѣса, орденъ св. Станислава украшалъ его грудь, онъ именовалъ себя региментаремъ, хотя *de facto* сдѣлался имъ только годъ спустя; передъ нимъ были отряды конфедератовъ, медленно, но настойчиво проникавшихъ изъ бессарабскихъ степей въ Приднѣстровье, и нѣмое, но дикое и разсвирѣпѣвшее украинское крестьянство...

Съ конфедератами онъ не имѣлъ охоты мѣряться силами— дѣло было нелегкое! Онъ уступилъ эту роль союзническимъ предводителямъ, а самъ отправился въ Кіевщину, размышляя на досугѣ о средствахъ убѣдить короля въ томъ, что онъ воспользовался горстью войска, находящагося подъ его командой, для защиты страны, а слѣдовательно, непосредственно и для защиты интересовъ его величества въ этой странѣ...

Счастливый случай представился ему въ слѣдующемъ-же году.

Не смотря на „искреннее“ желаніе истребить всѣхъ участниковъ недавней рѣзни, страшный Іосифъ не могъ этого достичь даже при помощи пущенныхъ въ ходъ меча и висѣлицы: горсть ихъ сохранилась среди усмиреннаго народа. Страхъ овладѣлъ ими при вѣсти, что Стемпковскій сталъ во главѣ украинской арміи.

— „Отыщетъ насъ, найдетъ!“ говорили они: „онъ столькихъ уже сгубилъ со свѣта, какъ не добраться ему и до насъ? Такъ лучше-же попытать еще разъ счастія, соединиться въ гайдамацкіе станы, подѣлать заставы“...

Дѣло было рѣшено. Нѣсколько старыхъ запорожцевъ ободряли ихъ...

Не имѣя права взваливать всю вину на региментаря, мы приведемъ еще другой поводъ, способствовавшій соединенію крестьянъ въ шайки. Россія въ то время начала, какъ извѣстно, войну съ Турціей, и московскія войска двигались къ Днѣстру черезъ пограничныя провинціи, а такъ какъ эти-же войска взяли на себя уничтоженіе конфедератовъ, то дѣлали этимъ нѣкоторую услугу и Рѣчи-Посполитой. Одинъ изъ русскихъ предводителей, князь Прозоровскій, сформировалъ нѣсколько отрядовъ легкой конницы изъ

крестьянъ польской Украйны и съ успѣхомъ пользовался ими вмѣсто регулярныхъ войскъ для рекогносцировки линіи Днѣстра и разрушенія сельскихъ посадовъ вдоль этой рѣки. Такъ говоритъ г. Петровъ, прибавляя, что, для увеличенія числа этихъ импровизированныхъ солдатъ, тотъ-же князь обнародовалъ манифестъ, якобы приподнесенный ему крестьянами, въ которомъ послѣдніе, собравшись въ Бѣлой-Церкви, покорно просятъ царицу принять ихъ подъ свое покровительство въ виду возможнаго набѣга татаръ, вырѣзавшихъ уже Балту...

Былъ-ли политиченъ этотъ поступокъ, не говоря уже о его достоинствѣ въ иныхъ отношеніяхъ—легко осудитъ безпристрастный читатель, какъ легко понялъ это и главный начальникъ русскихъ силъ, князь Голицынъ.

На призывъ этого манифеста, какъ изъ земли выросли гайдамацкіе станы въ классической днѣпровской котловинѣ, въ окрестностяхъ мотренинскаго монастыря...

Запорожецъ Журба во главѣ 700 человѣкъ расположился въ лѣсу подъ Ольшовомъ, хорошо окопался и за землянымъ валомъ устроилъ еще вторую защитительную линію изъ вѣковыхъ дубовъ.

Панченко заперся въ летневецкомъ замкѣ, расположенномъ возлѣ Лысянки, съ 200-ми человѣкъ, съ достаточнымъ количествомъ пороха, амуниціи и съѣстныхъ припасовъ.

Тимченко укрѣпился подъ Звенигородкой въ густомъ бору также съ двумя стами гайдамакъ...

На готовѣ было болѣе 1000 вооруженныхъ грабителей, непримиримыхъ, увлеченныхъ двумя могучими чувствами—страха и мести, окончательно на все рѣшившихся и вполнѣ увѣренныхъ въ невозможности спасенія для себя во все время, пока страшный Іосифъ предводительствовалъ польской командой.

Но они пока не трогались съ мѣста, даже съ русскими войсками прекратили всякія сношенія!.. Народъ по селамъ зловѣще молчалъ, но жадно слѣдилъ за успѣхомъ гайдамакъ, прислушивался и ждалъ только кроваваго сигнала.

Въ затруднительномъ положеніи очутился Стемпковскій. Войско его было очень немногочисленно, пушки ни одной, передвиженіе затруднялось громадными снѣгами, между тѣмъ какъ гайдамацкіе лагери принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

Панъ Iосифъ, благодаря своей проницательности, не бросился на гайдамакъ, но позаботился о пресѣченiи имъ всѣхъ путей сообщенiя. Разбойникамъ была этимъ затруднена возможность подвоза припасовъ, чему много способствовало и то обстоятельство, что сборъ хлѣба въ 1768 году былъ крайне плохъ, такъ какъ хлѣбъ, хотя и отлично уродившiй, или подвергся потравѣ, или пропалъ на корню... Всѣ незаселенныя мѣста надъ Днѣпромъ заняли польскiя войска, наконецъ сама рѣка, величественно разлившаяся весной, представляла непобѣдимую преграду для маленькихъ шаткихъ челноковъ, употребляемыхъ въ народѣ.

Стемпковскiй спокойно выжидалъ на готовѣ... Повторяемъ, это былъ баловень судьбы: она ему благопрiятствовала во всемъ, и даже при томъ затруднительномъ положенiи, въ какомъ онъ находился, обстоятельства сложились такъ, чтобы сдѣлать его героемъ.

Кто-то началъ распространять въ народѣ прокламацiи, подписанныя какимъ-то козакомъ Иваномъ. Въ прокламацiяхъ этихъ ясно высказывалось, что такой-же врагъ народа москаль, какъ и ляхъ, и что не слѣдуетъ миловать обоихъ, такъ какъ только освободившись отъ нихъ украинскiй мужикъ завоюетъ себѣ неограниченную свободу...

Прокламацiя эта имѣла громадный успѣхъ. Грабители начали нападать на мелкiе русскiе отряды, густою сѣтью разбросанные по Украйнѣ и до сихъ поръ бывшiе въ глазахъ простаго народа чѣмъ-то въ родѣ неприкосновенной святыни. Хорунжiй Ларнiевъ, командовавшiй въ этой мѣстности войскомъ, предназначеннымъ для охраны магазиновъ, не могъ ничего подѣлать и обратился къ Стемпковскому за помощью.

Послѣднему это было какъ нельзя болѣе на руку. Начались преслѣдованiя, прежде всего—за Шостакомъ, стоявшимъ во главѣ сотни гайдамакъ, особенно склоннымъ къ захвату русскаго провiанта... Однако эти попытки не имѣли успѣха. Шостакъ, какъ будто обученный партизанской войнѣ, постоянно ускользалъ у нихъ почти изъ рукъ, причемъ располагался обозомъ въ полѣ, народа онъ не бунтовалъ, а только грабилъ магазины, или пускалъ краснаго пѣтуха... Поговаривали, и не безъ основанiя, что вице-бригадиръ Дзержекъ уже раза два держалъ въ своихъ рукахъ этого

разбойника, но, восхищенный его ловкостью, какъ-бы ненарочно щадилъ его.

Послѣ недолгаго совѣщанія главные предводители пустились на хитрости. Принялись сначала за Журбу. Въ посланномъ послѣднему письмѣ Ларніевъ предлагалъ вожаку соединиться съ вольницей, устроенной по повелѣнію князя Прозоровскаго. Разбойникъ отдѣлался шуткою: въ его памяти слишкомъ свѣжъ еще былъ поступокъ Кречетникова подъ Уманью, чтобы онъ могъ поддаться на эти парламентскіе уловки.

Не оставалось иного средства, какъ обратиться къ главному предводителю русскихъ войскъ. Обозный послалъ ему манифестъ брацлавской и кіевской шляхты, составленный въ Винницѣ, въ которомъ помѣщики порицаютъ формированіе козацкихъ отрядовъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой; одновременно Ларніевъ доносилъ, что провіанту угрожаетъ слишкомъ большая опасность. Тогда князь Голицынъ двинулъ порядочный корпусъ подъ предводительствомъ генерала Вунча, состоящій изъ 2000 донскихъ козаковъ, 60 стрѣлковъ и одного орудія. Все это, соединившись подъ командой Стемпковскаго, бросилось на гайдамакъ.

Подъ Ротмистрóвкой былъ разбитъ Шостакъ, дня три спустя—Журба. Оба вожаки пали на полѣ битвы. Тимошко былъ побѣжденъ также очень скоро, только съ Панченкомъ было больше трудовъ. Запершись въ своемъ замкѣ, онъ не поддавался и приходилось приступить къ осадѣ. Разбойники стрѣляли мѣтко и много осаждающихъ пало; въ числѣ павшихъ былъ и донской полковникъ Туровѣровъ... Тѣмъ не менѣе послѣ двухдневной бомбардировки гарнизонъ принужденъ былъ вывѣсить бѣлое знамя, причемъ упоенные успѣхомъ побѣдители души живой не выпустили изъ замка, а безъ пощады, по татарски изрубили всѣхъ до одного...

Стемпковскій, довольный возможностью похвастаться успѣхомъ, послалъ королю извѣщеніе о побѣдѣ. Растроганный Станиславъ-Августъ повѣрилъ, наконецъ, въ военныя способности обозного. Онъ признательно благодарилъ его за самопожертвованіе, просилъ прекратить строгія мѣры и объявить народу амнистію. Стемпковскій подчинился волѣ государя; при посредствѣ священниковъ онъ увѣрилъ народъ въ помилованіи всѣхъ тѣхъ, которые разойдутся по домамъ и останутся въ „подобающей зависимости“.

Однако, только въ маѣ мѣсяцѣ могъ панъ Іосифъ отправиться въ Варшаву. Онъ былъ встрѣченъ тамъ, какъ спаситель, какъ человѣкъ, посланный провидѣніемъ: въ немногочисленномъ кружкѣ королевскихъ приверженцевъ его почти носили на рукахъ... Нашлись даже люди позавидовавшіе его лаврамъ... Понятовскій радовался прибытію вѣрнаго друга, а Стемпковскій, съ истинно шляхетскимъ добродушіемъ, разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ и оказывалъ при этомъ такое идолопоклонническое обожаніе его величеству, что разнѣженный король воскликнулъ со вздохомъ:

— О, еслибы страна имѣла поболѣе такихъ гражданъ!

Съ этого момента карьера нашего героя была упрочена. Онъ вышелъ на широкій путь повышеній. Одновременно съ этимъ, Браницкій отказался отъ региментарства, и король передалъ послѣднее Стемпковскому. Существуютъ документы, снабженные подписью новаго сановника; подъ фамиліей его фигурируетъ слѣдующее прибавленіе: генералъ-лейтенантъ, командующій дивизіями украинской и подольской.

Весь позднѣйшій періодъ барской конфедераціи Стемпковскій провелъ бездѣятельно въ пограничныхъ областяхъ, стоя во главѣ наблюдательнаго корпуса. Чего онъ здѣсь ждалъ,—и самъ онъ не зналъ хорошенько, какъ равно не знали этого и пославшіе его сюда.

Русскіе отряды, проходящіе чрезъ эту мѣстность, безъ страха проходили мимо него; крестьянство сидѣло тихо и, хотя отъ времени до времени не обходилось безъ экзекуцій, барщина была заведена повсюду, такъ какъ послѣдніе самые долгіе сроки льготъ („słobód“) уже миновали еще до рѣзни. Любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ региментаря были луга подъ Чернобылью, и здѣсь былъ расположенъ его лагерь. Тихо и спокойно протекала здѣсь жизнь. Русскіе какъ-бы забыли о присутствіи польскихъ войскъ въ этой странѣ, а помѣщики принимали и угощали защитника отъ мужицкой напасти и отъ грабежа „конфедератской голоты“.

Разъ только—и то единственный разъ—русскіе союзники заподозрили Стемпковскаго въ желаніи передаться вмѣстѣ съ войскомъ на сторону бунтовщиковъ. Это было въ 1771 г., именно въ то время, когда присланъ былъ новый начальникъ русскихъ вооруженныхъ силъ, стоявшихъ на Украйнѣ, неспособный, отупѣвшій и подозрительный Эссенъ...

Мы не въ состояніи изобразить изумленіе и ужасъ Стемпковскаго. Онъ—въ числѣ недовольныхъ! Онъ, вмѣстѣ съ Браницкимъ разорившій Подолію, служа дѣлу короля; онъ—прервавшій отношенія съ братомъ изъ-за того только, что тотъ сталъ подъ знаменемъ барской конфедераціи, онъ, такъ ревностно подавлявшій всякіе бунты! Послѣ всего этого могъ-ли онъ измѣнить своему доброму господину, обратить въ ничто свои священныя убѣжденія? Панъ Іосифъ полетѣлъ въ станъ Эссена и до тѣхъ поръ оправдывался передъ слабоумнымъ старцемъ, съ такою искренностію, съ такимъ жаромъ доказывалъ неправдоподобіе обвиненія, что Эссенъ, наконецъ, повѣрилъ ему и взялъ назадъ свое подозрѣніе. Желая дать новое доказательство своей привязанности къ дѣлу короля, Стемпковскій, узнавъ о переходѣ недовольныхъ на сторону Литвы, просилъ Румянцева позволить ему приблизиться къ театру военныхъ дѣйствій. Румянцевъ былъ солдатъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и дипломатіей не занимался; не зная вѣрноподданническихъ чувствъ регимента̀ря, онъ былъ очень недоволенъ этими его эволюціями и немедленно донесъ Екатеринѣ, что „польскій главнокомандующій, противъ всякихъ военныхъ правилъ, держится въ тылу арміи, между тѣмъ, какъ ему слѣдовало-бы давно занять другую, болѣе пристойную позицію; помощи и сочувствія незамѣтно съ его стороны, а потери постоянны, хотя-бы уже въ томъ отношеніи, что войска его питаются на счетъ страны, въ которой царская армія собираетъ провіантъ для себя“.

Румянцевъ слишкомъ далеко зашелъ въ своемъ требованіи: пусть свои, по его мнѣнію, не морятъ голодомъ провинцій, такъ какъ чужимъ можетъ недостать. И Стемпковскій, пристыженный, попятился къ Чернобылю, гдѣ и просуществовалъ до упадка конфедераціи и перваго захвата Польши...

III.

Во второй половинѣ 1772 года, именно 29 октября, король возвелъ регимента̀ря въ достоинство сенатора. Кромѣ того, Стемпковскій былъ сдѣланъ кіевскимъ каштеляномъ. Понятовскому сильно хотѣлось имѣть вѣрнаго человѣка среди кіевскихъ землевладѣльцевъ; этого требовала политика двора. Адамъ Мощенскій съ

нѣкоторымъ цинизмомъ составляя свой дневникъ, доказываетъ, что Млодзеевскій, извѣстный своею подлостью канцлеръ, посовѣтовалъ Станиславу-Августу давать чины коронные и сенаторскіе шляхтѣ, которой предки едва-ли когда-нибудь шли дальше воеводства, при чемъ одного изъ нихъ, болѣе образованнаго, поставить во главѣ, вмѣнивъ ему въ обязанность вербовать приверженцевъ помощію раздачи разныхъ судебныхъ должностей, которыя прежде доставались имъ по рекомендаціи и не иначе, какъ при вмѣшательствѣ магнатовъ.

Принадлежалъ-ли этотъ проектъ Понятовскому, или авторомъ его былъ Млодзеевскій,—это не важно; довольно того, что уже около 1770 года почти въ каждой провинціи находился человѣкъ, державшій знамя королевской партіи и усидчиво трудившійся надъ увеличеніемъ числа королевскихъ приверженцевъ. На Литвѣ долгое время исполнялъ эту роль Тизенгаузъ, въ Великопольшѣ—Рачинскій, на Волыни—Олизаръ, въ люблинской землѣ—Стамирскій, въ сандомирской—канцлеръ Малаховскій, въ браплавской—братья Грохольскіе, въ Подоліи—Липинскій. Кіевщина не имѣла еще руководителя, и вотъ послѣ перваго захвата, имъ является Іосифъ Стемпковскій и, слѣдуетъ воздать ему должное, ревностно исполняетъ свою обязанность...

Значительно раньше, чуть-ли еще не передъ барской конфедераціей,—такъ по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ предполагать, судя по замѣткамъ, находящимся у насъ подъ рукой,—Стемпковскій вступилъ въ бракъ съ Францишкой Тарковской, дочерью кастеляна брестскаго. Она была сирота, обладала большимъ состояніемъ и принесла мужу порядочное приданое. Ни жена Стемпковскаго, ни ея сестры—Гриневецкая, каштелянша каменецкая, и Морская,—ни даже дѣти ея не являются на политической аренѣ. Историки умалчиваютъ объ нихъ; все блѣднѣетъ въ яркомъ сіяніи, окружающемъ самого каштеляна. Въ виду его величія, хотя и дутаго, исчезаютъ во мракѣ забвенія жена, ближайшее потомство, боковыя вѣтви его рода.

Разъ только встрѣчаемъ мы каштеляншу въ роли полуофиціальнаго характера, а именно въ свитѣ, окружающей князя Репнина, когда послѣдній, въ качествѣ посла государыни, отправлялся въ Турцію; это было въ одинъ прекрасный юньскій день 1775 года,

на берегу Днѣстра, въ Жванцѣ. Въ палаткѣ генерала Ширкова, командовавшаго русскими войсками, собранными по поводу этого торжества, засѣдаютъ вмѣстѣ съ княземъ—посломъ и его супругой, генераломъ Воейковымъ и самимъ хозяиномъ: каштелянъ Адамъ Сулима Попель съ супругой, воеводичъ [1]) Александръ Любомирскій и кроткая супруга Іосифа Стемпковскаго. Если мужа ея не было въ окружающемъ ее обществѣ, то, вѣроятно, это произошло только потому, что ему, какъ региментарю, слѣдовательно лицу оффиціальному, это было неудобно, такъ какъ правительство Рѣчи Посполитой держало себя пассивно по отношенію къ турецкому вопросу, не желая возстановить противъ себя безпокойнаго сосѣда. Иное дѣло сама каштелянша: хотинскій паша смотрѣлъ на женщину съ свойственной ему точки зрѣнія, а потому для него было безразлично—одна, двѣ или три женщины благословляли его недавняго противника... Описаніе торжества, впрочемъ очень скромнаго, не входитъ въ составъ нашего разсказа.

Новый сенаторъ немедленно позаботился о пріобрѣтеніи земельной собственности въ кіевской области. Съ этою цѣлью, онъ продалъ свои галицкія имѣнія, которыя находились теперь за рубежемъ и притомъ не были особенно обширны. По счастливому для него стеченію обстоятельствъ ему удалось пріобрѣсть лабунскій ключъ, состоявшій изъ мѣстечка и пяти или семи селъ. Прежде Лабунь принадлежалъ Станиславу Любомирскому, извѣстному кандидату на корону послѣ смерти Августа III. Любомирскій имѣлъ большое имѣніе и былъ душевно-боленъ. Жена его, урожденная Поцѣй, была въ интимныхъ отношеніяхъ съ Сосновскимъ, впослѣдствіи полевымъ гетманомъ Литовскимъ. Недоброжелатели разрывали въ клочки исполинское имѣніе, а такъ какъ у воеводы были дѣти, то родственники позаботились объ опекѣ. Управленіе имѣніемъ было поручено Мартыну Свѣйковскому, судьѣ брацлавскому, который оказалъ сосѣдскую услугу новоиспеченному каштеляну Стемпковскому, уступивъ ему Лабунь на очень выгодныхъ условіяхъ. Прибавимъ въ скобкахъ, что и дѣтямъ Любомирскаго осталось не мало: одинъ изъ сыновей воеводы, Францъ Ксаверій, продалъ въ 1787 году свою часть Потемкину за 2,000,0000 рублей, и это была только четвертая часть и

[1]) Сынъ воеводы.

то далеко не сполна, этого исполинскаго имѣнія, передъ тѣмъ еще порядочно общипаннаго.

Каштелянъ Стемпковскій поселился въ Лабуни. Читатель сильно ошибся-бы, если-бы предположилъ, что король забылъ о своемъ любимцѣ. Впрочемъ, онъ не могъ забыть—любимецъ сумѣлъ-бы самъ напомнить о себѣ его королевскому величеству.

На сеймѣ 1775 года Стемпковскій получилъ на правѣ наслѣдственной аренды, винницкое староство, что составляло подарокъ не совсѣмъ обыкновенный, такъ какъ староство это состояло изъ 12 селъ, съ населеніемъ въ 23,000 душъ, изъ прекрасныхъ лѣсовъ, прудовъ, мельницъ... Одна кварта [1]) составляла, въ концѣ прошлаго столѣтія, 48,000 злотыхъ. Но такъ какъ прежній владѣлецъ староства былъ еще живъ, и ждать его смерти пришлось-бы, Богъ вѣсть, какъ долго, то поэтому каштеляну была назначена пенсія въ 30,000 злотыхъ „*ad vitae ejus tempora*"... И какъ прекрасно было мотивировано въ конституціи это „пожалованіе": по истинѣ это страницы изъ Плутарха... Упоминается въ немъ и объ „усмиреніи гайдамачины" и объ „измученной" Украйнѣ, которую Стемпковскій защищалъ, рискуя жизнію и имуществомъ"; незабыта его рискованная отвага во время „повѣтрія", т. е. моровой язвы, отъ которой, скажемъ мимоходомъ, онъ держался очень далеко подъ защитою густыхъ лѣсовъ Полѣсья; наконецъ есть и ссылка на свидѣтельство Браницкаго, самаго свѣдущаго въ дѣйствіяхъ своего региментаря,— словомъ: полно похвалы и фиміаму... Увы! болтовня проникла уже мало помалу и въ конституцію. При Сигизмундѣ Старомъ сеймъ кратко и сжато вписывалъ свои постановленія. Награды, и то очень скромныя, только вносились въ книги, такъ какъ каждый дворянинъ прекрасно зналъ, за что какой-нибудь его собратъ получалъ вполнѣ имъ заслуженный кусокъ хлѣба. Теперь-же пожалованія, подобно судебнымъ рѣшеніямъ, записывались вмѣстѣ съ причинами, ихъ обусловливавшими, чтобы потомки знали, за что такъ щедро былъ награжденъ одинъ изъ ихъ предковъ.

Панъ каштелянъ переуступилъ свои права на староство Станиславу Понятовскому; кромѣ того, годъ спустя, ему удалось рѣшить

---

[1]) Четвертая часть дохода съ имѣнія, отпускавшаяся на жалованье войскамъ, охранявшимъ границы.

полюбовно дѣло съ Щенснымъ-Потоцкимъ по претензіи послѣдняго на Тарговицу и Нарубаевъ... Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, Стемпковскій, съ немалымъ денежнымъ запасомъ, принялся за устройство своей резиденціи въ Лабуни. Нельзя не признать, что онъ обладалъ хорошимъ вкусомъ и вполнѣ барскими привычками.

И вотъ, нѣсколько лѣтъ спустя, великолѣпный дворецъ возвышался въ нѣкогда убогомъ волынскомъ поселкѣ. Онъ былъ построенъ на берегу рѣчки Поганки; фасадъ его, украшенный подъѣздомъ съ колоннами, гордо посматривалъ на грязное мѣстечко. Колоннада вела въ обширныя величественныя сѣни (westybul), откуда былъ ходъ въ залу, въ семь оконъ; изъ залы дверь вела на террасу, у подножія которой Поганка, заключенная въ шлюзы, образовывала большое озеро, низвергающееся шумящими каскадами. Вдоль береговъ импровизированнаго пруда разстилались газоны, были устроены клумбы, рощицы, бесѣдки, тѣ укромныя убѣжища, скрытыя въ тѣни шумящихъ деревьевъ и какъ-бы нарочно созданныя для идилическихъ и трогательныхъ „амуретокъ“.

Но возвратимся къ главному зданію. Большая зала была шедевромъ архитектора Шрейера, и, вѣроятно, впечатлѣніе, производимое ею, было несовсѣмъ обыкновенно, если до насъ дошло четыре различныхъ ея описанія. Семь громадныхъ, сотвѣтственныхъ окнамъ, зеркалъ украшали ее вечеромъ, и сверхъ того всѣ окна задвигались такими-же зеркалами, скрытыми въ стѣнѣ на подобіе внутреннихъ ставень. Вверху были устроены хоры для музыки. Для освѣщенія ея зажигалось 800 свѣчей. Зала могла вмѣстить въ себѣ болѣе 1000 человѣкъ. По сторонамъ дворца находились не менѣе великолѣпные павильоны. Во всемъ зданіи насчитываютъ болѣе 100 комнатъ, которыя почти всегда были полны народу.

Въ устройствѣ своего дворца Стемпковскій во всемъ подражалъ владѣльцу Тульчина, недавно поселившемуся въ Брацлавской землѣ, и необыкновенной роскошью импонировавшему шляхтѣ, склонной къ подражанію. Но, что было позволительно пану Потоцкому, обладателю болѣе чѣмъ 2,000,000 злотыхъ годоваго дохода, то оказалось крайне обременительнымъ для Стемпковскаго, не обладавшаго и четвертой частью этой суммы...

Люди болѣе близкіе и болѣе смѣлые предостерегали каштеляна, что онъ разоряется; но на это онъ отвѣчалъ имъ съ истинно шляхетскимъ

бродушіемъ: „что-же дѣлать?... чѣмъ не пожертвуетъ человѣкъ для достойнѣйшаго изъ людей, возлюбленнѣйшаго государя (такъ всегда называлъ панъ Іосифъ короля").

И нельзя не признать, что король отвѣчалъ ему взаимностью, питалъ къ нему какую-то странную слабость: быть можетъ, любимецъ ослѣплялъ его своею роскошью и великолѣпіемъ. Не преминулъ Стемпковскій пріобрѣсть вліяніе и на сосѣдей не только своимъ гостепріимствомъ, но и по истинѣ барскимъ пріемомъ.

Лабунь лежала въ счастливомъ уголкѣ земли. Вокругъ нея было расположено довольно много селъ; во всѣхъ этихъ селахъ были бòльшіе или меньшіе дворы, а въ дворахъ жили *земяне*... Не были то ни владѣльцы десятковъ уволокъ земли, ни магнаты, считавшіе тысячами подданныхъ, но нѣчто среднее между гербовнымъ убожествомъ и корольками, въ родѣ Потоцкаго и др.

Въ указанныхъ нами предѣлахъ жили: Мартинъ Любомирскій въ Любарѣ; Янъ Ильинскій, староста житомирскій, въ Романовѣ; братъ его Непомуценъ, староста чудновскій, въ Скаринцахъ; кіевскій хорунжій, Каетанъ Гижицкій, въ Краснополѣ; Вороничъ, каштелянъ белзскій, въ Трояновѣ; Бѣржинскіе—Онуфрій, каштелянъ житомірскій, въ Людвиполѣ, а Іосифъ, подкоморій, въ Андрушевкѣ; Адамъ Понинскій въ Чудновѣ, Каликстъ, кавалеръ мальтійскаго ордена, въ Полонномъ, княгиня Яблоновская, жена воеводы, въ Ляховцахъ, Ганскіе въ Пулинахъ, Букары въ Ямполѣ и т. д.

Всѣ они были почти ежедневными лабунскими гостями. Каштелянъ, страстно любившій общество, держалъ и соотвѣтственный дворъ. Прислуги у него было видимо-невидимо: вездѣ толпились гайдуки, стрѣлки, стремянные, лакеи, кучера, козаки... Была прислуга постоянная, и такъ называемая походная, ибо этотъ сибаритъ, хотя и проводилъ обыкновенно ночи въ домахъ братьи-шляхты, тѣмъ не менѣе за своей тяжелой каретой тащилъ всегда нѣсколько нагруженныхъ бричекъ съ кухнею, виномъ, живностью и соотвѣтственной прислугой. Въ каретѣ возлѣ пана сидѣлъ дежурный дворецкій, на козлахъ два хлопца для набиванія трубки, которую безпрестанно курилъ сенаторъ, за каретой стояло два огромныхъ гайдука, вооруженныхъ съ головы до ногъ...

Подъ конецъ жизни, когда чувство вкуса начало измѣнять притупленному изысканными блюдами нёбу, Стемпковскій пробовалъ пользоваться походной кухней; но что-бы самообманъ былъ полный, онъ укладывался и выѣзжалъ за предѣлы своего околотка и, остановившись въ первой попавшейся корчмѣ, съѣдалъ наскоро приготовленный скромный обѣдъ и возвращался домой къ вечернему собранію освѣженный и довольный. Поваренокъ становился предметомъ овацій, а главный придворный поваръ былъ въ отчаяніи, что уже не можетъ угодить своему господину...

Каштелянъ былъ въ одно время и региментаремъ и генералъ-лейтенантомъ; какъ военный сановникъ, онъ всегда имѣлъ при себѣ стражу. Рядомъ съ дворцемъ была гауптвахта; на ней караулили пѣхотные солдаты; офицеровъ было также не мало въ распоряженіи Стемпковскаго, и онъ всегда обращался съ ними свысока.

Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ объ адъютантѣ П., которому каштелянъ приказалъ разъ подать огня для трубки...

— Адъютантъ, огня!—закричалъ онъ.

Офицеръ, будто не понимая въ чемъ дѣло, выбѣжалъ во дворъ, поспѣшно собралъ на платформѣ солдатъ и скомандовалъ:

— Пали! [1]).

Раздался залпъ почти двухъ десятковъ ружей. Удивленный каштелянъ выбѣгаетъ и спрашиваетъ офицера о поводѣ стрѣльбы. Остроумный адъютантъ съ полнѣйшей субординаціей отвѣчалъ, что поступилъ согласно распоряженію... Генералъ потребовалъ отъ него огня, онъ-же, какъ солдатъ, могъ добыть его только изъ оружія... Воевода закусилъ губы и молча пошелъ въ домъ—мрачный и сердитый... Но съ тѣхъ поръ онъ былъ вѣжливѣе въ обращеніи съ офицерами.

Мы сказали выше, что Стемпковскій не обладалъ образованіемъ, однако ему нельзя отказать въ нѣкоторой долѣ природнаго ума. Въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ онъ стоялъ во главѣ не только кіевской, но и волынской шляхты, и при этомъ такъ ловко правилъ этимъ судномъ, что оно счастливо миновало встрѣчаемыя имъ по дорогѣ подводныя скалы.

[1]) Каламбуръ основанъ на двойномъ значеніи слова: «ognia» —обыкновенномъ и въ смыслѣ команды: «пали».

Одновременно съ званіемъ каштеляна, панъ Іосифъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, а въ 1785 г. былъ сдѣланъ воеводой; но перемѣна кресла въ сенатѣ ничего не прибавила къ блеску его общественнаго положенія. Входилъ онъ въ составъ непрерывнаго совѣта (Rady nieustającéj), какъ генералъ-лейтенантъ, засѣдалъ въ военной коммисіи, довольно долго былъ региментаремъ, и только сдѣлавшись воеводой, продалъ выгодно свое региментарство Щенсному Потоцкому. Все у этого человѣка было продажно. Послѣднее мнѣніе принадлежитъ не только намъ лично. Одинъ изъ современниковъ Стемпковскаго, Букаръ, неоднократно упоминаетъ объ этой чертѣ его; между прочимъ онъ говоритъ слѣдующее: „чины, сенаторскія кресла, ордена, староства, наконецъ, командованіе войсками, насытившись всѣмъ этимъ самъ, продавалъ потомъ *plus offerenti*“.

Въ первое время своей общественной карьеры Стемпковскій держался съ Щенснымъ-Потоцкимъ, часто принималъ у себя гетмана Браницкаго, заигривалъ даже съ Потемкинымъ, но когда королевская партія стала подъ знаменемъ реформы,—онъ сдѣлался сторонникомъ послѣдней. Надо отдать ему справедливость,—онъ далъ этимъ лучшее доказательство своей привязанности къ Станиславу-Августу, хотя въ данномъ случаѣ онъ только точно придерживался инструкцій—не больше!

Политика была для него средствомъ, которымъ онъ пользовался съ цѣлью обогащенія, чтобы потомъ на пріобрѣтенныя этимъ путемъ средства купить себѣ хотя одинъ лишній моментъ наслажденія. Эпикуреецъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ не понималъ иной жизни, какъ среди пиршествъ, въ объятіяхъ прекрасной женщины, въ кружкѣ друзей, отуманенныхъ разгорячающими напитками, блескомъ его сенаторскаго величія, звуками его музыки разгульной и шумной...

Всѣмъ своимъ чувствамъ онъ старался угодить... Все окружавшее его безумствовало вмѣстѣ съ нимъ, не глядя на будущее, живя только моментомъ... Что такое завтра?.. Оно не наше, повторяли собутыльники, лишь-бы только сегодня весело прожить!

Такимъ путемъ пріобрѣлъ воевода популярность. Расположеніе сосѣдей онъ снискивалъ раздачей орденовъ и чиновъ, мелкоту привлекалъ на свою сторону протекціей. Ни одинъ изъ его придворныхъ

не пошелъ тяжелымъ путемъ долга, въ то время, когда страна требовала активной помощи; ни одинъ не сражался вмѣстѣ съ Костюшкой, ни одинъ не ѣлъ сухаго хлѣба въ изгнаніи, ни одному изъ нихъ не пришлось выплакать глазъ въ тоскѣ за далекой родиной, съ которой пришлось проститься навсегда. Напротивъ, Тарговица нашла для себя въ ихъ средѣ порядочный контингентъ, можетъ быть только кажущихся, неискреннихъ слугъ, тѣмъ не менѣе точно исполнявшихъ ея приказы, отличавшіеся скорѣе глупостью, чѣмъ злой волей.

Янъ Дукланъ Охоцкій, истинный польскій *Casanova*—(дневникъ его намъ пришлось прочесть въ рукописи, изъ которой Крашевскій отбросилъ, говорятъ, половину текста, приспособляя ее къ печати), одинъ изъ ближайшихъ наушниковъ воеводы, случайно попалъ было подъ арестъ, но былъ сейчасъ-же освобожденъ. Иные вышли изъ погрома, не пострадавъ ни тѣломъ, ни имуществомъ; новый порядокъ вещей засталъ ихъ надлежаще подготовленными къ извлеченію изъ него личныхъ выгодъ...

Какъ видно, нравственное вліяніе каштеляна, впослѣдствіи воеводы, было не особенно душеспасительно; соблюдая интересы своего воеводскаго сана, онъ развратилъ кіевскую и волынскую шляхту до того, что она неистовствовала даже тогда, когда уже вся страна облеклась въ трауръ.

Самые знаменитые герои бутылки собирались въ Лабунь, чтобы испытать свои силы на благородномъ вакхическомъ турнирѣ. И хотя, со временемъ, гетманъ Браницкій удалился изъ этого кружка, онъ оставилъ въ немъ вполнѣ достойныхъ послѣдователей. У Стемпковскаго былъ какой-то необыкновенной величины кубокъ, вмѣщавшій въ себѣ 5 бутылокъ, въ крышку котораго, въ свою очередь, входило три бутылки. Нашлось только нѣсколько рыцарей, которые могли осушить эту порцію, и то съ двумя остановками: сначала, выпивалось „единымъ духомъ“ все содержимое крышки, затѣмъ, кубокъ, съ минутнымъ перерывомъ. Къ числу такихъ необыкновенныхъ героевъ принадлежали: Іосифъ Свѣйковскій — староста овручскій, полковники Янковскій и Комаржевскій, и Ильинскій—староста чудновскій—тотъ самый, который въ своей повседневной жизни нуждался въ 18 бутылкахъ краснаго вина въ день, для

облегченія труднаго пищеваренія. Ему подавалось обыкновенно шесть бутылокъ за разъ, причемъ кубка два спирту, въ видѣ старки, передъ завтракомъ и передъ обѣдомъ, не шли въ счетъ. Только удовлетворивъ этимъ привычкамъ, онъ чувствовалъ себя хорошо, бодро, былъ въ мѣру веселъ и подвиженъ, насколько это позволяла его громадная туша.

Житомірскій подсудокъ [1]) Вичффинскій самымъ наивнымъ образомъ сознавался, что въ продолженіи десяти съ лишнимъ лѣтъ самолично выпилъ въ Лабуни, по крайней мѣрѣ, на 200,000 злот. вина. Посудите-же, какое количество его было выпито другими, если подсудокъ не принадлежалъ еще къ числу записныхъ пьяницъ...

Обыкновенный заздравный бокалъ заключалъ въ себѣ кварту съ четвертью винограднаго нектара, и отъ такой скромной порціи никто не имѣлъ права отказаться во время обѣда! И пусть послѣ этого моралисты утверждаютъ, что времена вакханалій миновали безвозвратно послѣ смерти Августа III.

Поклоненіе Бахусу нисколько не мѣшало другимъ удовольствіямъ, напротивъ, положительно можно сказать, что въ резиденціи пана воеводы длился одинъ непрерывный банкетъ. Слѣдствіемъ ранняго вдовства воеводы, явилась нѣкоторая свобода, придававшая особую прелесть пирушкамъ. Въ женскомъ персоналѣ недостатка не было, такъ какъ при дворцѣ воеводы существовалъ фрауциммеръ, содержавшійся будто-бы для молоденькой воеводской дочки; кромѣ того, въ домъ его часто заглядывали жены сосѣдей. Къ мужскому обществу, кромѣ пріѣзжихъ окрестныхъ помѣщиковъ, принадлежало еще не малое количество надворной шляхты и военныхъ. Общество занималось разными играми, а послѣ изысканнаго обѣда приступало къ танцамъ. Желавшіе занимались „идилліей“ въ уединенныхъ покояхъ, освѣщенныхъ алебастровыми лампами, дававшими чарующій полусвѣтъ. Разставленныя здѣсь померанцовыя и лимонныя деревья, бесѣдки, обвитыя плющемъ, удобные диванчики, все это, правда, en miniature, но прелестное, изящное, было даже черезчуръ чарующее для воркующей парочки. Вдали гремѣла музыка въ малой бальной залѣ,

---

[1]) Младшій судья.

отдавалась подъ ея сводами, а до этихъ уединенныхъ убѣжищъ долетали тихіе, мягкіе звуки. Это были мелодіи, исполненныя грусти о прошломъ и неясныхъ желаній будущаго... Подъ вліяніемъ этого очарованія завяло не одно юное женское сердечко; часъ наслажденія оплачивался жертвой всей жизни... Но этотъ часъ, этотъ часъ!.. Впрочемъ, домъ воеводы не былъ школой польскихъ матерей—съ этимъ согласится каждый, а потому, можетъ быть и неумѣстны наши воспоминанія...

Но возвратимся къ предмету нашего разсказа. Одни изъ гостей танцовали, другіе не оставляли бокаловъ, иные убивали время за зеленымъ столомъ. Нельзя, однако-же, не признать, что азартныя игры не имѣли здѣсь мѣста. Даже Адамъ Понинскій, частый гость въ Лабуни, не могъ привить ихъ здѣсь и возбудить къ нимъ пристрастіе. За то у себя дома онъ былъ истиннымъ царемъ банка. Этотъ, навсегда опозорившій свое имя, князь, обдиравшій государственную казну въ эпоху приснопамятнаго сейма, относящагося ко времени раздѣла Польши, и благодаря развѣ горькой ироніи судьбы носившій титулъ подскарбія [1]), основалъ свою резиденцію въ Чудновѣ... Обыгрывалъ онъ тамъ шляхту при посредствѣ спеціально приглашенныхъ для этой цѣли шулеровъ, а кто не давалъ себя обыграть, тѣхъ втягивалъ въ компанію къ себѣ подъ предлогомъ выгодныхъ финансовыхъ операцій.

Цѣлыхъ четыре года (1778—1782 г.) властвовалъ Понинскій на дубенскихъ контрактахъ, пока, наконецъ, самъ не упалъ подъ тяжестью собственныхъ махинацій. Имущество его было продано съ аукціона, и оказалось, что на немъ тяготѣло 83 милліона долгу. Этотъ-то Понинскій былъ душею лабунскаго общества. Воевода гордился его дружбой, шляхта въ перегонку спѣшила съ бараньей торопливостью въ Чудновъ, гдѣ ее общипывали, какъ слѣдуетъ. Всѣ окружали князя обожаніемъ, женщины пронизывали его огненными взорами, воеводскіе чиновники, всегда готовые къ услугамъ щедраго пана, разсказывали на всѣхъ перекресткахъ объ его необыкновенной честности... притомъ такъ настойчиво, что, наконецъ, самъ подскарбій начиналъ иногда вѣрить въ свой ка-

---

[1]) Подскарбій—казнохранитель.

тонизмъ, по крайней мѣрѣ онъ самъ съ нѣкоторымъ цинизмомъ сознавался въ этомъ.

Родной братъ его, Каликстъ, кавалеръ мальтійскаго ордена, поселился въ Поточномъ. Всѣ сестры Понинскаго составили блестящія партіи: одна изъ нихъ вышла замужъ за Онуфрія Бѣржинскаго, каштеляна житомірскаго, другая—за князя Бирона курляндскаго, третья—за Каспера Любомірскаго. Когда Любомірскій умеръ, молодая вдова отдала руку Винницкому, шамбеляну [1]) его королевскаго величества и, чтобы вы думали? семья прекратила съ ней сношенія, считая этотъ бракъ неравнымъ, съ чѣмъ сосѣди единогласно согласились.

Въ описываемой мѣстности всѣ жили не по карману; сосѣди старались превзойти другъ друга роскошью, и ни одинъ съѣздъ, ни одно совѣщаніе не обходились безъ возліяній и обильнаго обѣда. Охоты Понинскаго пріобрѣли громкую извѣстность, подобно тому, какъ перешли въ потомство дебюты Стемпковскаго по поводу пріема Станислава-Августа. Король гостилъ въ Лабуни два раза. Первый разъ, возвращаясь изъ Каменца въ 1781 году, онъ праздновалъ подъ кровлей воеводы годовщину своей коронаціи и крестилъ здѣсь сына Бѣржинскаго; воспріемницей была княгиня Понинская, жена Каликста, и торжество имѣло чисто-семейный характеръ; зато въ 1787 году, во время путешествія его въ Каневъ, день 16 марта, проведенный имъ въ Лабуни, нашелъ многихъ историковъ. Писалъ о немъ какъ-бы ex officio ксёндзъ Нарушевичъ, писалъ Плятеръ, Охоцкій и Букаръ, отецъ котораго, судья житомірскій, совмѣстно съ генералъ-адъютантомъ Свѣйковскимъ, исполнялъ обязанности хозяина дома, такъ какъ воевода, по обязанностямъ своимъ, какъ членъ совѣта, долженъ былъ въ то время остаться въ Варшавѣ.

И сколько приготовленій понадобилось для этого пріема. Мебель получалась изъ столицы, кабинетъ его величества былъ устроенъ на подобіе того, какой былъ у него въ королевскомъ дворцѣ. Охоцкій, распорядитель пиршества, составилъ интересный списокъ потребленныхъ продуктовъ. Хотя домъ воеводы былъ устроенъ съ возможнѣйшимъ великолѣпіемъ и роскошью, не-

---

[1]) Шамбелянъ—камергеръ.

умѣстно было не сдѣлать нѣкоторыхъ дополнительныхъ закупокъ. Необходимо было прикупить 65 дюжинъ столовыхъ фарфоровыхъ приборовъ, одинъ серебряный сервизъ, болѣе десятка тысячъ бутылокъ очень дорогихъ винъ и нѣсколько сотъ ведеръ изъ менѣе дорогихъ... Само пиршество не обошлось такъ дорого, какъ посѣщенія сосѣдей, осматривавшихъ все, приготовленное къ пріему августѣйшаго гостя. Извѣстный Ильинскій гостилъ нѣсколько дней въ ожиданіи Понятовскаго; онъ одинъ представлялъ изъ себя настоящую бочку Данаидъ, такъ какъ собственной персоной осушилъ болѣе тысячи бутылокъ!

Двѣнадцать важнѣйшихъ сановниковъ встрѣтили короля въ Лабуни; сто женщинъ присутствовало за королевскимъ столомъ, и пусть послѣ этого кто-либо станетъ отрицать, что царствованіе Станислава-Августа не было царствованіемъ прекраснаго пола. Въ другомъ покоѣ 140 землевладѣльцевъ щедро угощались... Вечеромъ дворецъ засіялъ великолѣпной иллюминаціей: 1400 зажженныхъ свѣчей разливали свой свѣтъ со стѣнъ и потолка... Среди волнъ яркаго свѣта гремѣли звуки музыки, и коронованный гость слушалъ концертъ „съ немалымъ удовольствіемъ“.

Въ одномъ углу бальной залы фигурировалъ земной шаръ, на которомъ было сдѣлано мастерское изображеніе волынскаго воеводства съ величественно восходящимъ надъ нимъ солнцемъ. Намекъ на честь, сдѣланную волынской землѣ посѣщеніемъ короля, ясно говорилъ: мракъ господствовалъ здѣсь до сего дня, но, съ того момента, какъ ты ступилъ ногой на эту землю, свѣтъ облилъ ее. Весь міръ, все государство, пребываетъ во мракѣ, лишь одна Волынь сіяетъ... По истинѣ смѣшное благоговѣніе, оказываемое королю корольками! Громкое „wiwat“ гремѣло безпрестанно, пушечки сожгли болѣе пороху, чѣмъ его выстрѣлялъ воевода во время его „барскихъ“ подвиговъ. Наконецъ, бѣдняжки отказались повиноваться. Подкутилъ-ли бомбардиръ, порохъ-ли замокъ, но заставить ихъ стрѣлять долѣе не было никакой возможности. Офицеры выбѣжали изъ дворца, чтобы узнать о причинѣ безмолвія пушекъ; самъ директоръ военнаго департамента, генералъ Комаржевскій, очень ревностно ихъ осматривалъ; давались различные совѣты, но пушки все отказывались дѣйствовать; наконецъ ихъ оставили въ покоѣ. Свѣйковскій, вице-хозяинъ этого пиршества, уже порядочно под-

кутившій, порѣшилъ, что „въ свободномъ государствѣ—свободныя орудія“. Сентенція была встрѣчена смѣхомъ и полита виномъ. Между тѣмъ въ бальной залѣ, сіявшей множествомъ прекрасныхъ женщинъ, прохаживались толпы увѣшанныхъ орденами пановъ, на что указываетъ даже одна изъ относящихся къ тому времени пѣсень:

Iedni po polsku, drudzy z niemiecka,
Każdemu z boku świeci gwiazdeczka [1])...

Растроганный Понятовскій восклицалъ съ увлеченіемъ, что ему „дороже всего вѣнецъ, свитый изъ сердецъ его гражданъ“. Букаръ отвѣтилъ всепресвѣтлѣйшему государю ловкимъ стихотвореньицемъ. Тостовъ, комплиментовъ—было провозглашено громадное количество... А въ концѣ всего маленькій, на скоро завязанный, романъ съ паней Шуйской и дальнѣйшее путешествіе...

За баломъ наступилъ расчетъ. Хотя главный поваръ Бейеръ, откуда-то выписанный ради этого торжества, какъ оказалось, сильно воровалъ, хотя злоупотребленія его были открыты, и не обошлось безъ болѣзненнаго увѣщанія, но послѣ подведенія всѣхъ итоговъ, хозяева убѣдились, что двухдневный пріемъ короля стоилъ круглой суммой въ 18,000 червонцевъ, т. е. 324,000 тогдашнихъ злотыхъ. Правда, третью часть этой суммы далъ добрый король, желая такимъ путемъ снискать себѣ золотыя шляхетскія сердца... Но снискалъ-ли онъ ихъ?

Читая описаніе этого пріема, мы невольно переносимся мыслію къ иному торжеству, недавняго времени, а именно—происшедшему лѣтъ 15-ть тому назадъ (1866) въ Хотинѣ. Устраивали его евреи въ честь садогорскаго раввина... Правда, и здѣсь было принесено въ жертву 2,000 быковъ, 100,000 разнаго рода птицы, 2,000,000 яицъ, нѣсколько сотень бочекъ пива и т. п. Но на ряду съ этимъ импонирующимъ перечнемъ потребленныхъ продуктовъ, было здѣсь нѣчто болѣе импонирующее, чѣмъ то, что мы находимъ въ лабунскомъ пиршествѣ: 100,000 послѣдователей, не взирая на многочисленныя препятствія, сбѣжались чествовать видимаго главу *хасидовъ*...

---

[1]) Одни (одѣты) по польски, другіе на нѣмецкій ладъ; на груди у каждаго сіяетъ звѣздочка.

Это была фанатическая, темная толпа, съ тріумфомъ тащившая экипажъ, въ которомъ сидѣлъ полусонный глава израильской церкви... причемъ болѣе 80,000 свѣчей освѣщало это шествіе... Въ Лабуни мы видимъ искуственность, ничтожную горсть патентованной шляхты,—народныя массы не заявили себя хотя-бы даже равнодушнымъ глазѣньемъ... Тамъ выражалась идея, темная, дикая, но поражающая своимъ величіемъ.

Два королевскіе визита, непрерывное пиршество, длившееся десятка полтора лѣтъ подъ кровлей Стемпковскаго, наконецъ, торжественный въѣздъ послѣдняго въ свое воеводство, происшедшій въ 1786 году,—все это требовало громадныхъ расходовъ. Въѣздъ этотъ стоилъ нѣсколько десятковъ тысячъ червонцевъ и произвелъ столько шума въ странѣ, что слухи о немъ дошли даже до Варшавы, и ксендзъ Лускина занесъ его на страницы своей газеты.

Доходы съ лабунскаго ключа и различные оклады содержанія могли приносить Стемпковскому 300,000 злотыхъ годоваго дохода. Но этого было недостаточно для покрытія такихъ громадныхъ издержекъ: приходилось, слѣдовательно, искать другихъ источниковъ. Этой цѣли служили такъ называемыя „воеводскія дѣла" („sprawy województwa"). Только такой ловкій человѣкъ, какъ Стемпковскій, умѣлъ ихъ эксплуатировать въ свою пользу. Нужно знать, что между королемъ и Стемпковскимъ произошло слѣдующее соглашеніе: воевода обязался проводить королевскихъ кандидатовъ на кіевскихъ сеймахъ, король, въ замѣнъ этого, далъ обѣщаніе, что ни одинъ чинъ, ни одинъ орденъ не будетъ пожалованъ безъ ходатайства воеводы. И хотя лабунскому владѣльцу не всегда удавалось сдержать свое слово, король, однако, ни разу не нарушилъ обѣщанія, даннаго любимцу... Новое это доказательство его пристрастія къ нему. Былъ въ Подоліи такимъ-же приверженцемъ двора подкоморій Липинскій, и однако часто Станиславъ-Августъ, вопреки его желаніямъ, въ угоду генералу подольскихъ земель, назначалъ чиновниковъ и раздавалъ чины и ордена помѣщикамъ. Такимъ-же приверженцемъ Понятовскаго былъ въ брацлавщинѣ Грохольскій, однако-же король довольно долго удовлетворялъ домогательствамъ Щенснаго Потоцкаго, хотя Грохольскій громко протестовалъ противъ этого.

Легко понять, что склонность короля къ воеводѣ возбуждала большое уваженіе землевладѣльцевъ къ послѣднему. Кіевская шляхта страстно любила знаки отличія; во всей окрестности не было шляхтича, обладающаго хотя-бы одной деревенькой, который не имѣлъ-бы орденской ленточки. И сколько униженій и издержекъ выпадало на долю претендентовъ! Прежде всего надобно было подмазаться къ Стемпковскому, пьянствовать съ нимъ, стараться угождать его придворнымъ и снискать себѣ ихъ расположеніе, наконецъ щедро оплатить королевскую канцелярію. Охоцкій обыкновенно бралъ на себя такого рода коммисіи, за что получалъ въ свою очередь червонцы, кабріолеты, кареты, лошадей и т. д. Панъ воевода пользовался своимъ положеніемъ такъ, что во всѣхъ мѣстныхъ судахъ распоряжался, какъ дома; вліяніе его простиралось даже на люблинскій трибуналъ, а возбужденныхъ противъ него дѣлъ было очень много. Стемпковскій безпрестанно занималъ деньги, но не былъ въ состояніи выплачивать ихъ, отсюда постоянные процессы. Естественно, въ лицѣ Дуклапа Охоцкаго, онъ имѣлъ ревностнаго повѣреннаго, который неоднократно являлся въ Люблинъ съ королевскими письмами, съ орденами для депутатовъ, и, хотя Стемпковскій никогда не возвращалъ ему расходовъ, ловкій надворный шляхтичь умѣлъ помочь себѣ—онъ, какъ говорится, жарилъ два жаркихъ на одномъ огнѣ, т. е. одновременно съ процессами Стемпковскаго, пользуясь его вліяніемъ, проводилъ дѣла кліэнтовъ постороннихъ.

Протекція, какою окружалъ воевода двухъ послѣднихъ уніатскихъ митрополитовъ, кажется нѣсколько странной и, такъ или иначе, бросаетъ тѣнь на его заслуги, какъ сенатора. Столица митрополіи, какъ извѣстно, находилась въ кіевской землѣ, въ Радомышлѣ, причемъ пастыри получили 800,000 злотыхъ годоваго дохода. Митр. Смогоржевскій передъ наступающимъ сеймомъ старался получить кресло въ сенатѣ, и въ день св. Іосифа, въ 1788 г., пріѣхалъ въ Лабунь. „Вслѣдствіе уговора“, пишетъ Охоцкій: „послѣ различныхъ поправокъ и измѣненій, составлена была записка къ королю и маршаламъ сейма“. Поѣхалъ съ ней Охоцкій въ Варшаву, и дѣло начало уже принимать благопріятный оборотъ, какъ вдругъ въ началѣ ноября митрополитъ скончался. Его преемникъ, Ростоцкій, суровый и притомъ скупой монахъ, началъ было самъ хлопотать о

креслѣ, но получилъ ясный отвѣтъ, что безъ посредничества воеводы ничего не выиграетъ. Волею-неволею явился онъ въ февралѣ 1789 года въ Лабунь и тогда только начался здѣсь торгъ, со всѣмъ цинизмомъ описанный Охоцкимъ. Прежде всего надо было пріобрѣсть привилегію на митрополію, слѣдовательно, удовлетворить секретаря королевской канцеляріи „для экспедиціи внутреннихъ дѣлъ", затѣмъ ливрейную дворню, потомъ дать обѣдъ сенаторамъ, наконецъ щедро наградить Охоцкаго. Оказалось, что привилегія стоила 36,000 злотыхъ, но это было только начало. За привилегіей пошли ордена. Весною митрополитъ получилъ св. Станислава, а осенью хлопоталъ уже о лентѣ Бѣлаго Орла. Охоцкій, въ качествѣ посредника, доложилъ объ этомъ Стемпковскому. „Я хорошо зналъ, чего ксендзу теперь захочется",—отвѣчалъ, улыбаясь, Стемпковскій. „И онъ далъ мнѣ порученіе", продолжаетъ авторъ записокъ, „объявилъ и свои условія, на которыя митрополитъ согласился, а недѣлю спустя звѣзда Бѣлаго Орла украшала уже грудь отца архіепископа".

Гораздо болѣе долженъ былъ заплатить Ростоцкій своему покровителю за введеніе его въ сенатъ, а это произошло 29 іюля 1790 года. Казаться могло-бы, что Стемпковскому и его стараніямъ мы обязаны тѣмъ шагомъ впередъ, который былъ сдѣланъ въ смыслѣ справедливаго удовлетворенія уніатовъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Правду говоритъ Бартошевичъ, что въ данномъ случаѣ произошло то, что давно должно было произойти... что съ радостью утвердила Рѣчь-Посполитая. Препятствія, втайнѣ воздвигнутыя спекуляторами на чужой грошъ, могли лишь нѣсколько отстрочить это удовлетвореніе, но не болѣе; ибо Польша, которая ничего не знала о какомъ нибудь жалкомъ Охоцкомъ, начала теперь выступать на путь, отъ котораго отклонилась прежде, т. е. стремилась распространить опять братство и свободу.

Но вотъ земяне украшены знаками отличія, митрополитъ удовлетворенъ, а деньги все нужны. Стемпковскій открылъ новый источникъ, именно „виндикату", преподнесенную ему шляхтой въ знакъ благодарности, или такъ названнаго „братскаго сочувствія". Всегда онъ напоминалъ ей о томъ, какъ охранилъ ея имущество во время гайдамацкихъ волненій... Но что такое была эта „виндиката?" Извѣстно, что южныя воеводства во время войнъ Россіи съ

Турціей, были для первой житницей, снабжавшей ее провіантомъ. Землевладѣльцы видимо пользовались этимъ, сбывая свои продукты по высокимъ цѣнамъ. Однако часто случалось, что они не получали всего имъ слѣдуемаго: русская провіантская коммисія всегда что-нибудь удерживала, даже во время управленія Румянцева, который все таки строго соблюдалъ справедливость. И вотъ Стемпковскій принималъ отъ шляхты въ подарокъ эти недоборы, такъ называемые „виндикаты", и при посредствѣ короля добывалъ ихъ очень легко. Довольно было отзыва Понятовскаго и Штакельберга къ Потемкину, чтобы требованія воеводы были удовлетворены. И было изъ-за чего стараться, такимъ путемъ поступило въ карманъ Стемпковскаго болѣе 700 тысячъ злотыхъ. Но всѣ эти способы не могли предотвратить разореніе пана воеводы—оно ждало его ежеминутно...

IV.

Еще разъ ужасный призракъ крестьянскихъ бунтовъ явился передъ суровымъ лицемъ страшнаго Іосифа. Это произошло въ эпоху четырехлѣтняго сейма. Еще раньше, именно въ іюнѣ 1788 года, въ Елисаветградѣ, въ лагерѣ Потемкина, вмѣстѣ съ княземъ Репнинымъ, очутились—Щенсный-Потоцкій, Францъ Ксаверій Браницкій и Іосифъ Стемпковскій. Разговоръ вертѣлся на очень важномъ вопросѣ, — какъ будетъ держать себя Рѣчь Посполитая во время предстоящей войны Россіи съ Турціей. Воевода откровенно высказался такъ: хотя самъ я стою за нейтралитетъ, но такъ какъ „мы короля очень любимъ. а король хочетъ держаться съ вами и намъ это усиленно совѣтуетъ, то и мы такъ дѣлаемъ". Потемкинъ назвалъ Стемпковскаго за эту откровенность „хорошимъ полякомъ", а когда гетманъ началъ доказывать, что безъ короля было-бы еще лучше, панъ Іосифъ раскричался на него: „я ношу знамя роялиста и горжусь этимъ, ибо люблю короля и почитаю; а что касается долга благодарности, то вы несравненно болѣе получили милостей отъ этого-же короля". И надо отдать ему справедливость: когда гетманъ и Щенсный порвали отношенія съ Понятовскимъ, Стемпковскій остался на сторонѣ послѣдняго; позднѣе, уже въ періодъ четырехлѣтняго сейма, когда Браницкій возбуждалъ и подстрекалъ шляхту, кіевскій воевода всегда противился всякимъ нашептываніямъ, не поддался обманчивымъ надеждамъ, остался приверженцемъ трона и съ того момента внимательно началъ слѣ-

дить за каждымъ шагомъ своихъ политическихъ противниковъ, донося обо всемъ въ Варшаву. Не слѣдуетъ забывать, что Стемпковскій не принималъ участія въ совѣщаніяхъ, какъ одинъ изъ девяти сенаторовъ, у которыхъ отняли „activitatem“ по причинѣ неявокъ въ судъ, или неоконченныхъ процессовъ. Это дѣлало его тѣмъ полезнѣе на томъ посту, которому угрожала опасность. Уже въ декабрѣ 1788 года поговаривали объ этой опасности въ Варшавѣ, а въ январѣ слѣдующаго года въ Кіевѣ вспыхнули единичныя проявленія бунта. Убійство Вележинскаго со всей семьей въ Невярковѣ заставило воеводу крѣпко призадуматься. Не сейчасъ удалось открыть, что это было одно изъ повседневныхъ преступленій; между тѣмъ Вележинскій былъ хорошо знакомъ въ Лабуни, жена его, урожденная Бѣржинская, была сестрой пріятеля пана воеводы... Страхъ овладѣлъ всей областью, шляхта помышляла о бѣгствѣ, всѣ помнили волненія предшествовавшія ужасной уманской рѣзнѣ. Въ разсказахъ, ходившихъ по дворамъ, въ присовокупляемыхъ къ нимъ часто ложныхъ вѣстяхъ, усматривалось много сходства съ тѣмъ, что имѣло мѣсто двадцать лѣтъ тому назадъ. У страха глаза велики!

Король, однако, опасаясь реконфедераціи въ этой странѣ, стремящейся къ воспрепятствованію совѣщаніямъ сейма, призывалъ шляхту оставаться на мѣстѣ, усматривалъ во всемъ этомъ интриги гетманской партіи и поручалъ Стемпковскому устроить бдительный надзоръ за генераломъ Курдвановскимъ, за воеводой Валевскимъ и его зятемъ, Рыбинскимъ. Стемпковскій внимательно слѣдилъ и держался строго: „я досиживаю, писалъ онъ королю,— ибо если-бы я уѣхалъ, никто-бы не досидѣлъ, но и Вележинскій точно также разсуждалъ, а хорошъ-ли былъ его конецъ?“ Между тѣмъ въ Лабунь съѣхалось много помѣщиковъ подъ защиту пана воеводы; встревоженныя „пани“ скоро пришли въ себя и веселились такъ хорошо, что, казалось, страхъ рѣзни улетѣлъ изъ волынскихъ лѣсовъ далеко въ степи, гдѣ такъ недавно лилась жидовская и ляшская кровь!..

А нужно знать, что резиденція воеводы была совершенно лишена войска, точно такъ-же и сосѣднее Полонное. Жаловался воевода, что Щенсный-Потоцкій, вопреки своему обѣщанію, отозвалъ оттуда команду, хотя, покупая у него званіе командующаго войсками,

увѣрялъ, что не тронетъ ея. Понятовскій успокаивалъ своего друга. „По истинѣ, справедливое дѣло, писалъ онъ, чтобы громившій 20 лѣтъ тому назадъ крестьянскіе бунты, не былъ теперь предоставленъ мести". И дѣйствительно вскорѣ послѣ этого болѣе 3,000 войска стеклось въ мѣстность, которой угрожала опасность. Слѣдуетъ, однако, признать, что воевода держалъ себя спокойно; опытъ научилъ его уже многому. „И у меня есть дозоръ, рапортовалъ онъ королю, но безъ шума; висѣлицъ не ставлю, если окажутся виновные, — время терпитъ; иначе одни напрасно будутъ пугаться, а другихъ отчаяніе побудитъ расширять начатыя волненія".

Теперь онъ не повѣсилъ ни одного мужика; жаръ, согрѣвавшее его подъ Кодней, ослабѣлъ... Впрочемъ крестьяне хорошо помнили суровость страшнаго Іосифа и вели себя въ окружности Лабуни примѣрно. Только по вечерамъ, „во время ассамблей", въ покояхъ воеводы появлялись вырѣзанные изъ бумаги ножи ужасающей формы... Охоцкій утверждаетъ, что при видѣ ихъ „пани" лишались чувствъ, а мужчины запивали горе виномъ. Дѣло кончилось однако-же только страхомъ. Уже въ іюнѣ 1789 г. король благодарилъ пограничныхъ воеводъ за „поддержаніе спокойствія"...

Однако это тревожное время не мало повліяло на уменьшеніе состоянія Стемпковскаго. Четыре мѣсяца принималъ онъ у себя 200 человѣкъ, и принималъ по барски.

Уже въ концѣ года почувствовался недостатокъ въ деньгахъ для уплаты за провизію. Кредиторы назойливо тѣснили, стремительно приступали. Станиславъ-Августъ не много могъ помочь, ибо самъ былъ въ долгахъ; письменно только онъ ходатайствовалъ за воеводу. Нашлось очень много кредиторовъ въ кіевскомъ воеводствѣ, не мало и въ столицѣ. Землевладѣльцы сначала щадили по крайней мѣрѣ королевскаго любимца, только кременецкій подсудокъ панъ Деныско сдѣлалъ первый шагъ, и то руководимый личнымъ нерасположеніемъ... Въ Кременцѣ Деныско выигралъ дѣло;—перенесли въ Люблинъ. Охоцкій немедленно полетѣлъ въ Варшаву, снабженный письмами къ маршалу трибунала, Закржевскому, и предсѣдателю его, Сокольницкому; возилъ при этомъ и ордена для депутатовъ. Такимъ образомъ, онъ склонилъ вѣсы побѣды на сторону воеводы, а Денымкѣ, вдобавокъ, пригрозилъ поединкомъ. Но торжество

его было непродолжительно. Поступокъ подсудка былъ какъ-бы сигналомъ для кредиторовъ. Всѣ они зашевелились и начали роптать. Долговъ, оказалось болѣе, чѣмъ состоянія. На имѣніе былъ наложенъ арестъ, а Стемпковскій удралъ въ Варшаву, подъ крылышко короля, унося съ собою, что можно было унесть...

Вы, пожалуй, подумаете, что на берегахъ Вислы онъ началъ вести скромную жизнь, какъ подобаетъ человѣку, не обладающему средствами? Какъ-бы не такъ! Стемпковскій устроился совершенно по прежнему въ занятомъ имъ дворцѣ Красинскихъ, держалъ многочисленную дворню, лошадей... Его обѣды и ужины пріобрѣли себѣ даже нѣкоторую извѣстность. Онъ прилагалъ всѣ усилія къ пріобрѣтенію популярности: этого требовала честь управляемой имъ провинціи.

Но и здѣсь не обошлось безъ терній. Нашему эпикурейцу портили расположеніе духа многочисленные столичные кредиторы, поставщики различныхъ продуктовъ, какъ первой необходимости, такъ и предметовъ роскоши. Бѣдный Стемпковскій утѣшалъ себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что раздѣляетъ участь короля. Толпа обойщиковъ, штукатуровъ, каретниковъ, виноторговцевъ, продавцевъ французскихъ матерій,—обыкновенно начинала съ короля и, толпясь ежедневно въ дворцовыхъ переднихъ, заносила къ королю всеподданнѣйшую просьбу уплатить по счетамъ. Затѣмъ, вся эта компанія направлялась процессіей къ сенаторамъ, въ числѣ которыхъ кіевскій воевода занималъ еще не особенно видное мѣсто. Дѣлать было нечего; для удовлетворенія, хотя-бы отчасти, этой аравы должниковъ, Стемпковскому приходилось продавать все, что еще осталось въ его рукахъ. Онъ началъ съ сенаторскаго кресла. Добрый король далъ на это свое позволеніе, а покупатель, Протъ Потоцкій, оказался даже слишкомъ щедрымъ, отсчиталъ за эту переуступку болѣе 275,000 злотыхъ...

За сенаторскимъ кресломъ пошли драгоцѣнности; пріобрѣлъ ихъ Теперъ за 9,000 червонцевъ. Это были драгоцѣнныя пуговицы необыкновенной величины, усѣянные брильянтами эполеты, запонки, ожерелья, табакерки украшенныя драгоцѣнными каменьями, великолѣпные ордена. Охоцкій приступилъ даже къ уговору съ варшавскими кредиторами, предлагая имъ удовлетвориться четвертою частью слѣдуемаго имъ...

Не думайте однако, чтобы ex-воевода остался безъ гроша. Станиславъ-Августъ обезпечилъ содержаніе своему вѣрному слугѣ, оставивъ за нимъ жалованье генералъ-лейтенанта (36,000 злотыхъ), предсѣдательство въ военной коммисіи (24,000), мѣсто въ стражѣ (12,000); кромѣ того, изъ доходовъ съ Лабуни ему выдавалось ежегодно 80,000 злотыхъ. Но для сенатора этого было мало! Хотя „воеводскія дѣла“ и остались за нимъ, но, живя далеко отъ управляемой области, онъ уже не могъ извлекать изъ нея прежнихъ доходовъ,—да, наконецъ, всѣ должности были заняты его пріятелями, всѣ землевладѣльцы были уже украшены знаками отличія. Если-бы понимать орденъ въ его истинномъ значеніи, т. е. какъ выраженіе извѣстныхъ заслугъ,—оказалось-бы, что во времена Станислава-Августа во всей Рѣчи-Посполитой не было болѣе заслуженныхъ мужей, чѣмъ тѣ, которые населяли кіевское воеводство... Это былъ истинный разсадникъ добродѣтельныхъ патриціевъ!...

Съ перваго момента прибытія воеводы въ столицу началась для него новая жизнь. Его общественная карьера была окончена. Личныхъ заслугъ у него не было никакихъ, такъ какъ всю жизнь онъ былъ только вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ своего господина. Цѣлые 22 года хозяйничалъ онъ въ кіевщинѣ, руководствуясь только примѣромъ короля, подражая ему во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ власти. Но ни умомъ, ни сердцемъ онъ не могъ сравниться съ своимъ благодѣтелемъ; его выручала лишь его ловкость и хорошо разыгранное шляхетское добродушіе. Снисходительный къ окружающей его шляхтѣ, онъ далъ ей полную волю дѣлать всякаго рода злоупотребленія, и этимъ снискалъ себѣ ея благодарность.

Разъ только, подъ конецъ своей жизни, Стемпковскій обнаружилъ мнѣніе, противное намѣреніямъ короля. Это было въ 1790 году. Привилегія избирать короля, или такъ называемая элекція имѣла для него много прелести, чему даже не слѣдуетъ удивляться. Тѣмъ не менѣе, въ это именно время въ письмѣ къ Понятовскому онъ такъ высказался по этому вопросу: „Если-бы при жизни и во время царствованія Вашего Королевскаго Величества былъ рѣшенъ вопросъ о престолонаслѣдіи или намѣченъ былъ преемникъ,—господа эти, вѣроятно, не дали-бы спокойно

завершиться вашему царствованію и употребили-бы всѣ средства для ускоренія вашей смерти". Согласно съ этимъ, онъ, несмотря на всѣ убѣжденія Станислава-Августа, протестовалъ на кіевскомъ сеймикѣ противъ выбора преемника ему и не провелъ порученныхъ ему кандидатовъ; хотя-же право сукцессіи принято значительнымъ большинствомъ, но это было, какъ повсемѣстно утверждали тогда, дѣломъ рукъ подкоморія [1]) Бѣржинскаго, съ которымъ ех-воевода былъ въ ссорѣ. Между тѣмъ, когда дошло до рѣшенія относительно выбора королевскаго преемника при жизни самаго короля, Стемпковскій громко заявилъ:

— Служилъ я довольно долго и все кланялся главному алтарю; но разочаровался... Хочу теперь жить за одно съ братіей—шляхтой!

Слова эти не дѣлаютъ чести воеводѣ, который всѣмъ былъ обязанъ этому „главному алтарю".

Король однако не обидѣлся; напротивъ, по пріѣздѣ Стемпковскаго въ Варшаву, искренно подумывалъ объ обезпеченіи участи своего любимица. Къ учрежденіямъ 3-го мая герой нашъ отнесся совершенно равнодушно, онъ возмущался только этимъ братаньемъ съ мѣщанствомъ... Ему ничего не хотѣлось потерять изъ своего привилегированнаго положенія.

Впрочемъ въ этомъ, можетъ-быть, сказывалось вліяніе преждевременной старости. Жизнь его пролетѣла среди безпрестанныхъ наслажденій и вѣчнаго пиршества, среди прекрасныхъ, шаловливыхъ и снисходительныхъ женщинъ, а потому когда Стемпковскому было 60 слишкомъ лѣтъ, онъ былъ уже принужденъ часто оставаться въ постели. Докучала ему подагра, доктора совѣтовали воздержность: какъ однако рѣшиться на это человѣку, который никогда не отказывалъ себѣ ни въ чемъ? Если-бы кто-нибудь изъ близкихъ заботился о немъ; то, быть можетъ, удалось-бы удержать его отъ излишества. Но Стемпковскій велъ жизнь холостяка и не поддавался... Баловень судьбы, онъ думалъ, что и теперь она переможетъ... Ошибся... послѣдовалъ ударъ, и страшный Іосифъ окон-

[1]) Камергеръ.

чилъ свое земное странствованіе, въ началѣ 1793 года, въ совершеннѣйшемъ одиночествѣ, даже Охоцкаго не было при немъ.

И тутъ впрочемъ счастье не измѣнило ему: онъ умеръ во время, потерявъ вліяніе и состояніе... Не видѣлъ ужасовъ тарговицкой сумятицы, не дожилъ до времени упадка края... Думаемъ, что даже при его индифферентизмѣ къ дѣламъ общественнымъ онъ искренно скорбѣлъ-бы обо всемъ послѣдовавшемъ.

Охоцкій, написавшій его апологію въ своихъ мемуарахъ, утверждаетъ, что Стемпковскій не имѣлъ сношеній съ „политическими агентами", иначе говоря, не былъ на жалованьѣ у пословъ. Мы охотно вѣримъ этому: онъ избралъ себѣ другой путь и въ иномъ мѣстѣ искалъ не всегда законныхъ барышей. Но и не бывъ подкупленнымъ, не представлялъ-ли онъ образца кротости и покорности по отношенію къ союзническимъ войскамъ во время барской конфедераціи? Король дѣйствовалъ сообразно повелѣніямъ изъ Петербурга, великій гетманъ также повиновался имъ: могъ-ли сопротивляться имъ человѣкъ, копировавшій во всемъ своего благодѣтеля и покровителя?

Вліяніе Стемпковскаго въ кіевскомъ воеводствѣ было громадное, и, какъ мы указали выше, скорѣе вредное, чѣмъ душеспасительное. Онъ пріучилъ къ безконечному разгулу свою придворную шляхту, своихъ сосѣдей, наконецъ, цѣлое воеводство: наслажденіе жизнью было для всѣхъ единственною цѣлью. Между тѣмъ, каждый съѣздъ, устраиваемый съ цѣлью совѣщаній о нуждахъ провинціи, начинался и оканчивался всякаго рода притѣсненіями ея населенія. О благѣ родины не думалъ никто. Страна походила на судно, плывущее по бурному морю не только безъ кормчаго, но даже безъ гребцовъ; оставленное на волю провидѣнія, оно ударяется объ подводныя рифы, буря бросаетъ имъ объ прибрежныя скалы... Долго оно противилось разрушенію, такъ какъ было сколочено крѣпкими руками прадѣдовъ этого разслабленнаго поколѣнія; но наконецъ должно было пойти ко дну. Спѣшившихъ на помощь утопавшему судну въ кружкѣ пана Іосифа нашлось немного. Когда-жъ на воеводскомъ сеймикѣ 1790 года очнулись, наконецъ, послѣ долгаго похмѣлья, то такую саженную инструкцію настрочили своимъ избирателямъ, что изъ нея, какъ утверждалъ Стемпковскій, можно

было составить другую конституцію... Истые корольки безъ всякаго чувства долга относительно родины, но съ претензіею извлекать изъ нея возможно большіе доходы... Всѣмъ пользоваться, ничѣмъ не жертвуя—вотъ ихъ девизъ!

И въ Тульчинѣ царило безконечное веселье, но тамъ, по крайней мѣрѣ до эпохи четырехлѣтняго сейма, искренно заботились о благѣ Рѣчи-Посполитой. Щенсный устраивалъ имѣнія, заводилъ образцовое хозяйство, прокладывалъ дороги, устраивалъ почты, несъ пожертвованія въ пользу войска. Въ кружкѣ кіевскаго воеводы никогда ни о чемъ подобномъ не думали, не смотря на то, что волынская шляхта никогда не упускала изъ виду того, что дѣлалось въ Тульчинѣ.

Вотъ почему затѣя тарговицкая привилась здѣсь легко; приступили къ ней безъ разговоровъ: одни—съ цѣлью ловить рыбу въ мутной водѣ, другіе—чтобы сохранить свои имѣнія, еще нѣкоторые—чтобы „что-нибудь спасти“. А когда она рушилась, съ какою поспѣшностью и покорностью приносили они новую присягу! Всего болѣе шляхты съѣхалось въ Житоміръ ко дню 8-го апрѣля; 100 гербовныхъ первые явились здѣсь для изъявленія предписанной покорности... Въ другихъ мѣстахъ къ этому акту приступали нерѣшительно, съ нѣкоторой тревогой, шляхта оттягивала, поджидала вѣстей изъ Варшавы...

И вотъ Лабунь снова явилась на горизонтѣ, опять засіяла великолѣпіемъ: въ ней заквартировалъ новый администраторъ свѣжеприсоединенныхъ провинцій—генералъ *en chef*, Кречетниковъ; онъ расположилъ лагерь въ Полонномъ, а самъ поселился здѣсь съ своимъ штабомъ. Наряжена служба въ мѣстномъ костелѣ; наступила присяга; во главѣ землевладѣльцевъ стоялъ воеводичъ Стемпковскій. Когда пропѣли *Te Deum* и данъ былъ залпъ изъ пушекъ, выступилъ впередъ генералъ Любовицкій—нѣкогда товарищъ воеводы по преслѣдованію взбунтовавшихся крестьянъ, теперь предводитель вооруженныхъ силъ Рѣчи-Посполитой въ южныхъ воеводствахъ—и принесъ присягу въ вѣрности отъ имени всего своего 20-ти тысячнаго корпуса. Въ теченіе первыхъ двѣнадцати дней послѣ водворенія новой власти, изъ среды гостей, такъ часто навѣщавшихъ здѣсь страшнаго Іосифа, была избрана и послана въ

Петербургъ депутація для принесенія поздравленія „монархинѣ“. Изъ данной мѣстности въ составъ депутаціи вошли: Протъ Потоцкій, адвокатъ Бѣржинскій и староста Ильинскій.

Годъ спустя въ той-же Лабуни жилъ князь Салтыковъ, предводитель южной арміи послѣ смерти Кречетникова. Около того времени великаго мацѣёвицкаго узника везли въ Кіевъ, черезъ Киселинъ, Луцкъ и Заславль; русскій генералъ пожелалъ видѣть человѣка, имя котораго прогремѣло по всей прежней Польшѣ, и послѣдній былъ ему представленъ въ Лабуни. Что со стороны рыцаря-противника Косцюшкѣ былъ сдѣланъ вѣжливый и даже сердечный пріемъ—въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться... Но странное стеченіе обстоятельствъ! въ огромной залѣ, гдѣ нѣкогда шляхта, разукрашенная орденами, принимала короля, теперь стоялъ защитникъ ея свободныхъ учрежденій, окруженный стражею, блѣдный, почти окровавленный... Сравните пиршество 1787 года съ грозной и полной высокаго трагизма минутой, и вы найдете въ нихъ отраженіе судебъ приходящей въ упадокъ страны.

Но когда исчезла всякая возможность общественной дѣятельности на пользу родины, единственнымъ убѣжищемъ родныхъ традицій могъ сдѣлаться домашній очагъ: семья должна была стать ковчегомъ, въ которомъ онѣ могли-бы сохраниться; однакоже, мы съ грустью принуждены сознаться, что въ эпоху послѣ разбора Польши случаи развода нигдѣ не были такъ часты, какъ въ данной мѣстности... Въ доказательство привожу сильно сокращенный перечень такихъ случаевъ.

Какъ мы уже знаемъ, дочь воеводы Стемпковскаго вышла замужъ за Мартина Любомирскаго, извѣстнаго искателя приключеній и покровителя франкистовъ, или, вѣрнѣе, обожателя прекрасной дочери сектанта; овдовѣвъ, она вторично отдала руку Залускому, съ которымъ, однакоже, развелась, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться женой Игельстрома. Она дѣятельно поддерживала послѣдняго въ Варшавѣ (когда была еще его *подругой*), затѣмъ жила съ нимъ въ Оренбургѣ (уже какъ законная жена) и, наконецъ, когда онъ потерялъ мѣсто генералъ-губернатора (1798 г.), поселилась съ нимъ въ Дубнѣ и заботливо ухаживала за дряхлымъ шелопаемъ, который до самой своей смерти не переставалъ волочиться за прекрасными волынянками.

Жена Прота Потоцкаго, дочь Каспера Любомирскаго, развелась съ мужемъ (кіевскимъ воеводою) и вступила въ вторичный бракъ съ Зубовымъ—съ „отбитой“ ногой, какъ-бы желая вознаградить его за обиду, нанесенную ему пулей... А онъ былъ замѣчательный красавецъ; кромѣ того, раньше имѣлъ честь обратить на себя взоръ высокопоставленной особы!..

Михаилъ Валевскій, воевода серадзкій, поселившійся подъ конецъ своей жизни въ Тучинѣ, на Волыни, отдалъ руку своей дочери Стецкому, хорунжію коронному; но мужъ былъ старъ, жена бросила его и вступила въ вторичную связь съ княземъ Станиславомъ Яблоновскимъ, сохранивъ съ первымъ мужемъ до самой своей смерти самыя дружескія отношенія...

Дочь подкоморія Бѣржинскаго—Элеонора, бывшая за сыномъ мечника[1]) короннаго, Антоніемъ Грохольскимъ, влюбилась въ русскаго полковника Банера и добилась развода съ мужемъ... Ея любовныя приключенія идиллически изображены въ запискахъ Дѣтюка.

Молодой Карлъ Понинскій (сынъ Каликста?) женился на своей теткѣ, вдовѣ каштеляна Бѣржинскаго; была то не молодая, но похотливая *пани;* имѣла сына и двухъ взрослыхъ дочерей. Новобрачному приглянулась одна изъ нихъ,—поздно, правда; но онъ нашелся... обольстилъ дѣвушку, бѣжалъ съ нею въ Германію, а тамъ нашли пастора, который соединилъ ихъ таинствомъ брака.

Но довольно, довольно всего этого... Намъ незачѣмъ выставлять на судъ исторіи этихъ людей, жившихъ только моментомъ. Не ихъ вина, что они были такими. Рѣчь-Посполитая нуждалась въ людяхъ, закованныхъ въ броню добродѣтели, вооруженныхъ самопожертвованіемъ и душевной крѣпостью; но на скоро созрѣвавшей ея нивѣ выростали сыны, любившіе одни лишь увеселенія и праздную жизнь, влюбленные въ самихъ себя, хвастуны, дряблые, пустые... Неудивительно, что при первомъ столкновеніи съ бурей, разразившейся надъ страной, эти хилыя растеньица преклонялись къ землѣ, желая избѣжать ея неистовыхъ порывовъ; и въ то время, какъ вѣковые дубы падали, сокрушенные, одичалый плющъ потерялъ лишь нѣсколько

---

[1]) Мечникъ—сановникъ, носящій королевскій мечъ.

листиковъ... Увы! не оказалось даже достойнаго чела, которое можно было-бы увѣнчать хотя-бы этимъ дикимъ плющемъ...

Тѣмъ не менѣе, не они виноваты, повторяемъ еще разъ. И страшный Іосифъ былъ лишь представителемъ того общественнаго слоя, который такъ широко разросся у насъ въ XVIII вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи и его біографія имѣетъ нѣкоторую цѣну.

Лабунь перешла послѣ смерти Стемпковскаго въ руки кредиторовъ; лѣтъ шесть спустя, развалился и этотъ дворецъ, извѣстный своими пиршествами: онъ разсыпался, распался, не оставивъ по себѣ даже развалинъ. Потомство воеводы по мужской линіи прекратилось въ четвертомъ поколѣніи. Сыновья его и внуки прошли тяжелую школу испытаній, не жалѣли своей крови и безграничнымъ самопожертвованіемъ окупили эгоизмъ своего предка.

СЕРАПІОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ.

Кіевскій митрополитъ Серапіонъ не принадлежалъ къ числу людей съ выдающимися талантами По натурѣ онъ былъ человѣкъ мягкій, кроткій, гостепріимный, общительный, какъ и большая часть владимірскихъ урожденцевъ, но способностей не бойкихъ и рутинеръ въ администраціи и въ жизни. Люди, близко знавшіе его, удивлялись даже, какъ ему удалось достигнуть столь высокаго положенія въ русской іерархіи. Такъ князь И. М. Долгорукій въ своихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ *Капище моего сердца*, говоря о Серапіонѣ, что помнитъ его еще московскимъ викаріемъ, какъ человѣка очень обязательнаго и услужливаго, прибавляетъ: „онъ былъ тогда такъ худъ, что мы его называли *щепочкою,* и никогда не воображали, что изъ этой щепочки выйдетъ нѣкогда великое бревно въ церкви россійской". Равно и митр. Платонъ съ удивленіемъ узналъ о назначеніи своего бывшаго викарія на кіевскую митрополію: „что преосв. Серапіонъ вышелъ въ митрополита въ Кіевъ,"—писалъ митр. Платонъ митр. Амросію (отъ 27 дек. 1803 г. п. 85),—сіе совсѣмъ противъ нашего, а можетъ быть и общаго чаянія".

По видимому жизнь зауряднаго человѣка, хотя-бы и въ санѣ митрополита, не представляетъ особаго историческаго интереса. Но здѣсь выходитъ нѣсколько иначе. Историческій интересъ, возбуждаемый личностію митр. Серапіона, обратно пропорціоналенъ съ его историческимъ значеніемъ. А причина сего заключается въ томъ, что митр. Серапіонъ оставилъ по себѣ очень обильный матеріалъ для изученія его жизни и той среды, въ которой онъ обращался. Пр. Серапіонъ имѣлъ обычай вести *дневникъ* и аккуратно записывалъ свое ежедневное времяпровожденіе и то, что съ нимъ случалось. Какъ рано завелъ онъ эту привычку,—не знаемъ. Но въ

санѣ казанскаго архіепископа, онъ уже велъ дневникъ. Веденіе дневника вѣроятно первоначально имѣло цѣль практическую; записи дневника нужны иногда бывали для справокъ, давали матеріалъ для разговоровъ (напр. о погодѣ [1]), а главное—веденіе дневника придавало всей жизни архипастыря тотъ характеръ ровности, устойчивости и аккуратности, который онъ считалъ своимъ главнымъ достоинствомъ. Съ теченіемъ времени привычка обратилась во вторую природу: за нѣсколько дней до смерти дрожащею рукою митр. Серапіонъ продолжалъ еще писать свою поденную запись.

Кто-то сказалъ, что простой и безхитростный дневникъ самаго обыкновеннаго человѣка дастъ болѣе пищи для размышленія, чѣмъ любыя драмы Шекспира. Въ извѣстномъ отношеніи это справедливо. Жизнь слагается по однимъ и тѣмъ-же, въ сущности очень не многимъ законамъ. Юность и любовь, мужество и трудъ, старость и смерть—таковы роковыя перипетіи, которые милліоны милліоновъ разъ въ разныхъ видоизмѣненіяхъ повторяются въ жизни отдѣльныхъ личностей. Читая чужой дневникъ, каждый изъ насъ читаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти какъ-бы и свою собственную біографію. День идетъ за днемъ и каждый имѣетъ свою *злобу*, каждый приноситъ свои заботы и интересы, свои радости и печали. Чувства измѣняются, измѣняются и отношенія. Вчерашняя радость смѣняется сегодня горемъ, вчерашній другъ становится сегодня врагомъ или человѣкомъ равнодушнымъ, и на оборотъ. Изъ этой смѣны житейскихъ впечатлѣній, подобныхъ рѣкѣ мимо текущей, христіанскій моралистъ выводитъ для себя уроки доброй нравственности. „Былъ я младенецъ“, разсуждаетъ св. Тихонъ Задонскій, „и миновало то. Былъ я отрокъ, и то прошло. Былъ я юноша, и то отошло отъ мене. Былъ я мужъ совершенный и крѣпкій, минуло и тое. Нынѣ сѣдѣютъ власы мои, и отъ старости изнемогаю; но и то проходитъ, и къ концу приближаюся, и пойду въ путь всея земли... Былъ я здоровъ и боленъ, и паки здоровъ и паки боленъ, и прошло то. Былъ въ благополучіи и неблагополучіи, прошло время и со временемъ все миновало. Былъ я въ чести, прошло то время, и честь отъ мене отступила. Люди меня почи-

[1]) Напримѣръ—въ такомъ родѣ: въ прошломъ де году въ Благовѣщенье былъ снѣгъ и столько-то градусовъ холоду: а нынѣ таетъ и столько-то градусовъ тепла и т. п.

тали и покланялись; минуло то время и не вижу того. Былъ я веселъ, былъ и печаленъ, радовался я и плакалъ; и нынѣ тоеждѣ мнѣ случается; проходятъ дни, проходятъ съ ними печаль и веселіе, радость и плачь. Хвалили меня и славили люди; хулили и поносили; и которые хвалили, тѣ и проклинали; и которые хулили, тѣ и хвалили; прошло время, прошло и все, миновалась хвала и хула, слава и безславіе... Что мнѣ, то и всякому случается. Гдѣ тое время, въ которое счастливъ я былъ, въ которое здоровъ, веселъ, радостенъ, хвалимъ, почитаемъ; въ которое богатою музыкою и трапезою утѣшался, ѣздилъ колесницею и цугомъ? Прошло время, прошло и все съ нимъ счастіе мое и утѣшеніе мое. Гдѣ тое время, въ которое я былъ несчастливъ, былъ болѣнъ, печаленъ, скорбенъ, хулимъ и поносимъ, укоряемъ и ругаемъ, и пр.? Прошли тыя дни, прошло и тое все несчастіе: что единъ человѣкъ на себѣ дознаетъ, то и всякому случается. Нѣтъ бо человѣка такого, который бы отъ рожденія до смерти въ непремѣнномъ пробылъ благополучіи. Какъ подъ небомъ, то ведро, то пасмурно, то непогода и буря, то ясно и тишина бываетъ: такъ и всякому человѣку случается то въ благополучіи, то въ неблагополучіи, то въ страхѣ, то въ покоѣ, то въ печали, то въ радости быть. Но какъ дни и часы проходятъ, такъ всякое счастіе и несчастіе съ ними проходитъ (*св. Тихона. Сокровище духовное. 97. Вода* мимотекущая).

Дневникъ всякаго человѣка—въ томъ числѣ и митр Серапіона—служитъ лучшею иллюстраціею къ вышеприведеннымъ задушевнымъ размышленіямъ св. Тихона. Но если христіанскій моралистъ изъ постоянной смѣны житейскихъ приключеній, отношеній и впечатлѣній выводитъ для себя уроки доброй нравственности, то для любителя исторіи, какъ *науки*, открывается здѣсь и другой интересъ. Не довольствуясь нравоученіемъ, любитель исторіи стремится уяснить себѣ тѣ *законы*, по которымъ совершается волнообразное движеніе человѣческой жизни съ ея приливами и отливами радости и горя, труда и покоя, удачъ и неудачъ.

При такомъ стремленіи дневникъ—чей-бы то либо, особенно многолѣтній и непрерывный, представляется очень подходящимъ матеріаломъ для изученія человѣческой жизни по своей относительной простотѣ и безъискуственности. Факты сообщаются капля по каплѣ, въ той мѣрѣ, какъ даетъ ихъ каждый протекшій день. Ме-

лочи, изъ которыхъ слагается жизнь, передаются во всей ихъ дробности и во всемъ ихъ утомительномъ однообразіи. Субъективныя иллюзіи всѣ на виду: писатель дневника и самъ не знаетъ, разростется-ли крупными послѣдствіями событіе, поразившее его сегодня, или пройдетъ безслѣдно; часто онъ ужасается тамъ, гдѣ нѣтъ опасности,—и на оборотъ. Да и вообще все занесенное въ дневникъ освѣщается ровнымъ и однообразнымъ свѣтомъ одного индивидуальнаго сознанія. Однимъ словомъ: дневникъ есть рядъ фотографій изъ дѣйствительной жизни человѣка, какъ она отражается въ его сознаніи.

Конечно, нужно не мало труда и терпѣнія, чтобы суммировать тѣ однообразныя мелочи, изъ которыхъ обыкновенно слагается каждый дневникъ; чтобы событія и впечатлѣнія изъ узкаго кругозора отдѣльнаго дня перенести въ историческую перспективу цѣлой жизни. Нужно не только терпѣніе, но и нѣкоторый запасъ исторической опытности и наблюдательности, чтобы сравнить жизнь героя дневника съ жизнію другихъ соизмѣримыхъ личностей для характеристики героя дневника и для уразумѣнія общихъ законовъ исторіи. Но за то понять жизнь одного человѣка значитъ найти ключь къ пониманію тысячи другихъ жизней.

Дневникъ митр. Серапіона есть дневникъ человѣка стараго, человѣка высокопоставленнаго, человѣка безъ стремленій, человѣка отживающаго. Этимъ на первый разъ все, что нужно, сказано. Обратимся къ фактическому содержанію дневника.

I.

Назначеніе казанскаго архіепископа Серапіона на кіевскую митрополію. Curriculum vitae новаго митрополита. Вліяніе на него митроп. Платона. Его характеръ и его наружность.

Въ сентябрѣ 1803 года кіевскій митрополитъ Гавріилъ Бодони уволился отъ митрополіи и выѣхалъ изъ Кіева. Человѣкъ онъ былъ еще не старый (57 лѣтъ); въ Кіевѣ его любили. Обстоятельства его увольненія доселѣ остаются неразъясненными. Кажется, просто въ высшихъ правительственныхъ сферахъ стали считать неумѣстнымъ на кіевской митрополіи иноземца (родомъ изъ Трансильваніи),

хотя-бы и очень заслуженнаго, а самъ Гавріилъ былъ человѣкъ на столько нечестолюбивый, что поспѣшилъ уволиться, какъ скоро до него начали доходить подобные слухи [1]).

Какъ-бы то ни было, но митрополичья каѳедра въ Кіевѣ сдѣлалась вакантною, и вопросъ о замѣщеніи ея около 4 мѣсяцевъ (съ 21 августа по 11 декабря 1803 г.) оставался открытымъ. Разумѣется, толкамъ и предположеніямъ не было конца. Кіевскій каѳедральный протоіерей I. Леванда предполагалъ и будто-бы даже имѣлъ съ сѣвера извѣстія, что кіевскимъ митрополитомъ будетъ Викторъ Садковскій, архіепископъ черниговскій. Но Викторъ умеръ въ ноябрѣ того-же года. Московскій митр. Платонъ предполагалъ кандидатомъ на кіевскую митрополію извѣстнаго проповѣдника Анастасія Братановскаго, архіепископа могилевскаго. Но, вопреки всѣмъ предположеніямъ, назначенъ па митрополію въ Кіевъ Серапіонъ, архіепископъ казанскій. Намъ думается, что Серапіона, какъ земляка, промовировалъ первенствующій членъ синода, митр. Амвросій Подобѣдовъ, также урожденецъ владимірскій [2]). Неожиданность этого назначенія увеличивалась оттого, что доселѣ еще не было примѣра, чтобы на кіевской каѳедрѣ сидѣлъ великороссъ, тогда какъ на оборотъ въ XVIII столѣтіи почти всѣ архіерейскія каѳедры въ Великороссіи были заняты учеными малорусскаго происхожденія или, по тогдашнему, *черкасами*.

1 генваря 1804 года архіепископъ казанскій Серапіонъ записалъ въ своемъ дневникѣ, между прочимъ, слѣдующее: „ѣздилъ въ городъ и служилъ въ послѣдній разъ въ соборѣ тепломъ предъ отбытіемъ моимъ на кіевскую митрополію. Послѣ молебна разоблачась говорилъ съ амвона рѣчь прощательную“. За тѣмъ въ тотъ-же день былъ данъ новымъ митрополитомъ прощальный обѣдъ казанской аристократіи и высшему духовенству на 36 кув.

4 генваря новый митрополитъ получилъ съ почты указъ изъ св. синода, съ прописаніемъ именнаго высочайшаго соизволенія

---

[1]) Въ послѣдствіи Гавріилъ долго еще съ честію служилъ Россіи въ санѣ экзарха молдовлахійскаго и потомъ митрополита кишиневскаго († 30 марта 1821 г.)

[2]) Такимъ образомъ въ началѣ настоящаго столѣтія мы видимъ на двухъ митрополіяхъ іерарховъ владимірскаго происхожденія, точно также какъ въ настоящее время имѣемъ двухъ митрополитовъ тульскихъ уроженцевъ.

носить ему бѣлый клобукъ по обычаю. „*И благодать возблагодать:* замѣчаетъ обрадованный Серапіонъ, *то есть на прошлой почтѣ именной указъ, и на сей тоже*“. На другой день, т. е. въ крещенскій сочельникъ, „*съ утра зѣло рано и до 1 часа за полдни*“, новый митрополитъ занимался приготовленіемъ и отправкою на почту писемъ: написалъ благодарственное письмо государю императору, двумъ императрицамъ и еще кое-кому, всего 17 писемъ. А въ праздникъ Крещенія „*служилъ въ крестовой церкви для праздника и для пожалованнаго бѣлаго клобука, который въ первый разъ къ обѣднѣ воздѣлъ на себя и явился въ немъ людямъ*“.

Здѣсь мы пріостановимся, чтобы поближе познакомиться съ новымъ митрополитомъ кіевскимъ и разсказать его біографію. Новому митрополиту было 56 лѣтъ. Жизнь его была проста и не богата приключеніями. Полвѣка слишкомъ прожилъ онъ въ Москвѣ и около Москвы, а послѣдніе 5 лѣтъ въ Казани. 22 іюля 1747 г. въ той пріобрѣтшей печальную извѣстность Александровской слободѣ, гдѣ во время оно тиранствовалъ Иванъ Грозный [1]), у священника дѣвичьяго монастыря Сергія и жены его Матроны родился сынъ *Стефанъ*. До 12 лѣтъ мальчикъ жилъ среди своей довольно большой и небогатой семьи и, можно сказать, на лонѣ природы, такъ какъ Александровская слобода (нынѣ уѣздный городъ влад. губ.), таже деревня. Вѣроятно съ этой поры получила начало въ будущемъ кіевскомъ митрополитѣ привычка наблюдать за погодою и внимательность къ сельскому хозяйству. На 12 году отрокъ Стефанъ былъ отвезенъ за 40 верстъ отъ родины въ троицкую семинарію, находившуюся въ Сергіевой лаврѣ, и вѣроятно при поступленіи въ школу, по происхожденію изъ Александровской слободы, получилъ фамилію *Александровскаго*. Въ семинаріи Стефанъ Александровскій учился 10 лѣтъ (годъ въ фарѣ и инфимѣ, годъ въ грамматикѣ, годъ въ синтаксимѣ, годъ въ піитикѣ, годъ въ реторикѣ, два года

---

[1]) Въ дневникѣ упоминаются братъ Иванъ, и сестры, изъ которыхъ Параскева жила въ Кіевѣ, *Варвара* умерла раньше мужа, который впослѣдствіи, съ именемъ Назарія, былъ архимандритомъ казанскаго свіяжскаго монастыря († 7 авг. 1804 г.), и сестра Анна, монахиня александровскаго монастыря, которая вмѣстѣ съ своею игуменьею была у брата митрополита въ Кіевѣ въ авг. 1804 г.

въ философіи и три года въ богословіи). Этимъ учебнымъ десятилѣтіемъ (1759—1770 г.) и кончилось его образованіе. Какъ провелъ онъ эти 10 лѣтъ, неизвѣстно; должно быть, ничего особеннаго съ нимъ не случалось. Припоминалъ только владыка Серапіонъ впослѣдствіи, что когда онъ поступалъ въ семинарію, то ректоромъ былъ *Гавріилъ Петровъ*, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій, а учителемъ реторики *Платонъ Левшинъ*, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Припоминалъ также, что семинаристовъ содержали довольно скудно, не смотря на то, что лавра, по крайней мѣрѣ въ первую половину ученья Серапіонова, владѣла вотчинами. Несомнѣнно также, что Стефанъ Александровскій не порывалъ связи съ родною семьею, но при всякомъ удобномъ случаѣ, на праздники и каникулы—ѣздилъ или ходилъ за 40 верстъ въ свою Александровскую слободу. Какъ учился Стефанъ Александровскій, съ точностію неизвѣстно. Вѣроятно хорошо, но не отлично. Бралъ—должно полагать, больше трудолюбіемъ и аккуратностію, нежели дарованіями. Но во всякомъ случаѣ окончилъ курсъ благополучно, и на первый разъ былъ оставленъ при семинаріи *помощникомъ учителю нѣмецкаго языка*, вѣроятно въ родѣ называвшагося впослѣдствіи *семинарскаго лектора*. Отсюда конечно не слѣдуетъ заключать, чтобы Стефанъ Александровскій былъ знатокъ нѣмецкаго языка, а тѣмъ паче нѣмецкой литературы: вѣрнѣе думать, что его нѣмецкое учительство было не столько дѣломъ *знанія*, сколько дѣломъ *послушанія*. Впрочемъ только менѣе полугода учительствовалъ Александровскій въ качествѣ мірянина, преподавая за это время не только нѣмецкій языкъ, но и латинскій, и географію. 8 февраля 1771 г., т. е. на 24 году жизни, онъ уже былъ постриженъ въ монахи, въ троицкой лаврѣ, и нареченъ *Серапіономъ*, въ честь святителя Серапіона, арх. новогородскаго († 1516 г.), мощи котораго подъ спудомъ въ троицкой лаврѣ почиваютъ. (Память его марта 16) [1]). Нѣтъ нужды много говорить, по какому побужденію Серапіонъ принялъ монашество; въ то время учителю троицкой

---

[1]) Отмѣчаемъ здѣсь памяти патроновъ Серапіона, какъ по мірскому, такъ и по монашескому имени, потому что митр. Серапіонъ ежегодно 16 марта торжественно праздновалъ свои монашескія именины, а 2 августа, въ кругу родныхъ и близкихъ лицъ, праздновалъ и мірскія именины.

семинаріи трудно было избѣжать монашества. Это была обыкновенная, торная, даже почти неминуемая дорога. „Бѣльцы ненадежны“, разсуждалъ Платонъ Левшинъ, главный съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка кураторъ троицкой семинаріи. „Годъ, или много два побудутъ, и просятся вонъ: они только въ надеждѣ лучшаго мѣста въ учители желаютъ. А монашествующіе надежнѣе“. Поэтому всѣ почти учителя троицкой семинаріи были монахи. Бѣльцы приглашались или принять постриженіе или освобождать вакансіи для иноковъ. Но Серапіона и монашество не прикрѣпило къ ученой службѣ, къ которой онъ повидимому не имѣлъ ни охоты, ни особенной способности. Менѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ постриженія онъ былъ взятъ въ Москву, гдѣ былъ сначала проповѣдникомъ при московской славено-греко-латинской академіи (1772—74), каковую должность повидимому проходилъ тоже главнымъ образомъ *изъ послушанія* [1]), потомъ былъ игуменомъ московскаго крестовоздвиженскаго монастыря (1775 г.), игуменомъ московскаго знаменскаго монастыря (1776—78 г.) и архимандритомъ московскаго богоявленскаго монастыря (1779—1788 г.). Во все время своего игуменства и архимандритства Серапіонъ былъ членомъ московской духовной консисторіи, и исправлялъ особыя возлагаемыя на него порученія, напр. по духовной цензурѣ. А одинъ годъ (1782) провелъ въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія. Всего въ общемъ итогѣ отъ постриженія до архіерейства, такъ сказать подъ искусомъ, Серапіонъ провелъ 16 лѣтъ, состоя почти исключительно на административныхъ должностяхъ. Что сказать о немъ за это время? Строгимъ аскетомъ и отшельникомъ Серапіонъ никогда не былъ: онъ былъ человѣкъ общительный, любилъ водить хлѣбъ-соль съ хорошими людьми, бесѣдовать и трапезовать во славу Божію, въ гостяхъ побывать и у себя принять, но тѣмъ не менѣе былъ житія

---

[1]) Проповѣдничество не было профессіею Серапіона. Сдѣлавшись архіереемъ, онъ никогда не говорилъ проповѣдей. Развѣ когда-либо по особому случаю—разъ въ 10 лѣтъ—скажетъ коротенькую рѣчь, да и то *рутинную*. Таковъ отзывъ князя И. М. Долгорукова о рѣчи митр. Серапіона при открытіи въ Кіевѣ библейскаго общества. Впрочемъ проповѣдничество при московск. академіи соединено было съ должностію библіотекаря, и вѣроятно послѣдняя должность и была для Серапіона главною и коренною.

трезваго, степеннаго и постояннаго. Что касается до административной дѣятельности Серапіона, то прежде всего, кажется, онъ былъ духовный чиновникъ очень исполнительный, а по своимъ взглядамъ былъ вполнѣ московскій человѣкъ, *у котораго много было наблюдательности и практической сноровки, но очень мало творческихъ идей.*

Въ 1788 г. учреждено было викаріатство въ Москвѣ и первымъ викаріемъ былъ назначенъ Серапіонъ, который и посвященъ во епископы въ московскомъ успенскомъ соборѣ 11 іюня 1788 г. Отъ роду ему было тогда безъ малаго 41 годъ, тогда какъ митр. Платонъ былъ ровно на 10 лѣтъ старше его. По всей вѣроятности митр. Платонъ, выбирая себѣ въ викаріи Серапіона, имѣлъ въ виду его скромность и исполнительность. Очень способные и самостоятельные люди любятъ въ своихъ помощникахъ и сотрудникахъ именно эти качества. Сначала митр. Платонъ, кажется, недоумѣвалъ еще, не слишкомъ-ли вялымъ окажется его викарій, но потомъ очень скоро расположился къ нему. Отъ 7 іюня 1788 г. митр. Платонъ писалъ Амвросію Подобѣдову: „Въ слѣдующее воскресенье будетъ посвященіе моего викарія Серапіона. Не знаю, какую принесетъ онъ мнѣ помощь“. Но впослѣдствіи митр. Платонъ неоднократно просилъ св. синодъ *преосвященнаго Серапіона отъ него не отымать, ибо симъ отяготится судьба его*, т. е. митр. Платона, и даже впослѣдствіи ставилъ Серапіона въ примѣръ другимъ викаріямъ, напр. Августину (п. 30). Серапіонъ пробылъ викаріемъ московскимъ слишкомъ 11 лѣтъ (1788—1799 г.). Первые четыре года положеніе его было довольно неопредѣленно и не блестяще. Онъ былъ администраторъ безъ опредѣленной власти и главное—безъ опредѣленныхъ органовъ дѣятельности. „Я викарію отдѣлилъ три уѣзда“, писалъ митр. Платонъ (къ Амвросію 20 ноября), „но за всѣмъ тѣмъ остается еще у меня 1500 церквей. Отдѣлилъ-бы ему и болѣе, но какъ консисторіи у него нѣтъ, то и съ сими не знаетъ, какъ сладить“. Но года чрезъ четыре положеніе Серапіона совершенно нечаянно выправилось, улучшилось и стало весьма представительнымъ. Это случилось по слѣдующему поводу. Митр. Платону исполнилось 55 лѣтъ—возрастъ еще не старый. Но владыка тяготился своею зависимостію отъ петербургской синодальной братіи, тяготился своимъ отчужденіемъ отъ правленія *рулемъ общихъ дѣлъ,* и подалъ въ отставку, якобы по болѣзни, но въ сущности

потому что „самое управленіе раждало въ немъ тоску и скуку“. Люди склонны воображать себя незамѣнимыми, хотя опытъ постоянно разбиваетъ эти мечтанія. Кто знаетъ—быть можетъ, подавая въ отставку, митрополитъ думалъ, что отставки ему не дадутъ, но вмѣсто того создадутъ для него положеніе, болѣе почетное и вліятельное, болѣе сообразное съ его заслугами и достоинствами. Случилось не совсѣмъ такъ, какъ ожидалъ митрополитъ. Отставки ему не дали, но его жалобы на старость и болѣзнь были приняты въ буквальномъ смыслѣ. „Я просился было объ увольненіи отъ епархіи“, писалъ митр. Платонъ м. Амвросію (п. 32), „но не получилъ того, а оставленъ на волю жить въ лаврѣ; а правленіе поручать викарію, когда я захочу. *Не сего было я желалъ*“. Такимъ образомъ вслѣдствіе просьбы митр. Платона объ отставкѣ поднялось только положеніе его викарія. Самъ митр. Платонъ, чтобы подтвердить свое заявленіе о своей старости и болѣзни, отправился въ уединеніе въ троицкую лавру и въ Виѳанію, а викарій его Серапіонъ остался въ Москвѣ управляющимъ митрополіею. Дѣлъ и заботъ у Серапіона конечно не прибавилось, но за то значеніе его возрасло до того, что самъ митр. Платонъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ подозрительнымъ соревнованіемъ. Такъ отъ 13 декабря 1792 г. митр. Платонъ писалъ Серапіону: „прошу присылать ко мнѣ ставлениковъ почаще и поболѣе, даже и церковниковъ для посвященія въ стихарь. Мнѣ не только скучно, но и стыдно предъ своими. Они не видятъ, что я дѣлаю по бумагамъ; а не видя никого ставлениковъ, думать могутъ, что я совсѣмъ уже въ епархіи участія не имѣю. Доставьте мнѣ сіе удовольствіе“. Отъ 14 авг. 1794 г.: „знаю, что вамъ не безъ хлопотъ; но мнѣ при старости и отказавшись отъ епархіи, еще несноснѣе все сіе кажется“. Отъ 10 декабря 1797 г.: „попросите вице-губернатора... васъ лучше послушаютъ, яко дѣйствительнаго архіерея, а не лѣснаго“. Въ письмѣ отъ 1 марта 1798 г. жалуясь на скудное и обидное для митрополичьяго дома надѣленіе угодьями со стороны казенной палаты, митр. Платонъ продолжаетъ: „а преосвященному викарію нѣтъ затрудненія и два озера дать и 4 пруда, да еще и земли 90 десятинъ, а подъ мѣстный митрополитскій домъ 60. Будетъ и для васъ и для меня стыдно и обидно. Вамъ было прежде надлежало о мѣстномъ архіереѣ подумать, а послѣ о себѣ... Не по-

думайте, чтобъ я завидовалъ сему. Дай Богъ вамъ впятеро получить, но безъ предъосужденія хозяина своего. Будутъ смѣяться впредь мнѣ, да и васъ не похвалятъ". Но за исключеніемъ этой мимолетной вспышки неудовольствія, отношенія митр. Платона къ своему викарію были мирны и дружественны. Серапіонъ держалъ себя скромно и старался угождать и митрополиту, и московскимъ аристократамъ. Не могъ только Серапіонъ дружить съ московскими ставропигіальными архимандритами (донскимъ, симоновскимъ и новоспасскимъ) и съ членами московской синодальной конторы, съ которыми митр. Платонъ велъ постоянную войну. Но и по отношенію къ этимъ лицамъ Серапіонъ *укрывался* за митр. Платона, который, *яко мужъ, вѣдый терпѣти болѣзнь*, смѣло принималъ на себя ихъ *устремленіе*. Можемъ думать впрочемъ, что при своей мягкой натурѣ, служа посредствующимъ лицомъ между двумя взаимно предубѣжденными сторонами, Серапіонъ смягчалъ горечь ихъ непріязненныхъ отношеній. Въ духовной администраціи, дѣйствуя сообразно съ указаніями митр. Платона, Серапіонъ былъ его ученикомъ или блѣдною копіею. А о митр. Платонѣ намъ извѣстно, что онъ былъ другъ ученыхъ монаховъ и довольно строгій начальникъ бѣлаго духовенства.

Какъ ни дружелюбны были отношенія митр. Платона къ его викарію Серапіону, а слѣдовало имъ когда-нибудь разстаться. Серапіонъ долженъ былъ получить дальнѣйшую промоцію. И чрезъ 11 лѣтъ викаріатства (въ 1799 г.) Серапіонъ получилъ промоцію, тѣмъ болѣе блистательную, чѣмъ долѣе было его викаріатство, и чѣмъ труднѣе казалось его положеніе между амбиціознымъ митр. Платономъ и тѣми противодѣйствующими силами и властями, отъ которыхъ митр. Платонъ скрывался въ виѳанскомъ уединеніи. Въ 1799 г. Серапіонъ (уже кавалеръ ордена св. Анны 1-й степени съ 1797 г. и членъ московской синодальной конторы съ 1798 г.) былъ назначенъ на новоучрежденную калужскую епархію, но числился на ней только 5 дней (съ 16 по 21 октября); а чрезъ пять дней пожалованъ архіепископомъ въ Казань, на мѣсто Амвросія Подобѣдова, переведеннаго на петербургскую митрополію [1]). Митр. Платонъ жалѣлъ о

[1]) Въ архивѣ св. синода имѣется послужной списокъ Серапіона при представленіи его на казанскую каѳедру: «Московской синодальной конторы членъ Серапіонъ калужскій, природою изъ великороссіянъ, обучался въ семинаріи троицкія

разлукѣ съ привычнымъ викаріемъ, но радовался его быстрому повышенію. „Мой викарій отъ меня отошелъ“; писалъ митр. Платонъ митр. Амвросію,—и нечего уже думать объ немъ. Привыкши къ нему столь долговременно, не иначе разстаюсь съ нимъ болѣзненно, какъ съ кровнымъ. Но зѣло утѣшило меня то, что сей сотрудникъ мой столь почтенно награжденъ. И какъ сіе вышло неожидаемо, то и его и меня удивило, какимъ образомъ вышло то. *Отъ Господа бысть сіе* et caet.“ (пис. 56). Между митр. Платономъ и Сераліономъ продолжалась переписка и послѣ отбытія послѣдняго въ Казань. Впрочемъ въ первыхъ письмахъ митр. Платона къ арх. Сераліону проглядываетъ нѣкоторое неудовольствіе то по дѣлу о ризницѣ (отъ 30 января 1800 г.), то по поводу сношеній Сераліона съ московскими аристократами (отъ 14 марта 1800 г.). „Ваши разосланныя къ здѣшнимъ вельможамъ извѣстительныя писанія о вашемъ въ Казань прибытіи столько воздѣйствовали, что они охотно васъ здѣсь видѣть желаютъ, какъ я самъ отъ нихъ слышалъ. А я здѣсь поживаю не безъ скуки; и съ удовольствіемъ-бы вамъ сдалъ мѣсто“.

Въ Казани Сераліонъ прожилъ 4 года, и въ 1802 году (слѣдовательно на 56 году жизни) почувствовалъ себя на столько больнымъ, что рѣшился проситься на покой и просилъ митр. Платона дать ему пріютъ въ привычномъ мѣстѣ жительства—въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Болѣли у Сераліона глаза, которыми онъ страдалъ еще въ Москвѣ; болѣлъ и бокъ. Были и какія-то непріятности по службѣ. Митр. Платонъ отвѣчалъ Сераліону слѣдующимъ утѣшительнымъ посланіемъ отъ 8 октября 1802 года. „Письмо ваше привело меня въ удивленіе и въ сожалѣніе. Какъ! вы рѣшились отказаться отъ епархіи? А я и старѣе васъ, и не меньше болѣзненъ, долженъ еще оставаться въ сихъ хлопотахъ. Вѣрю, что вы больны: но слово истины и въ самыхъ страданіяхъ велитъ намъ не ослабѣвать, но радоваться. Вѣрю-же, что еще и

лавры философіи, богословіи и географіи, языкамъ, латинскому, греческому и нѣмецкому; въ монашество постриженъ въ 771 г.» и пр. (слѣдуютъ біографическія подробности, извѣстныя читателямъ). «Отъ роду ему 57 лѣтъ». Число лѣтъ Сераліону показано на 5 лѣтъ больше надлежащаго, быть можетъ для того, чтобы обезпечить ему промоцію.

болѣе вашъ духъ могутъ ослаблять и постороннія обстоятельства: можетъ быть и предшественникъ, можетъ быть и я, къ тому случай подали,—sat sapienti. Вы свидѣтель, сколько я терпѣлъ, и нынѣ терплю; не отъ чужихъ, но отъ своихъ. Но ободряю себя тѣмъ, что сіе бываетъ по волѣ Бога моего, чрезъ сіе меня поправить и на стражѣ не дремать желающаго. Посему и есть мой совѣтъ, да еще продолжите подвигъ свой, Христа ради, во всемъ насъ укрѣпляющаго. Но когда вы уже точно и конечно рѣшились проситься отъ епархіи, буди на то воля ваша. Жить вамъ здѣсь, и съ управленіемъ въ Богоявленскомъ монастырѣ—сіе, можетъ быть, не столько доставитъ удовольствія вамъ, сколько мнѣ, въ надѣяніи вашимъ дружескимъ обхожденіемъ пользоваться. Но не скрою отъ васъ (что бо отъ васъ могу сокрыть?) моего желанія и совѣта, чтобы вы, прося жить въ монастырѣ Богоявленскомъ и управлять имъ, вмѣстѣ просили, чтобъ монастырь сей оставался въ вѣдомствѣ епархіи московской по прежнему,—съ тѣмъ только, чтобы указы изъ консисторіи посылать на имя казначея, а вамъ по случающимся нуждамъ сноситься со мною письмами. Сіе послужитъ къ бо̂льшему нашему въ любви и согласіи утвержденію: и нахожу, что вы больше спокойствія получите, имѣя дѣло со мною, нежели съ синодомъ, или его конторою.—Я конечно вашъ покой по всему соблюду. Впрочемъ буди воля ваша, а паче Божія“.

Не понравились-ли арх. Серапіону условія, на которыхъ митр. Платонъ давалъ ему пріютъ въ Москвѣ, или онъ сталъ надѣяться на выздоровленіе,—какъ-бы то ни было, онъ взялъ назадъ свою рѣшимость просить увольненія отъ епархіи, о чемъ и увѣдомилъ митрополитовъ, какъ московскаго Платона, такъ и петербургскаго Амвросія, и притомъ послѣдняго въ выраженіяхъ болѣе обстоятельныхъ и заискивающихъ, чѣмъ перваго. „Рѣшимость мою“, писалъ арх. Серапіонъ къ митр. Амвросію, „поспѣшно послать мою просьбу, извѣстную вашему святѣйшеству и по испрошенному уже мною на то отъ вашего архипастырства соизволенію и помощи, остановило свидѣтельство врача, яко нужное ко уваженію той моей просьбы. Штабъ-лекарь Загорскій, пользующій меня съ Дмитріемъ Петровичемъ, при таковомъ теперешнемъ случаѣ вновь предлагаетъ мнѣ свою услугу постараться хотя нѣсколько еще времени попристальнѣе полечить болѣзнь мою глазную шпанскими мухами, а болѣзнь въ боку Шин-

гаузенскимъ пластыремъ и летучею мазью". За тѣмъ арх. Серапіонъ высказываетъ опасеніе, какъ-бы *не лишиться впредь благодѣтельнаго* о себѣ *промышленія* петербургскаго владыки, обѣщается *стараться всячески истребить свою мечтательную боязнь*, называемую врачами molum ipochondricum, и въ заключеніе опять вручаетъ себя *покровительству* петербургскаго владыки, *милостиваго и благотворительнаго отца*.

Все окончилось благополучно. Болѣзнь арх. Серапіона прошла, и покровительство митр. Амвросія не оскудѣло. Этому покровительству митр. Серапіонъ, по всей вѣроятности, и обязанъ кіевскою митрополіею. Мы имѣемъ извѣстіе о томъ, что въ послѣдній годъ своего казанскаго архіепископства (1803) Серапіонъ отличался особою исполнительностію по отношенію къ синодальнымъ порученіямъ, какъ-бы желая нарочито доказать свою пригодность для дальнѣйшей службы. Въ началѣ 1803 года присланъ былъ къ Серапіону синодальный указъ о переводѣ на разные инородческіе языки катихизиса и молитвъ. Это порученіе исполнено было живо: четыре перевода—татарскій, чувашскій, черемисскій и мордовскій—въ томъже году къ осени были доставлены арх. Серапіономъ въ синодъ при рапортахъ; вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію синода, они были напечатаны [1]).

Въ Казани архіерейскія привычки Серапіона сложились вполнѣ. Жизнь его шла ровно, какъ заведенные часы. Постоянное мѣстопребываніе онъ имѣлъ въ архіерейскомъ загородномъ домѣ Воскресенскомъ. Въ будни слушалъ утреню въ залѣ, а обѣдню въ крестовой церкви; потомъ разбиралъ дѣла и просителей, или занимался приготовленіемъ писемъ на почту. Часу во 2-мъ обѣдалъ, большею частію не одинъ, а съ нѣсколькими духовными или свѣтскими близкими лицами (съ какимъ-либо архимандритомъ, докторомъ и т. д). Вечеромъ слушалъ богослуженіе въ залѣ и принималъ случайныхъ посѣтителей,—и день кончался. Въ праздники дневное времяпрепровожденіе видоизмѣнялось тѣмъ, что владыка ѣздилъ въ Казань для богослуженія и дѣлалъ визиты казанскимъ аристократамъ,

---

[1]) Н. И. Ильминскій, директоръ казанской учительской семинаріи, сообщаетъ, что татарскій переводъ сдѣланъ былъ татариномъ-магометаниномъ, чувашскій—чувашиномъ, мордовскій—русскимъ.

да и за обѣдомъ число гостей бывало больше. И въ будни, и въ праздникъ Серапіонъ неопустительно, и утромъ и вечеромъ, смотрѣлъ на градусникъ и отмѣчалъ градусы тепла или холода и вообще состояніе погоды. Все это записывалось въ дневникъ, точно также какъ и перечень посѣтителей и сотрапезниковъ владыки. Какъ аккуратный хозяинъ, арх. Серапіонъ отмѣчалъ, чѣмъ потчивалъ своихъ гостей, а также какое и самъ принималъ угощеніе,—и на сколько кувертовъ былъ накрытъ обѣденный столъ. Послѣднее отмѣчалось во всякомъ случаѣ, дома или въ гостяхъ обѣдалъ владыка. Если вообще говорятъ, что старческая наблюдательность, не проникая во внутреннюю драму жизни, останавливается на внѣшнихъ мелочахъ, прислушивается къ стуку маятника, разсматриваетъ узоры паркета и т. д.; то это замѣчаніе вполнѣ приложимо къ дневнику Серапіона. Владыка аккуратно очерчивалъ только скорлупу жизни; самое содержаніе ея оставалось незамѣченнымъ, какъ нѣчто неуловимое, какъ нѣчто такое, что само собою разумѣется, или по крайней мѣрѣ какъ нѣчто такое, чему мѣсто скорѣе въ письмахъ и резолюціяхъ, чѣмъ въ дневникѣ. Владыка не бесѣдовалъ самъ съ собою въ своемъ дневникѣ и дневникъ не разкрываетъ намъ его внутренней жизни. Эта жизнь уже сложилась; духовная формировка личности закончилась, и оставалось только ждать, что принесетъ наступающій день, т. е. сколько градусовъ тепла или холода, какихъ посѣтителей и сотрапезниковъ, и сколько дѣлъ, сданныхъ съ резолюціею, и не принесетъ-ли—сохрани Боже!—ломоты въ рукахъ или ногахъ, боли въ головѣ и другихъ недуговъ, сопряженныхъ со старостію.—Таковъ былъ новоопредѣленный въ концѣ 1803 года кіевскій митрополитъ. Нужно-бы сказать нѣсколько словъ о его наружности; но ее удобнѣе видѣть на портретѣ, чѣмъ описывать словами. Она проста и не видѣляется изъ ликовъ, которые гдѣ-либо можно наблюдать въ покояхъ владычнихъ: ростъ средній, лице круглое, нѣсколько красноватое, борода небольшая, рѣдкая, взоръ покойный, въ добавокъ, по свидѣтельству очевидцевъ, рѣчь неясная, дроботливая.

II.

Прощанье митр. Серапіона съ Казанью и путь отъ Казани до Кіева. (1804 г., 12 января—5 февраля).

Съ пятницы, 8 января 1804 г., митр. Серапіонъ сталъ сбираться въ дальній путь. Утромъ онъ сдалъ въ консисторію бывшія у него консисторскія дѣла. Вечеромъ въ тотъ-же день два члена консисторіи, по указу синодскому, осматривали домовое архіерейское имущество, которое должно было перейти во владѣніе преемника Серапіонова, Павла Зернова, переводимаго въ Казань изъ Твери. Въ субботу 9 января отправился въ путь впередъ съ своею семьею Афанасій, приближенный служитель митр. Серапіона, состоявшій при немъ на службѣ болѣе 20 лѣтъ [1]). Въ воскресенье 10 января *за Божіимъ благословеніемъ* отправленъ былъ на двухъ повозкахъ обозъ съ личнымъ имуществомъ Серапіона. Затѣмъ еще два дня прошло въ неизбѣжныхъ сборахъ и хлопотахъ. Наконецъ 13 января 1804 г. послѣдовалъ выѣздъ митр. Серапіона „изъ града Казани въ градъ Кіевъ“.

Мы выпишемъ сполна запись митр. Серапіона о послѣднемъ днѣ его пребыванія въ Казани.

„*Января 13, среда.* Утромъ 1 градусъ тепла. Убравшись во время вечернее и потомъ съ экономомъ и съ своею домовою братіею наскоро пообѣдавъ, отправился помолиться Господу Богу изъ дому своего воскресенскаго загороднаго, въ половинѣ 5 часа за полдни, и прямо заѣхалъ въ казанскій дѣвичій соборъ и монастырь и приложась тутъ къ образу Божіей Матери, зашелъ къ игуменьѣ въ келіи, и чаю искушалъ двѣ чашечки. Оттолѣ заѣзжалъ въ спасскій монастырь, гдѣ, приложась къ останкамъ мощей св. Варсонофія и благословивъ братію того монастыря, заходилъ къ архимандриту того монастыря и ректору академіи Антонію [2]) въ кельи, и чаю искушавъ двѣ чашечки, поѣхалъ въ каѳедральный свой благовѣщенскій соборъ, гдѣ приложился къ мощамъ св. Гурія, и давъ собо-

---

[1]) Аѳанасій умеръ въ Кіевѣ въ іюнѣ 1806 г. О немъ и о его женѣ Хіавѣ, будетъ рѣчь ниже.

[2]) Антоній Соколовъ, впослѣдствіи викарій новгородскій, епископъ воронежскій, калужскій, каменецъ-подольскій, умеръ въ Задонскѣ въ 1827 г.

рянамъ, какъ и въ соборѣ казанскомъ (т. е. въ женскомъ монастырѣ) священнослужителямъ — кромѣ сестеръ — по 25 р. на молебенъ, отправился совсѣмъ въ путь, сѣвъ въ путевую повозку; ибо городомъ проѣзжалъ къ соборамъ въ каретѣ. И какъ поѣхалъ изъ крѣпости, начался въ Спасскомъ монастырѣ, а потомъ и по всѣмъ церквамъ звонъ; что было въ 6 часовъ за полдни".

Со звономъ выѣзжалъ изъ Казани новый кіевскій архипастырь; поклонившись на прощаньѣ святынямъ казанскимъ, отправлялся онъ на поклоненіе святынямъ кіевскимъ. Но какія впечатлѣнія выносилъ онъ изъ Казани? какія воспоминанія оставлялъ за собою? Объ этомъ дневникъ ничего не говоритъ.

Путешествіе митр. Серапіона отъ Казани до Кіева тянулось 22 дня (отъ 13 января до 4 февраля) и представляло собою рядъ постоянно смѣнявшихся противоположностей. Съ одной стороны всртѣчи и проводы со звономъ, архіерейскіе обѣды, поднесеніе хлѣба-соли отъ горожанъ, поклоненіе отъ духовенства, съ другой стороны—полная некомфортабельность во время дороги, доходящая до необходимости ночевать въ бѣдной хижинѣ или даже возкѣ, въ зимнюю пору на открытомъ воздухѣ. Съ одной стороны торжественный проѣздъ по губернскому городу въ каретѣ архіерея-хозяина, съ другой—медленное влаченіе по пустынной разгрязшей дорогѣ по 5 верстъ въ часъ. Въ нашъ вѣкъ быстрыхъ и удобныхъ передвиженій на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ, мы съ трудомъ можемъ представить себѣ, что за подвигъ былъ даже для высокопоставленнаго сановника переѣхать зимою 1804 г. отъ Казани до Кіева. Но нѣтъ худа безъ добра. Длинное, трудное и утомительное путешествіе обогащало впечатлѣніями, расширяло кругъ свѣдѣній путешествующаго. Даже митр. Серапіонъ, не смотря на свою старческую маловпечатлительность, замѣтилъ во время пути кое-что такое, чего онъ не замѣтилъ-бы въ настоящее время изъ окна вагона.

Обращаемся къ хронологическому изложенію путешествія.

Дня три митр. Серапіонъ ѣхалъ еще по своей епархіи, ночевалъ въ Свіяжскѣ и Космодемьянскѣ, и пользовался, разумѣется, самымъ почетнымъ пріемомъ.

Въ субботу, 16 января, митр. Серапіонъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ пробылъ часовъ пять (отъ 1 до 6 часовъ). Тамош-

ній епископъ *Веніаминъ Краснопѣвцовъ-Румовскій*, извѣстный авторъ *Новой Скрижали*, принялъ митрополита весьма привѣтливо, угостилъ обѣдомъ, провезъ въ своей каретѣ по городу и за городъ, гдѣ и простился любезно. О чемъ бесѣдовали между собою два архіерея, въ дневникѣ не упомянуто.

Въ воскресенье, 17 января, митр. Серапіонъ проѣхалъ чрезъ Муромъ, гдѣ имѣлъ трапезу у игумена. Пребываніе въ Муромѣ было короткое (часа два съ небольшимъ), но торжественное; при въѣздѣ и выѣздѣ былъ звонъ во всѣхъ церквахъ, а предъ обѣдомъ духовенство и купечество поднесли митрополиту хлѣбъ-соль.

Въ понедѣльникъ, 18 января утромъ, митр. Серапіонъ былъ уже во Владимірѣ. „И у преосв. Ксенофонта трапезовалъ; тутъ посѣщалъ меня тамошній гражданскій губернаторъ, князь И. М. Долгоруковъ; тутъ поднесена ода на мой пріѣздъ отъ семинаріи и стихи были говорены; за столомъ пѣли пѣвчіе; семинаристамъ дано 50 р., пѣвчимъ 25 р.“. Изъ Владиміра митр. Серапіонъ выѣхалъ въ каретѣ архіерея-хозяина, который проводилъ гостя за городъ при звонѣ во всѣхъ церквахъ. Въ самую полночь митрополитъ прибылъ въ Юрьевъ, но это не помѣшало ему посѣтить мѣстный монастырь и въ кельяхъ архимандрита трактоваться чаемъ, въ присутствіи мѣстнаго городничаго.

Во вторникъ, 19 января, митр. Серапіонъ прибылъ въ свою родную александровскую слободу, гдѣ жили и умерли его отецъ и дѣдъ, гдѣ самъ онъ родился и разцвѣлъ, гдѣ ему былъ знакомъ каждый закоулокъ, гдѣ еще много старожиловъ и старожилокъ помнили, конечно, маленькаго поповича Стефана. И теперь этотъ поповичь проѣзжалъ чрезъ родину въ санѣ митрополита. Какая разница въ положеніи! Какой наплывъ воспоминаній!

Но, къ сожалѣнію, въ дневникѣ митр. Серапіона мы не встрѣчаемъ никакихъ ожидаемыхъ размышленій и воспоминаній. Старость невоспріимчива, а можетъ быть дорожному человѣку было не до записи. Въ дневникѣ на половину уцѣлѣла только короткая запись, изъ которой видно, что митрополитъ „слушалъ обѣдню, поемую монахинями, и панихиду въ церкви и потомъ литію на могилѣ отца своего іерея Сергія, совершаемую всѣми священниками, коимъ дано: монастырскимъ 25 р., богоявленскимъ 25 р. и рождественскимъ 25 р., да монахинямъ, пѣвшимъ обѣдню, да на больницу 10 р.

Пріѣхалъ въ домъ родительскій, пообѣдалъ... Пообѣдавъ чинилъ роздаяніе бѣднымъ родственникамъ денегъ. Выѣхалъ изъ Александрова того-же 19 числа въ 4 часа за полдни со звономъ въ монастырѣ и въ церквахъ". Такъ сухо описалъ старый путникъ свое послѣднее посѣщеніе родины, на которой уже больше ему не пришлось быть.

Въ тотъ-же день ждали Серапіона другія впечатлѣнія, не менѣе сильныя. Онъ прибылъ въ Виѳанію къ митр. Платону, который во всю жизнь былъ его патрономъ и образцомъ, и который съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ въ своемъ бывшемъ кліентѣ равнаго себѣ митрополита. У Платона Серапіонъ „преупокоился двѣ ночи, имѣлъ разные разговоры за полночь, получилъ въ подарокъ митрополичій клобукъ съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней, и наконецъ отпущенъ со многимъ цѣлованіемъ любезно-братскимъ и отеческимъ". Но какіе были *разные разговоры* двухъ митрополитовъ, осталось тайною для потомства. Разница въ лѣтахъ ихъ была всего на десять лѣтъ. Но разница во взглядѣ на свое положеніе громадна. М. Платонъ давно, давно взысканъ былъ всѣми почестями и щедротами, и въ настоящее время считалъ себя уже забытымъ, опальнымъ, униженнымъ, *лѣснымъ архіереемъ*, и закоснѣлъ въ положеніи безмолвнаго протеста; Серапіонъ только что назначенъ на митрополію, и долженъ былъ еще заслуживать предъ правительствомъ то, что получилъ, такъ сказать, авансомъ. Но онъ привыкъ уже примѣняться къ Платону. И на этотъ разъ подладился къ нему такъ удачно, что митр. Платонъ, какъ увидимъ, скоро отдалъ ему визитъ въ Кіевѣ. 21 января вечеромъ митр. Серапіонъ прибылъ въ Москву, гдѣ такъ долго проходилъ разныя послушанія и былъ викаріемъ, и остановился въ своемъ привычномъ Богоявленскомъ монастырѣ. Пріемъ въ Москвѣ былъ, разумѣется, самый любезный. Митр. Серапіонъ обѣдалъ у московскаго викарія Серафима, посѣщалъ фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, оберъ камергера кн. Ал. Мих. Голицына, извѣстнаго археолога и усерднаго архіерейскаго коммиссіонера и корреспондента Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, и нѣкоторыхъ своихъ родныхъ. Въ свою очередь и самъ митр. Серапіонъ принималъ много визитовъ. Были у него и духовные, и дворяне благороднѣйшіе, и свои свойственники, изъ коихъ каждаго онъ награждалъ по

возможности, особливо вдовицъ родныхъ сестеръ. Митр. Серапіонъ любилъ родныхъ и, какъ увидимъ, много благодѣтельствовалъ имъ и въ Кіевѣ.

Четыре дня провелъ митр. Серапіонъ въ Моквѣ, окруженный ласкою и почетомъ. Но наконецъ нужно-же было когда-нибудь двигаться въ дальнѣйшій путь. Вечеромъ 25 января митрополитъ выѣхалъ изъ Богоявленскаго монастыря, при многочисленномъ стеченіи народа, въ каретѣ, со звономъ. Но за заставой было уже не то. Не было не только никакого великолѣпія, но не было даже малѣйшаго удобства. „Лишь только выѣхали за серпуховскую заставу",— пишетъ митрополитъ, „пошелъ сильной дождь и продолжался, пока доѣхали до г. Подола (т. е. Подольска), часовъ 6, и всѣхъ и все перемочилъ, и даже у меня въ возкѣ много платья помочило. Проѣздъ сей первой станціи былъ весьма трудный, со вредомъ великимъ, и продолжался болѣе 6 часовъ, а переѣхали только 32 версты. Въ Подолъ городъ пріѣхали въ самую полночь, и отъ дождя вынуждены подъ крышею одного дома стать и переночевать въ повозкахъ." Ночевка зимою на открытомъ воздухѣ, притомъ послѣ проводъ съ колокольнымъ звономъ—какая противоположность, какая горькая иронія судьбы!

Дальше было не лучше. 26 января митр. Серапіонъ и его сопутники много затруднялись при переправѣ чрезъ какую-то рѣчку близъ станціи Лопасни. „Переѣзжая чрезъ рѣчку, по причинѣ оттепели при проѣздѣ вскрывшуюся, повозки свои помочили много, ибо они были въ водѣ болѣе половины, и потому я въ своемъ возкѣ объѣзжалъ сіе опасное мѣсто полями верстъ 8." Но за то ночлегъ былъ покойный. Ночевалъ митрополитъ въ серпуховскомъ высоцкомъ монастырѣ; остановились на ночлегъ съ 5 часовъ вечера, опасаясь переѣзжать чрезъ Оку.

На другой день (27 января) переѣхали однако чрезъ Оку благополучно. Къ обѣду прибыли въ село *Соломенные Заводы*, принадлежащее Дм. Лав. Нарышкину. „Село большое (отмѣтилъ митрополитъ); жители не убоги, а достаточны; и домы у нихъ отмѣнно не худы". Ночевали на станціи въ селѣ *Волотъ*. Въ четвергъ 29 января путники проѣзжали *Тулу*, гдѣ митрополитъ пробылъ часа 4, остановившись въ архіерейскомъ домѣ, и слушалъ обѣдню и молебенъ. Архіерея-хозяина почему-то не было въ Тулѣ, и гость на

досугѣ могъ осмотрѣть его обстановку. „Въ Тулѣ смотрѣлъ ризницу архіерейскую (записано въ дневникѣ), и кромѣ шапки первой жемчугу крупнаго и панагіи съ крестомъ, алмазами украшеннымъ, также нѣсколькихъ саккосовъ довольно неубогихъ, мало примѣчанія есть достойнаго; а болѣе удивительно, что вся ризница изъ коломенской епархіи древней, а древности въ вещахъ нѣтъ ничего, кромѣ панагіевъ, самыхъ небогатыхъ. Домъ архіерейской въ Тулѣ въ предтеченскомъ монастырѣ вновь состроенъ огромный; зала довольно не мала, а гостинная и очень велика, въ длину около 8 саж. и болѣе гораздо залы, а шириною около 4 саж., и убраны зеркалами и стульями. Тула городъ кажется и Казани нашей строеніемъ и пространствомъ мостовыхъ лучше, кромѣ крѣпости, которая въ Тулѣ пустая, кромѣ одного собора, а въ Казани крѣпость много походитъ на Кремль московскій".

27 января, митрополитъ ночевалъ въ *Маломъ Скуратовѣ*, въ убогой, но теплой хижинѣ, а 29 января въ мценскомъ монастырѣ. Въ *Мценскѣ* было и поднесеніе хлѣба-соли отъ купечества и духовенства, и колокольный звонъ. Не даромъ Мценскъ и по нынѣ славится колоколами.

Но въ *Кромахъ* пришлось ночевать (30 января) на постояломъ дворѣ. А 31 января ночевка была въ селѣ *Упаромъ*, у мѣстнаго священника и благочиннаго.

На слѣдующій день (1 февраля) митрополиту пришлось опять вкусить архіерейской трапезы у сѣвскаго епископа Досиѳея, который жилъ, не доѣзжая версты двѣ до *Сѣвска*. „Домъ его противъ дому тульскаго епископа бѣденъ очень; деревянный, но о двухъ этажахъ. Зимніе внизу, гдѣ и церковь, гдѣ и меня онъ принималъ; а лѣтніе—сверху. За монастыремъ корпусъ каменный для семинаріи, не малый и не худъ: и не мало небольшихъ тутъ деревянныхъ корпусцевъ... Простившись съ хозяиномъ и проѣзжая чрезъ городъ, усмотрѣлъ строющійся тутъ соборъ не малый, похожій на мой бывшій казанскій, съ тѣмъ только различіемъ, что сей объ одной главѣ, а казанскій о 5".

Ночевавъ въ *позняковскихъ постоялыхъ дворахъ*, митрополитъ на другой день, для праздника Срѣтенія (2 февраля), слушалъ обѣдню въ селѣ *Есманѣ*. „По пріѣздѣ къ церкви, которая первая черниговской епархіи, встрѣченъ крестомъ священниками троими, ко-

торые думали, что прибылъ ихъ архіерей новый, епископъ Михаилъ[1])". Хотя архіерей оказался чужой, тѣмъ не менѣе мѣстный протопопъ, съ своимъ зятемъ священникомъ, пригласилъ послѣ обѣдни гостя въ свой домъ и „трактовалъ водкою съ закускою". Это было очень кстати, ибо церковь была холодная, и митрополитъ озябъ не мало.

Проѣхавъ *Глуховъ*, который показался плохимъ, и *Кролевецъ*, гдѣ послышался уже разговоръ у жителей малороссійскій, а многія слова непонятны, митрополитъ ночевалъ въ *Анпыновкѣ*.

3 февраля мелькнули *Батуринъ*,—имѣніе графа К. Л. Разумовскаго (скончавшагося, какъ замѣтилъ митрополитъ, прошлаго 1803 г., января 9, 74 л. и 9 мѣсяцевъ отъ роду),—*Борзна* и наконецъ *Нѣжинъ*. Въ Нѣжинѣ митрополитъ ночевалъ у одного живописца, но на утро слушалъ обѣдню въ благовѣщенскомъ монастырѣ и трапезовалъ у мѣстнаго архимандрита Виктора. Нѣжинскій благовѣщенскій монастырь, иначе Богородичный Назаретъ,—любимое созданіе митр. Стефана Яворскаго, который построилъ его своимъ иждивеніемъ и надѣлилъ разными привилегіями. Привилегіи архимандричьяго служенія поразили митр. Серапіона. Въ дневникѣ записано: „болѣе уже, нежели какое бываетъ архіерейское служеніе; и на орлецѣ предъ престоломъ (стоялъ). Не менѣе замѣчательна показалась митрополиту и трапеза. Архим. Викторъ Черняевъ (родомъ изъ болгаръ), человѣкъ умный, оригинальный и рѣзкій, угостилъ митрополита по восточному,—просто и даже бѣдно, но со вкусомъ. „Трапезовали двое только съ хозяиномъ. Трапеза состояла 1) изъ соуса изъ каракатицы, сдѣланнаго вкусно, 2) изъ пшена сорочинскаго, въ капустные листочки на подобіе пирожковъ обвернутаго, 3) изъ пилавы, 4) изъ жареной каракатицы съ салатомъ. Только и всего. Да изъ волошскаго бѣлаго вина одной бутылки". Кромѣ того еще прежде обѣда арх. Викторъ угостилъ гостя латинскимъ комплиментомъ, а отставной архимандритъ (Павелъ Чернявскій) русскимъ. Хотя хозяинъ вскорѣ послѣ трапезы отпустилъ гостя въ путь *безъ всякой церемоніи* (должно думать, безъ колокольнаго звону), тѣмъ не менѣе Нѣжинъ повидимому произвелъ на митр. Серапіона пріятное впечатлѣніе. „Городъ Нѣжинъ, предъ другими, мимо коихъ я

[1]) М. Десницкій, преемникъ Виктора Садковскаго, впослѣдствіи митр. петербургскій.

проѣзжалъ въ Малороссіи, всѣхъ лучшій, и много каменнаго строенія, и церкви всѣ, коихъ, сказывали, числомъ около 20, каменныя, и многія изъ нихъ огромныя. Монастырей три: первый—благовѣщенскій, строеніемъ бѣдный, и ограда деревянная, но церковь о 5 главахъ, по виду огромная, другой—греческій монастырь, а третій—женскій". Въ Нѣжинѣ-же митропотилъ сдѣлалъ нѣкоторыя обобщенія касательно совершеннаго пути. „Примѣчено мною, что отъ Глухова дорога ровная вся безъ горъ, и пологая или покатистая къ западу. И отъ самаго Орла до Нѣжина по всей дорогѣ насажены по обѣимъ сторонамъ деревья. А отъ Батурина уже болѣе ѣдущіе на волахъ попадались". И немного позже: „Вездѣ церкви, хотя и деревянныя, высокія, но колокольни очень противъ церквей низки и широковаты, чаятельно для расколыхиванія колоколовъ".

4 февраля путники миновали *Носовку*, *Козары*, *Козелецъ* и ночевали въ *Семиполкахъ*, гдѣ усердно и охотно были приняты мѣстнымъ священникомъ, который, „хотя и въ полночь, внезапу очистилъ три покоя, зѣло тепло натопленныхъ соломою, ибо, зачиная отъ Глухова, вездѣ почти топятъ соломой".

III.

Пріѣздъ митр. Серапіона въ Кіевъ. Знакомство съ Кіевомъ, его святынями и окрестностями. Обычное теченіе дня и года у кіевскаго митрополита.

Съ 5 февраля 1804 г. митр. Серапіонъ былъ уже почти на своей каѳедрѣ.

Выѣхавъ изъ Семиполокъ въ 9 часовъ утра, митрополитъ въ часъ дня прибылъ въ *Бровары*, гдѣ уже ожидалъ его встрѣчный поѣздъ. Встрѣчи архипастырей въ старину совершались особенно торжественно. Пишущему эти строки приходилось пересматривать въ архивѣ св. синода выдержки изъ церковнаго лѣтописца Архангелогородскаго. Много страницъ посвящено длинному описанію торжественнаго церемоніала встрѣчи каждаго новаго архипастыря. Затѣмъ глубокое молчаніе до описанія его погребенія. Какъ будто вся достопримѣчательность каждаго архипастыря исчерпывалась тѣмъ, что онъ былъ торжественно встрѣченъ по прибытіи на ка-

ѳедру и затѣмъ торжественно погребенъ. Конечно, это зависѣло отъ церемоніальной точки зрѣнія лѣтописца. Но во всякомъ случаѣ, при традиціонной малодоступности русскаго архипастыря, вступленіе его на каѳедру было настолько-же публичнымъ и возбуждавшимъ общее любопытство актомъ, какъ напр. коронація новаго императора. Новый архипастырь *являлъ себя мірови*, и заботой высшаго мѣстнаго клира было то, чтобы это явленіе вышло какъ можно эффектнѣе и торжественнѣе. Такъ было и съ Серапіономъ. И въ послѣдствіи митрополитъ ежегодно вспоминалъ и праздновалъ годовщину своего вступленія на каѳедру.

Въ *Броварахъ*, или, какъ пишетъ митр. Серапіонъ, въ *Проварахъ*, представились новому митрополиту ректоръ академіи Ириней Фальковскій, который тутъ-же сказалъ *хорошую* русскую рѣчь, софійскій протопопъ Дмитрій Сигиревичь, владимірской церкви протопопъ Арсеній Криницкій и консистористы. Кромѣ рѣчи, депутація поднесла новому владыкѣ хлѣбъ-соль и 7 бутылокъ вина. Отпустивъ депутатовъ впередъ, митрополитъ отправился за ними въ лаврской каретѣ цугомъ съ верховыми до какого-то постоялаго двора, въ 12 верстахъ отъ Броваръ, нынѣ уже не существующаго. Тамъ ждали владыку лаврскій казначей и экономъ, и казначей софійскаго митрополитанскаго дому. „Также была приготовлена другая карета изъ софійскаго дому [1]), вся въ стеклахъ, также цугомъ и съ двумя вершниками“ (форрейторами). Парадный поѣздъ двинулся далѣе и скоро къ нему присоединился верховой офицеръ, присланный отъ генералъ-губернатора. При приближеніи поѣзда къ Днѣпру начался звонъ въ лаврѣ и городскихъ церквахъ. Въ воротахъ лавры встрѣтило владыку множество монашествующихъ. Явился и оберъ-комендантъ Масси и распоряжался процессіею, хотя по видимому въ томъ не было и надобности, ибо все совершалось по чину, конечно, лучше извѣстному инокамъ лавры, чѣмъ г. Массію. Все шло своимъ порядкомъ: шествіе въ церковь, пѣніе *Достойно есть*, при-

---

[1]) Карета эта золоченая, въ родѣ той, въ которой имѣла въѣздъ въ Москву въ нынѣшнюю коронацію императрица Марія Ѳеодоровна; находится и нынѣ въ софійскомъ митрополичьемъ домѣ. Кажется, она доставлена была сюда предъ пріѣздомъ въ Кіевъ имп. Екатерины II, прожившей здѣсь съ января до конца апрѣля 1787 г., а затѣмъ подарена кіевскому митрополиту Самуилу.—Ред.

кладываніе къ мощамъ, ектенія, многолѣтіе, осѣненіе, провожденіе до настоятельскихъ келій, рѣчь намѣстника и обѣдъ на 21 персону.

Двѣ ночи митр. Серапіонъ ночевалъ въ лаврѣ, отдыхая отъ долгаго пути и по возможности отклоняя посѣтителей, а въ воскресенье 7 февраля отправился на первое служеніе въ софійскій каѳедральный соборъ, при которомъ и утвердилъ свое мѣстопребываніе. Предъ соборомъ митрополитъ былъ встрѣченъ своимъ викарнымъ Ѳеофаномъ Шіяновымъ. Оба владыки всенародно обмѣнялись латинскими фразами. Встрѣчая митрополита, викарій сказалъ: Sis benedictus veniens in nomine Domini! Митрополитъ отвѣчалъ: Deus benedicat omnibus nobis! Огромная процессія двинулась къ церкви: было много священниковъ, толпились массы народа, пѣвчіе пѣли: *Днесь благодать св. Духа насъ собра...* Митрополитъ взошелъ въ соборъ, отслужилъ обѣдню, сказалъ краткую, не дошедшую до насъ рѣчь, добавилъ благодарственный молебенъ, и за тѣмъ перешелъ въ свой митрополичій домъ. Викарный, когда всѣ ушли, поусердствовалъ и еще молебенъ отслужить о здравіи новаго владыки. Къ новому владыкѣ зашли изъ собора генералъ-губернаторъ Тормасовъ, губернаторъ Панкратьевъ, нѣсколько дворянъ, купцовъ и все духовенство. Новый владыка на первый-же разъ показалъ себя радушнымъ и угостительнымъ хозяиномъ, какимъ былъ онъ во всю жизнь. Онъ потчивалъ гостей, какъ значится въ дневникѣ, „коѳеемъ и водкою, а по уходѣ свѣтскихъ обѣдалъ въ духовными на 38 кув., при чемъ свѣтскихъ осталось обѣдать человѣкъ десять *не большихъ*“.

Такъ совершилось вступленіе митр. Серапіона на кіевскую каѳедру.

За тѣмъ началось новое знакомство съ новыми лицами и мѣстами. Характеристики личностей мы не находимъ въ сухомъ и краткомъ дневникѣ митрополита. Нѣсколько болѣе данныхъ относительно кіевскихъ мѣстностей, и притомъ только кіевскихъ, ибо далеко за предѣлами Кіева митрополитъ не бывалъ и епархію свою никогда не объѣзжалъ. Найболѣе любопытны замѣтки митрополита при первомъ посѣщеніи той или другой мѣстности, какъ потому, что первое впечатлѣніе всегда скорѣе схватываетъ типическія особенности предмета, такъ и потому, что записи 1804 г. знакомятъ насъ съ болѣе давнею мѣстною стариною до великаго пожара 1811 г.

При первомъ посѣщеніи михайловскаго монастыря, митр. Серапіонъ записалъ: „церковь огромнаго строенія. Мощи великомученицы Варвары стоятъ какъ-бы на катафалкѣ въ длину, чего нигдѣ не видалъ, и почти посредѣ церкви, за лѣвымъ крыласомъ, подъ балдахиномъ величайшимъ, на столбахъ четырехъ деревянныхъ вызолоченныхъ. Въ церкви на западной стѣнѣ наставлено много портретовъ здѣшнихъ, а портретъ императора и императрицы поставлены на стѣнахъ столбовъ близъ амвона, такъ какъ и въ соборѣ софійскомъ и въ лаврѣ". Теперь портретовъ въ храмахъ мы уже не видимъ.

Николаевскій пустынный монастырь, нынѣ военный соборъ, такъ описывается у митр. Серапіона: „церковь огромная, высокая, съ двумя снаружи у входныхъ дверей щитами, съ пятью на каждомъ пирамидками, подобная во всемъ церкви братскаго монастыря". (1805 г., II, 28). „На хорахъ образъ Николая Чудотворца со изображенною рукою сложенія двухперстнаго. Почему въ прошломъ 1803 году, какъ настоятель мнѣ нынѣ сказывалъ, сдѣлана на сей образъ въ Тулѣ, отъ вкладчиковъ простолюдиновъ риза сребрянная, позлащенная, съ финифтяными на шапкѣ его штуками, обнизанными стразами, и панагія такая-же богата... Кельи всѣ деревянныя, но снаружи выщекотуренныя и видъ представляющія каменныхъ. Былъ и въ трапезной ихъ церкви. Церковь не большая; но трапеза, въ коей и братія кушаютъ, хороша очень для трапезованія братіи". (ibid. III, 9).

Во Фроловскомъ монастырѣ обратили на себя вниманіе митрополита не зданіе, а какая-то генеральша Рахманова. „Отъ игуменьи заходилъ къ генеральшѣ Рахмановой, генералъ-лейтенанта Рахманова супругѣ, присланной въ сей монастырь на пребываніе, по причинѣ акибы поврежденія ея въ умѣ. Келья ея бѣдна, такъ какъ и всѣ кельи въ монастырѣ скудны; она сидѣла на постелѣ, какъ я къ ней взошелъ, и сидя такъ со мною говорила, иное хорошо, а иное странно; и просила прислать къ ней пищи получше" (1804 г., IV. 2). Былъ у матери покойнаго преосв. пермскаго Іоанна, монахини, и далъ ей на дрова ассигнацію синюю (1804 г., VIII, 18).

Іорданскій монастырь женскій, нынѣ упраздненный, показался митрополиту скуднымъ: „нашелъ его ветхимъ, и все строеніе, и церковь, и колокольня деревянныя; монахинь много, числомъ до 50,

а бѣлицъ до 100, и всѣ на своемъ иждивеніи, живутъ тѣсно очень въ келейкахъ деревянныхъ малыхъ, и келья настоятельницы очень не велика, два налойчика малыхъ. Здѣсь нашелъ сестру родную покойнаго архіепископа могилевскаго Георгія Коницкаго. Отсюда ѣздили въ кирилловскій монастырь, гдѣ живутъ инвалиды... Келей не много, и въ бывшихъ настоятельскихъ келіяхъ имѣется теперь трапеза и два покоя, занимаютъ инвалиды-же" (ibid IV. 4).

Въ греческомъ монастырѣ, гдѣ нынѣ духовная семинарія, удивилъ митрополита алтарь. „Церковь удивительная алтаремъ, который весьма длиненъ и высокъ, и куполъ подъ нимъ только, а не надъ церковію; и алтаря стѣны къ горнему мѣсту установлены 20 образами сряду. Есть въ сей церкви и два придѣла, одинъ не малый, а другой малъ и безобразенъ, ибо престолъ стоитъ не у мѣста. Былъ потомъ и въ теплой ихъ деревянной церкви, которая не мала. Кельи архимандричьи и братскіе всѣ деревянныя, подбѣлены снаружи; первыя не худы; а братскія бѣднѣйшія—хуже никольскихъ" (1807 г., III. 9).

Въ китаевской пустыни митрополиту понравилось мѣстоположеніе: „ходилъ по церквамъ и по кельямъ братскимъ и въ двухъ былъ отшелняхъ, гдѣ между ими нашелъ въ третіей живущихъ женщинъ с...хъ... Пустынь китаевская стоитъ между высочайшими горами, акибы окружается отвсюду ими. Мѣстоположеніе самое найлучшее, пустынное, и тѣмъ намъ показалось пріятнѣе, что вездѣ видима живая новая зелень, и лѣсъ почти весь вездѣ одѣлся; и между кельями братскими, и предъ кельями, и позади кельевъ, вездѣ деревца посажены и зеленѣютъ молодою зеленью" (1805 г., IV, 29).

Не менѣе замѣчательно показалось митрополиту и мѣстоположеніе Выдубицкаго монастыря, отъ Васильковской заставы въ 2½ верстахъ состоящаго. „Предъ монастыремъ пѣшкомъ съ горы по ея крутязнѣ сходили и въ монастырь чрезъ садъ и чрезъ покои настоятельскіе пришли къ самой церкви. Въ ризницѣ осматривалъ серебрянныя вещи; найдено много разныхъ напрестольныхъ, небольшихъ, серебромъ оправленныхъ, кипарисныхъ съ ручками крестовъ; разныхъ видовъ много ложекъ старинныхъ серебрянныхъ".

„Былъ въ теплой михайловской, потомъ въ трапезной церквахъ. Потомъ ходилъ въ братскія, близъ самой горы состоящія кельи. Былъ потомъ въ кельяхъ, числомъ многихъ и не худо расположен-

ныхъ и настоятельскихъ верхнихъ, а нижнія каменныя всѣ запущены"... Вышли изъ монастыря тѣмъ-же путемъ, и на гору шли пѣшкомъ. На пути отъ выдубецкаго монастыря, мимо лаврскихъ кирпичныхъ и лебединскихъ заводовъ, митрополитъ видѣлъ „на берегу Днѣпра, между двумя превысокими горами, сплошь деревья всѣ плодовитыя, то груши, то сливы, то яблоки, и горы всѣ обгорожены на верху заборомъ, и онѣ почитаются у нихъ святыми. И въ бытность нашу всѣ сіи деревья тогда цвѣли тамъ и на монастырѣ, что найпріятнѣйшій видъ представляло и благоуханіе чувствительно было". (1804 г., V, 8).

Еще съ большею подробностію описанъ у владыки бывшій монастырь *межигорскій*. „6 августа 1810 г. поѣхалъ, будучи прошенъ отъ войта и отъ здѣшняго градского общества, въ монастырь межигорскій, гдѣ нынѣ градско-фіансовая фабрика. На дорогѣ, не доѣзжая до Межигорья, заѣзжалъ въ селеніе, именуемое *Вышгородъ*, гдѣ осмотрѣлъ церковь, которая деревянная убогая, кромѣ иконостаса не худаго. Смотрѣли колодезь близъ самаго олтаря, на высокой горѣ, какъ и самая церковь; о колодцѣ тутъ сказывали, акибы тутъ князья россійскіе Борисъ и Глѣбъ погребены и находятся подъ водою, и будто-бы если кто будетъ изъ него черпать воду не на питье, а на другое употребленіе, то она совсѣмъ высыхаетъ. *Fides penes autorem*. Пріѣхали въ Межигорь, ѣхавъ 2½ часа, бывъ съ ¼ часа въ Вышгородѣ. Послѣ служенія заходилъ къ г. гр. губ. П. П. Панкратьеву, лечащемуся тутъ отъ параличной своей болѣзни. Побывъ у него, пошли чрезъ деревянный корпусъ фабрики, простирающійся саженей на 50, на берегъ Днѣпра, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ для насъ въ палаткахъ. Послѣ обѣда пошли прямо на фабрику смотрѣть работу и видѣли, какъ масса раздѣлывается въ разныя штуки, какъ высушивается и въ чемъ, и какъ обливается каждая штука и чѣмъ. Изъ фабрики поѣхали на колодезь, гдѣ вокругъ по горамъ, видно, были въ свое время сады хорошіе и колодезь: изъ горы течетъ жолобокъ въ срубъ, чисто сдѣланный, гдѣ вода очень не дурна, и чиста, и мягка, и никакого запаху противнаго не имѣетъ. Оттолѣ возвратились къ фабрикѣ и пѣшкомъ пошли къ колокольнѣ, гдѣ на лѣвой сторонѣ подъ колокольнею, исходя изъ оной, съ боку церковь Петра и Павла, каменная, въ которой иконостасъ очень не худъ" (1804 г., VIII, 6).

О старокіевскихъ церквахъ есть только бѣглыя замѣтки. „Осматривалъ состоящія въ старокіевской крѣпости церкви. Сперва былъ въ троицкой, потомъ въ златоустовской; обѣ деревянныя и бѣдны". Обѣихъ церквей въ настоящее время уже нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ видѣлъ митр. Серапіонъ. „Оттолѣ ѣздилъ въ десятинную, а отъ нея въ трехсвятительскую или васильевскую. Первая (?) каменная, небольшая, и на верху другая, и древностію пахнетъ. А послѣдняя каменная-же, не большая, и иконостасъ новый и хорошій, но вся кажется новая" (1804 г., V, 14). Въ андреевской церкви владыка смотрѣлъ на горнемъ мѣстѣ стоящую картину *вечери Господни*, которую цѣнилъ въ 20,000 р. и болѣе. О подольскихъ и печерскихъ церквахъ замѣтки еще короче. Напр. „Спасская на Берестовѣ церковь самая древняя, отъ лавры не болѣе 50 саженей стстоящая. Церковь сія каменная, снаружи кажется не малая, но внутри мала, ибо двумя съ сторонъ придѣлами стѣснена" (1805 г., VIII, 19).

Крещатицкій источникъ такъ описывается у митрополита. „Ѣздилъ къ колодцу, называемому *Крещатикъ* [1]), надъ которымъ въ 1802 г. сдѣланъ столбъ, видомъ пирамиды, съ надписью на ономъ: *Владиміру, просвѣтителю вѣрою Россіи, отъ кіевскаго мѣщанства въ память утвержденныхъ древнихъ кіевскихъ правъ Александромъ I-мъ*".

„Вода въ оной колодезь течетъ съ горы, въ разстояніи отъ онаго саженяхъ въ 20, чрезъ подземныя трубы и бьетъ въ средѣ колодца вода фонтаномъ, сдѣланнымъ изъ дерева. Сходили съ горы къ колодцу пѣшкомъ, сдѣланнымъ деревяннымъ помостомъ, изъ 14 уступовъ состоящимъ. Вода въ немъ нечиста, а мутновата, или желтовата, кажется отъ всегдашняго біенія фонтана, и вкусомъ не очень пріятна" (1804 г., V, 15).

Какъ практическій великороссъ и любитель хозяйства, митрополитъ не могъ оставить безъ вниманія пригородныя митрополитанскія и лаврскія угодья и дачи: Кудрявцы, Шулявщину, Паньковщину, Теремки, Заспу, лаврскій кирпичный заводъ и т. д. И дѣйствительно м. Серапіонъ посѣщалъ всѣ эти мѣстности и оставилъ о нихъ замѣтки, иногда довольно подробныя.

---

[1]) По причинѣ той, замѣчаетъ митрополитъ въ другомъ мѣстѣ (1804 г. V, 18) что тутъ аки-бы дѣти вел. кн. Владиміра крещены.

„Ѣздилъ въ бывшій загородный домъ, что нынѣ отданъ для городской больницы, называемой *Кудрявцы*. На дорогѣ тутъ заѣзжалъ въ приходскую вознесенскую церковь, въ которой усмотрѣлъ престолъ, вмѣсто срачицы, антиминсами обшитъ. Въ больницу кудрявщинскую какъ только въѣхалъ во дворъ, то надзиратель подалъ мнѣ репортъ о числѣ больныхъ, которыхъ тогда показано только 8. Былъ тутъ въ состоящей въ покояхъ церкви. Сей бывшій загородный домъ архіерейскій отъ заставы градской (б. львовскихъ воротъ) отстоитъ не болѣе одной версты, а отъ дому (софійскаго митрополитанскаго) менѣе двухъ верстъ:—на мѣстѣ высокомъ, такъ что Подолъ весь видѣнъ" (1804 г., VIII, 7).

„Ѣздилъ сперва на мельницу, что въ *Паньковщинѣ*, отъ городу въ 2 верстахъ состоящую, гдѣ осмотрѣлъ мельницу и прудъ, на коемъ стоитъ мельница и хаты. Мѣсто хорошо довольно, особенно на горѣ, садъ и пасѣка большіе. Въ *Теремки* пріѣхали, ѣхавъ часъ, гдѣ сперва осматривали новой, строенный изъ старой богословской церкви, домъ, саженяхъ на 10, который еще не покрытъ, и безъ половъ, безъ печей и безъ окошекъ. Потомъ ходили въ хуторъ, отъ дому отстоящій саженяхъ въ сто, гдѣ осматривали амбаръ, гдѣ хлѣбъ житомъ хранится. Осматривали скотъ; показано овецъ 192, ягнятъ малыхъ 103, коровъ 20, быковъ и воловъ 44, индѣекъ 24, куръ 20, свиней 14. Смотрѣли пасѣку, гдѣ 182 улья, вышиною всякій не болѣе аршина, и безъ дновъ: поставлены на соломѣ, которые, если нужно посмотрѣть, взвертываются вверхъ дномъ" (1804 г., V, 4).

„Заѣзжали на кирпичный лаврскій заводъ, состоящій на самомъ берегу р. Днѣпра, гдѣ три печи кирпичныхъ; въ каждой изъ нихъ до 80,000 выжигается вдругъ кирпича. Сараевъ кирпичныхъ пять великихъ. Кирпича тутъ видѣли выдѣланнаго до 300,000. Кирпичъ бѣлый, какъ-бы фіансовый" (1803 г., V, 8).

„Ѣздилъ на дачу, называемую *Заспа*, а по дорогѣ заѣзжали въ китаевскую пустынь, гдѣ отслушалъ обѣдню, а въ *Заспу* пріѣхали въ 11 часу, гдѣ осмотрѣвъ покои и хуторы, ходили смотрѣть, какъ вытаскивали изъ озера Заспы неводъ до 120 саженей и рыбы вытащили не мало. Потомъ ѣздилъ на дрожкахъ съ экономомъ и игуменомъ осматривать всю дачу покосную, лѣсовую и водяную, всего болѣе 500 десятинъ. И возвратясь въ 3 часу за полдни, тра-

пезовали въ покояхъ монаха, надзирателя сего мѣста, на три конв. Пообѣдавъ, паки ѣздили по озеру въ большой лодкѣ до самаго закату“ (1804 г., VI, 19).

„Ѣздилъ къ викарію епископу на его дачу, называемую *Ѳеофанія*, отъ Кіева верстахъ въ 15 состоящую; встрѣченъ хозяиномъ—епископомъ на крыльцѣ, со звономъ въ имѣющіеся тутъ три небольшія колокольчика. И взошелъ въ домовую церковь, приложился къ престолу: въ оной иконостасъ небольшой, но довольно красивъ. Пообѣдавъ, ходили смотрѣть дачу и пасику; мѣсто не худое, имѣщее горы и долины и три прудка“ (1804 г., V, 24).

„Ѣздилъ изъ лавры на озеро *Телбино* (въ компаніи съ викаріемъ и еще 11 персонами). Чрезъ мостъ днѣпровскій всѣ шли пѣшкомъ, которой приказано отъ меня измѣрять шагами казначею и префекту, и оказалось мѣрою 725 шаговъ, т. е. 243 сажени мостъ сей длиною, а шириною сажени 4, и утвержденъ на плотахъ. Ѣхали отъ лавры до озера 1½ часа, ибо песками по обѣимъ сторонамъ мосту, и дорога трудновата. Пріѣхали на озеро въ 3 часу и нѣсколько походя и скушавъ водки, ходили смотрѣть ловитву рыбъ, и при насъ вытаскивали рыбу, которая къ удивленію нашему изъ невода въ великомъ множествѣ выпрыгивала въ разныя стороны такъ, какъ-бы летала. Потомъ обѣдали на берегу озера въ палаткѣ на 13 конв; пообѣдавъ и искушавъ коѳе, ходили паки смотрѣть, какъ рыбу неводомъ вытаскивали, и тоже рыба изъ невода во множествѣ вылетывала. Рыболовамъ въ первый разъ приказалъ я дать пять рублей; а въ послѣдній—самъ далъ мелочью серебромъ рубля два. Потомъ чаю всѣ искушавъ, въ половинѣ 8 часа поѣхали съ вечера; и мостомъ паки шли съ викаріемъ пѣшкомъ, но было уже темновато“ (1806 г., VIII, 3).

Послѣ первыхъ опечатлѣній знакомства съ новыми мѣстами и лицами жизнь м. Серапіона пошла обычнымъ порядкомъ, ровно и аккуратно, какъ заведенные часы. Пересматривая сочиненіе И. Е. Забѣлина *„Домашній бытъ русскихъ царей“*, мы видимъ, что ежедневная и годичная жизнь московскихъ государей шла какъ-бы по росписанію и по календарю. Одинъ день былъ похожъ на другой; годъ послѣдующій представлялъ копію года предъидущаго. И за нѣсколько лѣтъ впередъ можно было разсчитать, гдѣ будетъ слушать государь литургію въ извѣстный праздникъ, когда посѣтитъ

патріарха, когда сдѣлаетъ пріемъ у себя и кого именно будетъ принимать и т. д. Точно также и жизнь кіевскаго митрополита, въ частности м. Серапіона, текла по разъ установленному ритуалу, была заключена въ опредѣленныя рамки. Причина этого, конечно, была и личная и общая. Личная состояла въ томъ, что м. Серапіонъ, какъ человѣкъ уже очень пожилой, привыкъ къ житію ровному, степенному и постоянному. Общая-же причина состояла въ томъ, что митрополитъ, какъ человѣкъ нарочито высоко-поставленный, долженъ былъ строго соблюдать кодексъ приличій, требуемыхъ его саномъ.

Опишемъ заурядный будничный день м. Серапіона. Онъ вставалъ часу въ 7-мъ утра, тотчасъ-же смотрѣлъ на термометръ и наблюдалъ погоду; быть можетъ въ это-же время дѣлалъ запись протекшаго дня. Затѣмъ слушалъ утреню въ залѣ и обѣдню въ крестовой церкви. За тѣмъ утро посвящалось дѣламъ: митропотитъ или занимался отправкою писемъ и дѣлъ на почту, или читалъ епаршескія дѣла и писалъ на нихъ резолюціи, а также принималъ доклады отъ должностныхъ лицъ. Обѣдалъ митрополитъ обыкновенно не одинъ, а въ обществѣ. Онъ былъ общителенъ, радушенъ и хлѣбосоленъ. У него обѣдали то свои домовые старцы, то лаврскіе старцы, то члены дикастеріи, то учители академіи, то родственники, то случайные посѣтители, иногда люди всѣхъ этихъ категорій вмѣстѣ. Митрополитъ всегда тщательно отмѣчалъ въ дневникѣ, на сколько *конвертовъ*, какъ выражался онъ, былъ накрытъ столъ, и большею частію перечислялъ всѣхъ обѣдающихъ. Видно, что обѣдъ былъ, такъ сказать, центромъ владычняго дня. Воображаемъ себѣ ласковаго хозяина—владыку среди почтительныхъ сотрапезниковъ, воображаемъ его нехитрыя бесѣды, внимательно выслушиваемыя и тщательно поддерживаемыя, обильное, хотя и рыбное угощеніе, приправляемое водкою, виномъ и пивомъ аглицкимъ, но все въ мѣру, чтобы возбуждалось только пріятное настроеніе духа, а отнюдь не доходило до излишества. Обѣдъ разрѣзывалъ владычній день на двѣ несходныя половины: если до обѣда посвящалось дѣламъ, то послѣ обѣда невиннымъ развлеченіямъ. Эти развлеченія состояли въ пріемѣ знакомыхъ и близкихъ людей: у митрополита бывали въ это время свѣтскіе сановники Кіева, генералъ-губернаторъ, губернаторъ и т. п.—наиболѣе знатные богомольцы, пріѣзжавшіе въ

Кіевъ, аристократы, купцы, помѣщики и благочестивыя дамы, иногда и съ дѣтьми. Въ послѣдніе годы почти ежедневною посѣтительницею митрополита была Анна Александровна Турчанинова, *писательница и философка*, какъ титуловалъ ее митрополитъ, *дѣвица умная и пріятная*, какъ аттестовалъ ее князь И. М. Долгорукій. Эта старая дѣва дѣйствительно хорошо знала по-латыни и оставила печатную книгу латинскихъ *разговоровъ*, которыми, повидимому, пыталась дать латинскому языку, наравнѣ съ французскимъ, право гражданства въ русскомъ свѣтскомъ обществѣ. Владыка ласково принималъ гостей, подчивалъ ихъ чаемъ, виномъ, фруктами, дарилъ книгами и всего чаще акафистами *Варварникомъ* и *Николайникомъ*, какъ записывалъ онъ, и повидимому считалъ пріемъ гостей однимъ изъ дѣлъ своего пастырскаго служенія. Лѣтомъ развлеченія митрополита разнообразились поѣздками на Кудрявцы, на Шулявщину, въ Теремки и т. д. Владыка любилъ природу, быть можетъ припоминалъ ту сельскую обстановку, какая окружала его въ дѣтствѣ. Къ послѣ-обѣднему времяпрепровожденію относится также слушаніе вечерни, отправляемой обыкновенно въ залѣ. Послѣ 10 часовъ вечера, простившись со всѣми посѣтителями, митрополитъ въ послѣдній разъ смотрѣлъ на термометръ и отходилъ ко сну. Такое было обычное расположеніе владычняго дня. Конечно случалось иногда, что и утромъ бывали гости, а вечеромъ служебныя дѣла, но общій колоритъ владычней жизни отъ этого мало мѣнялся.

Годъ владыки съ выдающимися днями церковныхъ праздниковъ также носилъ на себѣ печать предъустановленной обрядности, періодически повторявшейся.

1 января въ новый годъ митрополитъ обыкновенно литургисалъ и молебствовалъ въ софійскомъ соборѣ, шествуя туда и обратно *со славою*. Послѣ обѣдни къ митрополиту заходили губернаторъ, генералы, войтъ съ чинами магистратскими и служащее духовенство. Каѳедральный протоіерей Леванда публично говорилъ митрополиту рѣчь привѣтственную „на россійскомъ языкѣ, *съ жаромъ и съ чувствіемъ*“.

Поздравителямъ была предлагаема закуска, а нѣкоторые оставляемы были и обѣдать. Предъ обѣдомъ и во время обѣда приходили поздравители другаго сорта—прямо такъ съ улицы, *съ барабанами и съ музыкою*, по кіевскому обычаю; отъ владыки высы-

лаемы имъ были деньги, инымъ по 5, инымъ по 3, инымъ по 2 рубля.

Въ день *Крещенія* (6 января) владыка ѣздилъ на водоосвященіе на Днѣпръ. Предварительно онъ получалъ для этого двойное приглашеніе: являлся братскій архимандритъ съ просьбою литургисать въ братствѣ; являлся и войтъ съ магистратскими чинами просить владыку на обѣдъ въ магистратѣ. На служеніе митрополитъ ѣхалъ торжественно—въ парадной каретѣ о шести коняхъ, съ 2-мя вершниками въ трехъугольныхъ шляпахъ и въ синей съ позументами ливреѣ [1]); по бокамъ кареты скакало четыре всадника, которые присылаемы были отъ городскаго общества для большаго торжества. Послѣ литургіи въ братствѣ совершался крестный ходъ на Днѣпръ, при большомъ стеченіи народа. Иногда погода не соотвѣтствовала принесенной съ сѣвера идеѣ митр. Серапіона о крещенскихъ морозахъ. „Мы въ Крещенье шедши на воду“, отмѣтилъ митрополитъ въ 1805 г., „не только не озябли, но я взопрѣлъ, какъ лѣтомъ, ибо окутанъ былъ настояще по зимнему, не зная таковаго имѣющаго воспослѣдовать тепла, а отъ солнечнаго сіянія были тогда капели“. Крещенская церемонія совершалась тогда много эффектнѣе, чѣмъ нынѣ. При начатіи пѣнія: *во Іорданѣ...* пускались ракеты, палили изъ пушекъ, и былъ троекратный бѣглый огонь. Съ рѣки митрополитъ шелъ обратно съ крестнымъ ходомъ въ братскій монастырь, гдѣ совершался обычный отпускъ съ многолѣтіемъ. Разоблачась, владыка шелъ въ мантіи, предшествуемый соборнымъ ключаремъ, въ домъ магистратскій. На крыльцѣ ждали владыку войтъ и магистратскіе чиновники, а въ покояхъ губернаторъ и кіевскія власти. Протодіаконъ провозглашалъ эктенію, многолѣтствовалъ государя и царскую фамилію, а митрополитъ окроплялъ св. водою всѣхъ присутствовавшихъ, подходившихъ къ кресту. Затѣмъ владыка немного отдыхалъ въ особой комнатѣ и шелъ къ обѣду. Обѣдъ бывалъ обильный и со многими тостами: за государя, за митрополита, за генералъ-губернатора, за генералитетъ, за всѣхъ вообще свѣтскихъ гостей, за всѣхъ вообще духовныхъ гостей, за войта и мѣ-

---

[1]) Нѣсколько раньше, напр. при митрополитѣ Самуилѣ, въ подобныхъ случаяхъ, впереди ѣхали верхомъ въ стихаряхъ два діакона съ рипидами и одинъ съ крестомъ.—Ред.

щанство, и наконецъ за городское войско. Да не удивится читатель упоминанію о кіевскомъ городскомъ войскѣ; оно дѣйствительно было, и любопытный можетъ прочесть о немъ въ статьѣ: *Кіевское представительство прежняго времени* („Кіевская Старина" 1882 г. № 5, стр. 187 и слѣд.). Во время тостовъ палили изъ пушекъ и играли на литаврахъ. При звукѣ литавръ митрополитъ выходилъ изъ городскаго дома, провожаемый до кареты войтомъ съ магистратскими чиновниками. И до самаго митрополитанскаго дома кругомъ кареты скакало 8 всадниковъ, въ мѣстномъ воинскомъ уборѣ, которые наряжались отъ городскаго общества, чтобы провожать владыку.

На другой день или чрезъ день являлись къ митрополиту городской войтъ и братскій архимандритъ благодарить за посѣщеніе, и являлись обыкновенно не съ пустыми руками, а подносили какой-нибудь подарокъ. Войтъ подносилъ напр. аршинъ 15 атласу, а архимандритъ нѣсколько хлѣбовъ и нѣсколько бутылокъ вина.

7 января праздновалось рожденіе вел. кн. Анны Павловны, 13—января рожденіе имератрицы Елизаветы Алексѣевны, 28 января—рожденіе вел. кн. Михаила Павловича. Во всѣ эти царскіе дни митрополитъ служилъ литургію и молебенъ (а иногда только молебенъ), или въ софійскотъ каѳедральномъ соборѣ, или въ лаврѣ. Бывала и проповѣдь. А послѣ молебна заходилъ къ митрополиту въ покои случившійся во храмѣ генералитетъ и былъ угощаемъ чаемъ и закусками.

2 февраля въ день Срѣтенія былъ храмовой праздникъ въ старокіевской срѣтенской церкви, и митрополитъ иногда служилъ у праздника, тѣмъ болѣе, что, спустя нѣкоторое время по прибытіи Серапіона въ Кіевъ, настоятелемъ срѣтенской церкви былъ назначенъ его родной племянникъ Сергій Александровскій. Разумѣется, послѣ литургіи владыка заходилъ на чай и закуску къ настоятелю церкви.

3 февраля было тезоименитство вел. кн. Анны Павловны и кавалерскій праздникъ св. Анны. Митрополитъ, какъ самъ кавалеръ св. Анны, совершалъ литургію и молебенъ. Но, быть можетъ, къ огорченію владыки, другіе кіевскіе кавалеры св. Анны относились равнодушно къ своему кавалерскому празднику. „Людей было немного", записалъ митрополитъ объ одномъ своемъ служеніи въ

день св. Анны (1085 г., II, 3) „а господъ мало, кромѣ кн. Гурьянова и полковниковъ двухъ и кавалеровъ трехъ, да въ молебствѣ пришелъ комендатнъ и кавалеръ Аннинскій Масси, а кромѣ его и кавалеровъ никого не было, и проповѣдникъ ко мнѣ только одному сдѣлалъ обращеніе о значеніи кавалеріи". Впрочемъ хотя кавалеровъ св. Анны бывало не много, но они заходили послѣ литургіи къ митрополиту, и митрополитъ удерживалъ ихъ на закуску и обѣдъ. „И пили за здоровье императорское—шампанское, а за кавалеровъ—венгерское".

4 февраля, рожденіе вел. кн. Маріи Павловны и обычное молебствіе и угощеніе.

5 февраля, митрополитъ праздновалъ годовщину своего перваго пріѣзда въ лавру. Приходили къ нему лаврскія власти съ хлѣбомъ-солью, а митрополитъ угощалъ ихъ обѣдомъ.

7 февраля митрополитъ праздновалъ *годовщину своего перваго вступленія въ софійскій соборъ*. Соборяне приходили съ поздравленіемъ, при чемъ протоіерей Леванда говорилъ владыкѣ привѣтственную рѣчь. Представители-же кіевскаго духовенства присоединялись по желанію или къ лаврской, или къ соборной депутаціи. Митрополитъ угощалъ поздравителей закускою, а иныхъ и обѣдомъ.

12 марта, былъ большой царскій день—*возшествіе на престолъ государя императора Александра Павловича*. Митрополитъ шелъ къ литургіи въ софійскій соборъ *со славою*: молебствовалъ съ викаріемъ и со всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Бывала и проповѣдь. Было не мало генералитета и чиновниковъ, и войтъ съ чинами магистратскими. Послѣ богослуженія всѣ и міряне, и духовные входили въ покои владыки и были угощаемы закускою, а иные и обѣдомъ.

16 марта митрополитъ праздновалъ свои имянины на память *Серапіона, архіепископа новгородскаго*, во имя котораго устроилъ онъ въ лаврѣ домовую церковь. Тутъ уже по истинѣ было торжество веліе—и въ лаврѣ *полиелейная служба со звономъ*. Но домашнее торжество было едва-ли не больше церковнаго. Съ ранняго утра ко владыкѣ являлись поздравители, начиная съ его домашнихъ братій, которые подносили какой либо малый даръ, напримѣръ хлѣбъ и по десятку лимоновъ и апельсиновъ. Но послѣ литургіи, которую владыка слушалъ обыкновенно въ крестовой церкви, его покои наполнялись посѣтителями. Викарій и архимандриты, лаврскіе старцы

и игуменьи, соборные и городскіе священники, дикастерскіе чиновники и академисты, генералы и благородныя дамы, войтъ и магистратскіе чины, полицiймейстеръ и почтмейстръ, пѣвчіе архіерейскіе и пѣвчіе академическіе толпились во владычнихъ покояхъ. Раздавались рѣчи, стихи на разныхъ языкахъ и кантаты. Витійствовалъ вмѣстѣ съ прочими и Леванда. Подносились имянинникy и болѣе существенныя приношенія. Высокопреосвященный имянинникъ отдаривалъ съ своей стороны пѣвчихъ деньгами, академическихъ учителей и другихъ поздравителей лаврскими книгами. Въ заключеніе былъ обѣдъ человѣкъ на 40, за которымъ конечно не вмѣщались всѣ поздравители, но находили себѣ мѣсто учителя академіи. „Обѣдъ заключивался (pro salute meo vino utebamur schampanico) чаемъ, кофеемъ и десертомъ“, и за тѣмъ владыка отпускалъ гостей съ миромъ во свояси.

Продолжая описаніе владычняго года, мы должны сказать, какъ проводилъ онъ праздинки и нарочитые дни переходящіе, т. е. стоящіе въ зависимости отъ праздника Пасхи.

На послѣднихъ дняхъ сырной недѣли владыка ѣздилъ въ лавру, заходилъ въ братскую трапезу и къ почетнѣйшимъ старцамъ и прощался съ ними.

Въ прощальное воскресенье ко владыкѣ заходили прощаться соборяне и другія, болѣе близкія по служебнымъ отношеніямъ духовныя лица, а также благочестивые міряне. Владыка слушалъ вечерню въ крестовой церкви; по окончаніи вечерни вся братія архіерейскаго дома и пѣвчіе прощались съ владыкою въ церкви, а келейные въ покояхъ.

Первые дни великаго поста владыка противъ обыкновенія обѣдалъ скудно, сухояденіе или одни грибы и капусту не вареные.

Въ пятницу на 1-й недѣли, равно какъ и въ послѣдующіе три пятницы бывало великое въ софійскомъ соборѣ собраніе для чтенія de passionibus Christi, т. е. такъ называемыя пассіи, заведенныя м. П. Могилою, на которыхъ бывали и проповѣди, говоренныя обыкновенно кѣмъ либо изъ наставниковъ академіи. Владыка на пассіяхъ не бывалъ, но за проповѣтью слѣдилъ, и даже отмѣчалъ иногда, кто проповѣдывалъ въ софійскомъ, и кто въ братскомъ.

Въ субботу на первой недѣли владыка самъ „служилъ обѣдню въ крестовой церкви съ своими домовыми инокамн и пріобщалъ

самъ всѣхъ старцевъ, кои на послушаніяхъ находятся, и всѣхъ пѣвчихъ, и служителей своихъ штатныхъ, и женъ ихъ, и нѣкоторыхъ стороннихъ. И по прочтеніи благодарныхъ молитвъ всѣ причастники подходили ко кресту, держимому владыкою, и поздравлены отъ него, *яко сынове церкви*".

Въ недѣлю православія митрополитъ совершалъ въ софійскомъ соборѣ обычную церковную церемонію, и „народа бывало такъ много, *во еже не вмѣщатися въ церкви и на хорвхъ*". Послѣ церемоніи духовные и свѣтскіе чиновные люди по обычаю заходили къ митрополиту и „были трактуемы чаемъ, а потомъ водкою и закускою постною", а нѣкоторые, преимущественно участники церемоніи, въ томъ числѣ и протодіаконъ, возглашавшій анаѳему, были оставляемы обѣдать.

Въ четвертую недѣлю поста митрополитъ служилъ обѣдню въ пещерной Крестовоздвиженской церкви, а въ Благовѣщенье въ академической конгрегаціонной церкви; разумѣется, послѣ богослуженія трапеза, въ первомъ случаѣ—въ лаврѣ, во второмъ—въ академіи.

Въ Лазареву субботу митрополитъ смотрѣлъ изъ окна своего софійскаго дома на процессію академистовъ, числомъ до 1000. По давнему обычаю, въ этотъ день собирались они къ началу вечерни въ георгіевскую церковь: здѣсь брали освященную вербу и какъ отроки евангельскіе, съ ваіями въ рукахъ, съ грандіознымъ пѣніемъ, среди безчисленныхъ массъ народа, дефилировали подъ оградой софійскаго собора и чрезъ заложенныя нынѣ въ юго-западной стѣнѣ ограды ворота, мимо владычнихъ покоевъ, чрезъ софійскій дворъ и соборъ направлялись чрезъ весь городъ на Подолъ въ свою братскую церковь.—Большая церемонія!

Въ великій четвертокъ митрополитъ совершалъ въ софійскомъ соборѣ обрядъ омовенія ногъ; а послѣ богослуженія „трапезовалъ въ залѣ съ 12 учениками—апостолами на 13 конвертовъ; а викарія не приглашалъ по той причинѣ, чтобы обѣдать съ одними апостолами".

Въ великую пятницу митрополитъ совершалъ богослуженіе надъ плащаницею въ лаврѣ. По описанію дневника, „вечерня начиналась въ великой церкви, а потомъ по пропѣтіи: *Тебе одѣявшагося*, всѣ шли съ херугвами въ больничную церковь, при звонѣ.

Пришедъ въ больничную церковь, трижды пѣли: *благообразный Іосифъ* и три раза кадилъ митрополитъ плащаницу, лежащую посреди церкви, довольно богато украшенную жемчугомъ и каменьями; послѣ пѣли пѣвчіе два стиха положенные. Потомъ, поднявъ площаницу, несли ее въ великую церковь съ такимъ-же церемоніаломъ, какъ и шли въ больницу. Взошедъ въ великую церковь и положа плащаницу, митрополитъ кадилъ ее одинъ разъ; потомъ слѣдовала проповѣдь, отпускъ, и малое повечеріе съ канономъ. Въ заключеніе богослуженія митрополитъ въ мантіи осѣнялъ народъ съ амвона и въ сопровожденіи духовенства шелъ въ свои покои. Тамъ кушалъ чай со старцами, и болѣе ничего“.

Въ Свѣтлое Воскресенье, въ самую полночь, начинался благовѣстъ въ софійскомъ соборѣ и продолжался часъ. Къ утрени митрополитъ шелъ со славою и по окончаніи оной христосовался, когда былъ здоровъ, со всѣмъ народомъ, хотя, по замѣчанію дневника, генералитетъ и не былъ доволенъ этой скучной и во всякомъ случаѣ длинной церемоніей. Отъ заутрени расходились по домамъ. Тогда еще не было нынѣшняго, нѣсколько дикаго и во всякомъ случаѣ неблагоговѣйнаго обычая „отмахать за разъ утреню и обѣдню на курьерскихъ“ и даже при этомъ, не ожидая обѣдни, стремглавъ летѣть *разговѣться* послѣ недавно потребленнаго бифштекса. Въ то время обѣдню совершалъ владыка въ софійскомъ соборѣ въ 7 часовъ. Выходъ былъ также со славою. Евангеліе читалось на многихъ языкахъ. Владыка начиналъ русскимъ, потомъ читали на латыни, по гречески, по французки, по нѣмецки и т. д.—Послѣ обѣдни владыка возвращался въ свой домъ опять со славою. Тамъ соборяне славили Христа и протодіаконъ многолѣтствовалъ государя, а генералитетъ поздравлялъ владыку. Но пріемъ, по случаю всеобщаго утомленія, въ 1-й день пасхи, былъ короткій.

За то у митрополита былъ большой пріемъ на 2-й день Пасхи. Послѣ служенія въ лаврѣ митрополитъ христосовался съ лаврскою братіею, давая каждому по два яйца красныхъ, принималъ поздравленіе отъ академіи и отъ магистрата, а послѣ трапезы самъ отдавалъ праздничные визиты кіевскому генералитету.

Въ субботу на Пасху была раздача артоса, и митрополитъ посылалъ съ лаврскимъ казначеемъ артосъ отъ себя генералъ-губернатору и губернатору. Обычай пасхальнаго звона въ Кіевѣ безъ

благовѣста на первый разъ удивилъ владыку. „При семъ во всѣхъ въ Кіевѣ церквахъ“, записалъ онъ (1804 г., IV. 25) „чрезъ всю недѣлю Пасхи и къ обѣднѣ и къ вечернѣ безъ благовѣста звономъ во всѣ колокола начинали, что въ Россіи не слыхано, не только чтобъ гдѣ было чинимо“.

23 апрѣля владыка ѣздилъ на служеніе къ празднику св. Георгія въ выдубицкій монастырь, по предварительному приглашенію архимандрита. Послѣ литургіи была обычная трапеза. „Народу въ церкви было довольно“, замѣтилъ митрополитъ, „а гуляющихъ болѣе“. Народное гулянье, которое и до нынѣ бываетъ въ этотъ день около выдубцикаго монастыря и которое совершенно естественно при встрѣчѣ весны, зовущей горожанъ на чистый воздухъ, не нравилось митрополиту. „Людей тутъ было около монастыря не мало, *былъ кабачишко и качели близъ монастыря самаго, что иные предъосуждали*“.

27 апрѣля былъ царскій день—рожденіе цесаревича Константина Павловича. Митрополитъ молебствовдлъ, но народу было мало.

1 мая. Софійскій праздникъ и иногда рекреація съ академистами, т. е. гулянье въ митрополичьей рощѣ, гдѣ нынѣ кадетскій корпусъ.

3 мая лаврскій праздникъ пр. Θеодосія. Служеніе въ лаврѣ и трапеза. Обыкновенно все шло благообразно и по чину, но бывали маленькіе казусы, которые останавливали на себѣ вниманіе владыки. Было разъ, напримѣръ, на θеодосіевскомъ праздникѣ такое искушеніе. „Проповѣдь говорилъ академіи учитель піитики, іером. Іоанникій, но неоднократно вынималъ бумагу. Наканунѣ videbatur esse subebrius (былъ пьянъ), и по сказаніи сховаяся, т. е. присѣлъ въ каθедрѣ. А за трапезою новое искушеніе. „Викарій уже подъ конецъ обѣда пріѣхалъ, ибо экклезіархъ акибы позабылъ его къ обѣду звать, для того онъ въ обѣдъ за нимъ ѣздилъ“ (1805 г., V. 3).

9 мая въ день св. Николая владыка ѣздилъ на храмовой праздникъ въ притисковскую (Николая притиска) церковь, или въ какую-либо другую изъ подольскихъ церквей, куда былъ наканунѣ прошенъ на служеніе, для храмоваго праздника, и послѣ литургіи заходилъ къ настоятелю храма на чай.

10 мая небольшой царскій день—*рожденіе вел. кн. Екатерины Павловны.* Владыка молебствовалъ, „но при этомъ, отмѣчаетъ,

только простаго народу богомольцевъ бывало нѣсколько, а чиновниковъ почти никого".

21 мая были именины *цесаревича Константина Павловича.* Митрополитъ также служилъ литургію и молебствовалъ. И на этотъ разъ, замѣчаетъ онъ, „народу бывало также посредственно, но господъ чиновниковъ и генераловъ бывало уже довольно".

Въ *Преполовеніе* былъ крестный ходъ изъ софійскаго собора къ колодцу князя Владиміра. У самаго колодца, конечно, по примѣру прежнихъ лѣтъ, магистратъ разбилъ палатку и приготовилъ угощеніе, но угощенія принять владыка не могъ, ибо въ полномъ облаченіи пожелалъ возвратиться съ крестнымъ ходомъ въ софійскій соборъ. И „зѣло, зѣло, говоритъ, усталъ и изнемогъ, а особливо ногами, и жаръ сдѣлался пресильной въ лицѣ, ибо шли на гору высокую, длинную, въ полномъ облаченіи и въ самые полдни, при сіяніи солнечномъ, да еще и противъ самаго солнца, и при пыли" (1804. V г., 18).

На Вознесенье заблаговременно приглашала игуменья Фроловскаго монастыря служить въ монастырѣ по случаю храмоваго праздника: владыка совершалъ литургію и трапезовалъ, а въ дневникѣ отмѣчалъ: „народу за литургіею было очень много и угощеніе за трапезою обильное"; обѣдъ продолжался, отмѣтилъ онъ однажды 1 часъ и 45 минутъ.

Въ Тройцынъ день, въ 11-мъ часу, владыка ѣхалъ въ лавру въ парадной каретѣ *со славою,* встрѣчаемъ былъ во св. вратахъ съ крестомъ, служилъ литургію соборно съ нѣсколькими архимандритами, молитвы на вечернѣ читалъ самъ, при многочисленномъ стеченіи народу, особенно простаго; трапезовалъ въ лаврѣ съ сослужащими и случайными гостями,—когда позволяла погода,—въ саду, въ бесѣдкѣ.

Въ Духовъ день владыка „ѣздилъ на служеніе въ бывой Кирилловъ монастырь, по случаю храмоваго праздника; тамъ бывала и ярмарка очень не малая, на берегу занимали мѣста съ разными шалашами".

Наконецъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ храмовой праздникъ въ церкви на Щекавицкомъ кладбищѣ. Серапіонъ ѣздилъ и сюда, и вотъ какъ описываетъ онъ одну изъ такихъ поѣздокъ. „Въ 10-мъ часу ѣздилъ въ церковь кладбищенскую, что на горѣ Щекавицѣ, нынѣ

называемой *Скавицѣ*, гдѣ погребенъ Олегъ, родственникъ Рюриковъ, но знаку тутъ никакого сему нѣтъ. Служилъ въ ней обѣдню, ибо храмъ тутъ всѣхъ святыхъ. Проповѣдь говорилъ той церкви священникъ. Народу было много, были благородные. Послѣ обѣда заходилъ въ домъ священника, гдѣ была поставлена палатка съ закускою, похожею на обѣдъ, съ приборами, отъ магистрата пріуставленная, яко церковь сія на ихъ иждивеніи содержится. Гдѣ были потчованы сперва чаемъ, потомъ водкою, а послѣ венгерскимъ,—цѣлымъ, по здѣшнему обычаю, стаканомъ. Отвѣдавъ немного, не похвалилъ сей обычай.

„Потомъ зашелъ въ покои священника посмотрѣть, и нашелъ, како дома живутъ тѣсно. Въ исходѣ 1-го часа отъѣхалъ. Отъ церкви подъ гору,—ибо крута, хотя есть и мостовая деревянная,—шли до самаго низу въ провожденіи войта пѣшкомъ" (1805 г., VI. 4).

25 іюня былъ тогда еще не очень значительный царскій день, *рожденіе в. кн. Николая Павловича*. Митрополитъ молебствовалъ.

28 іюня митрополитъ совершалъ панихиду по императорахъ.

29 іюня въ день *св. ап. Петра и Павла*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ греческій петропавловскій монастырь и заходилъ на чай къ архимандриту. На сей же день владыка получилъ приглашеніе въ петропавловскую куреневскую церковь, но имъ не пользовался.

5 іюля, въ день *преп. Сергія*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ Китаевскую пустынь, гдѣ и трапезовался.

10 іюля, на память *преп. Антонія печерскаго*, владыка служилъ и трапезовалъ въ лаврѣ.

15 іюля, въ день кончины *св. Владиміра*, при митр. Серапіонѣ не было нынѣшняго крестнаго хода, совершаемаго съ такимъ торжествомъ только съ 1862 г. Владыка ѣздилъ лишь на служеніе къ празднику во Владимірскую церковь, которая находилась тогда на эспланадной площади, близъ крѣпости. Въ дневникѣ объ этомъ праздникѣ отмѣчено только, что ризница была лаврская, т. е. что саккосъ, омофоръ и проч. доставлялись изъ лавры, по близости оной къ владимірской церкви.

20 іюля, въ день *прор. Иліи*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ Ильинскую церковь, что на Подолѣ, на берегу Днѣпра. Послѣ литургіи заходилъ къ священнику и »былъ трактованъ чаемъ, кофеемъ и водкою.« »Мимоѣздомъ, замѣчаетъ однажды владыка, былъ

упрошенъ заѣхать къ *именитому купцу Кисилевскому*, коего *домъ лучшій во всемъ Кіевѣ.*« То былъ старинный родъ кіевскихъ граждан и вмѣстѣ южно-русскихъ дворянъ, давшій г. Кіеву, нѣсколько позже, послѣдняго войта. Въ тонкости предметовъ и лицъ, какъ мы уже замѣчали, владыка Серапіонъ не входилъ, а отмѣчалъ лишь то, что дѣйствовало такъ сказать на глазъ, какъ напр. большой и по нынѣшнему времени домъ Кисилевскихъ, хотя аттестація, даваемая ему дневникомъ, свидѣтельствуетъ о крайнемъ убожествѣ Кіева, по части построекъ, три четверти вѣка назадъ тому.

22 іюля, въ день *тезоименитства императрицы Маріи Ѳедоровны*, было торжественное служеніе въ Софійскомъ соборѣ. Заходившіе послѣ обѣдни къ митрополиту были »трактуемы чаемъ и водкою. А иные—въ томъ числѣ сослужители на литургіи—были оставляемы на обѣдъ. И пили, прибавляетъ митрополитъ, за здоровье имянинницы венгерское, и потомъ венгерское же пили и за мое здоровье, яко день моего рожденія« (1805 г., VII, 22).

1 августа было водоосвященіе на Подолѣ и митрополитъ, по приглашенію магистрата, ѣздилъ на служеніе въ Успенскій соборъ.

Когда владыка, выходя изъ дому, садился въ карету, то являлись, какъ гласитъ дневникъ, „*четверо верховыхъ отъ магистрата, одѣтыхъ по здѣшнему богато*, и летѣли предъ каретою стремительно,—равно какъ и митрополичьи вершники, и карета также очень спѣшно ѣхала"; при съѣздѣ съ крещатицкой горы къ кортежу присоединялись еще четверо мѣщанъ въ богатомъ нарядѣ и на богато убранныхъ лошадяхъ.

Послѣ литургіи митрополитъ ходилъ на источникъ *Фелиціонъ*, существующій и нынѣ, хотя въ самомъ грязномъ видѣ, и извѣстный въ народѣ подъ именемъ *Лева*—отъ фигуры Сампсона, раздирающаго львиную пасть, изъ которой толстою струею льется вода. Къ митрополиту присоединялся викарій, который предварительно совершалъ водоосвященіе на Днѣпрѣ, шествуя отъ церкви Введенской. Дневникъ и здѣсь сохранилъ для насъ нѣкоторыя черты минувшей жизни Кіева.

Во время крестнаго хода вокругъ собора всѣ цехи стояли съ своими значками и ружьями, а конные въ своихъ богатыхъ уборахъ были расположены близъ источника. При погруженіи креста была пальба изъ пушки. Изъ собора митрополитъ шествовалъ въ маги-

стратскій домъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ музыкою. Обѣдъ, тосты, трубные звуки, парадные проводы—все точь въ точь, какъ въ праздникъ 6-го января.

Чрезъ день опять войтъ и начальникъ городской конницы приходили на поклонъ и благодарили владыку за посѣщеніе, поднося: »хлѣбъ, голову сахару и шесть штофиковъ водки сладкой разной.«—Патріархальныя времена и обычаи, такъ не далекія отъ насъ и такъ уже чуждыя нашему времени!

2 августа владыка келейно праздновалъ съ своими родными и близкими свои имянинны по мірскому имени Стефана.

6 августа, въ праздникъ *Преображенія* владыка служилъ въ подольской Преображенской церкви, нынѣ не существующей, либо у Спаса на Берестовѣ (въ крѣпости), или въ межигорской обители.

15 августа — *Успеніе Богоматери* великій лаврскій праздникъ. Еще съ вечера владыка отправлялся въ лавру и совершалъ всенощное богослуженіе, которое продолжалось до 1 часа по полуночи, т. е. $5^1/_2$ часовъ, съ пѣніемъ надгробнымъ, съ чтеніемъ акаѳиста и съ большою молитвою.

Въ самый праздникъ, предъ обѣдней митрополитъ и всѣ духовные, бывшіе въ служеніи, шли, какъ замѣчаетъ дневникъ, »по обычаю здѣшнему (т. е. древнему южнорусскому, соблюдаемому и доселѣ во всѣ двунадесятые праздники), въ ходъ около церкви, поя молебенъ Божіей матери, и останавливаясь въ трехъ мѣстахъ, а противъ олтаря евангеліе читано было.“

Послѣ литургіи владыка трапезовалъ въ лаврѣ съ генералитетомъ, знатными богомольцами и служащимъ духовенствомъ.

30 августа—*тезоименитство Государя Императора Александра I.* Послѣ торжественной литургіи и молебствія къ митрополиту заходили не только русскіе генералы, но и знатные поляки.

5 сентября—*тезоименитство имп. Елизаветы Алексѣевны.* Торжественная литургія съ молебномъ. Въ 1805 г., этотъ день совпалъ со временемъ дворянскихъ выборовъ, и на молебенъ явились „всѣ бывшіе на выборахъ католицкаго исповѣданія дворяне кіевской губерніи; и потомъ всѣ были у митрополита въ покояхъ, во еже не вмѣщатися въ нихъ.“

8 сентября—*храмовой праздникъ Софійскаго собора.* Митрополичье служеніе. „Послѣ часовъ ходили, по обыкновенію здѣшнему, съ образами, съ пѣніемъ молебна. Послѣ обѣдни заходили къ митрополиту всѣ наканунѣ званные къ обѣду, а иные и незванные, и трапезовали."

12 сентября—*день рожденія в. кн. Анны Ѳедоровны* (супруги цезаревича Константина). Митрополитъ молебствовалъ.

15 сентября—*коронація Императора Александра I.* Торжественное служеніе и посѣтители въ покояхъ митрополита. Въ 1805 г., въ числѣ посѣтителей были офицеры проходившаго чрезъ Кіевъ гусарскаго полка, и при этомъ случилось одно обстоятельство, отмѣченное митрополитомъ. Гости „были потчованы чаемъ, потомъ водкою на двухъ столахъ. И была съ заѣдками на столѣ стерлядь поставлена розварная, что здѣсь рѣдкостію почтено; да и въ мое чрезъ годъ и 8-мѣсячное пребываніе въ Кіевѣ въ первый разъ живая стерлядь попалась, и нигдѣ до сего времени не видалъ въ Кіевѣ."

30 сентября—*память Михаила, перваго митрополита Кіевскаго.* Праздникъ этотъ былъ поставленъ, какъ слѣдуетъ, самимъ митр. Серапіономъ. Въ первый годъ житія Серапіона въ Кіевѣ, въ сей день былъ у владыки намѣстникъ лаврскій съ докладами. „А о праздникѣ своемъ",—замѣчаетъ митрополитъ, „и не говорилъ. На мой же вопросъ сказалъ, что они одни сами празднуютъ." Владыка, должно быть, сдѣлалъ замѣчаніе намѣстнику. По крайней мѣрѣ съ слѣд. года уже обозначается митрополичье служеніе и трапеза въ лаврѣ 30 сентября.

Вообще митр. Серапіонъ былъ неравнодушенъ къ славѣ и памяти своихъ предшественниковъ. »20 авг. 1804 г. (отмѣчено въ дневникѣ) былъ ключарь съ докладомъ, чтобы дозволено было, по здѣшнему обычаю, отправить панихиду со звономъ по покойномъ митрополитѣ здѣшнемъ Самуилѣ. Что и позволилъ, похваливъ сей обычай и памятованіе своего архипастыря.« Была-ли трапеза, неизвѣстно.

14 октября—*рожденіе Императрицы Маріи Ѳедоровны* и обычное въ большой царскій день празднованіе.

8 ноября, ради праздника, владыка, „ѣздилъ въ каретѣ въ Михайловскій монастырь, гдѣ и встрѣчаемъ былъ братіею во вратахъ, а епископомъ у церкви. Совершалъ литургію и принималъ участіе въ великой трапезѣ, на коей бывало до 50 человѣкъ."

21 ноября. Причтъ подольской введенской церкви, какъ видно, ни разу не приглашалъ митрополита къ храмовому своему празднику. Бывалъ въ этотъ день праздникъ и митрополичье служеніе въ лаврѣ на ближнихъ пещерахъ.

Свое служеніе здѣсь въ 1805 г. Серапіонъ описываетъ такъ: »ввошедши въ церковь, пошли прямо прикладываться ко всѣмъ мощамъ; и обошедши чрезъ полчаса всѣ гробы преподобныхъ, въ церкви пещерной праздничной Введенія мантію надѣлъ и служилъ съ намѣстникомъ, да казначеемъ, да съ двумя іеромонахами (а лучше бы съ одною парою служить, а то было для другой пары нѣсновато), по обыкновенію. Только протодіаконъ зѣло оскорбить дерзнулъ, самымъ тихимъ голосомъ служа, оказывая видъ нѣкоего негодованія чрезъ всю литургію. Великое потребно было терпѣніе видѣть и снести такой его поступокъ.«

24 ноября *тезоименитство в. кн. Екатерины Павловны.* Служеніе въ греческомъ монастырѣ.

30 ноября. Служеніе для праздника въ Андреевскомъ соборѣ, при чемъ митрополитъ отмѣчалъ, что онъ »и на лѣстницу андреевскую и съ лѣстницы шелъ съ великою трудностію.«

4 декабря, ради праздника св. Варвары, бывало митрополичье служеніе въ михайловскомъ монастырѣ. Вотъ описаніе одного изъ такихъ служеній. „По окончаніи часовъ, мощи около великой церкви были носимы при великой метелицѣ, снѣгѣ и пургѣ, такъ что едва могъ я прочитать евангеліе у вратъ послѣднихъ, и всѣ образа, евангеліе и крестъ были снѣгомъ покрыты, а въ ходу бывшіе тоже снѣгомъ были убѣлены отъ пурги. Взошли въ церковь съ мощами въ боковые двери, по причинѣ той-же великой пурги, и конецъ совершили ходу съ многолѣтіемъ. Потомъ совершилъ я литургію, по обычаю, съ викаріемъ епископомъ и съ тремя архимандритами и пр. Проповѣдь говорилъ хозяинъ монастыря, епископъ викарій Ириней, стоя у гроба великомученицы Варвары. Народу было довольно: но господъ мало, а госпожъ довольно. И была графиня А. Р. Чернышева, желавшая, чтобы мощи чрезъ нее перенесены были; но пурга сему попрепятствовала. Обѣдалъ у хозяина-викарія епископа съ служащими архимандритами и пр. Всего человѣкъ до 30 было“. (1808. XII. 4).

6 декабря, въ Николинъ день, владыка служилъ литургію большею частію въ николаевской набережной церкви; а *9 декабря* на дальнихъ пещерахъ, въ праздничной церкви зачатія св. Анны.

12 декабря, въ день рожденія императора Александра I, была совершаема торжественная литургія съ молебствіемъ; генералитетъ, по обычаю, заходилъ ко владыкѣ и былъ угощаемъ ради августѣйшаго новорожденнаго. Предъ праздникомъ Рождества Христова владыкѣ приходилось принимать отъ нищихъ просительныя письма о подачѣ милостыни, которыя, конечно, онъ удовлетворялъ по мѣрѣ возможности. Въ самый праздникъ благовѣстъ къ утрени въ софійскомъ соборѣ начинался въ 2 часа, а самая утреня, которую владыка слушалъ въ соборѣ, стоя на митрополичьемъ мѣстѣ, продолжалась почти до 6 часовъ. Въ это время къ владыкѣ пріѣзжалъ изъ лавры его духовникъ, у котораго онъ и исповѣдывался, а затѣмъ служилъ литургію въ соборѣ и принималъ у себя соборянъ и другихъ поздравителей. На второй день праздника было митрополичье служеніе и большой пріемъ въ лаврѣ; на третій день, т. е. 27 декабря, опять малый праздникъ въ лаврѣ архидіакону Стефану, „поколику перстъ его указательный хранится въ оной, принесенный въ 1717 г. изъ молдавскаго нѣмецкаго монастыря“ (1807. XII. 27).

А затѣмъ *„конецъ года и слава нашему Богу. Аминь“.*

Такъ жилъ да поживалъ Серапіонъ, митрополитъ кіевскій, день за день, годъ за годъ, раздѣляя время между богослуженіемъ, резолюціями и трапезою. Житіе тихое, ровное, безпечальное, разъ навсегда установленное, хорошо обставленное! Но злая жизнь врывалась и тутъ и приносила свою *злобу дня,* свои перемѣны, иногда безразличныя, иногда очень тяжелыя и непріятныя. Отмѣтимъ, руководясь дневникомъ митр. Серапіона, найболѣе выдающіяся перемѣны и впечатлѣнія въ его личной жизни.

Ф. А. Терновскій.

(Продолженіе будетъ).

Записки барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Ново-Сербію.

(Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ С. Е.)

Въ настоящемъ году исполнилось столѣтіе со времени присоединенія Крыма къ Россіи. Это событіе имѣло большое значеніе для русскаго государства, которое только съ присоединеніемъ Крыма могло считать себя единственнымъ и безспорнымъ хозяиномъ земель, составляющихъ нынѣшнюю Новороссію. Исторія Новороссіи это исторія постепенной колонизаціи земель южной части Черноморскаго бассейна. Сто лѣтъ тому назадъ земли эти представляли собой необозримое степное пространство, орошенное широкими рѣками, мало населенное и бывшее постоянно спорнымъ пунктомъ для притязаній сосѣднихъ государствъ. Сѣверная часть его была занята „вольностями запорожскими", южная часть—Крымскій полуостровъ и прилегающее къ нему побережье Чернаго моря—принадлежали крымскимъ татарамъ, а между крымскими и запорожскими владѣніями тянулись широкія степныя равнины, гдѣ кочевали различныя ногайскія орды. — „Запорожскими вольностями" назывались земли „войска или товариства запорожскаго", которое было одной изъ самостоятельныхъ вѣтвей русскаго козачества. Начало козачества относится еще къ XIV вѣку. Козаками называли себя тѣ выходцы изъ русскихъ областей, которые селились въ южныхъ степяхъ послѣ татарскихъ нашествій.

Татарскія нашествія, непосредственнымъ слѣдствіемъ которыхъ было раззореніе русскихъ земель, имѣли еще и другое болѣе важное значеніе для внутренней жизни этихъ земель. Татарскій погромъ служитъ поворотнымъ пунктомъ, съ котораго начинается упадокъ федеративнаго строя и собираніе русскихъ земель около

2-хъ центровъ: на сѣверо-востокѣ слагается московское государство, на юго-западѣ литовско-русское, которое впослѣдствіи соединяется въ одно цѣлое съ Польшею.

Боязнь татарскихъ набѣговъ и тѣ гнетущія условія жизни, которыя вырабатывались при новомъ строѣ обоихъ государствъ, заставляли жителей ихъ искать, гдѣ лучше, и цѣлыя толпы бѣглецовъ селились на берегахъ степныхъ рѣкъ. Изъ московскаго государства бѣжали на Донъ, на Волгу, на Яикъ (Уралъ); изъ польско-литовскаго на Днѣпръ.

Вольная, но полная опасностей жизнь требовала постоянно держаться на сторожѣ отъ сосѣдей — враговъ, сначала татаръ, а потомъ татаръ и турокъ, которые обнаруживали постоянныя притязанія на эти земли.

На Днѣпрѣ за порогами сложилась самостоятельная козацкая община, выступающая на историческую сцену около половины XVI вѣка. Эта община служила въ теченіи вѣковъ вѣрнымъ оплотомъ сначала польской, а потомъ польской и русской Украины отъ южныхъ сосѣдей. Запорожскіе козаки не могли ограничиваться оборонительной войной противъ татаръ; чувство мести, жажда подвига вызывали войну наступательную. За набѣгъ они платили набѣгомъ, за раззореніе раззореніемъ. Они не рѣдко спускались по Днѣпру на своихъ „чайкахъ“ въ море, нападали на турецкіе города и освобождали христіанскихъ невольниковъ.

Запорожская община, бывшая свободнымъ отпрыскомъ украинскаго народа, воплощала въ своей внутренней жизни его идеалы и стремленія. Значеніе ея особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ въ польской Украинѣ начались козацкія возстанія, вызванныя гнетущими политическими, экономическими и религіозными условіями жизни. Въ эпоху козацкихъ возстаній 1582—1638 г. (отъ Косинскаго до Гуни и Остраницы) Запорожье становится центромъ движенія и вѣрнымъ убѣжищемъ всѣхъ, кто бѣжалъ сюда изъ Украины.

Въ это время Запорожскія владѣнія расширяются и заселяются на большомъ пространствѣ.

Послѣ временнаго тяжелаго затишья въ покоренной Украйнѣ, Запорожье во время войнъ Богдана Хмельницкаго, кончившихся присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи 1654 г., является самосто-

ятельнымъ союзникомъ остальнаго малорусскаго козачества и оказываетъ ему большія услуги. Наступила затѣмъ смутная пора для Украйны, когда эта измученная страна, стѣсненная 3-мя грозными сосѣдними государствами—Россіей, Турціей и Польшей, отчаявшись въ возможности самостоятельнаго существованія, колебалась въ выборѣ подданства; эта смутная пора отразилась и въ жизни Запорожья; мы видимъ, что оно, какъ независимая единица, ведетъ сношенія то съ Польшей, то съ Турціей, то съ Россіей. Подобно всей Украйнѣ, Запорожье пришло къ тому-же роковому исходу, хотя нѣсколько позже: оно подчинилось Россіи въ 1734 г. Русское государство было заинтересовано въ запорожскомъ войскѣ, въ которомъ оно видѣло незамѣнимый оплотъ противъ турецкаго сосѣдства, и потому, считаясь подданными Россіи, запорожцы долго сохраняли независимость въ внутреннемъ устройствѣ своихъ владѣній. Но съ постепеннымъ расширеніемъ границъ и съ развитіемъ централизаціи огромнаго государства, которое чувствовало себя все болѣе крѣпкимъ,—свободный строй запорожской общины все больше звучалъ диссонансомъ.

Въ XVIII вѣкѣ русское правительство усиливаетъ колонизаціонную дѣятельность въ южныхъ предѣлахъ государства и устраиваетъ рядъ сербскихъ и русскихъ слободскихъ поселеній. Изъ колоній выселившихся въ Россію сербовъ оно образуетъ ново-сербскія поселенія или Новую Сербію, для защиты которыхъ, близъ южной границы ихъ, возведена крѣпость св. Елизаветы, теперешній Елисаветградъ, находившаяся подъ управленіемъ особаго командира.

Эти новыя поселенія примыкали непосредственно къ запорожскимъ землямъ и между сосѣдями происходили постоянныя порубежныя пререканія.

„Запорожскія вольности“ въ это время образовали какъ-бы военное государство, столицей которою была Сѣчь—мѣстопребываніе запорожскаго товариства. Она находилась въ этотъ періодъ Запорожья при р. Подпольной, притокѣ Днѣпра.

Запорожское товариство—было военной общиной, члены которой, посвятивъ всю жизнь свою борьбѣ съ врагами, отказывались отъ семьи и хранили обѣтъ безбрачія.

Вступленіе въ запорожскую общину было свободное: вступалъ, кто хотѣлъ; отъ новаго товарища требовались лишь два условія: 1) чтобъ онъ былъ безъ семейный и 2) православный. Только члены запорожскаго товариства, пребывавшіе въ Сѣчи, могли быть избираемы въ должностныя лица на общей радѣ или вѣчѣ, ежегодно собиравшемся въ Сѣчи. Всѣ земли запорожскія дѣлились на нѣсколько военныхъ округовъ, которыхъ въ описываемый періодъ было 5; они назывались паланками и имѣли наблюдательные посты для охраны границъ. Все населеніе „Вольностей Запорожскихъ", не принадлежавшее къ товариству, но образовавшееся тоже изъ вольныхъ поселенцевъ, осѣдлое и до́мовитое, носило названіе подданства войска запорожскаго и управлялось выборными громадскими атаманами. „Запорожскія Вольности" занимали въ этотъ періодъ то обширное пространство земель, которое составляетъ теперь губерніи екатеринославскую и херсонскую за исключеніемъ уѣздовъ одесскаго, тираспольскаго и ананьевскаго. Границы ихъ были—на сѣверо-западъ: ново-сербскія, слободскія поселенія (по р. Синюхѣ, затѣмъ по ея притоку Черному Ташлыку граница шла нѣсколько на юго-востокъ къ Ингулу, оттуда снова подымалась къ сѣверовостоку къ верхней Самоткани, впадающей въ Днѣпръ), на сѣверовостокъ были земли слободскихъ полковъ (отъ Переволочной до Бахмута по Орели и Сѣв. Донцу), затѣмъ на востокъ, вдоль лѣваго берега р. Кальміуса, по направленію теченія его до Азовскаго моря, земли донскихъ казаковъ, на югѣ отъ устья Берды до устья Конскихъ водъ въ Днѣпръ—земли джамбуйлуцкой ногайской орды, на юго-западъ, отъ впаденія Буга въ днѣпровскій лиманъ, по р. Бугу до бугскаго запорожскаго *гарда* или оборонительнаго поста—земли едисанской ногайской орды, а отъ гарда до р. Синюхи и отсюда по всей западной украинской границѣ—воеводства польскія [1]).

Кромѣ пограничныхъ съ запорожскими владѣніями земель джамбуйлуцкой (въ сѣверной части нынѣшней таврической губерніи) и едисанской (въ южномъ уѣздѣ нынѣшней херсонской губерніи), еще были двѣ значительныя ногайскія орды, кочевавшія: одна въ кубанскихъ степяхъ, другая — въ нынѣшней Бессарабіи. Всѣ эти

[1]) Исторія «Новой Сѣчи». Скальковскаго.

4 большія орды распадались на меньшія. Ногайскія орды были остатками когда-то могущественнаго золотоордынскаго ханства. Послѣ распаденія золотой орды онѣ избрали мѣстомъ кочевій южныя степи и признали надъ собой власть крымскихъ хановъ.

Не съ одними татарами вели пререканія запорожцы за нарушеніе границъ. Постоянные порубежные споры возникали у нихъ и на сѣверо-западной границѣ съ новосербскими поселенцами. Запорожцы постоянно жаловались русскому правительству на неправильный захватъ земель, искони имъ принадлежащихъ, а теперь отнимаемыхъ русскими поселенцами. Русское правительство требовало отъ запорожцевъ письменныхъ документовъ на право владѣнія этими землями и запорожцы посылали въ сенатъ грамоты, выданныя имъ польскими королями и русскими государями. Сенатъ оставлялъ грамоты у себя, а взамѣнъ выдавалъ имъ копіи; ссылаясь опять на документальныя доказательства, имъ отвѣчали, что копіи—не доказательства, а подлинныхъ документовъ въ сенатѣ не имѣется [1]). Запорожцамъ все труднѣе было отстаивать неприкосновенность своихъ границъ отъ притязаній той русской колонизаціи, которая съ каждымъ днемъ все ближе и ближе стягивалась вокругъ „Запорожскихъ Вольностей“, пока наконецъ въ 1775-мъ г. „запорожская Сѣчь“ была уничтожена и запорожская община навсегда прекратила свое независимое существованіе. Но еще до этого печальнаго конца запорожцамъ пришлось играть видную роль въ войнахъ Россіи съ Турціей, ознаменовавшихъ собой царствованія Екатерины II-й, и только когда минула опасность со стороны этого исконнаго врага, признано было возможнымъ уничтожить исконнаго защитника.

Всѣ эти предварительныя замѣчанія мнѣ казались необходимыми для того, чтобы окинуть хоть бѣглымъ взглядомъ ту территорію, которой суждено было цѣлые вѣка подвергаться опустошеніямъ и набѣгамъ, быть свидѣтельницей долгой кровавой борьбы, территорію, на степяхъ которой, политыхъ кровью, изъ смѣси разнородныхъ элементовъ сложилась своеобразная жизнь.

Одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы разсказанъ въ „Mémoires du baron de Tott“ и относится къ русско-турецкой войнѣ 1769 г.

---

[1]) Надхинъ «Память о Запорожьѣ».

Описывая въ качествѣ очевидца, шагъ за шагомъ, походъ Крымъ-Гирея, указывая мѣстности, которыя проходило войско и гдѣ оно останавливалось, бар. Тоттъ тѣмъ самымъ косвенно даетъ свѣдѣнія о границахъ и размѣрѣ колонизаціи въ запорожскихъ земляхъ въ то время.

Во 2-й половинѣ XVIII-го в. политическія событія спутались въ такую драматическую коллизію, которая окончилась гибелью одного изъ дѣйствующихъ лицъ этой исторической драмы—именно распаденіемъ Польши. Терзаемая внутренними раздорами, эта страна тщетно искала спасительнаго исхода, и хваталась за всѣ возможныя средства, чтобы найти союзниковъ въ своей послѣдней борьбѣ. Члены барской конфедераціи, пытаясь отстоять самостоятельное существованіе польскаго государства, и лично, и посредствомъ эмиссаровъ вели агитацію въ пользу своего дѣла, и имъ удалось обезпечить себѣ помощь со стороны Франціи и Турціи противъ притязаній Россіи, которая довела свое вмѣшательство въ дѣла Польши до крайней степени.

Турція въ это время владѣла не только землями на Балканскомъ полуостровѣ, но и землями крымскихъ и ногайскихъ татаръ, считавшихся ея подданными, съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ II, вмѣшавшись въ борьбу крымцевъ съ генуэзцами, водворившими было свое господство въ Крыму, изгналъ послѣднихъ и освободивъ изъ плѣна хана Менгли-Гирея, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому всѣ татарскія владѣнія были признаны подвластными Турціи. Всѣ считавшіеся потомками Чингисъ-хана были облечены достоинствомъ турецкихъ вассаловъ и получили въ ленное владѣніе земли Румеліи. Татарскій ханъ постоянно выбирался изъ этой фамиліи и утверждался на престолѣ согласіемъ султана. Изъ потомковъ Чингисъ-хана-же, а также изъ 5 древнѣйшихъ знатныхъ родовъ выбирались всѣ представители высшей татарской администраціи. Главными должностными лицами у татаръ были: „калга", обязанности котораго заключались въ томъ, что онъ командовалъ всей арміей, если ханъ не могъ участвовать въ походѣ, занималъ ханскій престолъ съ титуломъ каймакана во время отсутствія хана или по смерти одного до выбора другаго и, вообще, былъ вторымъ послѣ хана лицомъ въ государствѣ; другая должность—„нурадина" состояла въ томъ, что онъ былъ ближайшимъ помощникомъ хана,

но съ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ калга; третьимъ важнымъ лицомъ былъ „ордóй", подъ вѣдомствомъ котораго находилась перекопская крѣпость, съ ея округомъ, т. е. ключъ къ Крыму. Ханъ и нурадинъ жили въ Бахчисараѣ, калга въ Ахмечети, ордóй въ Перекопѣ. Ногайскія орды во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялись своими мирзами, администрація-же турецко-татарская надъ ними имѣла своего представителя въ лицѣ сераскира-паши для каждой изъ ногайскихъ ордъ.

Громадная и нѣкогда грозная Турція пережила дни своей славы: въ ней уже начиналось то внутреннее разложеніе, которое является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ деспотическаго строя и связанной съ нимъ деморализаціи народа.

Таковы были два противника Россіи во второй половинѣ XVIII-го в. Польша и Турція. Третій союзникъ ихъ Франція была болѣе далекой и менѣе активной: она дѣйствовала больше путемъ дипломатіи и помогала польскимъ конфедератамъ совѣтами и деньгами. Во Франціи это было время Людовика XV-го и герцога Шуазеля.

Поводомъ къ началу русско-турецкой войны 1769—1774 г. послужило слѣдующее обстоятельство. На границѣ турецкихъ владѣній и Польши, по обоимъ берегамъ р. Кодымы, лежало мѣстечко Балта, одна часть котораго Юзефградъ считалась польской, а другая собственно, Балта, турецкой. Осенью 1768 г. русскія войска, увлеченныя преслѣдованіемъ польскихъ конфедератовъ, нарушили границу, раззоривши за-одно съ польской и турецкую часть Балты. Турція объявила это нарушеніемъ мирныхъ отношеній, русскій резидентъ Обрѣзковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ и война началась.

Крымъ со своими владѣніями и Запорожье были одинаково интересны для обѣихъ воющихъ сторонъ, которыя и дѣлали попытки склонить эти земли къ союзу. Такъ, Крымъ-Гирей, провозглашенный ханомъ въ 1768-мъ г., спѣшитъ войти въ сношенія съ Запорожьемъ и въ октябрѣ того-же года посылаетъ Кошевому грамоту съ предложеніемъ возвратить запорожцамъ купцовъ и чумаковъ, захваченныхъ раньше въ плѣнъ татарами, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Запорожье съ своей стороны возвратило плѣнныхъ; при этомъ ханъ увѣряетъ запорожское войско въ своемъ благосклонномъ расположеніи. Запорожцы приняли ханское предложеніе и покончивши

свою сдѣлку съ Крымъ-Гиреемъ, написали объ этомъ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, который послалъ донесеніе въ Петербургъ. Не смотря на то, что такая независимость сношеній со стороны запорожцевъ не могла быть по сердцу русскому правительству, оно не сочло возможнымъ дѣлать выговоръ запорожскому войску и послало въ Сѣчь милостивую грамоту, въ которой выражало похвалу запорожцамъ и увѣренность въ преданности ихъ русскому государству.

Съ своей стороны Россія пыталась отвлечь крымскихъ татаръ отъ Турціи, представляя имъ въ перспективѣ—независимость крымскаго ханства. Письмо Екатерины къ гр. Панину, писанное уже 16-го октября 1769 г. развиваетъ этотъ планъ. „Письмо въ Крымъ удобнѣе всего отправить черезъ татарскихъ плѣнниковъ“, писала Екатерина. „Ежели крымскіе начальники къ вамъ не отзовутся, въ такомъ случаѣ остается возбудить сообща въ татарахъ вниманіе черезъ разсѣяніе копій съ письма по разнымъ мѣстамъ, чѣмъ по малой мѣрѣ развратъ въ татарахъ отъ разномыслія произойти можетъ“. Очевидно, обѣ стороны, дѣйствуя въ личныхъ интересахъ, не жалѣли радужныхъ красокъ для своихъ обѣщаній.

Когда объявлена была война Россіи, турецкій султанъ низложилъ хана Максудъ-Гирея и возвелъ на крымскій престолъ Крымъ-Гирея, знаменитаго хана, имя котораго живетъ въ татарскихъ легендахъ. Крымъ-Гирей, собравши въ 1758 г. ногайскія орды подъ своимъ предводительствомъ, съ ихъ помощью достигъ престола и заставилъ султана признать совершившійся фактъ. Но впослѣдствіи, воспользовавшись однимъ неудачнымъ его походомъ, султанъ свергнулъ его съ престола и Крымъ-Гирей содержался въ заключеніи, пока предстоящая война не напомнила о немъ. Благодаря своей громкой военной славѣ и разрушительнымъ талантамъ, Крымъ-Гирей былъ возстановленъ на престолѣ ханскомъ, и ему было поручено, не теряя времени, вторгнуться въ южныя области Россіи и разорить ихъ до тла внезапнымъ и быстрымъ набѣгомъ.

Баронъ-де-Тоттъ, бывшій въ это время французскимъ резидентомъ при крымскомъ дворѣ, описалъ въ своихъ „Mémoires sur les Turcs et les Tartares“ это событіе; находясь неотлучно при ханѣ онъ былъ участникомъ похода и свидѣтелемъ всѣхъ его подробностей. Такъ какъ разсказъ о набѣгѣ этомъ, охватившемъ

собой часть нынѣшняго новороссійскаго края, можетъ служить иллюстраціей тѣхъ отношеній, которыя вѣками сложились между враждебными сосѣдями, и свехъ того „мемуары" барона Тотта не переведены на русскій языкъ, то я считаю умѣстнымъ предложить здѣсь переводъ той части этихъ мемуаровъ, которая заключаетъ въ себѣ разсказъ о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., объ этомъ по словамъ Соловьева, „послѣднемъ татарскомъ нашествіи",—разсказъ, не лишенный нѣкоторыхъ интересныхъ историческихъ и бытовыхъ данныхъ.

Баронъ де-Тоттъ былъ родомъ изъ Венгріи. Отецъ его былъ въ числѣ эмигрантовъ, которые покинувъ Венгрію съ кн. Ракоцци, нашли пріютъ въ турецкомъ г. Родосто, назначенномъ для ихъ мѣстопребыванія султаномъ. Баронъ Тоттъ—отецъ въ 1717 г. поступилъ во французскую службу, обязанности которой доставляли ему частые случаи видѣться съ своими соотечественниками, среди которыхъ онъ и умеръ въ 1757-мъ году въ г. Родосто. Баронъ Тоттъ, авторъ мемуаровъ, не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о своей дѣятельности до 1755 г., когда онъ былъ отправленъ французскимъ правительствомъ, вмѣстѣ съ консуломъ г. де-Верженемъ, въ Константинополь для изученія турецкаго языка и знакомства со страной. Пробывши въ Турціи до 1763 г., баронъ Тоттъ возвратился во Францію, ища себѣ болѣе активной дѣятельности. Онъ надѣялся получить назначеніе при посольствѣ гдѣ-нибудь въ Германіи, но, по собственнымъ его словамъ, „иностранное происхожденіе, отсутствіе протекціи и 8 лѣтъ проведенныхъ въ Константинополѣ не обѣщали ему большаго успѣха въ Версали, при смѣнившемся министерствѣ, во главѣ котораго стоялъ Шуазель. Баронъ де-Тоттъ, благодаря своему знанію турецкаго языка и обычаевъ, былъ назначенъ резидентомъ при дворѣ крымскаго хана и въ 1767-мъ году снова выѣхалъ изъ Франціи. Онъ пробылъ въ Крыму почти 3 года, участвовалъ въ упомянутомъ выше нашествіи Крымъ-Гирея и по смерти послѣдняго въ 1769-мъ году отправился въ Константинополь. Тамъ онъ пережилъ всѣ перипетіи русско-турецкой войны и затѣмъ, считая себя достаточно знакомымъ съ нравами и общественнымъ строемъ турецкой жизни въ ея столицѣ, отправился на востокъ для знакомства съ болѣе отдаленными провинціями оттоманской имперіи. Онъ посѣтилъ сѣв. Африку, Еги-

петъ, острова Архипелага, Малую Азію, Сирію и Аравію и затѣмъ возвратившись во Францію, издалъ въ 1785-мъ году свои мемуары. Они состоятъ изъ 4-хъ частей. Первая содержитъ разсказъ о первомъ пребываніи барона Тотта въ Турціи; вторая—заключаетъ въ себѣ путешествіе барона въ Крымъ, наблюденія его надъ жизнью татаръ и разсказъ о походѣ на русскія области; 3-я—вторичное пребываніе въ Турціи и 4—поѣздку на востокъ.

Личность автора тѣсно связана съ его трудомъ: все, что онъ описываетъ, онъ самъ видѣлъ, пережилъ и передаетъ свои впечатлѣнія читателю. „Мемуары“ поэтому довольно хорошо знакомятъ насъ съ личностью ихъ автора. Онъ былъ человѣкъ, очевидно, образованный, наблюдательный и склонный къ философскимъ обобщеніямъ явленій природы и жизни человѣческой, хотя иногда и поверхностнымъ. Ловкій придворный, веселый, остроумный собесѣдникъ и безвредный политикъ, баронъ де-Тоттъ умѣлъ быть пріятнымъ и жить въ полномъ ладу со всѣми, съ кѣмъ сводила его судьба. Всегда находчивый въ разныхъ житейскихъ случайностяхъ, онъ нерѣдко оказывалъ другимъ услуги, значеніе которыхъ самъ сознаетъ и очень часто не прочь преувеличить.

Баронъ де-Тоттъ съ симпатіей относится къ татарамъ и не смотря на многіе недостатки ихъ, находитъ и много здоровыхъ задатковъ въ ихъ общественномъ организмѣ. Это симпатичное отношеніе къ татарамъ выступаетъ особенно ясно при сравненіи ихъ съ турками, къ которымъ онъ относится крайне критически. Въ предисловіи къ своимъ мемуарамъ баронъ Тоттъ высказываетъ мнѣніе, что нравы и общественный строй складываются не только подъ дѣйствіемъ тѣхъ или другихъ условій природы на человѣка, но и подъ вліяніемъ чисто индивидуальныхъ особенностей, присущихъ каждому народу и указываетъ на тотъ фактъ, что одноплеменные народы, поселившись въ разныхъ мѣстностяхъ, раздѣленные другъ отъ друга громадными разстояніями, сохраняютъ и въ новыхъ условіяхъ жизни свои типическія черты. Исходя изъ этого убѣжденія, онъ находитъ въ общественномъ строѣ турецкаго государства неизлѣчимые недостатки, причины которыхъ коренятся въ нравахъ и обычаяхъ турокъ и развитію которыхъ съ своей стороны способствуетъ необузданный деспотизмъ.

Согласно заглавію своему „Мемуары“ и повѣствуютъ исключительно о жизни турокъ и татаръ; тѣ свѣдѣнія, которыя баронъ Тоттъ сообщаетъ о положеніи юга Россіи въ то время, являются случайными и скудными; они имѣютъ цѣну главнымъ образомъ потому, что русская литература очень небогата данными о нынѣшнемъ новороссійскомъ краѣ, а мемуары барона Тотта хотя отчасти способствуютъ пополненію этого пробѣла.

Балтское дѣло побудило султана развернуть знамя Магомета: русскій резидентъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, а возстановленный на тронѣ татарскій ханъ Крымъ-Гирей позванъ въ Константинополь, чтобы тамъ совмѣстно съ его высочествомъ обсудить первыя военныя мѣры. Эти новости получены были въ Бахчисараѣ одновременно съ отрѣшеніемъ отъ престола Максулъ-Гирея. Тотъ-же посланный привезъ распоряженія новаго хана объ утвержденіи въ должности Каймакана и о назначеніи общаго торжественнаго собранія въ Каушанахъ въ Бессарабіи. Я поторопился отправиться туда и намѣревался выѣхать къ Дунаю на встрѣчу Крымъ-Гирею; но въ это время новый посланный хана передалъ мнѣ отъ его имени, что ханъ избавлялъ меня отъ этой формальности, ограничивая мое участіе въ церемоніалѣ обязанностью сопровождать его при въѣздѣ въ городъ. Къ этому присоединялось увѣреніе въ благосклонности и предложеніе позаботиться объ ужинѣ въ день его пріѣзда.

Начало показалось мнѣ очень любезнымъ, но ужинъ меня обезпокоилъ и я постарался получить на этотъ счетъ нѣкоторыя разъясненія отъ посланца, что оказалось не трудно. Это было довѣренное лицо. „Нашъ господинъ любитъ рыбу“, сказалъ онъ мнѣ; „онъ знаетъ, что вашъ поваръ приготовляетъ ее хорошо; тогда какъ его повара приправляютъ соусъ одной водой“. Съ меня было достаточно, чтобы знать вкусъ хана, и я распорядился, чтобы лучшая рыба изъ Днѣстра была приготовлена въ превосходномъ винѣ.

Ханъ долженъ былъ въѣхать въ городъ на другой день. Я выѣхалъ верхомъ на встрѣчу за два лье отъ города. Его сопровождала

многочисленная свита и пріемъ, который онъ мнѣ оказалъ, соотвѣтствовалъ вполнѣ предъидущимъ знакамъ благосклонности.

Крымъ-Гирею было около 60 лѣтъ; онъ отличался представительнымъ ростомъ, благородной осанкой, непринужденными манерами, величественной фигурой, живымъ взглядомъ и способностью принимать по желанію видъ кроткой доброты или внушительной строгости. По случаю войны за нимъ слѣдовало очень значительное число членовъ султанской (ханской) семьи, изъ которыхъ 7 были его сыновья. Мое вниманіе обратили особенно на втораго изъ нихъ, юное мужество котораго горѣло желаніемъ отличиться. Постояннымъ упражненіемъ своихъ силъ онъ достигъ того, что безъ труда могъ натягивать два лука одновременно; онъ занимался этимъ искусствомъ съ дѣтства. Когда ему едва минуло девять лѣтъ, отецъ, желая уколоть его самолюбіе, сказалъ какъ-то съ презрительнымъ видомъ мальчику, что прялка больше соотвѣтствовала-бы такому трусу. „Я трусъ?“ отвѣчалъ мальчикъ, блѣднѣя; „я никого не боюсь, даже васъ“, и съ этими словами онъ спустилъ стрѣлу, которая, къ счастью, попала въ панель, войдя вглубь на два пальца. Если подобная вспыльчивость соединяется съ обычной кротостью и высокимъ сыновнимъ уваженіемъ, то конечно эту вспышку нельзя приписать ни чему иному, какъ чрезмѣрной щекотливости чувства чести.

Все, что необходимо было для въѣзда и водворенія хана, ожидало его у воротъ города; онъ остановился здѣсь на минуту, чтобы одѣться въ палаткѣ, нарочно раскинутой для того. Въ шляпѣ, украшенной двумя плюмажами, усѣянными алмазами, съ лукомъ и колчаномъ черезъ плечо, предшествуемый гвардіей и многими лошадьми, которыхъ холки были украшены плюмажами, сопутствуемый знаменемъ пророка и всѣмъ своимъ дворомъ, ханъ въѣхалъ въ городъ и направился во дворецъ; тамъ, въ залѣ Дивана, сидя на тронѣ, онъ принималъ знаки покорности отъ всѣхъ вельможъ.

Эта церемонія длилась до ужина, заказаннаго мною и поданнаго моимъ поваромъ. Повара хана, предупрежденные объ этой конкуренціи, приложили все свое стараніе; но оно не могло бороться съ винными соусами. Дессертъ имѣлъ не меньшій успѣхъ и благодаря превосходству

французской кухни, я получилъ преимущество поставлять хану ежедневно 12 блюдъ къ каждому его столу.

Крымъ-Гирей имѣлъ слабость не только къ хорошему столу: всѣ удовольствія пользовались у него правомъ гражданства. Значительный оркестръ, труппа комедіантовъ и гаеровъ состояла у него на жалованьи; эти разнообразныя удовольствія наполняли его вечера; среди нихъ онъ отдыхалъ отъ политическихъ дѣлъ и военныхъ приготовленій, которыми былъ занятъ въ теченіи дня.

Дѣятельная натура хана поспѣвала всюду; она дѣлала его такимъ-же требовательнымъ относительно другихъ, и я смѣю сказать, что онъ, казалось, былъ доволенъ мною. Я пользовался его довѣріемъ, принималъ участіе въ его удовольствіяхъ; особенно занимала меня интересная и разнообразная картина, какую представлялъ изъ себя дворъ.

Каушаны стали центромъ Татаріи: отсюда исходили всѣ распоряженія, сюда стекались со всѣхъ сторонъ; толпа придворныхъ увеличивалась съ каждымъ днемъ; новые министры, которыхъ я знавалъ въ Крыму, замѣтивъ особую благосклонность хана ко мнѣ, избрали меня ходатаемъ объ одной милости, которой они не рѣшались просить у него. Опытъ его перваго царствованія показалъ имъ, какъ необходимо было удержать первое проявленіе жестокости: сначала оно было противно натурѣ хана, но послѣ перваго шага можно было опасаться, что онъ уже не остановится. Несчастный татаринъ, уличенный въ нарушеніи нѣкоторыхъ слишкомъ строгихъ правилъ, былъ приговоренъ ханомъ къ смерти. Его готовились вести на казнь въ тотъ моментъ, когда я прибылъ во дворецъ. Нѣсколько султановъ окружили меня, объяснили, въ чемъ дѣло, и просили предохранить татарскій народъ отъ послѣдствій этого факта. Я вошелъ къ Крымъ-Гирею; онъ былъ еще взволнованъ тѣмъ усиліемъ надъ самимъ собой, котораго стоилъ произнесенный имъ приговоръ. Я приблизился къ нему и наклонившись, чтобы поцѣловать его руку, чего я никогда не дѣлалъ раньше, удержалъ ее въ своей рукѣ, несмотря на движеніе, которымъ онъ хотѣлъ освободиться.

— Чего вы хотите?—спросилъ онъ меня съ нѣкоторой строгостью.

— Милости виновному,—отвѣчалъ я.

— Какое участіе, возразилъ онъ, можете вы принимать въ этомъ несчастномъ?

— Никакого, сказалъ я; человѣкъ, который васъ ослушался, не можетъ возбуждать моего участія: о васъ одномъ забочусь я теперь. Ставши слишкомъ строгимъ на одинъ моментъ, вы могли-бы сдѣлаться вскорѣ жестокимъ; а вамъ незачѣмъ переставать быть добрымъ, чтобы внушать постоянно и страхъ, и уваженіе.

Онъ улыбнулся, далъ мнѣ поцѣловать свою руку и объявилъ отъ его имени оказанную мнѣ милость.

Радость, возбужденная этимъ извѣстіемъ, была поддержана новой турецкой комедіей, довольно шуточнаго рода. Крымъ-Гирей во время представленія предлагалъ мнѣ много вопросовъ на счетъ комедіи Мольера, о которомъ онъ много слышалъ: все, что я разсказалъ, о благопристойности, соблюдаемой на нашихъ сценахъ, внушило ему отвращеніе къ шутовскимъ выходкамъ, къ которымъ прибѣгаютъ еще турки. Онъ почувствовалъ преимущество Тартюффа предъ Пурсоньякомъ, но не могъ никакъ допустить, чтобы общество, гдѣ законы твердо и неизмѣнно опредѣлили положеніе разныхъ сословій, могло дать сюжетъ Bourgeois-Gentilhomme. Я предпочелъ оставить его въ увѣренности, что Мольеръ не правъ, чѣмъ оправдывать поэта, представляя картину нашей общественной безурядицы. „Но если никто, сказалъ ханъ, не можетъ обмануть другаго насчетъ своего происхожденія, то легко обморочить насчетъ характера. Всѣ страны имѣютъ своихъ тартюффовъ, есть они и среди татаръ, и я-бы очень желалъ, чтобы вы мнѣ доставили переводъ этой пьесы“.

Въ то время, когда наше воображеніе было занято такими мирными проэктами, посланный отъ польскихъ конфедератовъ прибылъ въ Каушаны, чтобы разсчитать съ ханомъ открытіе кампаніи. Ханъ обѣщалъ султану начать съ набѣга на Новую Сербію, отъ котораго могла пострадать и польская Украйна; это обстоятельство требовало нѣкоторыхъ предварительныхъ переговоровъ, для которыхъ полномочія польскаго посланника оказались недостаточными. Между тѣмъ время не терпѣло и Крымъ-Гирей пожелалъ, чтобы я отправился къ Хотину, чтобы заключить переговоры съ шефами конфедераціи, которые тамъ

пріютились. Но какъ ни лестно было для меня довѣріе хана, я не считалъ возможнымъ принять это порученіе на себя одного. Мнѣ тотчасъ назначенъ былъ колега-татаринъ, облеченный какъ и я, всѣми полномочіями. Наше посольство требовало больше быстроты, чѣмъ пышности, и на другой день мы ночевали въ Молдавіи. Здѣсь войнѣ предшествовала картина полнаго разоренія; оно было слѣдствіемъ единственно ужаса, внушеннаго жителямъ вторженіемъ нѣсколькихъ войскъ. Опустѣніе деревень и прекращеніе всякихъ занятій не обѣщали, безъ сомнѣнія, турецкой арміи того изобилія съѣстныхъ припасовъ, которое она, естественно, надѣялась имѣть по близости Дуная; но эти размышленія, которыми я занималъ своего спутника, интересовали его безконечно меньше, чѣмъ настоящіе недостатки, которые намъ предстояло перенести до пріѣзда въ Данковчу. Графы Красинскій и Потоцкій встрѣтили тамъ насъ со всѣмъ уваженіемъ, какого заслуживалъ государь, представителями котораго являлись мы; но что больше всего нравилось татарскому посланнику—это хорошее токайское вино, которымъ его угостили. Я привезъ его въ своей каретѣ; но высокое сидѣніе казалось ему неудобнымъ и онъ пожелалъ возвращаться въ турецкой повозкѣ, гдѣ онъ могъ улечься, какъ можно удобнѣе. Я поспѣшилъ удовлетворить желаніе этого человѣка, котораго и преклонныя лѣта и обходительный характеръ были равно интересны. На другой повозкѣ были наши пожитки и нѣсколько слугъ. Мы пустились въ обратный путь по дорогѣ, которую намъ рекомендовали, какъ лучшую, хотя и нѣсколько болѣе длинную. Послѣ обильно выпавшаго снѣга наступилъ холодъ довольно чувствительный: нужно было воспользоваться этимъ, чтобы переѣхать Прутъ въ бродъ раньше, чѣмъ наступитъ малѣйшая оттепель, а вмѣстѣ съ нею и прибыль воды. Сопутствуемые проводникомъ мы достигли берега этой рѣки, по теченію которой быстро неслись льдины. Не зная глубины рѣки, я боялся силы ея теченія, но проводникъ разувѣрилъ меня и моя карета открыла шествіе. Она была запряжена 6 хорошими лошадьми и достаточно тяжеловѣсна, чтобы устоять противъ теченія; дѣйствительно, она очень счастливо достигла другаго берега. Я поспѣшилъ выйти изъ нея, чтобы видѣть переправу двухъ повозокъ, легковѣсность которыхъ меня очень безпокоила. Едва

успѣли онѣ проѣхать треть рѣки, какъ вода стала ихъ подымать. Я закричалъ, чтобы ихъ остановили, но ямщики, не слушая меня, понукаютъ лошадей, оба экипажа опрокидываются и тотчасъ-же рѣка уноситъ, въ перемежку съ льдинами, всѣ остатки этого кораблекрушенія. Я бѣгу къ своему ямщику, чтобы приказать ему отпречь лошадей и вести ихъ на помощь татарскому посланнику и моимъ слугамъ, и нахожу его на землѣ, почти замерзшимъ; я тащу его къ ближайшему рву и оставляю тамъ, зарытаго въ снѣгъ. Мой проводникъ тѣмъ временемъ направился по теченію рѣки къ мельницѣ, гдѣ криками своими привлекъ вниманіе мельниковъ. Я прибылъ туда-же и засталъ уже за дѣломъ: они вытаскивали баграми тѣхъ, кто очутился подъ водой. Но я напрасно искалъ моего стараго колегу и предавался чувству самой горестной безнадежности насчетъ его судьбы, какъ вдругъ услышалъ его голосъ, просящій меня успокоиться и увидѣлъ среди льдинъ одну его голову, выглядывающую изъ дверцы экипажа, самъ онъ опирался только на льдины, откуда малѣйшимъ усиліемъ его могло увлечь. Наконецъ я былъ такъ счастливъ, что могъ оказать ему помощь и собрать всѣхъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе; мнѣ нужно было еще предохранить ихъ отъ опасности замерзнуть. Въ самомъ дѣлѣ морозъ такъ охватилъ ихъ платье, что ихъ невозможно было раздѣть до тѣхъ поръ, пока они не оттаяли у разведеннаго очага. Когда я удостовѣрился, что они могутъ уже обойтись помощью однихъ мельниковъ, я побѣжалъ съ проводникомъ за своимъ ямщикомъ: снѣгъ вылечилъ его. Мы застали его старающимся выбраться изъ ямы, куда я его стащилъ. На мельницѣ у очага онъ совсѣмъ пришелъ въ себя; войдя туда, я былъ пріятно пораженъ при видѣ всего своего экипажа, спасеннаго изъ воды. Я постарался оказать имъ всякую помощь, которая еще была необходима, и скоро мнѣ оставалось только умиляться чувствительности своего колеги, который, забывши опасность, какой онъ едва избѣжалъ, говорилъ только о моемъ безпокойствѣ. Необходимо было время, чтобы высушить платья, исправить возки, запастись провизіей, а потому мы могли выѣхать только на другой день. До сихъ поръ я не могъ похвалиться своимъ новымъ путешествіемъ и дурныя дороги, по которымъ намъ приходилось ѣхать, сдѣлали-бы его для меня окончательно невы-

носимымъ, если-бы не надежда добраться скоро до Botouchar. Этотъ городъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ Молдавіи, мнѣ рекомендовали, какъ обѣтованную землю, гдѣ я могу сдѣлать дорожные запасы на весь остальной путь. Было еще свѣтло, когда мы пріѣхали туда: но мы нашли его совершенно опустѣлымъ, отворенные-же дома дали намъ возможность войти въ одинъ изъ нихъ, который былъ лучше съ виду и принадлежалъ, по словамъ моего проводника, боярину. Это положеніе представляло мало утѣшительнаго; но мой проводникъ отправился заявить о томъ, что мнѣ было необходимо, къ настоятелю сосѣдняго монастыря. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія, какъ вдругъ во дворъ въѣхала карета, запряженная шестью лошадьми. Это былъ хозяинъ дома: войдя къ намъ, онъ сказалъ, что узнавши отъ моего эмиссара объ избранномъ мною мѣстопребываніи, онъ явился лично, чтобы не доставить возможности кому-другому удовлетворить всѣ мои нужды. Такое почетное начало оживило наши надежды и провизія не заставила себя ждать. Какъ ни былъ важенъ съ виду мой хозяинъ, но изъ бесѣды съ нимъ я увидѣлъ, что онъ не былъ главой и что поддаваясь, по слабости характера, всѣмъ вліяніямъ, онъ соглашался обыкновенно съ тѣмъ, кто говорилъ съ нимъ послѣдній. Потому-то мнѣ легко было убѣдить его въ опасности, угрожавшей боярамъ, которые не противодѣйствовали бѣгству жителей, и даже сами санкціонировали его своимъ примѣромъ. Онъ только что разсказалъ мнѣ, что всѣ жители города, въ числѣ 7 или 8 тысячъ, испуганные разбоемъ и мародерствомъ нѣкоторыхъ сипаевъ, пріютились въ томъ монастырѣ, куда я посылалъ, что многіе бояре, такіе-же боязливые, какъ большинство, поддерживали этотъ безпорядокъ, не предвидя его послѣдствій. „Я былъ въ числѣ ихъ, вы меня убѣдили,—окажите ту-же услугу моимъ товарищамъ“.

Удовольствіе при мысли возвратить этихъ несчастныхъ въ ихъ дома, которымъ не угрожала никакая бѣда, заставило меня забыть объ опасности подобной благой попытки. Я оставилъ своего хозяина ночевать; мой путь лежалъ мимо воротъ монастыря; крики женщинъ, дѣтей, хаосъ отъ множества столпившихся людей и картина нищеты кругомъ, привели меня окончательно къ рѣшенію послѣдовать за бояриномъ.

Онъ помогъ мнѣ проникнуть сквозь толпу къ террасѣ: здѣсь меня встрѣтили его товарищи и повели въ залу, гдѣ они вели свои совѣщанія. Я произвелъ такое впечатлѣніе на своего хозяина, что онъ, все еще подъ вліяніемъ моимъ, попытался обратить своихъ товарищей; но въ самомъ началѣ былъ прерванъ упреками, посыпавшимися на него и убѣдившими, меня въ томъ, что этотъ человѣкъ не былъ вожакомъ партіи. Я рѣшился пустить въ ходъ свое краснорѣчіе, но скоро увидѣлъ, что оно не имѣетъ успѣха: настроеніе моей аудиторіи было бурное, смятеніе парализовало дѣйствіе того спокойствія, которое я хотѣлъ водворить. Тогда я прибѣгнулъ къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Паническій страхъ вызвалъ безпорядокъ, страхъ болѣе реальный одинъ лишь могъ явиться дѣйствительнымъ лекарствомъ. Я перемѣнилъ тонъ, грозилъ пожаловаться хану и настоять на томъ, чтобъ онъ снарядилъ скорый судъ. Я извинялъ народъ, который даетъ вести себя; я обвинялъ въ бунтѣ тѣхъ, кто меня слушалъ, и—увидѣлъ передъ собой покорныхъ и дрожащихъ людей. „Говорите вы этой испуганной толпѣ“, сказалъ самый буйный изъ бояръ: вы убѣдите ее скорѣе, чѣмъ мы сами; она васъ благословитъ, и вы, не обвиняя насъ, засвидѣтельствуете наше усердіе“. Я долго упорствовалъ и никогда не принялъ-бы на себя той опасной роли, какую мнѣ предлагали, если-бы выйдя на террассу, на обратномъ пути не увидѣлъ невозможности пройти черезъ толпу, которая со времени моего прихода была въ сильномъ безпокойствѣ. „Говорите къ этимъ несчастнымъ“, повторяетъ мнѣ тотъ-же бояринъ, подвигаясь къ краю крыльца, конечно, чтобъ быть мнѣ товарищемъ на этой новой трибунѣ. Три янычара, вооруженные съ ногъ до головы, находились тутъ-же со всею магометанской спѣсью своей. Они имѣли важный и покровительственный видъ; будучи принужденъ положить конецъ всей этой исторіи, я подумалъ, что лучше всего будетъ начать съ этихъ храбрецовъ, чтобы поразить остальную толпу.

— Что вы дѣлаете здѣсь? спросилъ я ихъ суровымъ тономъ.

— Мы защищаемъ этихъ невѣрныхъ.

— Вы ихъ защищаете, возразилъ я; противъ кого-же? Гдѣ-же ихъ враги? Быть можетъ это его высочество или ханъ татаръ? Въ такомъ случаѣ вы бунтовщики и виновники того безпорядка, который царитъ вокругъ васъ. Будьте увѣрены, что вы подвергнетесь наказанію.

Не успѣлъ я кончить этого короткаго замѣчанія, какъ гордость моихъ турокъ уступила мѣсто страху: они поднялись со своихъ мѣстъ. во время моей рѣчи, а теперь, оправдываясь, спустились со ступеней. Эта первая удача привлекла вниманіе толпы, молчаніе которой показалось мнѣ добрымъ знакомъ. Я подвинулся ближе и возвысивъ голосъ, говоря по гречески, былъ уже близокъ къ успѣху Демосѳена, какъ вдругъ какой-то пьяница расталкиваетъ толпу и, принявъ на себя видъ бойца-противника, обращается ко мнѣ съ такою дерзкой рѣчью: „что вы намъ говорите о покорности, о спокойствіи, о хозяйствѣ, когда мы умираемъ съ голоду? Дайте намъ хлѣба", вскричалъ онъ въ ярости, „вотъ что намъ нужно". Видя все зданіе моего краснорѣчія опрокинутымъ и не имѣя никакой возможности выйти изъ того положенія, на которое я такъ неблагоразумно рискнулъ, я вынулъ изъ кармана двѣ пригоршни серебряныхъ монетъ разной цѣны и, бросивши ихъ толпѣ, воскликнулъ: „возьмите, ребята, вотъ вамъ хлѣбъ, возвратитесь къ вашимъ жилищамъ, вы въ нихъ найдете довольство". Сцена моментально измѣняется: всѣ бросаются собирать монеты, пьяница исчезаетъ подъ напоромъ толпящихся, оскорбленія уступаютъ мѣсто благословленіямъ; поспѣшность, съ которою я старался удалиться, была равна тому легкомысленному рвенію, которое меня привело сюда. Мой уходъ сопровождался всѣми военными почестями и я достигъ своей кареты среди рукоплесканій разступившагося передо мной народа, который на другой-же день возвратился въ свои жилища.

Мой спутникъ, ожидавшій меня у воротъ того монастыря, гдѣ я разглагольствовалъ, не былъ спокоенъ насчетъ послѣдствій моей опрометчивости. Оба мы были рады другъ другу и продолжали свой путь, тщательно распредѣляя каждый день съѣстные припасы, которыми снабдилъ насъ бояринъ. Деревни, которыя намъ приходилось проѣзжать, были разорены, какъ вся Молдавія, и мы едва могли найти въ нихъ ночлегъ. Валахія испытала то-же опустошеніе со стороны нѣсколькихъ турецкихъ отрядовъ, которые были предназначены для соединенія съ ханомъ, и которые въ дѣйствительности занимались однимъ лишь раззореніемъ своего-же государства. Не было такой гнусности, которой-бы не совершили эти турки, подобно тѣмъ необузданнымъ солдатамъ, ко-

торые при разграбленіи города, недовольные тѣмъ, что могутъ располагать всѣмъ по своей волѣ, претендуютъ еще на самыя нежелательныя преимущества.

Нѣкоторые сипаи направили свои посягательства даже на такихъ лицъ, какъ старый раввинъ синагоги и греческій архіепископъ.

Мы прибыли наконецъ въ Кишиневъ, истомленные усталостью и печальнымъ существованіемъ на діэтѣ, но губернаторъ заставилъ насъ забыть все, приготовивши намъ прекрасный ужинъ и ночлегъ. Оставалось не болѣе 12-ти миль пути и я располагалъ выѣхать раннимъ утромъ; но когда я проснулся, мнѣ сказали, что это невозможно. Послѣ страшнаго холода наканунѣ, ночью выпало такъ много снѣгу, что путь черезъ горы, которыя намъ надо было переѣзжать, становился немыслимымъ для ѣзды на колесахъ. Я однако-же нисколько не былъ расположенъ уступать препятствіямъ, будто нарочно соединившимся для того, чтобы задерживать мое возвращеніе; но мой старикъ татаринъ, менѣе активный и сильнѣе уставшій, остался присматривать за экипажами. Я уѣхалъ саньми. Благодаря быстротѣ такого рода ѣзды, я вскорѣ былъ въ равнинахъ Каушанъ. Новыя препятствія ожидали меня здѣсь. Безснѣжіе въ соединеніи съ совершеннѣйшей оттепелью задержали-бы меня, если-бы я не встрѣтилъ возокъ, который былъ мнѣ очень пригоденъ. Но нужно было употребить нѣкоторое насиліе, чтобы заставить хозяина его быть нашимъ проводникомъ. Я взобрался на этотъ возокъ вмѣстѣ со своимъ секретаремъ и мы уже радовались тому, что избѣжали необходимости идти пѣшкомъ, какъ вдругъ одно изъ колесъ сломалось и мы должны были покориться своей участи, хотя путешествіе пѣшкомъ очень мало соотвѣтствовало достоинству посланника татаръ. Я не ждалъ своего товарища, который пріѣхалъ нѣсколькими днями позже.

По пріѣздѣ я имѣлъ свиданіе съ ханомъ. Этому послѣднему сообщили уже, какъ я возвратился въ Каушаны, и онъ, увидѣвши меня, началъ съ того, что посмѣялся надъ скромностью своего уполномоченнаго. Все, что я разсказалъ о Молдавіи, показалось ему настолько важнымъ, что, извѣстивши Порту объ этихъ бѣдствіяхъ, онъ тотчасъ принялъ мѣры пособить имъ. Разсуждая о мотивахъ, вызвавшихъ эти

бѣдствія, Крымъ-Гирей высказалъ мнѣ свое мнѣніе о великомъ визирѣ Эминъ-пашѣ. Этотъ турокъ началъ свою карьеру приказчикомъ; достигши потомъ должности писца въ казначействѣ, онъ быстро возвысился до самыхъ высшихъ званій въ государствѣ посредствомъ своихъ интригъ. Его дерзкая самонадѣянность заставила его стремиться къ званію визиря, когда была объявлена война, а его невѣжество скоро заставило султана раскаяться въ дурномъ выборѣ: эти недостатки великаго визиря не ускользнули отъ наблюдательности хана; онъ громко высказывался о нихъ и заботился только о средствахъ предохранить оттоманскую имперію отъ послѣдствій безпутства и глупости ея перваго министра.

Набѣгъ на Новую Сербію, рѣшенный въ Константинополѣ, былъ принятъ въ собраніи знатныхъ татарскихъ вассаловъ и по всѣмъ провинціямъ отданы были распоряженія о призывѣ къ воинской повинности. Требовалось по три всадника съ каждыхъ восьми семействъ; это число считалось достаточнымъ для образованія 3-хъ армій, которыя должны были напасть одновременно: арміи Нурадина въ 40,000 человѣкъ было сказано идти къ Донцу, армія Калги въ 60,000 человѣкъ должна была слѣдовать по лѣвому берегу Днѣпра, къ Орели, а стотысячная армія, подъ личнымъ предводительствомъ хана, назначена была проникнуть въ Новую Сербію. Войска едисанской и буджакской орды были преимущественно назначены въ эту послѣднюю армію, сборный пунктъ которой былъ назначенъ близъ Томбашара.

Сообщая мнѣ всѣ эти подробности, Крымъ-Гирей спросилъ меня, намѣренъ-ли я сопровождать его въ этой экспедиціи: я ему отвѣчалъ, что мое званіе резидента отъ имени государя Франціи, обязывая меня быть неотлучно при особѣ хана, отнимало у меня возможность выбора. „Титулъ, водворившій васъ при мнѣ“, возразилъ онъ, „заставляетъ меня удержать васъ. Мы будемъ испытывать сильные холода, въ своемъ платьѣ вы ихъ не вынесете; одѣньтесь по-татарски; время дорого, мы выступимъ чрезъ 8 дней“. Я тотчасъ всталъ, чтобы распорядиться на счетъ своей дорожной обмундировки; когда я выходилъ изъ покоевъ хана, ко мнѣ подошелъ церемоніймейстеръ въ сопровожденіи двухъ пажей, и надѣлъ на меня превосходную шубу изъ мѣха бѣлаго лапландскаго волка. Я возвратился поблагодарить хана за оказанную мнѣ

честь. „Это я вамъ далъ татарскій домъ“, сказалъ онъ мнѣ, смѣясь; у меня такой-же, и я хочу, чтобъ мы были въ одинаковомъ мундирѣ“.

Придворный конюшій въ тотъ-же день прислалъ мнѣ десять черкесскихъ лошадей, убѣждая меня отъ имени своего повелителя не брать въ походъ моихъ арабскихъ, которыя не могли-бы вынести ни холода, ни голода; но худоба этихъ лошадей не возбуждала моего довѣрія и я рѣшилъ не слѣдовать данному мнѣ совѣту.

Въ то время, какъ готовилась моя татарская одежда, я обзавелся 3-мя дромадерами, и распорядился на счетъ палатокъ, которыя мнѣ были необходимы. Устройство ихъ столь-же простое, какъ легкое, заслуживаетъ описанія. Привыкши жить лагеремъ, татары, конечно, должны были изощриться въ этомъ искусствѣ. Всѣ ихъ идеи сосредоточились на одномъ предметѣ, ставшемъ ихъ первой необходимостью. Нація, никогда не знавшая комфорта лѣности, должна была обратить всѣ свои заботы и всѣ старанія на то, что касается тѣлесныхъ упражненій, охоты и блеска военной обстановки. Татары въ своихъ досугахъ ищутъ только отдыха; они домосѣды безъ изнѣженности и ихъ военные лагери совершенно похожи на ихъ обычныя жилища.

Рѣшетка, легко свертывающаяся и развертывающаяся, образуетъ круглую стѣну фута въ 4 съ половиной вышины; двѣ конечности этого трельяжа, удаленныя одна отъ другой фута на два, обозначаютъ входъ въ палатку; затѣмъ около 20 палочекъ, соединенныхъ съ одного конца и на другомъ концѣ которыхъ находится небольшое кожаное кольцо для прикрѣпленія къ перекладинамъ рѣшетки, составляютъ срубъ зданія и поддерживаютъ кровлю; она состоитъ изъ войлочнаго капюшона, котораго объемъ покрываетъ и стѣны, обитыя той-же матеріей; широкій ремень охватываетъ эту покрышку, а нѣсколько лопатъ земли или снѣга, облегающіе основаніе стѣнъ, не допускаютъ воздуху проникать сюда и укрѣпляютъ отлично эти палатки, безъ помощи всякихъ шестовъ и веревокъ.

Самая изысканная утонченность заключается въ томъ, что верхъ палатки дѣлается въ формѣ усѣченнаго конуса, съ отверстіемъ внутри, которое въ видѣ круга соединяетъ перекладины, служитъ проходомъ для дыма, даетъ возможность разводить огонь въ палаткѣ и дѣлаетъ

внутренность ея нечувствительной ко всякаго рода перемѣнамъ самаго суроваго климата.

Такова была и палатка хана, но размѣры ея были такъ велики, что 60 человѣкъ могли свободно помѣщаться въ ней вокругъ очага. Внутри она была обита красной матеріей, меблирована круглымъ ковромъ и нѣсколькими подушками. Двѣнадцать меньшихъ палатокъ, назначенныхъ для офицеровъ и пажей, располагались вокругъ ханской и обводились оградой изъ войлока, футовъ 5 вышиной.

Все было готово къ выступленію въ походъ: войска бессарабскія, стоявшія въ Кишлѣ подъ предводительствомъ султана-сераскира, ожидали знака къ отправленію.

7-го января 1769 г. Крымъ-Гирей выѣхалъ изъ Каушанъ со своей гвардіей, съ султанами, которые его сопровождали, министрами, офицерами высшихъ чиновъ и мирзами-волонтерами. Этотъ первый день весь былъ употребленъ только на переправу черезъ Днѣстръ. Съ этой цѣлью устроено было восемь паромовъ, на которыхъ наканунѣ переправили весь багажъ. На другомъ берегу были уже раскинуты палатки. Первымъ дѣломъ хана было спросить, гдѣ расположился я, и находя, что мои палатки слишкомъ далеки отъ его ограды, онъ распорядился, чтобы на будущее время онѣ ставились ближе. Онъ потребовалъ также, чтобы я не дѣлалъ никакихъ запасовъ и взялъ на себя заботу о моемъ столѣ во все время похода. 8-го января весь день переправлялись бессарабскія войска.

Вечеромъ я былъ въ палаткѣ хана въ обществѣ нѣсколькихъ вельможъ, когда визирь доложилъ хану, что прибылъ лезгинскій князь, братъ того, который былъ главой этихъ азіатскихъ татаръ. Онъ явился въ качествѣ посланника, чтобы привѣтствовать хана и предложить ему помощь въ тридцать тысячъ человѣкъ для предстоящей войны. Я имѣлъ удовольствіе присутствовать при его аудіенціи. Въ короткой рѣчи, сказанной съ достоинствомъ, лезгинскій князь изложилъ сущность своей миссіи. Отвѣтъ хана, въ которомъ онъ, принимая привѣтствіе, отказывался отъ помощи, обличалъ въ одно и то-же время и достоинство повелителя, и самолюбіе полководца. Посланникъ настаивалъ и наконецъ получилъ позволеніе принять участіе въ походѣ.

Если-бы можно было судить о націи по этому князю и лицамъ, его сопровождавшимъ, то о лезгинахъ можно было-бы составить самое лестное понятіе. Представители ихъ были высокаго роста, хорошо сложены, съ воинственнымъ видомъ, съ свободной осанкой. Я замѣтилъ, что ихъ ружья, имѣвшія европейскій видъ, были сдѣланы превосходно; ссылаясь на свидѣтельство хана, я могу сказать, что отрядъ этотъ даетъ вѣрное понятіе объ общемъ видѣ лезгинскаго войска. Я имѣю основаніе думать также, что ханъ не отказался-бы отъ предложенія помощи со стороны этого народа, если-бы родина лезгинъ, лежащая на берегу Каспійскаго моря, могла быть внѣ опасности со стороны Кабарды.

Холода, которые, не смотря на обильно выпавшіе снѣга, не сковали до сихъ поръ Борисфена, вскорѣ стали настолько сильны, что татарскія войска, стоявшія на другомъ берегу, могли переходить по льду. Въ ожиданіи ихъ мы стали лагеремъ близъ Томбашара. Я проводилъ вечера съ Крымъ-Гиреемъ; его сужденія, зачастую новыя, были всегда возвышенны и выражались въ самой оригинальной формѣ. Онъ имѣлъ существенную потребность давать просторъ своему уму, чему не могло удовлетворить общество его фаворитовъ. Наши бесѣды вмѣстѣ съ тѣмъ были единственнымъ средствомъ, способнымъ разсѣять припадки ипохондріи, которымъ онъ былъ подверженъ. Особенно нравилось ему разсуждать о предразсудкахъ, которые руководятъ различными націями; его интересовало доискиваться самыхъ источниковъ этихъ предразсудковъ, которымъ онъ приписывалъ всѣ заблужденія и даже большую часть преступленій; и, жалѣя человѣчество, Крымъ-Гирей находилъ философское удовольствіе тѣмъ самымъ оправдывать его. Я долженъ отдать справедливость талантамъ и уму этого государя: я слышалъ много разъ, какъ онъ высказывался о вліяніи климата, объ излишествахъ и преимуществахъ свободы, о принципахъ чести, о законахъ и правилахъ управленія и его идеи сдѣлали-бы честь самому Монтескье.

Большая часть войска была уже собрана и вслѣдствіе того, что въ Балтѣ были заготовлены запасы провизіи для арміи, ханъ рѣшился направить путь туда. Г. Балта, расположенный на границѣ съ Польшей и ознаменованный первыми враждебными дѣйствіями, былъ въ это

время покинутъ жителями и представлялъ картину самаго ужаснаго опустошенія. Десять тысячъ сипаевъ, посланныхъ Портой для соединенія съ татарскимъ войскомъ, пришли сюда раньше насъ и не только разорили самую Балту, но и сожгли всѣ сосѣднія деревни. Крымъ-Гирей съ сожалѣніемъ велъ войска такъ мало дисциплинированныя: онъ сомнѣвался въ ихъ мужествѣ, о которомъ турецкій повелитель напротивъ того былъ самаго высокаго мнѣнія. Эта конница, свыкшаяся съ пріятнымъ спокойствіемъ и бездѣльемъ долгаго мира, не умѣющая бороться съ усталостью и холодомъ, къ тому-же и слишкомъ плохо одѣтая, чтобы выносить его, дѣйствительно, не имѣла значенія. Мужество сипаевъ казалось хану не менѣе подозрительнымъ, чѣмъ ихъ религіозные принципы. Въ самомъ дѣлѣ, не знаешь, чему отдаютъ предпочтеніе эти арнаутскіе тимаріоты—Корану или Евангелію [1]). Какъ-то вечеромъ, одѣтый по-татарски, возвращаясь отъ хана къ себѣ, я проходилъ по балтской площади; два запоздавшихъ сипая шли передо мной: они говорили по-гречески и проклиная свое положеніе, клялись святымъ крестомъ взбунтоваться при первомъ удобномъ случаѣ. Тотчасъ-же, уступая желанію выяснить себѣ это противорѣчіе, я удвоилъ шаги и нагнавши сипаевъ, привѣтствовалъ ихъ по-магометански, на что они отвѣтили мнѣ, какъ истые турки. Тогда я сказалъ имъ по-гречески: „прощайте, братцы, мы съ вами одинаковые турки“. Понятно, что послѣ такого „прощайте“ мы не разстались. Восхищенные мною сипаи удивлялись только, какъ могъ христіанинъ стать татариномъ; не желая, чтобы меня узнали, я сочинилъ исторію. Они увѣряли меня, что они мусульмане исключительно изъ-за тимара: это было все, что я хотѣлъ знать.

Армія была собрана, а холода настолько усилились, что давали татарамъ полную возможность проникнуть въ Новую-Сербію. Только что пришла вѣсть, что армія Калги подымалась къ Самарѣ, армія Нурадина тоже была въ пути. Крымъ-Гирей, провѣривши свой планъ

---

[1]) Тимаріотами называются владѣльцы турецкихъ леновъ, обязанные воинской повинностью; тимары или ленныя земли даются преимущественно сипаямъ, которые составляютъ турецкую кавалерію.

согласно съ новыми свѣдѣніями, отправился изъ Балты на Ольмаръ, близъ котораго мы расположились лагеремъ. Это мѣстечко, находящееся въ татарскихъ владѣніяхъ, было отчасти уже сожжено сипаями, которые докончили истребленіе его на глазахъ самаго хана. Кромѣ того они имѣли дерзость явиться толпой къ Крымъ-Гирею, требуя ячменя для своихъ лошадей, тогда какъ лошади его и всего войска принуждены были отыскивать себѣ траву подъ снѣгомъ. Негодованіе хана едва не выразилось самымъ жестокимъ образомъ, но онъ сдержалъ себя и ограничился предсказаніемъ, что холодъ и нищета скоро принудятъ этихъ дерзкихъ къ полнѣйшей покорности.

До сихъ поръ я столовался у хана; наши припасы были всегда свѣжи и я не могъ судить о томъ, что предстоитъ намъ въ теченіи похода; но недостатокъ провизіи сказался въ томъ чисто военномъ завтракѣ, который намъ приготовленъ былъ въ Ольмарѣ. Я ждалъ завтрака этого спокойно, но не безъ аппетита; мундшенки накрыли столъ: они поставили круглый подносъ изъ русской кожи; два мѣшка сопровождали этотъ подносъ, изъ нихъ вынули прекрасные сухари и копченые лошадиные окороки, возбудившіе неизсякаемыя похвалы. Икра и изюмъ, слѣдовавшіе затѣмъ, дополнили пиръ. „Какъ вы находите татарскую кухню“? спросилъ меня Крымъ-Гирей, смѣясь. „Страшной для вашихъ враговъ“, отвѣтилъ я. Онъ сказалъ что-то тихо своему пажу и тотъ подалъ мнѣ, минуту спустя, золотой кубокъ, изъ котораго всегда пилъ ханъ. „Попробуйте еще моего напитка“ сказалъ Крымъ-Гирей. Это было превосходное венгерское вино, которымъ онъ и угощалъ меня съ тѣхъ поръ во все время похода.

Въ слѣдующіе дни армія двигалась въ направленіи къ Бугу; мы перешли его по льду и остановились лагеремъ. Это была первая наша стоянка въ запорожскихъ степяхъ. Не смотря на данный мнѣ совѣтъ, у меня, въ числѣ другихъ лошадей, былъ и мой арабскій конь; истощенный усталостью, голодомъ и холодомъ, онъ послѣ переправы черезъ рѣку упалъ почти мертвый. Животное еще едва дышало, когда нѣсколько ногайцевъ пришли меня просить, чтобы я подарилъ имъ его. „Что-же вы станете дѣлать съ издохшей лошадью“? спросилъ я ихъ. „Она еще не издохла, сказалъ одинъ изъ ногайцевъ, и мы

успѣемъ убить ее и съѣсть, тѣмъ больше, что мясо бѣлой лошади самое нѣжное". Я уступилъ безъ труда этой просьбѣ, но не ручаюсь, поспѣли-ли они во-время, чтобы съ надлежащей точностью исполнить мусульманскій законъ.

Между тѣмъ холодъ такъ усилился, а равнины, которыми мы шли, предварительно выжженныя, давали такъ мало корму, что, перейдя р. Мертвыя воды, рѣшено было идти берегомъ этой рѣки и стать лагеремъ въ камышахъ, открытыхъ нашими патрулями. Намъ необходима была стоянка, чтобы погрѣться и покормить лошадей; но турецкая кавалерія, которая, вѣроятно, думала вести войну только съ польскими деревнями и не запаслась ни палатками, ни провіантомъ, испытывала теперь всю суровость и голода, и холода. Къ этой первой своей оплошности они прибавили и другую: они неосторожно приближались къ огню, спѣша погрѣться, и большая часть ихъ была обожжена и покалѣчена, такъ что жалость къ этимъ несчастнымъ вскорѣ смѣнила то чувство презрѣнія, которое внушалъ ихъ разбой. Ханъ, извѣщенный о томъ, что они нищенствовали повсюду у дверей палатокъ, приказалъ взять съ каждаго мирзы по одному сухарю и раздать имъ.

На другой день, въ то время, какъ вся армія шла развернувшись боевымъ строемъ по равнинѣ, мы встрѣтили на пути небольшой холмъ, и у Крымъ-Гирея явилось желаніе взобраться на вершину, чтобы оттуда однимъ взглядомъ окинуть всѣ свои войска. Онъ скомандовалъ остановиться: я взлѣзъ на холмъ вмѣстѣ съ нимъ. Темный цвѣтъ татарской одежды и бѣлизна снѣга, служившаго фономъ картинѣ, позволяли различать всѣ подробности ея. По знаменамъ можно было отличить войска разныхъ провинцій. Я замѣтилъ, что безъ всякаго опредѣленнаго плана эта армія естественнымъ образомъ расположилась слишкомъ двадцатью правильными рядами. Каждый султанъ-сераскиръ съ маленькимъ своимъ штатомъ составлялъ группу впереди своего отряда. Центръ линіи, занятый ханомъ и его свитой, представлялъ передовой корпусъ довольно многочисленный, строй котораго имѣлъ боевой и привлекательный видъ. Сорокъ отрядовъ, каждый въ сорокъ человѣкъ, расположенныхъ по четыре въ шеренгѣ, шли двумя колоннами

впереди, составляя какъ-бы аллею, окаймленную съ каждой стороны двадцатью знаменами. Главный конюшій, въ сопровожденіи двѣнадцати верховыхъ лошадей и крытыхъ саней, слѣдовалъ непосредственно за ними, предшествуя отряду всадниковъ, окружавшихъ хана. За ними двигалось знамя пророка, несомое эмиромъ такъ-же, какъ сопровождающіе его два зеленыхъ значка. Они развѣвались въ воздухѣ рядомъ со знаменами Игнатъ-козаковъ. Это послѣднее войско, причисленное къ гвардіи хана, заключало шествіе. Игнатъ - козаки, обязанные своими землями и своимъ именемъ обстоятельствамъ, заставившимъ ихъ эмигрировать изъ Россіи, осѣлились на Кубани. Нѣкто Игнатій, несомнѣнно больше цѣнившій свою бороду, чѣмъ свободу, возмутившись противъ Петра Великаго за бритье бородъ, искалъ убѣжища у хана со своими многочисленными послѣдователями. Татары нашли такое сходство между словомъ inat (упрямый) и именемъ Игнатъ, что оставили за ними это названіе, какъ обозначающее причину ихъ эмиграціи. Кажется, Игнатъ-козаки не особенно заботятся о чистотѣ своей христіанской вѣры, но они сохранили ея символъ на своихъ знаменахъ и крѣпко держатся за привиллегію ѣсть свинину. Каждый изъ нашихъ Игнатъ-козаковъ имѣлъ при себѣ четверть свинины за плечами. Туркамъ очень не нравилось такое сосѣдство знамени пророка и я слышалъ неразъ, какъ они бранили сквозь зубы, какъ святотатство, то, что татары, благодаря своему здравому смыслу, находили вполнѣ естественнымъ. Остальное войско не имѣло такого вида довольства. Восемь или десять фунтовъ муки изъ жаренаго проса, столченой и набитой въ кожанный мѣшокъ, у сѣдла каждаго ногайца, обезпечивалъ войску пятьдесятъ дней пропитанія. Одни лошади были предоставлены собственнымъ своимъ заботамъ, но ихъ положеніе мало чѣмъ отличалось отъ обыкновеннаго. Возможность имъ пользоваться свободой заставляла каждаго татарина вести за собой двухъ или трехъ лошадей, а часто и больше. Въ нашей арміи ихъ было болѣе 300,000.

Ханъ остался доволенъ смотромъ войска и спросилъ своихъ министровъ, „отличили-ли они самаго храбраго во всей арміи“? Молчаніе ихъ было яснымъ отвѣтомъ. „Это ни вы, ни я“, сказалъ весело ханъ: „мы всѣ вооружены; Тоттъ единственный человѣкъ, который осмѣлился

идти на войну безъ оружія: у него нѣтъ даже ножа". Этой шуткой закончился смотръ и армія направилась снова въ путь къ истоку р. Мертво-вода. Мы прибыли туда очень поздно и расположились лагеремъ на обширномъ пространствѣ, покрытомъ зарослями.

Уже нѣсколько дней Крымъ-Гирей жаловался на боль въ пальцѣ: у него образовался нарывъ и началась лихорадка. Съ нами не было ни одного хирурга. Я предложилъ свои услуги и обзоръ ящика съ ланцетами, который былъ при мнѣ, окончательно заставилъ хана довѣриться моему искуству. Я принялся за дѣло; надрѣзъ успокоилъ боль, лихорадка исчезла и рана была залѣчена въ нѣсколько дней. Случай этотъ доставилъ мнѣ почетъ и особенно удовольствіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ запорожскія равнины, я не покидалъ палатки хана; тамъ мы бесѣдовали съ нимъ до полуночи. Закутавшись въ шубу, онъ сидѣлъ, облокотившись на подушку, и приказывалъ мнѣ сдѣлать тоже. Два пажа поддерживали огонь, что было очень необходимо для насъ. Но если Крымъ-Гирей заботился о моихъ удобствахъ, то онъ вовсе не былъ расположенъ позволить мнѣ долго отдыхать. Онъ самъ привыкъ спать всего три часа и я едва могъ выпрашивать у него, какъ милость, лишнихъ пять минутъ, въ теченіи которыхъ приготовлялось кофе. Тогда проснувшись и не мѣняя положенія, я принималъ ту-же позу, какъ наканунѣ.

Было замѣчено, что палатка хана стояла на льду, но только на разсвѣтѣ оказалось, что вся армія стояла лагеремъ на озерѣ, поверхность котораго, просверленная безчисленнымъ множествомъ прорубей, грозила все поглотить. Только палатка хана еще не была снята; я былъ одинъ съ нимъ, какъ вдругъ полякъ-солдатъ изъ моей свиты врывается, какъ бѣшеный, бросается къ огню и раздѣвается. Я бѣгу къ нему, думая, что онъ или пьянъ или сошелъ съ ума; чтобы заставить его уйти, я угрожаю ему гнѣвомъ хана,—ничто не помогаетъ. Ханъ дѣлаетъ мнѣ знакъ оставить въ покоѣ солдата. Когда онъ снялъ уже сапоги, Крымъ-Гирей по шелесту его одежды догадался, что тотъ упалъ въ прорубь. „Чего вы требуете отъ этого несчастнаго"? добродушно сказалъ ханъ. „Развѣ умирающій человѣкъ не свободенъ? Онъ не хочетъ знать никого, кромѣ того, кто можетъ помочь ему; цари

для него ничто; оставимъ-же его на свободѣ[a]. Мы вышли, и я велѣлъ слугамъ позаботиться объ этомъ человѣкѣ.

Армія, направляясь все на сѣверъ, хотѣла приблизиться къ Ингулу, о положеніи котораго имѣлись смутныя свѣдѣнія. Только послѣ усиленнаго перехода въ двѣнадцать миль, мы разбили свой лагерь на берегу этой рѣки: нѣсколько покинутыхъ жилищъ и копны сѣна около нихъ очень пригодились намъ.

Мы были на границѣ Новой-Сербіи; мы достигли того пункта, съ котораго должно было разразиться нашествіе на несчастныхъ жителей, и военный совѣтъ былъ созванъ для того, чтобы опредѣлить количество войскъ необходимое для набѣга. Въ то время, когда собирался этотъ совѣтъ, одинъ курьеръ и нѣсколько плѣнныхъ, захваченныхъ патрулями, объявили, что вправо отъ насъ запорожскіе козаки, тѣснимые Калгой-султаномъ, вошли съ нимъ въ переговоры и заручившись обѣщаніемъ нейтралитета съ его стороны, отказали въ своей помощи командиру крѣпости св. Елисаветы. Плѣнные добавляли, что крѣпость эта находится на лѣво отъ насъ и имѣетъ сильный гарнизонъ. Эти подробности уяснили хану и его полководцамъ настоящее положеніе дѣлъ. Было рѣшено, что третья часть войска, сформированная изъ волонтеровъ подъ предводительствомъ одного султана и нѣсколькихъ мирзъ, переправится черезъ рѣку въ полночь, раздѣлится на нѣсколько колоннъ, которыя, послѣдовательно раздробляясь, покроютъ всю територію Новой-Сербіи, сожгутъ всѣ деревни, всю жатву, захватятъ въ плѣнъ жителей и уведутъ стада. Было рѣшено еще, чтобъ на каждаго участвующаго въ этой экспедиціи приходилось по два человѣка изъ остальной арміи, имѣющіе каждый равную долю въ его добычѣ. При такомъ способѣ дѣлежа, никто не былъ обиженъ и общій интересъ соединился съ частнымъ для наиболѣе удачнаго выбора солдатъ въ экспедицію. Отрядъ этотъ былъ предупрежденъ, что вся остальная армія перейдетъ Ингулъ на другой день и направится небольшими переходами къ польской границѣ, стягиваясь постепенно къ крѣпости св. Елисаветы, чтобы охранять фуражировъ и ждать ихъ возвращенія. Разбойническіе таланты, обнаруженные сипаями, обѣщали такъ много опустошительнаго рвенія съ ихъ стороны, что имъ предложили участвовать въ набѣгѣ, но холодъ

ихъ такъ обезкуражилъ, что ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ идти. Одни лишь сердюки [1]), да еще нѣсколько другихъ турокъ послѣдовали за султаномъ.

Отрядъ подъ его начальствомъ ушелъ; холодъ былъ гораздо меньшій, чѣмъ накапунѣ, въ теченіи ночи потеплѣло на столько, что можно было опасаться оттепели. Вода въ рѣкѣ начинала выступать изъ подъ льда и мы могли разсчитывать на возможность переправы, лишь ускоривши свой отъѣздъ. Армія вскорѣ была готова. Опа развернулась вдоль Ингула и татары, привыкшіе къ подобнымъ переходамъ, снявшись всѣ одновременно съ мѣста, переправились рысцой на нѣкоторомъ разстояніи всадникъ отъ всадника; но сипаи, которыхъ страхъ заставлялъ ступать тяжело, а грохотъ ломающагося льда обезкураживалъ до того, что они готовы были остановиться, вдругъ провалились и исчезли подъ водой на нашихъ глазахъ.

Мы остановились на другомъ берегу, чтобы дать время войску сформироваться. Нѣсколько сипаевъ, избѣгнувъ опасности, оплакивали участь своихъ товарищей; они жалѣли особенно объ одномъ, который потонулъ, имѣя при себѣ сумму денегъ, достаточную для обезпеченія его сына, оставшагося сиротой. Одинъ изъ Игнатъ-козаковъ предложилъ тотчасъ-же достать кошелекъ за два секина. Его предложеніе было принято. Тогда онъ раздѣвается, ему указываютъ отверстіе между льдинами и онъ скрывается подъ водой. Зрители стали уже безпокоиться его долгимъ отсутствіемъ, когда онъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ показался снова съ сокровищемъ въ рукахъ. Этотъ успѣхъ ободрилъ товарищей утонувшаго. Они стали жалѣть еще о пистолетахъ его, украшенныхъ серебромъ. Неустрашимый козакъ предпринимаетъ вторичную экскурсію, удовлетворяетъ ихъ желанію, не требуя увеличенія награды, получаетъ два секина, одѣвается и спѣшитъ стать въ ряды своего войска.

Слѣдуя намѣченному плану, армія все подымалась, пока не достигла дороги, протоптанной въ снѣгу тѣмъ отрядомъ, который отпра-

---

[1]) Родъ турецкаго войска; это волонтеры, девизъ которыхъ «побѣдить или умереть на полѣ битвы»; но съ ними никогда не случается ни то, ни другое.

вился въ набѣгъ. Мы пересѣкли эту дорогу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она раздѣляясь на семь вѣтвей, образовала какъ-бы гусиную лапу. Мы двигались дальше, постоянно держась крайней лѣвой стороны, не разстраивая ни одной изъ боковыхъ вѣтвей, которыя постепенно встрѣчались намъ; послѣднія изъ нихъ были уже просто тропинки, проторенныя однимъ или двумя всадниками. Погода стала дождливой и принудила войско остановиться на ночлегъ на берегу р. Аджамки. Но за оттепелью, которая насъ обезпокоила сначала, наступилъ такой холодъ, что съ трудомъ можно было сложить промерзшіе палатки. Мелкія льдинки при сильномъ вѣтрѣ рѣзали лицо, изъ носу шла кровь, дыханіе, замерзая на усахъ, образовало куски льда, тяжесть которыхъ была очень непріятна. Большая часть сипаевъ, изможденныхъ предыдущими переходами, погибла въ этотъ день: даже татарамъ приходилось плохо, но никто не смѣлъ жаловаться. Крымъ-Гирей, который послѣ болѣзни часть пути совершалъ въ закрытыхъ саняхъ, въ это время распрашивалъ меня о папѣ, сравнивалъ положеніе св. отца со своимъ и жалѣлъ, что не можетъ быть на его мѣстѣ. Я воспользовался случаемъ, чтобы представить ему бѣдствія, причиненныя его арміи холодомъ, и ту опасность, которую представлялъ долгій переходъ. „Я не могу смягчить климата“, сказалъ онъ, „но я могу внушить имъ мужество переносить его суровость“. Тотчасъ-же онъ требуетъ лошадь и подчиняясь обычаю, запрещающему восточнымъ государямъ носить чалму, которой прочіе мусульмане окутываютъ головы, онъ ѣдетъ съ открытой головой, не смотря на холодъ и падающую изморозь, и побуждаетъ своимъ примѣромъ султановъ и министровъ сбросить чалмы. Этотъ мужественный поступокъ остановилъ ропотъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ глазамъ хана картину бѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, каждая минута отнимала у насъ людей и лошадей [1]). Мы постоянно встрѣчали на равнинѣ замерзшія стада, а двадцать столбовъ дыма на горизонтѣ, дополняли ужасъ картины, возвѣщая пожары, опустошавшіе уже Новую Сербію.

Мы повстрѣчали небольшіе кустарники и возможность фуража привела хана къ рѣшенію остановиться. Его палатку разбили близъ

[1]) Этотъ день стоилъ арміи болѣе 3,000 людей и 30,000 лошадей, погибшихъ отъ холода.

копны сѣна, которую онъ велѣлъ разобрать и которая, не смотря на свои огромные размѣры, исчезла въ одну минуту. Мы наблюдали это зрѣлище, въ которомъ строгость порядка соединилась съ алчностью грабежа. Вечеромъ посланецъ привезъ намъ вѣсти отъ султана, предводительствовавшаго набѣгомъ. Онъ сообщалъ, что жители одного большаго селенія укрылись въ монастырѣ въ числѣ 1200 человѣкъ; ихъ сопротивленіе принудило султана употребить въ дѣло сѣрныя свѣтильни, которыя онъ велѣлъ прикрѣпить къ стрѣламъ, надѣясь, что упорство этихъ людей уступитъ передъ страхомъ пожара; но огонь распространился слишкомъ быстро и несчастные всѣ погибли. Высказывая свое сожалѣніе о случившемся, султанъ жаловался на жестокость турокъ, которые его сопровождали и все мужество которыхъ, по словамъ его, заключается въ томъ, что они купаются въ крови своихъ плѣнныхъ.

Крымъ-Гирей, не менѣе султана сожалѣлъ о печальномъ исходѣ пожара; жестокость турокъ привела его въ негодованіе: видъ отрѣзанныхъ головъ возмущалъ его и раньше [1]). „Я повѣсилъ бы того татарина, который осмѣлился бы явиться передо мной въ роли палача“, сказалъ онъ. „Какъ можетъ существовать нація, настолько жестокая, чтобы поддерживать варварство, оплачивая его, и чтобы находить удовольствіе въ такихъ отвратительныхъ вещахъ“?

Благодаря прибытію вслѣдъ затѣмъ татаръ, которые возвращались нагруженные добычей и приносили съ собой новыя вѣсти, мы не спали до трехъ часовъ утра. Входъ къ хану не могъ быть воспрещенъ въ этомъ случаѣ, и я получилъ позволеніе отдохнуть нѣсколько часовъ въ своей палаткѣ. Гг. Руффинъ и Кустиллье занимали ее; они мерзли, мало спали, умирали съ голоду. Твердый снѣгъ служилъ имъ постелью, на которую и я поспѣшилъ улечься и, завернувшись въ шубу, заснулъ. Вскорѣ послѣ того пажъ хана, полуоткрывъ дверь, сказалъ, что его господинъ посылаетъ подарокъ, и положивъ что-то у ногъ г. Руффина, удалился. Г. Кустиллье, который, благодаря голоду,

[1]) У турокъ въ обычаѣ приносить отрѣзанныя головы враговъ своему повелителю; татары, напротивъ, питаютъ отвращеніе къ этому обычаю.

не могъ уснуть, не сомнѣвался ни минуты въ томъ, что подарокъ заключаетъ въ себѣ съѣстное; онъ зналъ также, что у меня нѣтъ ничего запретнаго для его аппетита; но такъ какъ онъ лежалъ далеко отъ свертка, то просилъ пріятеля посмотрѣть, что принесено. Этотъ послѣдній, боясь холода, долго сопротивлялся; вынужденный уступить, онъ протянулъ руку, не освобождая головы изъ-подъ шубы, схватилъ что-то косматое и при свѣтѣ фонаря, висѣвшаго съ верху, жаднымъ взорамъ г. Кустиллье представилось человѣческое лицо. Въ ужасѣ онъ вскричалъ: „мой другъ, это человѣческая голова"! и г. Руффинъ, быстрѣе молніи, выбросилъ ее изъ палатки, проклиная вмѣстѣ и холодъ, и голодъ, и татарскія шутки.

Холодъ такъ усилился на другой день, что въ моментъ отъѣзда, не смотря на перчатки на заячьемъ мѣху, мои руки окоченѣли въ одну минуту, когда я садился въ сѣдло, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось возстановить въ нихъ циркуляцію крови.

Столбы дыма, окаймлявшіе горизонтъ съ правой стороны, и крѣпость св. Елисаветы влѣво отъ насъ, не оставляли сомнѣній въ томъ, куда держать путь. Прямо передъ нами возвышалось что-то въ родѣ вѣхъ, къ которымъ мы и направились, и скоро узнали въ нихъ сигнальные пункты. Это были трехъугольные срубы въ восемь этажей, наполненные соломой и хворостомъ и предназначенные, безъ сомнѣнія, для того, чтобы подымать тревогу при первомъ появленіи татаръ; но они служили только лучшими проводниками для татарскаго войска до самой Аджамки. Въ этомъ мѣстечкѣ, которое охранялось отъ опустошеній своимъ сосѣдствомъ съ крѣпостью св. Елисаветы, мы застали очень мало жителей, и можно было заподозрить, что большая часть ихъ укрылась въ крѣпости подъ защитой пушекъ.

Наша армія была въ такомъ скверномъ видѣ, что сама опасалась вылазки: въ самомъ дѣлѣ, отрядъ въ двѣ или три тысячи человѣкъ, атаковавши насъ ночью, могъ перерѣзать всѣхъ. Эта опасность была такъ же очевидна, какъ невозможность избѣжать ее, потому что войско не могло уже дольше выносить усталости. Въ такой крайности Крымъ-Гирей велѣлъ султанамъ и мирзамъ составить отрядъ въ триста всадниковъ, которые должны были послѣ захода солнца напасть на крѣпость

св Елисаветы, чтобы держать гарнизонъ ея въ оборонительномъ положеніи. Этотъ избранный отрядъ, единственный, въ которомъ нравственная энергія превозмогала физическій упадокъ силъ, захватилъ плѣнниковъ въ самомъ предмѣстьи крѣпости и настолько обезпечилъ успѣхъ этой военной хитрости, что войско могло остановиться и отдохнуть вполнѣ удобно. Мѣстечко Аджамка, имѣющее отъ восьмисотъ до девятисотъ домовъ, расположено на берегу небольшой рѣчки тогоже имени. Обиліе всякаго рода жатвы свидѣтельствовало о плодородіи почвы. Но войскамъ запрещено было занимать дома изъ боязни преждевременнаго пожара; позволено было только похищать дрова и съѣстные припасы, годные для потребленія. Ханъ самъ подалъ примѣръ, расположившись въ палаткѣ. Благодаря цѣлому дню отдыха, въ теченіи котораго къ намъ присоединилась часть передоваго отряда со множествомъ захваченныхъ стадъ и невольниковъ, въ арміи распространилось веселое настроеніе. Я замѣтилъ, что у татаръ каждой орды есть свой лозунгъ, на который отвѣчали ихъ товарищи при дѣлежѣ добычи. Слово Аксерай—бѣлый дворецъ—служило лозунгомъ ханскаго двора. Если ясна была польза такого изобрѣтенія, то съ трудомъ можно было понять, даже видя собственными глазами, ту заботливость, терпѣніе и удивительную ловкость, которыя обнаруживаютъ татары для сохраненія того, что они успѣли захватить. Пять или шесть невольниковъ разнаго возраста, шестьдесятъ овецъ и двадцать воловъ—добыча одного человѣка—не обременяютъ его. Головы дѣтей высматриваютъ изъ мѣшка, привѣшеннаго къ тулкѣ сѣдла, молодая дѣвушка сидитъ впереди, поддерживаемая лѣвой рукой всадника, мать позади, отецъ на одной изъ заводныхъ лошадей, сынъ на другой, овцы и волы впереди,—все идетъ и не сбивается съ пути подъ бдительнымъ окомъ хозяина этого стада. Собирать его, вести, заботиться о его пропитаніи, идти пѣшкомъ самому, чтобы доставить удобство невольникамъ—хозяину этому ничего не стоитъ, и такая картина, право, была-бы интересна, если-бы сюжетомъ ея не служила скупость и самая жестокая несправедливость. Я вышелъ съ ханомъ любоваться этимъ зрѣлищемъ; одинъ изъ офицеровъ гвардіи, бывшій на караулѣ у палатки хана, пришелъ извѣстить его, что какой-то ногаецъ желаетъ принесть жалобу. Крымъ-Гирей со-

гласился и ногаецъ въ сопровожденіи того-же офицера приблизился къ нимъ. Но сходство нашихъ шубъ ввело его въ заблужденіе и не зная, къ кому изъ насъ обратиться, онъ, казалось, отдалъ предпочтеніе мнѣ. Я хотѣлъ отодвинуться, чтобы положить конецъ его замѣшательству, но Крымъ-Гирей, замѣтивши все это, сдѣлалъ знакъ офицеру, отодвинулся самъ и приказалъ мнѣ выслушать ногайца. Дѣло шло о лошади, которая пропала у ногайца; взамѣнъ пропавшей онъ укралъ себѣ другую и теперь не могъ никакъ доказать права возмездія, которое онъ себѣ присвоилъ. „Что долженъ я отвѣчать?“ спросилъ я хана.—„Судите, какъ съумѣете“, отвѣчалъ онъ, смѣясь. Я сказалъ тогда ногайцу, что онъ долженъ возвратить украденную лошадь и хотѣлъ уже удалить его со двора, когда Крымъ-Гирей, которому эта штука доставляла удовольствіе, шепнулъ мнѣ, чтобы я не забылъ о наказаніи палками. Я тотчасъ-же прибавилъ, обращаясь къ ногайцу: „я прощаю тебѣ тѣ палочные удары, которые ты заслужилъ“. Знакъ согласія съ моей резолюціей, сдѣланный ханомъ офицеру, показалъ мнѣ, что Крымъ-Гирей не разсердился на меня за смягченіе его приговора.

Не смотря на всѣ старанія разыскать жителей Аджамки, это не удалось; только на другой день, въ моментъ отъѣзда, когда подожжены были всѣ скирды хлѣба и сѣна, собранныя этими несчастными,—они бросились въ объятія враговъ, чтобы спастись отъ пламени, пожиравшаго ихъ жатву и ихъ очаги. Приказаніе сжечь Аджамку было выполнено такъ поспѣшно и огонь распространился по домамъ, крытымъ соломой, съ такою силой и быстротой, что мы сами едва успѣли выйти оттуда среди пламени. Воздухъ, наполненный пепломъ и парами растаявшаго снѣга, затемнилъ солнце на время; а потомъ эта смѣсь превратилась въ какой-то сѣроватый снѣгъ, хрустѣвшій на зубахъ. Полтораста деревень были сожжены такимъ-же образомъ; огромное дымное облако распространилось на двадцать миль въ предѣлы Польши и только нашъ приходъ туда объяснилъ причину этого явленія. Войско долго шло во мракѣ и лишь по прошествіи нѣсколькихъ часовъ было замѣчено бѣгство ногайцевъ едисанской орды; въ надеждѣ избавиться отъ лежавшей на нихъ десятинной повинности съ своей добычи хану, они предпочли возвращаться черезъ пустыню на свой страхъ.

Войско, двигаясь къ границѣ польской Украйны, пришло въ Красниковъ. Въ этой деревнѣ, лежащей за болотистой лощиной, было нѣчто въ родѣ укрѣпленія, гдѣ жители вмѣстѣ съ сотней солдатъ оказали сначала нѣкоторое сопротивленіе; но боязнь пожара принудила ихъ вскорѣ бѣжать и скрыться въ лѣсу, откуда ихъ ружейные выстрѣлы могли достигать до деревни. Чтобъ вытѣснить ихъ оттуда, Крымъ-Гирей, ставши у опушки лѣса, приказалъ собрать остатокъ сипаевъ, которымъ онъ скомандовалъ идти въ атаку. Но эти храбрецы, которымъ стихшіе холода и отдыхъ въ Аджамкѣ возвратили всю ихъ дерзость, разсѣялись отъ перваго ружейнаго выстрѣла. Игнатъ-козаки, расположившіеся позади насъ, одушевленные присутствіемъ хана, просили и получили разрѣшеніе атаковать лѣсъ. Они проникли туда, окружили группу людей, которые тамъ защищались, убили около сорока человѣкъ и захватили въ плѣнъ всѣхъ, кто не могъ спастись бѣгствомъ. Во время этой экскурсіи, которая стоила всего восьми или десяти человѣкъ козаковъ да нѣсколькихъ татаръ изъ свиты хана,—Крымъ-Гирей, возмущенный подлостью турокъ, бесѣдовалъ со мною, предрекая то разложеніе, которое она готовитъ Оттоманской имперіи. Занятый этой мыслью, онъ въѣзжалъ въ деревню, какъ вдругъ замѣтилъ турка эмира по происхожденію, который шелъ изъ лѣсу, держа въ рукахъ человѣческую голову. „Видите“, сказалъ мнѣ ханъ, „видите этого негодяя? Онъ хочетъ помѣшать моему ужину; но посмотрите, онъ едва осмѣливается дотронуться до этой головы, которую онъ отрѣзалъ“. Эмиръ подошелъ, бросилъ свой трофей къ ногамъ лошади хана и съ паѳосомъ произнесъ пожеланіе, чтобы всѣ враги повелителя татаръ испытали ту же участь, какъ этотъ, съ которымъ онъ только что покончилъ. Но Крымъ-Гирей узналъ уже въ мертвой головѣ лицо одного изъ собственныхъ Игнатъ-козаковъ. „Несчастный“, сказалъ онъ эмиру: „какъ могъ ты убить его? Мертвый онъ внушаетъ тебѣ страхъ; живой онъ съѣлъ-бы тебя. Это одинъ изъ моихъ Игнатъ-козаковъ, убитый въ лѣсной аттакѣ; кто-то другой, чтобъ помочь тебѣ обмануть меня, отрѣзалъ голову убитаго: у тебя не стало бы мужества даже на это“. Смущенный турокъ старался оправдаться: онъ настаивалъ на своемъ, осмѣливался увѣрять, что онъ самъ убилъ этого человѣка. „Осмотрите

его оружіе", сказалъ тогда ханъ. Ножъ, пистолеты, сабля—все было осмотрѣно немедленно и слѣдовъ крови не оказалось нигдѣ. „Убейте этого труса"! вскричалъ Крымъ-Гирей. Одинъ изъ офицеровъ гвардіи ударилъ турка слегка кнутомъ, чтобы, удовлетворивъ этимъ гнѣвъ своего повелителя, спасти несчастнаго отъ худшей участи. Но этотъ послѣдній, гордясь своимъ званіемъ эмира, дерзко протестовалъ противъ нанесеннаго ему оскорбленія, такъ какъ, по турецкому обычаю, прежде чѣмъ подвергнуть наказанію эмира, необходимо снять съ головы его тюрбанъ—знакъ достоинства эмира. Тогда ярость хана разразилась. „Сбейте кнутомъ зеленый тюрбанъ съ головы этого негодяя!" Приказаніе это, произнесенное тономъ, не допускавшимъ возраженій, было выполнено съ суровостью болѣе жестокой, чѣмъ смертная казнь. Но этотъ случай подѣйствовалъ на сипаевъ, которые, отказавшись раньше участвовать съ татарами въ набѣгѣ, пользовались теперь ихъ возвращеніемъ, отнимали отъ нихъ, съ пистолетомъ у горла, приведенныхъ ими невольниковъ, влачили нѣкоторое время за собой отнятыя жертвы, а когда это надоѣдало, рѣзали плѣнниковъ въ куски, чтобы избавиться отъ нихъ.

Ханъ предполагалъ на другой день утромъ атаковать небольшой городокъ Цыбулевъ, расположенный за лѣсомъ, въ разстояніи полуторы мили отъ насъ; но по разсказамъ плѣнниковъ гарнизонъ цыбулевскій казался достаточно сильнымъ, чтобы можно было захватить его безъ помощи артиллерійскихъ орудій и потому ханъ позволилъ только волонтерамъ идти туда, а самъ во главѣ арміи двинулся на Буки въ Польшу. Цыбулевскіе пушечные выстрѣлы, доносившіеся къ намъ во время пути, не могли помѣшать татарскому отряду волонтеровъ сжечь предмѣстья и забрать много плѣнныхъ. Всѣ деревни, которыя встрѣчались намъ на пути, подверглись той-же участи. Татары, болѣе озабоченные захватомъ невольниковъ, чѣмъ соблюденіемъ границъ Польши, продолжали свои разбои далеко за тѣми предѣлами, которые были имъ предписаны. Приказанія Крымъ-Гирея, направленныя противъ хитрой алчности татаръ, сначала не дѣйствовали; но строгія мѣры, принятыя имъ, наконецъ имѣли желанный успѣхъ, такъ какъ за проступкомъ немедленно слѣдовало наказаніе.

Чтобы вѣрнѣе сохранить свои обязательства по отношенію къ Польской республикѣ, главная часть арміи должна была располагаться лагеремъ всегда въ окрестностяхъ деревень и питаться собственными припасами. Когда-же турки, для устройства которыхъ не хватало средствъ, подожгли нѣсколько домовъ, они были строго наказаны. На первый взглядъ можно было насчитать свыше двадцати тысячъ невольниковъ, которыхъ вело за собой татарское войско; стадъ было безчисленное множество. Мы могли двигаться только небольшими переходами, а необходимость наблюдать за поведеніемъ татаръ побудила хана раздѣлить войско на семь колоннъ.

Въ каждой деревнѣ, гдѣ мы останавливались, наши жилища отмѣчались мѣломъ; остальными домами, не занятыми ханской свитой, могли пользоваться сипаи. Ханъ приказалъ, чтобы квартира его и моя были рядомъ, и я пользовался этимъ преимуществомъ въ теченіи нѣкотораго времени. Но вотъ однажды какой-то али-бей, не нашедшій безъ сомнѣнія въ деревнѣ жилища достойнаго такой особы, входитъ важно ко мнѣ въ сопровожденіи двухъ сипаевъ, которые несли его вещи. Я спрашиваю его, что ему нужно. Не безпокойтесь, отвѣтилъ онъ холодно. Съ этими словами онъ устроиваетъ нѣчто въ родѣ эстрады изъ подушекъ, которыя были съ нимъ, усаживается и требуетъ трубку. Напрасно я убѣждаю его, что это помѣщеніе предназначается для меня, что мы не можемъ занимать его вмѣстѣ, что я долженъ быть неотлучно при ханѣ, а онъ при своемъ войскѣ. Всѣ аргументы безсильны; разъ водворившись, онъ непоколебимъ. Тогда я рѣшился просить ханскаго оруженосца, чтобъ онъ освободилъ меня отъ этого безпокойнаго гостя. Онъ пришелъ тотчасъ подъ предлогомъ навѣстить меня; войдя онъ спросилъ бея, съ котораго времени онъ знаетъ меня. Этотъ послѣдній отвѣчалъ не конфузясь, что онъ пришелъ, чтобы свести знакомство, поселившись вмѣстѣ со мной. „При атакѣ лѣса нужно было знакомиться съ нами, мы были всѣмъ вамъ очень рады тогда", сказалъ иронически капитанъ гвардіи, теперь-же вы должны удалиться, не ожидая, пока ханъ, извѣщенный о вашей выходкѣ, воспользуется случаемъ выразить свой гнѣвъ". — «Я знаю всю силу его власти", отвѣчалъ бей; „одного его слова достаточно, чтобы слетѣла моя голова, пусть онъ произнесетъ

это слово; но живой я не выйду до тѣхъ поръ, пока вся армія не двинется въ путь". Это было его послѣднее слово; ничѣмъ нельзя было убѣдить его. Взбѣшенный этимъ безумцемъ оруженосецъ удалился, чтобы извѣстить хана обо всемъ происшедшемъ. Я былъ вскорѣ позванъ къ хану. Крымъ-Гирей отдавалъ приказанія, суровость которыхъ заставила меня задрожать. Онъ былъ уже давно раздраженъ недисциплинированностью и подлостью турокъ, нахальство моего али-бея истощило терпѣніе. Меня вызвали только для того, чтобы на свободѣ расправиться съ нимъ смертной казнью. Ханъ хотѣлъ распространить свою строгость и на всѣхъ сипаевъ, и только боязнь того, что его могутъ заподозрить въ пристрастіи, сдерживала его. Я-же твердо рѣшился сдѣлать все возможное, чтобы оставить въ покоѣ бея, девизъ котораго былъ не „побѣдить и умереть", а „спать или умереть". Я заявилъ, что моя жалоба могла быть дурно передана, что нужно было выслушать меня самаго; я успѣлъ выставить въ смѣшномъ свѣтѣ передъ ханомъ смѣшное упорство арнаутовъ, такъ что проступокъ бея затерялся въ массѣ другихъ случаевъ. Приказаніе, отданное ханомъ, было отмѣнено подъ обязательнымъ условіемъ, что я больше не покину его палатки.

Войско, отягченное добычей, награбленной въ Новой Сербіи, медленно двигалось за стадами къ польской границѣ и постоянно ненасытные татары пользовались каждымъ случаемъ, чтобы обмануть бдительность хана и увеличить свою добычу мародерствомъ, не смотря на угрозы строгаго наказанія. Но темный цвѣтъ татарской одежды не благопріятствовалъ воровской хитрости татаръ, дѣлая ихъ замѣтными издалека на снѣжной равнинѣ.

Какъ-то нѣсколько ногайцевъ отдѣлились отъ остальнаго войска, обогнули одну изъ польскихъ деревень и уже почти скрылись за нею. Ханъ, ѣхавшій у опушки лѣса по возвышенности, откуда открывалась вся равнина, замѣтилъ этихъ мародеровъ: онъ приказалъ остановиться и послалъ своего оруженосца съ 4-мя сейменами очистить деревню и привести ему тѣхъ ногайцевъ, которые будутъ застигнуты на мѣстѣ преступленія. Мрачный видъ, сопровождавшій это приказаніе, показывалъ, что ханъ желаетъ сдѣлать изъ этого случая примѣръ для всѣхъ.

Оруженосецъ возвратился съ ногайцемъ, у котораго въ рукахъ былъ кусокъ полотна и два мотка шерсти, захваченные имъ. На вопросы хана ногаецъ сознался въ своей винѣ, и сказалъ также, что ему извѣстны строгія постановленія на этотъ счетъ. Онъ не выставилъ въ свою пользу никакого оправданія, не просилъ пощады у хана и защиты у окружающихъ: но холодно ждалъ приговора, не высказывая ни гордости, ни слабости.—„Привяжите его къ хвосту лошади и пустите въ поле, пусть она влачитъ его, пока онъ не умретъ; пусть глашатай ѣдетъ слѣдомъ за нимъ и выкрикиваетъ предъ всѣмъ войскомъ вину преступника“.—На этотъ приговоръ хана ногаецъ не отвѣтилъ ничего: онъ молча сошелъ съ лошади и приблизился къ сейменамъ, которые должны были связать его; но не оказалось подъ руками ни веревки, ни ремня. Пока отправились на поиски, я попытался замолвить слово въ пользу несчастнаго. Вмѣсто отвѣта ханъ приказалъ кончать скорѣе, употребивши въ дѣло тетиву отъ лука, вмѣсто веревки. Ему замѣтили, что она коротка. Такъ пусть сказалъ ханъ, просунетъ голову въ лукъ, который вы привяжете къ хвосту лошади.—Ногаецъ исполнилъ приказаніе. Лошадь помчалась въ поле, но голова ногайца выскользнула изъ лука и несчастный упалъ.

— Пусть держится за лукъ руками, приказалъ ханъ.—Ногаецъ повиновался.

Эта казнь, гдѣ осужденный явился собственнымъ своимъ палачомъ, служитъ примѣромъ крайней покорности; она превосходитъ все, что мнѣ приходилось слышать о слѣпомъ повиновеніи „старцу горы“.

Заботы Крымъ-Гирея о сохраненіи порядка въ войскѣ въ предѣлахъ Польши простирались до охраны религіознаго культа жителей. Нѣсколько ногайцевъ, обвиненныхъ въ оскорбленіи иконы, изображавшей Христа, были наказаны палками у дверей церкви. „Слѣдуетъ учить татаръ, чтобъ они уважали изящныя искусства и религію“, говорилъ Крымъ-Гирей.

Г. Саврань (въ Польшѣ, въ брацлавскомъ воеводствѣ) былъ тѣмъ желаннымъ пунктомъ, гдѣ должны были распредѣлить добычу, распустить всѣ орды, за исключеніемъ бессарабской, и избавиться отъ всей той сумятицы, которая окружала насъ. Было рѣшено устроить тамъ стоянку и на другой день нашего пріѣзда приступлено было къ дѣлежу

добычи; но при самомъ точномъ надзорѣ нѣкоторымъ мошенникамъ удалось утаить часть ея отъ десятинной повинности хану. Однако, не смотря на обманъ, на долю его досталось около двухъ тысячъ невольниковъ, которыхъ онъ дарилъ каждому, кто приходилъ къ нему. Я присутствовалъ обязательно при этой процедурѣ и видя щедрость хана, замѣтилъ ему, что источникъ ея скоро изсякнетъ, если онъ будетъ продолжать въ томъ-же родѣ.

Крымъ-Гирей.

На мою долю останется еще довольно, мой другъ; годы наслажденій минули. Но я не забылъ васъ. Вдали отъ своего гарема, претерпѣвая всякія лишенія и невзгоды въ этихъ далекихъ пустыняхъ вы заслуживаете награды; я предоставляю на вашу долю шесть мальчиковъ очень красивыхъ, однимъ словомъ, какихъ-бы я выбралъ для самаго себя.

Баронъ.

Я осыпанъ вашими милостями; но можетъ-ли быть достоинъ ихъ тотъ, кто не знаетъ имъ цѣны. Я-же боюсь, государь, что не съумѣю оцѣнить вашего подарка такъ, какъ онъ заслуживаетъ.

Крымъ-Гирей.

Я не имѣю намѣренія торговаться о вашей благодарности. Я даю вамъ плѣнниковъ, они вамъ понравятся — вотъ все, чего мнѣ нужно.

Баронъ.

Но ваша свѣтлость забываете, что мое положеніе представляетъ непобѣдимое препятствіе. Ваши плѣнные всѣ русскіе: какъ-же я могу при такомъ условіи принять подданныхъ той державы, которая находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ моимъ государемъ и повелителемъ?

Крымъ-Гирей.

Этотъ мотивъ могъ ускользнуть у меня изъ виду: я и до сихъ поръ, впрочемъ, не вполнѣ понимаю его. Вражда создаетъ невольниковъ,

дружба ихъ даритъ или получаетъ въ подарокъ; что касается васъ, я во всякомъ случаѣ не хочу оспаривать вашихъ обязанностей,—ваше дѣло ихъ выполнять; но чтобы намъ придти къ соглашенію, я замѣню шесть русскихъ шестью грузинами, и все уладится.

Баронъ.

Не такъ легко, какъ вамъ кажется, государь; я имѣю еще одинъ доводъ, который трудно опровергнуть.

Крымъ-Гирей.

Какой?

Баронъ.

Мою религію.

Крымъ-Гирей.

Въ такомъ случаѣ я остерегусь касаться ея; конечно, прекрасно руководиться религіозными побужденіями; но сознайтесь, по крайней мѣрѣ, что это тягостно.

Баронъ.

Я сдѣлаю больше; я признаюсь, что слабость человѣческая заставляетъ часто уклоняться съ пути истиннаго: напримѣръ, быть можетъ, и сегодня я оказываюсь такимъ щепетильнымъ и преданнымъ своему долгу только потому, что ваше предложеніе не кажется мнѣ достаточно заманчивымъ; быть можетъ шесть хорошенькихъ дѣвушекъ заставили-бы меня забыть всѣ мои принципы. Если-бы вдуматься, то оказалось-бы, что самые высокіе подвиги добродѣтели зависятъ исключительно отъ того, какого рода искушенію они подвергаются.

Крымъ-Гирей.

Я это прекрасно понимаю и не преминулъ-бы воспользоваться этимъ средствомъ соблазна, если-бы могъ. Но, мой другъ, и у меня есть своя религія: она дозволяетъ мнѣ давать христіанамъ только невольниковъ мужчинъ и предписываетъ оставлять женщинъ, чтобы дѣлать изъ нихъ прозелитокъ.

Баронъ.

Развѣ мужчины кажутся вамъ менѣе достойными обращенія, чѣмъ женщины?

Крымъ-Гирей.

Конечно, нѣтъ; но мудрость нашего великаго пророка все предусмотрѣла. Это различіе—лучшее доказательство ея.

Баронъ.

Признаюсь, государь, я не понимаю этого, и вы позволите мнѣ думать, что просто хорошенькія дѣвушки вамъ больше нравятся.

Крымъ-Гирей.

Клянусь вамъ, нѣтъ. Я только повинуюсь самому мудрому закону. Дѣйствительно, мужчина, будучи по природѣ независимымъ въ самомъ рабствѣ своемъ, оказываетъ извѣстный отпоръ, который едва сдерживается страхомъ. Онъ обладаетъ сознаніемъ своихъ силъ, въ немъ преобладаетъ умъ, который доступенъ дѣйствію одной лишь божественной власти и который у меня и у васъ можетъ быть одинаково просвѣщеннымъ: обращеніе мущины всегда чудо; между тѣмъ какъ среди женщинъ это явленіе самое естественное и простое: женщины всегда держатся религіи тѣхъ, кого онѣ любятъ. Да, мой другъ, любовь—великій миссіонеръ; разъ она является—женщины никогда не спорятъ.

Я также не оспаривалъ этого страннаго убѣжденія, которое приложимо, безъ сомнѣнія, только къ женщинамъ, находящимся въ рабствѣ.

Послѣ того, какъ большая часть невольниковъ была распредѣлена и ногайскія орды распущены, ханъ направилъ путь къ Бендерамъ; но если уменьшеніе числа войскъ способствовало большей быстротѣ похода, то съ другой стороны благородство хана ставило новыя препятствія его желанію ускорить свое возвращеніе. Въ самомъ дѣлѣ султаны и министры, имѣвшіе до сихъ поръ при себѣ только походный багажъ, теперь благодаря хану имѣли такой излишекъ добычи, который препятствовалъ имъ двигаться съ достаточной скоростью. Кади-лескеръ, наиболѣе ненасытный и наиболѣе ловкій въ достиженіи своей цѣли,

оказывался также найлучше награжденнымъ. Мнѣ было любопытно видѣть его среди его изобилія и я отправился къ нему какъ-то вечеромъ.

Этотъ великій судья почтенныхъ лѣтъ и съ почтенной бѣлой бородой небрежно лежалъ на коврѣ, предназначенномъ для времени молитвы, и жаднымъ взглядомъ, съ злобной улыбкой созерцалъ невольниковъ разнаго возраста, которые въ числѣ сорока человѣкъ, собравшись у печки, образовали группу изъ фигуръ обоего пола; глаза всѣхъ ихъ были устремлены на Кади-лескера.

— Поздравляю васъ, сказалъ я, съ успѣхомъ войны, принесшей вамъ, кажется, немалую прибыль.

Кади.

Вы видите, правда, что ханъ меня хорошо вознаградилъ; но вы знаете также, что надо пользоваться этими богатствами, чтобъ наслаждаться ими; а это трудно для меня.

Баронъ.

Если вспомнить принципы хана насчетъ обращенія женщинъ, то онъ, кажется, полагается на васъ относительно прозелитокъ.

Кади.

Когда вы пришли, я занимался тѣмъ, что искалъ среди этихъ фигуръ найболѣе пріятную. Вглядитесь и вы, и посмотримъ, сойдемся-ли мы въ выборѣ.

Баронъ.

Я уже рѣшилъ и подаю голосъ за ту хорошенькую дѣвушку съ стройной таліей, скромной осанкой и нѣжнымъ взглядомъ, стоящую на скамьѣ.

Кади.

А я отдаю предпочтеніе этому круглому цвѣтущему лицу и ручаюсь, что эта фигурка, одѣтая пажемъ, будетъ восхитительна. Я признаюсь вамъ даже, что эта стройная талія, которая васъ восхищаетъ, кажется мнѣ недостаткомъ дородства.

Баронъ.

Въ такомъ случаѣ я васъ не жалѣю, такъ какъ эта дѣвушка единственная, въ которой можно найти этотъ недостатокъ. Но я вижу здѣсь очень молодыхъ: не можете-ли вы сказать мнѣ, съ какихъ лѣтъ начинаютъ заниматься ихъ обращеніемъ и не слишкомъ-ли торопятся жениться на нихъ ногайцы, которые обнаруживаютъ такую жадность къ захвату въ плѣнъ дѣвушекъ.

Кади.

Нѣтъ, татары, напротивъ, очень совѣстливы на этотъ счетъ.

Баронъ.

Но какъ-бы они ни были совѣстливы, они не могутъ спрашивать у невольниковъ о томъ, сколько имъ лѣтъ, и даже подобная справка была-ли-бы достаточной?

Кади.

Они имѣютъ хорошій способъ успокоить свою совѣсть. Если они сомнѣваются въ силахъ молодой дѣвушки, они дѣлаютъ видъ, что сердятся, пугаютъ ее и принуждаютъ бѣжать; когда она обращается въ бѣгство, они бросаютъ ей вслѣдъ одну изъ шапокъ; этотъ ударъ не сильный самъ по себѣ, достаточенъ для того, чтобы свалить ее съ ногъ, если она слаба. Въ такомъ случаѣ они уважаютъ ея раннюю молодость, утѣшаютъ ее и ждутъ терпѣливо того времени, когда она станетъ достаточно сильной, чтобъ выдержать испытаніе.

Баронъ.

Я не знаю, достаточно-ли этого; но и въ такомъ случаѣ можете-ли вы ручаться за честность тѣхъ, кто практикуетъ этотъ способъ?

— Можно всегда ручаться, отвѣтилъ мнѣ Кади, что обычаи строже соблюдаются простой націей, чѣмъ законы у народовъ культурныхъ.

Въ это время я почувствовалъ себя дурно и приписывая это удушливой жарѣ въ комнатѣ Кади-лескера, отправился домой; но переходъ изъ такой атмосферы къ рѣзкому холоду подѣйствовалъ на меня такъ, что я упалъ безъ памяти на снѣгъ. Я лежалъ такъ нѣсколько

времени, пока одинъ изъ слугъ судьи не замѣтилъ меня и не далъ знать своему господину. Однако помощь, которую онъ поспѣшилъ оказать мнѣ, не имѣла-бы успѣха, если-бы Крымъ-Гирей, узнавшій о моемъ приключеніи, не прислалъ мнѣ съ однимъ изъ своихъ пажей „eau de Luce“, которую я долженъ былъ нюхать. Не смотря на это средство, я былъ еще слишкомъ слабъ, чтобъ добраться до своего жилища; четыре татарина отнесли меня домой; ужасъ гг. Руффина и Кустиллье при видѣ меня придалъ мнѣ бодрости и помогъ окончательно придти въ себя.

На другой день мы прибыли въ Бендеры. На нѣкоторомъ разстояніи отъ города мы замѣтили бендерскаго визиря, который двигался на встрѣчу намъ. Приблизившись къ хану, визирь въ сопровожденіи многочисленной свиты слѣзъ съ лошади, подошелъ къ Крымъ-Гирею, отдалъ ему глубокій поклонъ и повернулся, чтобы идти пѣшкомъ впереди хана. Но послѣ этой церемоніи онъ получилъ позволеніе сѣсть на лошадь и сопровождалъ такимъ образомъ Крымъ-Гирея до р. Днѣстра, которая отдѣляла насъ отъ крѣпости. Мы замѣтили здѣсь мостъ изъ кораблей, который былъ устроенъ пашою бендерскимъ; это представило тѣмъ больше затрудненій, что нужно было разбивать ледъ, покрывавшій еще рѣку. Но всѣ эти мѣры, предпринятыя съ цѣлью оказать вниманіе повелителю татаръ, имѣли мало успѣха, и всѣ настойчивыя убѣжденія визиря, чтобы ханъ воспользовался мостомъ, не привели ни къ чему. „Я переправляюсь чрезъ рѣки болѣе экономическимъ способомъ“. Съ этими словами онъ пускаетъ свою лошадь мелкой рысью и принуждаетъ пашу, котораго заставила содрогнуться эта шутка, послѣдовать его примѣру. Трескъ ломившихся подъ ними льдинъ долженъ былъ въ самомъ дѣлѣ заставить пашу пожалѣть о понтонахъ, и только на другомъ берегу уже онъ могъ наглядно убѣдиться въ ихъ безполезности. Во время этой переправы изъ крѣпости начались пушечные салюты; Крымъ-Гирей вступилъ въ Бендеры при громѣ всей артиллеріи. Онъ расположился въ домѣ визиря, устроивши стоянку для того, чтобы распустить свои войска; тѣмъ временемъ въ Каушанахъ приготовлена была для него квартира и мы прибыли туда всѣ равно довольные возможностью отдохнуть послѣ похода.

Между тѣмъ вѣсти, получаемыя изъ Константинополя, откуда турецкая армія располагала отправиться къ Дунаю, не обѣщали тата-

рамъ долгаго бездѣйствія. Среди удовольствій, которымъ любилъ предаваться Крымъ-Гирей въ минуты отдыха, онъ былъ предусмотрителенъ и уже отдалъ приказъ собирать новыя войска; онъ считалъ необходимымъ направиться самому къ Хотину, чтобы удалить оттуда великаго визиря. Невѣжество, которымъ отличался этотъ первый министръ, требовало дѣйствительно противодѣйствія со стороны человѣка такого могущественнаго и просвѣщеннаго, какъ ханъ; раньше видно уже было, что намѣренія Крымъ-Гирея не были благопріятны для Эминъ-паши. Этотъ послѣдній, болѣе подозрительный въ своемъ недовольствѣ и вынужденный скрывать его до поры до времени, былъ самымъ опаснымъ врагомъ.

Среди всѣхъ своихъ занятій, Крымъ-Гирей все чаще испытывалъ приступы ипохондріи, которымъ онъ былъ подверженъ. Я былъ вдвоемъ съ нимъ во время одного изъ такихъ припадковъ, которые онъ переносилъ съ нетерпѣніемъ, и старался, чтобы онъ не принималъ никакихъ сомнительныхъ лекарствъ, когда нѣкто Сирополо, предлагавшій уже ему свои услуги, вошелъ въ комнату. Этотъ человѣкъ былъ родомъ изъ Корфу, греческаго вѣроисповѣданія, химикъ большой руки, врачъ Валахскаго господаря и его уполномоченный въ татарскомъ ханствѣ; въ качествѣ таковаго онъ имѣлъ доступъ къ хану и предложилъ ему свою медицинскую помощь, увѣряя, что онъ знаетъ лекарство, вовсе не дурное на вкусъ, которое вылечитъ хана окончательно.
— „На такомъ условіи я согласенъ", отвѣтилъ ханъ и врачъ вышелъ.

Я задрожалъ такъ замѣтно, что ханъ обратилъ вниманіе и сказалъ мнѣ съ улыбкой: „что, мой другъ, неужели вы боитесь"?
— „Конечно", отвѣчалъ я съ живостью, обсудите положеніе этого человѣка и свое и подумайте, не правъ-ли я?"
— „Какое безуміе!" сказалъ онъ, „на что мнѣ обсуждать? Не достаточно-ли одного взгляда: взгляните на него и на меня и увидите, осмѣлится-ли онъ".

Напрасно я употреблялъ настойчивыя убѣжденія, пока готовилось лекарство; врачъ быстро разсѣялъ дурное расположеніе хана, и это усилило мои опасенія.

На слѣдующій день подозрѣніе мое еще больше возросло: ханъ чувствовалъ такую слабость, что едва могъ выйти; но ловкій врачъ увѣрялъ, что это хорошій симптомъ спасительнаго кризиса и полнаго выздоровленія. Между тѣмъ Крымъ-Гирей уже не выходилъ изъ гарема. Опасаясь за него, обезпокоенный безпечностью министровъ, я сообщилъ имъ свой страхъ и вынудилъ рѣшеніе позвать на судъ Сирополо и сказать ему, что его жизнь будетъ зависѣть отъ жизни хана. Но этотъ человѣкъ достаточно хорошо зналъ мораль своихъ судей, зналъ, что эгоизмъ заставитъ ихъ заняться не мертвымъ, а его преемникомъ. Никакія угрозы не могли смутить его. Мы потеряли всякую надежду и я не разсчитывалъ уже видѣть хана, какъ вдругъ онъ меня позвалъ къ себѣ. Меня ввели въ его гаремъ, гдѣ я засталъ нѣсколькихъ изъ его женъ: общая печаль и уныніе ихъ было такъ велико, что онѣ забыли удалиться. Я вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Крымъ-Гирей. Онъ только что кончилъ различныя дѣла съ своимъ диванъ-эффенди (секретаремъ совѣта). Указывая на бумаги, лежавшія вокругъ, онъ сказалъ мнѣ:

„Вотъ мой послѣдній трудъ, а вамъ я отдаю свои послѣднія минуты“.

Но увидѣвши вскорѣ, что никакія усилія не могутъ побѣдить моей печали, онъ прибавилъ:

„Разстанемся; ваша чувствительность могла бы растрогать меня, я же постараюсь уснуть на вѣки веселѣе“. Онъ далъ знакъ шести музыкантамъ, стоявшимъ въ глубинѣ комнаты, начать концертъ.

Часъ спустя я узналъ, что несчастный ханъ умеръ подъ звуки музыки.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить, какія сожалѣнія вызвала его смерть и какъ она глубоко опечалила меня лично. Отчаяніе было общее; какой-то ужасъ овладѣлъ всѣми и тѣ, кто наканунѣ спокойно спали, увѣренные въ полной безопасности, теперь думали, что непріятель стоитъ у воротъ.

Въ то время, какъ собравшійся диванъ былъ занятъ рассылкой курьеровъ, облеченіемъ властью одного изъ султановъ на время междуцарствія и хлопотами о набалазамированіи тѣла Крымъ-Гирея,—Сирополо безъ всякихъ затрудненій получилъ паспортъ и билетъ на проѣздъ, необходимые ему для того, чтобы спокойно уѣхать въ Валахію.

Между тѣмъ признаки отравы ясно обнаружились при бальзамированіи тѣла; но интересъ минуты заглушилъ у этихъ придворныхъ всякую мысль о мести и наказаніи виновнаго. Тѣло хана было отправлено въ Крымъ на колесницѣ, драпированной чернымъ сукномъ, запряженной шестью лошадьми въ черныхъ попонахъ. Пятьдесятъ всадниковъ, значительное число мирзъ и султанъ, командовавшій конвоемъ, были тоже въ траурѣ; надо замѣтить, что на востокѣ этотъ обычай есть только у татаръ.

Сильная усталость, которую я испытывалъ уже давно, вмѣстѣ съ неизвѣстностью относительно своего положенія, которую вызывало это событіе, заставило меня легко уступить желанію уѣхать въ Константинополь и тамъ ждать новыхъ распоряженій, которыя угодно будетъ поручить мнѣ. Часть моего домашняго хозяйства была еще въ Бахчисараѣ, другую часть я оставилъ въ Каушанахъ, гдѣ оставался и г. Руффинъ, удерживаемый дѣлами. Распорядившись такъ, я уѣхалъ въ сопровожденіи своего секретаря, хирурга, лакея и ханскаго чиновника, который долженъ былъ меня провожать и былъ снабженъ необходимыми указаніями на этотъ счетъ.

Мемуары бар. Тотта, какъ мы уже сказали, небогаты свѣдѣніями относительно территоріи нынѣшняго Новороссійскаго края. Тѣ отрывочныя данныя, которыя онъ сообщаетъ, могутъ быть раздѣлены на географическія (касающіяся топографіи и этнографіи) и историческія.

Говоря о татарскомъ набѣгѣ 1769 года, бар. Toттъ описываетъ только погромъ Новой Сербіи (которая входила тогда въ составъ Елисаветинской провинціи), не касаясь остальной части южнорусскихъ степей, которую разоряли войска Калги и Нурадина. Онъ только указываетъ, что по общему плану набѣга, намѣченному въ Каушанахъ, армія Калги должна была направиться на сѣверо-востокъ къ Самарѣ и Бахмуту, армія Нурадина—къ сѣв. Донцу, и затѣмъ упоминаетъ о томъ, что во время военнаго совѣта на правомъ берегу Ингула, у границы Новой Сербіи, ханъ получилъ вѣсти объ этихъ двухъ арміяхъ, подтверждавшія движеніе ихъ въ указанномъ направленіи.

Бар. Тоттъ въ качествѣ очевидца описываетъ очень подробно походъ той главной части татарской арміи, которая находилась подъ предводительствомъ самаго хана Крымъ-Гирея, и мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить движеніе ея и районъ, охваченный ея нашествіемъ

Послѣ общаго военнаго совѣта въ Каушанахъ, армія, предводительствуемая ханомъ, переправилась черезъ Днѣстръ и направилась на сѣверъ.

Въ Балтѣ, послѣ долгаго перехода, была первая большая лагерная стоянка. Изъ Балты войска двинулись на востокъ, а затѣмъ въ юго-восточномъ направленіи шли къ р. Бугу. На этомъ пути бар. Тоттъ упоминаетъ объ остановкѣ въ какомъ-то татарскомъ мѣстечкѣ Ольмарѣ (?), котораго мнѣ не удалось фиксировать на картѣ.

Быть можетъ, мѣстечко это имѣло и другое названіе. На правомъ берегу р. Буга въ настоящее время есть мѣстечко Ахмечеть; названіе это, несомнѣнно татарское, очень разнится отъ наименованій окрестныхъ селъ и деревень; а самое мѣстечко лежитъ какъ разъ на томъ пути, по которому шло татарское войско; но нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что Ольмаръ и Ахмечеть одно и тоже.

Далѣе войско хана переправилось по льду черезъ р. Бугъ, къ сѣверу отъ впаденія въ нее р. Мертвовода; послѣ нѣсколькихъ дней пути уже по запорожскимъ степямъ, оно перешло р. Мертвоводъ и берегомъ ея шло до истоковъ этой рѣки, гдѣ и расположилось на отдыхъ въ камышевыхъ заросляхъ.

Послѣ этой стоянки, войско, не зная дорогъ, двигалось на угадъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ р. Ингулу, на правомъ берегу котораго, почти на границѣ Новой Сербіи, остановилось лагеремъ для окончательной провѣрки плана военныхъ дѣйствій. Мѣстность, по которой шло до этого пункта татарское войско (между среднимъ теченіемъ р. Буга и среднимъ теченіемъ р. Ингула), бар. Тоттъ называетъ запорожскими пустынями (déserts Zaporoviens). Это было вѣдомство Запорожской Бугогардовской паланки. Очевидно въ то время населеніе этой мѣстности было очень малочисленно, такъ какъ бар. Тоттъ, подробнымъ образомъ описывающій всѣ стоянки арміи, одинъ разъ только упоминаетъ о нѣсколькихъ заброшенныхъ жилищахъ и копнахъ сѣна, которыя встрѣтились по дорогѣ

на правомъ берегу Ингула и которыми войско воспользовалось для устройства своего лагеря. Вѣроятно, это былъ зимовникъ, покинутый жителями при вѣсти о приближеніи врага. На пространствѣ всего пройденнаго пути до Ингульской стоянки, бар. Тоттъ ни разу не говоритъ о подобныхъ поселкахъ. Да это и не удивительно, такъ какъ юго-западная окраина Бугогардовской паланки примыкала непосредственно къ кочевымъ владѣніямъ едисанской орды. Южная часть нынѣшней херсонской губерніи, между нижнимъ теченіемъ Буга и устьями Днѣпра, принадлежала къ району едисанскихъ кочевій и не имѣя строго опредѣленныхъ границъ, составляла предметъ вѣчной порубежной распри между ордой и Запорожьемъ.

Непосредственное сосѣдство съ татарами не могло внушать желанія селиться близъ этой опасной окраины и только необходимость вызывала устройстьо кое-гдѣ сторожевыхъ постовъ и зимовниковъ. Къ сѣверо-востоку же, къ берегамъ рѣки Ингула мѣстность могла быть населена плотнѣе.

Перейдя Ингулъ, войско татарское въ предѣлахъ Новой Сербіи раздробилось на множество мелкихъ отрядовъ, движенія которыхъ прослѣдить нѣтъ возможности. Это былъ дикій набѣгъ, гдѣ отсутствовалъ правильный планъ, гдѣ главной цѣлью ставился возможно болѣе опустошительный разгромъ земли и захватъ плѣнныхъ.

Мы можемъ слѣдить опять таки лишь за движеніемъ той же центральной части войска, которой предводительствовалъ ханъ. Б. Тоттъ отмѣчаетъ здѣсь нѣсколько фактовъ погрома, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Не рѣшившись напасть на крѣпость св. Елисаветы, татарское войско разорило близъ-лежащее мѣстечко Аджамку, а затѣмъ поворотило на сѣв.-западъ и, двигаясь къ польской границѣ,на пути уничтожило м. Красниковъ. Кромѣ того, отрядъ волонтеровъ направился къ Цыбулеву, но не рискнувши напасть на самое укрѣпленіе подъ пушечными выстрѣлами, разграбилъ только предмѣстья. Б. Тоттъ вскользь говоритъ о набѣгѣ на Цыбулевъ, но о томъ же событіи мы имѣемъ другое свидѣтельство, приводимое г. Скальковскимъ, именно рапортъ вальдмейстера Максимова [1]) (отъ 26-го января 1769 г.), который самъ скрывался въ

---

1) „Исторія Новой Сѣчи“ Скальковскаго, ч. III-я.

Цыбулевѣ во время татарскаго нападенія. Въ томъ же рапортѣ Максимова мы находимъ свѣдѣнія о разореніи татарами еще двухъ пунктовъ—слободъ Максимовской и Гончарской. Баронъ Тоттъ не упоминаетъ этихъ слободъ, очевидно, раззореніе ихъ было дѣломъ одного изъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Описывая страшныя картины погрома Новой Сербіи, б. Тоттъ говоритъ, что въ предѣлахъ этой территоріи было сожжено 150 деревень, общее же число захваченныхъ плѣнныхъ доходило до 20,000 человѣкъ. Говоря о населеніи Аджамки, онъ указываетъ, что это мѣстечко имѣло отъ 800 до 900 домовъ; наконецъ, онъ приводитъ фактъ сожженія татарами 1200 человѣкъ, укрывшихся въ какомъ то монастырѣ во время набѣга и погибшихъ послѣ упорнаго сопротивленія. Всѣ эти данныя говорятъ въ пользу того, что въ то время на территоріи, составлявшей Елисаветинскую провинцію (по бар. Тотту Новую Сербію), было уже немало поселеній съ довольно значительнымъ числомъ жителей. Если допустить даже весьма возможное преувеличеніе въ числѣ плѣнниковъ, трудно опредѣляемомъ на первый взглядъ, то все же остающіяся данныя свидѣтельствуютъ въ пользу населенности этой территоріи.

Нѣкоторые изъ упоминаемыхъ бар. Тоттомъ пунктовъ существуютъ и теперь. Такъ, Аджамка, бывшая въ то время военнымъ пикинерскимъ шанцемъ, теперь существуетъ въ видѣ мѣстечка на рѣкѣ того же имени (въ алекс. уѣз., херс. губ.) къ сѣверо-востоку отъ Елисаветграда, бывшей крѣпости св. Елисаветы.

Г. Цыбулевъ, упоминаемый бар. Тоттомъ, вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Цыбулево на р. Ингульцѣ, въ сѣверной части александрійскаго уѣзда, ближе къ границѣ кіевской губерніи. Красникова, а также слободъ Максимовской и Гончарской, подъ тѣми же именами, на картѣ херс. губерніи нѣтъ. Г. Скальковскій двѣ послѣднія слободы указываетъ въ томъ-же александрійскомъ уѣздѣ. Дер. Максимовка есть въ елисаветградскомъ уѣздѣ, на р. Большой Высккѣ, впадающей въ р. Высь, но она находится нѣсколько вдали отъ остальныхъ упомянутыхъ пунктовъ, которыхъ положеніе опредѣляется точно въ александрійскомъ уѣздѣ.

Мы видимъ, что вторая и главная часть похода совершалась татарскимъ войскомъ въ мѣстности уже гораздо болѣе населенной, чѣмъ земли Бугогардовской паланки.

Районъ, охваченный описаннымъ набѣгомъ татаръ, заключалъ въ себѣ сѣверо-западную часть нынѣшней херсонской губерніи: вся тяжесть погрома пала на александрійскій, а потомъ на елисаветградскій уѣзды.

Описаніе 3-й заключительной части похода прямо не относится къ нашей цѣли, такъ какъ дѣло происходило уже въ предѣлахъ польской Украйны (нынѣшней кіевской и подольской губерніи). Замѣтимъ только, что мѣстечко Саврань, бывшее сборнымъ пунктомъ для дѣлежа награбленной въ Новой Сербіи добычи, существуетъ и въ настоящее время въ подольской губерніи, на почтовомъ трактѣ, близъ р. Буга.

Татарскій набѣгъ сопровождался обычнымъ аттрибутомъ своимъ—пожарами, уничтожавшими на пути все имущество, а часто не щадившими и самой жизни обитателей этого края. Противостоять дикимъ, стремительнымъ ордамъ могли только мѣста укрѣпленныя и защищенныя войсками. Но такихъ пунктовъ было мало, военная защита была плохо организована: русское правительство съ этой цѣлью устроило только крѣпость св. Елисаветы, всѣ-же другія укрѣпленія, въ видѣ шанцевъ, были довольно слабы. Жителямъ остальныхъ мѣстъ приходилось прибѣгать къ единственному средству защиты при появленіи врага—покидать свои жилища и прятаться въ перелѣскахъ. Въ набѣгѣ 1769 г. мы видимъ обычные въ подобныхъ случаяхъ пріемы и нападенія, и самозащиты. Съ одной стороны татары, дробясь на мелкіе отряды, чтобы лучше скрыть слѣды, разсѣеваются по всей территоріи и, обходя по возможности всѣ укрѣпленные пункты, стараются дѣйствовать нежданнымъ набѣгомъ въ разсыпную на беззащитныя слободы и поселки, истребляя ихъ огнемъ. Съ другой стороны населеніе бѣжитъ отъ татаръ, ищетъ пріюта въ стѣнахъ укрѣпленія или монастыря, или скрывается въ лѣса, оставляя свои жилища, поля и стада въ добычу пламени и разграбленію. Баронъ Тоттъ разсказываетъ о томъ, какъ Игнатъ—козаки и татары атаковали жителей, засѣвшихъ въ лѣсу. По словамъ упомянутаго уже Максимова, жители слободъ Гончарской и Максимовской, укрывшись въ Чорномъ лѣсу, отстрѣливались отъ татаръ. Вѣсть о приближеніи врага распространялась обыкновенно посредствомъ придуманныхъ запорожцами сигнальныхъ „фигуръ", устраивавшихся изъ пустыхъ бочекъ (или изъ бревенъ),

сложенныхъ въ видѣ башни и переложенныхъ соломой и горючими веществами. Фигуры эти въ запорожскихъ степяхъ ставились, въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, обыкновенно на курганахъ, вдоль какого-нибудь шляха, проѣзжей дороги; около нихъ устраивались небольшіе сторожевые посты или редуты. Зажженная фигура давала знать о появленіи непріятеля въ сосѣдній редутъ, тамъ дѣлали то-же самое и вскорѣ яркое пламя горящихъ фигуръ разносило по всей странѣ грозную вѣсть, предупреждая жителей объ опасности.

Русское правительство, устраивая въ 1763 г. Елисаветинскую провинцію, приказало поставить на всемъ ея пространствѣ подобные „сигнальные маяки“. Очевидно, о нихъ говоритъ баронъ Тоттъ, описывая путь войска къ Аджамкѣ, и не безъ основанія замѣчаетъ, что эти сигнальные маяки служили для татаръ, незнающихъ дороги, лучшимъ проводникомъ вглубь страны.

Временемъ своихъ набѣговъ татары обыкновенно избирали средину лѣта или зимы, когда можно было переправляться черезъ рѣки вплавь или по льду, и очень избѣгали весеннихъ и осеннихъ разливовъ. Суровость климата, страшные зимніе холода гибельно дѣйствовали на татарское войско въ этихъ открытыхъ степяхъ; съ непривычки это поражало барона Тотта и заставляло его, быть можетъ, слишкомъ сгущать краски въ описаніи бѣдствій татарской арміи, когда онъ говоритъ, напримѣръ, о томъ, что у нихъ въ одинъ день погибла $^{1}/_{10}$ часть всѣхъ лошадей, т. е. 30,000 и 3,000 людей отъ холода и голода. Къ большему преувеличенію, если не просто къ вымыслу, нужно отнести и разсказъ барона Тотта объ одномъ изъ Игнатъ—козаковъ, опускавшемся два раза на дно рѣки, чтобы достать у одного изъ потонувшихъ сипаевъ кошелекъ и пистолеты.

Что касается чисто исторической канвы разсказа о набѣгѣ 1769 г., то она въ общемъ согласна съ свидѣтельствами другихъ источниковъ и только въ нѣкоторыхъ частностяхъ есть разногласіе. Именно, баронъ Тоттъ упоминаетъ о такомъ фактѣ: что „запорожскіе козаки“, тѣснимые Калгой-султаномъ, заручившись съ его стороны нейтралитетомъ, отказали въ повиновеніи командиру крѣпости св. Елисаветы. Нѣкоторые польскіе историки подтверждаютъ это свидѣтельство; г. Соловьевъ совсѣмъ умалчиваетъ о немъ, а г. Скаль-

ковскій съ негодованіемъ отвергаетъ возможность подобнаго факта, указывая на ту роль дѣятельныхъ союзниковъ, которую играли въ войнѣ 1769—1774 г. запорожцы относительно Россіи. Роли этой отрицать нельзя, но если мы посмотримъ, съ какого времени началась она, то увидимъ, что запорожцы являются дѣятелями въ этой войнѣ совмѣстно съ русской арміей послѣ того, какъ дѣйствія этой арміи и флота были ознаменованы первыми блестящими успѣхами, что участіе запорожцевъ въ войнѣ этой относится уже къ концу 1769 г., а не къ началу его. Грамота Екатерины II отъ 19 декабря 1768 г., поощрявшая вѣрность запорожцевъ, которые донесли генералу Воейкову о заискиваніяхъ хана крымскаго, эта грамота на которую особенно ссылается г. Скальковскій, кажется, не можетъ служить непреложнымъ свидѣтельствомъ противъ барона Тотта. Мы видѣли, что запорожцы и въ данномъ случаѣ дѣйствовали совершенно независимо: только уладивши дѣла свои съ ханомъ, они довели объ этомъ до свѣдѣнія генерала Воейкова. Эта самостоятельность запорожцевъ понималась русскимъ правительствомъ и вызывала съ его стороны неудовольствіе, которое ясно сказывается въ письмѣ Румянцева къ Екатеринѣ II-й по поводу донесенія запорожцами о полученныхъ ими прелестныхъ письмахъ отъ Порты [1]): „многіе случаи, пишетъ Румянцевъ, довольно меня вразумляютъ разбирать свойство запорожскихъ козаковъ, которые настоящимъ воспослѣдованіемъ ищутъ превознестись въ томъ, всегда ими воображаемомъ уваженіи, что одно ихъ войско толь важно для защиты границъ, сколь и прелестно другимъ державамъ. Не вмѣщается то въ моемъ понятіи, какъ-бы могъ султанъ такого эмиссарія отправить прямо и явно къ сему войску, не имѣвши никакихъ предувѣреній или поводу, котораго народное право подвергаетъ участи самаго злѣйшаго преступника и коего въ показаніе своей подданнической вѣрности, кошевому атаману подлежало-бы самого средствами прикрытыми представить генералъ-губернатору въ Кіевъ и тѣмъ пресѣчь дальнѣйшія покушенія. Но сего злодѣя, Кошевой рапортуетъ, что черезъ нѣсколько дней съ письмомъ отвѣтнымъ къ султану отпуститъ. А я и не могу вообразить, какую можно переписку въ

[1]) «Исторія Новой Сѣчи» Скальковскаго, ч. III-я.

сей матеріи продолжать подданному съ непріятелемъ, которая при нынѣшнихъ обстоятельствахъ столько подозрительна, сколько и предосужденія сдѣлать можетъ высочайшимъ интересамъ вашего величества, по разсужденію, что войско запорожское не одноземцы, но всякихъ націй составляютъ народы".

Вообще, если принять во вниманіе постоянное стремленіе Запорожья къ независимости въ своихъ дѣлахъ, его стѣсненное положеніе въ послѣдніе годы существованія, его вѣчныя распри съ командиромъ крѣпости св. Елисаветы изъ-за земель, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ документовъ изъ этого періода, наконецъ сношенія Запорожья съ турками, не разъ завязывавшіяся въ трудную годину, хотя оканчивавшіеся всегда печально для запорожцевъ, въ фактѣ приводимомъ барономъ Тоттомъ можно видѣть не какую-то „измѣну" Запорожья русскому государству, а просто политическій разсчетъ, который заставлялъ свободную общину запорожскую держаться въ выжидательномъ положеніи среди загорѣвшейся распри двухъ враждебныхъ стихій. Во всякомъ случаѣ утвердить этотъ фактъ можно было-бы только какимъ-нибудь положительнымъ подлиннымъ документомъ; но я хочу указать только, что нѣтъ основаній отрицать возможность подобнаго образа дѣйствій со стороны Запорожья.

Можно сдѣлать еще короткое замѣчаніе относительно чисто историческаго факта, входящаго эпизодически въ мемуары барона Тотта. Говоря о происхожденіи войска Игнатъ-козаковъ, поселившихся на р. Кубани и бывшихъ вѣрными подданными турецкой имперіи, баронъ Тоттъ замѣчаетъ, что первый предводитель этой группы поселенцевъ былъ Игнатій [1]), который ушелъ изъ русскаго государства отъ бритья бородъ потому, видно, что „цѣнилъ бороду свою дороже свободы". Это замѣчаніе показываетъ, что баронъ Тоттъ, достаточно знакомый съ исторіей татаръ и турокъ, не стоитъ на такой-же твердой почвѣ относительно русской исторіи. Онъ не понялъ того, что въ извѣстный періодъ русской жизни люди могли отстаивать свою бороду именно потому, что въ покушеніи на нее видѣли посягательство на свою свободу; что бритье бородъ было

[1]) «Ист. Россіи» Соловьева, т. XXVIII-й.

[2]) Игнатій Некрасовъ; Игнатъ козаки—такъ называемые Некрасовцы.

однимъ изъ случайныхъ поводовъ, за которымъ скрывались гораздо болѣе глубокія причины, побуждавшія этихъ людей покидать свою родину, бѣжать въ чужой край и вмѣстѣ съ непріятельскимъ войскомъ разорять предѣлы русскаго государства.

Въ качествѣ интересной подробности, опущенной русскими историками, можно отмѣтить указаніе барона Тотта на то обстоятельство, что Крымъ-Гирей умеръ отъ яда, которымъ былъ отравленъ вслѣдствіе происковъ враговъ и главнымъ образомъ, какъ намекаетъ баронъ Тоттъ, великаго визиря. Эта подробность бросаетъ еще одинъ штрихъ на внутреннюю организацію турецкой имперіи въ ту пору.

Вотъ тѣ данныя, которыя можно извлечь изъ разсказа барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., разорившемъ сѣверную часть нынѣшней Новороссіи.

Но въ тѣхъ-же мемуарахъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о новороссійскомъ югѣ, именно о губерніи таврической и южныхъ полосахъ херсонской и бессарабской.

На пути своемъ изъ Франціи въ Крымъ барону Тотту пришлось проѣзжать по этой окраинѣ. Путь его лежалъ черезъ Польшу, турецкія владѣнія, затѣмъ (изъ Молдавіи) въ Бессарабію и южными степями до Перекопскаго перешейка, откуда начинались уже главныя владѣнія крымскаго хана, собственно Крымъ. Послѣ главныхъ остановокъ своихъ, въ г. Хотинѣ, на польско-турецкой границѣ, въ г. Яссахъ, въ Молдавіи (границей между Молдавіей и хотинскимъ пашалыкомъ служила р. Прутъ) и въ г. Кишиневѣ, баронъ Тоттъ прибылъ въ Кишлу, резиденцію бессарабскаго султана-сераскира. Вся страна отъ границъ Молдавіи до г. Таганрога, занятая землями бессарабской, едисанской, джамбуйлуцкой и едичкульской ордъ, вмѣстѣ съ Кубанью, частью Черкещины и крымскимъ полуостровомъ, носила названіе Малой Татаріи.

Населеніе Бессарабіи или Буджака, подобно крымскимъ татарамъ, вело жизнь осѣдлую, имѣло свои деревни. Султанъ-сераскиръ управлялъ этой татарской провинціей въ качествѣ ханскаго намѣстника. Съ большой свитой мирзъ, хорошо вооружившись и запасшись провизіей, онъ предпринималъ частыя охотничьи экскурсіи, которыя нерѣдко, вмѣсто охоты на зайцевъ и на дичь, обращались въ болѣе серьезныя экспедиціи военнаго характера.

Р. Днѣстръ служила границей между Бессарабіей и степями едисанской орды. Ногайцы, входившіе въ составъ 3-хъ большихъ ордъ: едисанской, джамбуйлуцкой и едикульской вели кочевой образъ жизни, хотя кочевья ихъ были довольно точно фиксированы. Они располагались обыкновенно въ рѣчныхъ долинахъ. Баронъ Тоттъ описываетъ такія кочевые лагери едисанскихъ ногайцевъ: небольшія долины около 30 м. въ длину и ¼ м. ширины прорѣзываютъ степи съ сѣвера на югъ по теченію рукавовъ и рѣчекъ, которыя текутъ на днѣ этихъ глубокихъ долинъ и оканчиваются на югѣ, у берега Чернаго моря, небольшими озерами или лиманами. Въ этихъ рѣчныхъ долинахъ ногайцы раскидывали свои палатки и тутъ-же устраивали зимніе загоны для скота. Кругомъ, сколько глазъ захватитъ, стлалась безбрежная степь и на краю горизонта будто сливалась съ небеснымъ сводомъ правильнымъ кругомъ. Аистъ или другая птица изрѣдка проносились въ воздухѣ. Восходящее солнце вставало будто изъ-за моря. Тамъ и сямъ по степи возвышались высокіе курганы. Баронъ Тоттъ сравниваетъ ихъ съ подобными-же курганами Фландріи, Брабанта и Ѳракіи и дѣлаетъ предположеніе, что это не могильные холмы, а просто земляныя насыпи, которыя устраивались войсками для обозначенія пути во время военныхъ походовъ. Обычай устраивать такія насыпи во время похода существуетъ и теперь у турокъ и, быть можетъ, на подобныя-же земляныя работы указываетъ и Ксенофонтъ въ „Отступленіи десяти тысячъ“.

Въ этой степи, верхомъ на лошади, ногаецъ проводилъ всю свою жизнь, занимаясь то набѣгами, то охотой или несложнымъ домашнимъ хозяйствомъ. Ногайцы обрабатывали часть степи и на поляхъ сѣяли преимущественно просо; но главнымъ богатствомъ ногайскихъ ордъ былъ скотъ: овцы обыкновенно держались близъ кочевья, а лошади, быки и верблюды пускались на волю въ степь, гдѣ и пропадали цѣлое лѣто. Каждый хозяинъ выжигалъ свою мѣтку на каждомъ животномъ. Позднею осенью ногайцы пускались на поиски за стадами и разсѣевались въ одиночку по степи; встрѣчая пасущійся скотъ, ногаецъ запоминалъ мѣтки и съѣхавшись случайно въ пути, хозяева передавали другъ другу указанія, въ какомъ направленіи можетъ каждый изъ нихъ найти свои стада.

Зоркій глазъ ногайцевъ позволялъ имъ различать другъ друга на далекомъ разстояніи, когда только голопы ихъ, какъ черныя точки, показывались на горизонтѣ. Лошадей ловили они арканами; лошадиное мясо служило имъ пищей и они спѣшили убить издыхающую лошадь, чтобъ съѣсть ее.

Кумысъ и просяной хлѣбъ служили тоже обычной пищей ногайцамъ.

На поля и степи ногайскія нерѣдко налетали цѣлыя миріады саранчи, которая, темной тучею застилая солнце, опускалась на землю и истребляла до тла всю растительность. Ея налеты были опустошительнѣе пожаровъ. Часть хлѣба, шерсть и плохо выдѣланныя кожи составляли предметъ торговли ногайцевъ и находили сбытъ въ Балтѣ и пограничныхъ турецкихъ рынкахъ. Деньги полученныя ногайцами (золотые дукаты венеціанскіе и генуэзскіе) закапывались ими въ землю, по свидѣтельству барона Тотта, такъ какъ вслѣдствіе простоты жизни ногайцевъ деньги не находили у нихъ употребленія.

На всемъ этомъ вольномъ пространствѣ степей, какъ два сторожа, стояли сильныя турецкія крѣпости: Очаковъ и Перекопъ. Б. Тоттъ такъ описываетъ: Очаковъ „эта крѣпость, расположенная на правомъ берегу р. Днѣпра, близъ его устья, устроена на небольшомъ откосѣ. Ровъ и крытая дорога—единственныя ея укрѣпленія: крѣпость имѣетъ видъ удлиненнаго параллелограма и здѣсь такъ-же, какъ въ Бендерахъ и Хотинѣ, есть многочисленная артиллерія; но пушки плохи: каждая изъ нихъ установлена между двумя габіонами, образующими родъ амбразуры“. Евреи, живущіе въ предмѣстьи Очакова, держатъ тамъ постоялый дворъ. „Днѣпръ при устьѣ образуетъ лиманъ, окаймленный съ юго-востока низменной песчаной косой, носящей названіе Кинбурнской. Здѣсь противъ Очакова устроено другое укрѣпленіе. Плоскодонныя лодки служатъ средствомъ сообщенія между обоими берегами.

Изъ Очакова баронъ Тоттъ переправился черезъ Днѣпръ въ Кинбурнъ и затѣмъ ѣхалъ Джамбуйлуцкими степями вдоль побережья Чернаго моря, до перекопской крѣпости: шумъ морскихъ волнъ, разбивавшихся о берегъ, явственно слышался и нарушалъ однообразіе этихъ пустынныхъ степныхъ равнинъ.

Перекопскія укрѣпленія устроены были въ самомъ узкомъ мѣстѣ перешейка и, упираясь съ обѣихъ сторонъ въ морской берегъ, занимали пространство около 3/4 мили. На сѣверѣ находился ровъ; черезъ него плохой деревянный мостъ велъ къ воротамъ подъ сводомъ. Каждый вечеръ привратникъ запиралъ эти ворота на ключъ, преграждая такимъ образомъ и проходъ и проѣздъ на полуостровъ. У сѣверной линіи укрѣпленій, близъ этихъ воротъ, расположилась плохенькая деревня, жители которой занимались торговлей съ русскими купцами и промышленниками. Перекопская крѣпость была прочна и имѣла величественный видъ: искусство и природа какъ-бы помогли другъ другу въ этомъ дѣлѣ. Окопы, прерванные въ нѣсколькихъ мѣстахъ редутами, укрѣпленные пушками и снабженные гранатами, могли-бы, по словамъ барона Тотта, противостоять стотысячной арміи. Русскія войска въ войны 1736 и 1769 г. г. проникали въ Крымъ не черезъ перешеекъ, а съ востока, со стороны узкой косы, которая тянется параллельно восточному берегу Крыма и отдѣляетъ Сивашъ отъ Азовскаго моря. Неизвѣстно, когда были устроены перекопскія укрѣпленія; баронъ Тоттъ склоненъ думать, что работы эти предшествовали поселенію здѣсь татаръ, или-же предки нынѣшнихъ татаръ были культурнѣе своихъ потомковъ. Во время пребыванія въ Перекопской крѣпости баронъ Тоттъ встрѣтилъ тамъ цѣлую колонію австрійскихъ нѣмцевъ изъ 7 мущинъ 5 женщинъ и 4 дѣтей. Они оставили родину, отправившись искать счастья въ Россію, но здѣсь имъ такъ не повезло, что они бѣжали. Не зная дороги, они попали въ ногайскія степи. Баронъ Тоттъ забралъ колонистовъ съ собою и пристроилъ ихъ въ Крыму.—На сѣверѣ крымскаго полуострова, близъ Перекопскаго перешейка, находится рядъ солончаковъ и соляныхъ озеръ. Баронъ Тоттъ говоритъ, что они были отданы въ аренду армянамъ и евреямъ, которые вели здѣсь торговлю. Добываніе соли и торговля ею велись на самыхъ элементарныхъ основаніяхъ. Умѣнья экономизировать добытую соль, устроить склады ея, предохранить отъ случайностей, въ видѣ дождей и т. п.,—ничего этого не было. Условія торговли были таковы: покупатель и продавецъ уговаривались только на счетъ цѣны за возъ соли и на счетъ числа воловъ, которые будутъ запряжены въ этотъ возъ. Затѣмъ покупатель самъ

добывалъ соль, нагружалъ свой возъ и отправлялся въ путь. Гарантія отъ обмана заключалась въ слѣдующемъ условіи: если возъ сломится подъ тяжестью соли, не достигши раньше означеннаго пункта, покупатель долженъ возвратить соль торговцу. Бѣлая дорожка отъ сыпавшейся съ возовъ соли ясно указывала путь, по которому двигались „валки" изъ Крыма на сѣверъ въ южно-русскія степи.

Мы не будемъ останавливаться на топографическомъ описаніи Крымскаго полуострова и на соображеніяхъ, которыя высказываетъ баронъ Тоттъ относительно происхожденія цѣпи южныхъ горъ, вліянія моря на очертанія береговъ и т. п.; отмѣтимъ только, что баронъ Тоттъ указываетъ вездѣ на благопріятныя условія природы и сравнительно малую культуру: онъ говоритъ о плодородіи почвы и о дурной ея обработкѣ, объ удобныхъ условіяхъ для развитія винодѣлія и плохомъ уходѣ за виноградниками и т. п.

Не станемъ распространяться и объ административномъ устройствѣ татарскихъ земель, основныя черты котораго были нами указаны раньше. Остается только обратить вниманіе на тѣ населенные пункты, которые называетъ баронъ Тоттъ, на нѣкоторыя черты политической исторіи Крыма, отмѣченныя имъ, и бросить бѣглый взглядъ на общественный строй и экономическое положеніе собственно крымскихъ татаръ. Крымскій полуостровъ издавна служилъ приманкой для различныхъ народностей и долго былъ предметомъ завладѣній и споровъ. Въ немъ постепенно смѣнялись періоды византійскаго, готскаго, генуэзскаго владычества, оставляя каждый свои слѣды. Генуэзцы распространили свои владѣнія до предѣловъ Херсонеса Таврическаго. Памятниками долгаго и жестокаго господства генуэзцевъ въ Крыму, по предположенію барона Тотта, являются развалины укрѣпленныхъ замковъ на вершинахъ скалъ; изъ этихъ замковъ не рѣдко ведутъ подземные ходы, сообщающіеся иногда съ какими-то пещерами; въ одной изъ такихъ пещеръ найдено было множество человѣческихъ костей. Впрочемъ, въ пользу своего предположенія о генуэзскомъ происхожденіи замковъ этихъ, баронъ Тоттъ не приводитъ убѣдительныхъ доказательствъ. Большой городъ Кафа (нынѣшняя Ѳеодосія) и ничтожный по значенію въ XVIII вѣкѣ г. Балаклава были, по словамъ барона Тотта, нѣ-

когда главными пунктами генуэзской торговли. Балаклавскій портъ, лежащій при удобномъ заливѣ, окруженный лѣсами, дающими матеріалъ для судостроенія, къ тому-же первый портъ со стороны Ѳракійскаго Босфора, имѣлъ несомнѣнное значеніе въ болѣе раннее время, о чемъ свидѣтельствуютъ древнія развалины вблизи него. Кромѣ этихъ двухъ пунктовъ, въ числѣ значительныхъ городовъ, баронъ Тоттъ называетъ Бахчисарай, столицу хана, Гуцловъ (нын. Евпаторія), неправильно передѣланный русскими въ Козловъ [1]), и Ахмечеть (нын. Симферополь), резиденцію ками-султана. Какъ сказано раньше, генуэзское владычество въ Крыму смѣнилось турецкимъ.

Крымскіе татары вели осѣдлую жизнь, начало феодализма проникало весь ихъ общественный строй; знатные мирзы, получавшіе земли въ ленное владѣніе, были вассалами хана. Пять знатныхъ древнихъ фамилій, ведшихъ свой родъ, по преданію отъ сподвижниковъ Чингизъ-хана, составляли высшую аристократію страны, строго отличавшуюся отъ новопожалованныхъ вассаловъ. Каждая изъ этихъ фамилій (мирзы ширинскіе, мансурскіе, седжукскіе, аргинскіе и барунскіе) имѣла своего представителя или *бея*; всѣ новые, низшіе мирзы имѣли вмѣстѣ одного *бея* и эти шесть беевъ составляли вмѣстѣ съ ханомъ верховный совѣтъ. Ширинскій бей считался постояннымъ представителемъ остальныхъ въ то время, когда совѣтъ не собирался, и пользовался большимъ значеніемъ.

Земли дѣлились въ Крыму на ленныя владѣнія, крестьянскія и ханскія. Послѣднія были свободны отъ всякихъ повинностей, вассальныя обложены были извѣстной податью; эти доходы собирались въ казну и изъ нихъ выдавались ханомъ награды мирзамъ. О положеніи крестьянскаго населенія баронъ Тоттъ замѣчаетъ только, что владѣлецъ-мирза пользовался въ районѣ своего лена правомъ наслѣдства крестьянскихъ земель, въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ по 7-й степени родства; тѣмъ-же правомъ пользовался ханъ относительно своихъ вассаловъ.

---

[1]) Гуцловъ значитъ тысяча глазъ; получилъ это названіе оттого, что лежа на плоской низменной равнинѣ, освѣщенный огнями, онъ вечеромъ представляетъ эффектное зрѣлище.

Ногайцы, у которыхъ не было такого правильнаго распредѣленія земель, были обложены десятинной повинностью съ добываемыхъ продуктовъ, которую они платили сераскиръ-султанамъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ бытъ народовъ, населявшихъ новороссійскія степи. Кажется, мы исчерпали все, что даютъ мемуары барона Тотта относительно нынѣшняго новороссійскаго края,— губерній херсонской и отчасти бессарабской.

С. Е.

КАРТИНКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

(Изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству).

Все йде, все минае
И краю не мае...
Изъ „Гайдамакъ" Т. Г. Шевченка.

Пишу мой разсказъ не по документамъ, а по изустнымъ преданіямъ. Не факты историческіе въ строгой опредѣленности хочу передать вамъ, читатель мой, но хочу воспроизвести предъ вами тѣ мелкіе штрихи, которыми отпечатлѣвалась со времени дѣтства въ моей памяти и воображеніи минувшая народная жизнь. Надъ колыбелью моею носились звуки народной пѣсни; потомъ слышалъ я много думъ и легендъ, преданій и разсказовъ, изъ которыхъ многіе имѣли связь съ ближайшими селами, лѣсами, урочищами. И все это то улетучивалось по частямъ, то опять восполнялось, спутывалось, переплеталось, давало извѣстный осадокъ, получало какое-то очертаніе и колоритъ и слагалось въ одно общее представленіе о старомъ времени. Исчезли частности, факты, точные образы лицъ и дѣйствій, остались ихъ тѣни, едва примѣтныя черты, и этими-то тѣнями, этими неясными отпечатками хочу теперь воспользоваться, чтобы, приведя ихъ въ связь, сдѣлать наброски для общей картины минувшей народной жизни. Нитью моихъ воспоминаній, канвою настоящихъ картинокъ служатъ для меня разсказы стараго пріятеля моей юности, жителя м. Калниболотъ (Кіев. губ., звенигор. у.) Андрія Бондара, а центромъ всего, личность Петра Бондара, его дѣда, свидѣтеля разоренія Сѣчи.

Живо и теперь представляю себѣ большую старую хату, у подошвы горы, на краю роднаго села. Весною и лѣтомъ она вся

утопала въ зелени вишень и черешень. Въ этой хатѣ жилъ названный сейчасъ мой пріятель—старикъ Андрій Бондаръ. Хотя хата его находилась и недалеко отъ села, но онъ жилъ въ ней какъ-то одиноко, отдѣльно отъ общей жизни села. Въ семьѣ у него были только сынъ и невѣстка. Рѣдко видѣли его въ селѣ: только по большимъ праздникамъ онъ являлся въ церковь, все остальное время или проводилъ на пасѣкѣ, или выдалбливалъ въ своей хатѣ ложки. Бывало, поздними лѣтними вечерами я навѣщалъ его. Не могу передать словами того впечатлѣнія, какое выносилъ я изъ этой убогой хаты. Одинокій, молчаливый въ теченіи дня, мой старикъ охотно говорилъ, окончивъ свои дѣла. Усѣвшись въ концѣ стола и подперши руками голову, онъ начиналъ обобщеніями тѣхъ думъ и впечатлѣній, которыя роились въ его головѣ за работой, но которыхъ и некогда и не кому было передать. Жизнь съ ея невзгодами и страданіями глубоко отпечатлѣвалась въ его философствующемъ умѣ. Горькая дѣйствительность переносила его къ воспоминаніямъ; иногда я самъ наводилъ его рѣчь на прошлое. Старикъ оживлялся, съ увлеченіемъ отдавался воспоминаніямъ. Говорилъ и говорилъ безъ устали и конца. Мое воображеніе въ ночномъ полумракѣ рисовало мнѣ картины минувшаго. Передо мной, какъ живой, являлся образъ украинскаго козака съ его вѣрнымъ воронымъ конемъ. Широкія степи, лѣса, могилы, все это какъ будто-бы находилось въ Бондаревой хатѣ. Все это такъ и просилось на полотно. Отъ чего я не художникъ?—спрашиваю и теперь себя. Отъ чего я не художникъ? Я бы перенесъ всѣ эти черты на полотно и мы имѣли-бы, читатель, картину давно минувшей народной жизни, какъ начертала и сберегла ее память народная.

Надо отдать справедливость моему собесѣднику: это не былъ простой передатчикъ чужихъ словъ, но художникъ, въ пламенной душѣ котораго перетворялось все слышанное и видѣнное имъ. Подъ обаяніемъ его одушевленныхъ, поэтическихъ разсказовъ всѣ мельчайшія черты и подробности прошлой жизния ясно рисовались тогда въ моемъ воображеніи. Не профессора рѣчь въ аудиторіи слушалъ я, но проникнутую огнемъ повѣсть потомка о его ближайшихъ предкахъ. Нѣкоторые изъ его предковъ жили и дѣйствовали у него на глазахъ и чуть-ли не въ этой-же хатѣ. Одинъ изъ нихъ и выступитъ въ моемъ разсказѣ.

Но на ряду съ разсказами Бондара я слышалъ много пѣсень, которыя въ свою очередь такъ ярко живописуютъ предъ нами народную жизнь.

Не вдалекѣ отъ хаты Андрія, на выгонѣ, по вечерамъ, собиралась „улиця“. Помню, она всегда начиналась „дівчачою“ пѣсней:

Надъ моїми воротами
Чорна хмара стала:
А на мене молодую
Поговіръ та слава...

Безъ конца бывало льется-разливается она—эта широкая, какъ украинскія степи, пѣсня и убаюкиваетъ дремлющее село Все засыпаетъ въ немъ, только гульливая молодежь собирается въ кружки и проводитъ время по своему.

Я долго засиживался въ хатѣ Бондара и упивался этой задумчиво-очаровательной мелодіей, какъ сладкимъ нектаромъ. И ночь отъ пѣсни становится такой чудной, такой обаятельной! Кажется, вѣчно слушалъ-бы и не наслушался-бы; вѣчно дышалъ-бы воздухомъ этой дивной ночи, любовался-бы миріадами звѣздъ и блѣднолицымъ мѣсяцемъ!.. Подъ звуки пѣсни родной забываешь все. Она уноситъ тебя далеко, далеко отъ земли и всего обыденнаго. Въ туманной дали ночи возникаютъ и исчезаютъ картины и образы прошлаго. Мысль уносится въ глубь вѣковъ и слышится, будто живой, замогильный голосъ предковъ.

Бывало, и мой разсказчикъ, въ сумракѣ вечернемъ, дребезжащимъ „старечимъ“ голосомъ затянетъ пѣсню, и вотъ готовая иллюстрація къ его разсказу; она еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе разсказа. Всего болѣе, всего чаще разсказъ держался на „Сѣчи“. Старикъ кончитъ, или прерветъ свою пѣвучую рѣчь, затянетъ: *Ой Січь—мати, Січь!...* и оборветъ словами: „Отъ січь! Ото-жъ теперь моя мати Січь!“... Старикъ умолкалъ, свѣсивъ голову въ глубокомъ раздумьѣ; иногда слеза повиснетъ на рѣсницѣ, или скатится по морщинистому лицу... „Каганецъ“ мигалъ и давалъ намъ знать, что пора окончить занимавшую насъ бесѣду.

Многое теперь изъ разсказовъ Андрія улетѣло изъ моей памяти; остались осколки и ихъ-то я хочу собрать и подѣлиться съ вами, благосклонный мой читатель.

I.

Стоить явірь надъ водою,
Въ воду похиливея:
На козака незгодонька —
Козакъ зажуривея.

Изъ малор. пѣсни.

Ой не гараздъ, запорожці,
Не гараздъ учинили —
Степъ широкій, край веселый
Та й занапастили.

Изъ малор. пѣсни.

Немного больше столѣтія тому назадъ огромное пространство земли между Высью и Тикичемъ было покрыто дикими, могучими лѣсами и безбрежными степями. Большей части теперешнихъ полей въ то время не касался лемехъ и чересло: они были цѣлиной, на которой свободно паслись стада дикихъ коней и козъ. Въ степяхъ было дико и пусто; только высокія могилы, эти свидѣтели дѣдовской славы, возвышались надъ ровною поверхностью. Пѣли жаворонки надъ ними свои дребезжащія пѣсни, взвивались чайки и оглашали ихъ своимъ кигиканьемъ.

И степная почва, и все, что росло на ней, было такъ сказать въ состояніи дѣвственности: ихъ не касалась ни рука человѣка, ни сдѣланное человѣкомъ орудіе. Случалась засуха и—весь богатый растительный міръ, казалось, на всегда погибалъ подъ палящимъ зноемъ солнца; по временамъ уходящіе татары, или жители, въ виду ихъ набѣга, поджигали степь,—поднимался пожаръ, который пожиралъ все до корня. Но наступала весна и степь еще съ большей красой одѣвалась въ свой зеленый покровъ. Миріады разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ въ яркихъ точкахъ вырисовывались безконечными узорами на безбрежномъ зеленомъ морѣ и степь стояла предъ глазами путника во всей своей красѣ, точно молодая украинка, въ праздничное время собравшаяся въ церковь, нарядившись въ разноцвѣтныя свои плахты и запаски и украсивъ свои косы лентами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и всякими „пастурцями, чернобрывцями, помяками, барвинкомъ и любисткомъ“.

Въ такую-то пору, когда роскошная украинская природа воскресала во всей своей весенней прелести, въ пустынной степи, что между

Высью и Тикичемъ, ѣхалъ одинокій всадникъ. Онъ точно подавленъ былъ видомъ красующагося вокругъ его зеленаго моря, чувствовалъ всю прелесть, все обаяніе весны и ѣхалъ не скоро. Только, когда дорога направлялась въ село или хуторъ, онъ сворачивалъ въ сторону, по временамъ пришпоривалъ коня, скрываясь въ высокой травѣ и стараясь проѣхать незамѣченнымъ. Выѣзжая на просторъ, онъ снова пускалъ коня на волю, предаваясь раздумью и уносясь мыслями далеко-далеко, въ свое родное гнѣздо—вольное и разгульное Запорожье. Это былъ молодой запорожецъ Петръ Бондаръ. Онъ направлялъ свой путь на мѣстечко Калниболоты, гдѣ жила его старушка мать и куда тянула его не одна сыновняя любовь. Ѣхалъ онъ, какъ говорится, *навпрошки*, не по протореннымъ дорогамъ, а иногда и вовсе безъ всякой дороги, и тогда солнце, мѣсяцъ и звѣзды, могилы и буераки служили ему проводниками.

Отъ чего такъ прячется этотъ вольный сынъ степи, для котораго не страшна самая смерть?—Не смерть страшитъ его, но панская неволя. Имя запорожца и гайдамаки давно уже стали синонимами; онъ былъ притомъ изъ „подданныхъ“ той мѣстности, въ которую теперь направлялся. Малѣйшая неосторожность,—замѣтятъ, подстерегутъ, схватятъ, забьютъ въ колоду и будешь снова рабомъ ненавистнаго пана, или станутъ судить, какъ гайдамаку, и тогда погибнешь позорною смертью. Вотъ отъ чего такъ „озырцемъ“ ѣхалъ нашъ Петро Бондаръ. Не татаринъ, не „лихій чоловікъ“, или „звірюка“ страшатъ его и заставляютъ ѣхать „навманя“, а неволя, одна только неволя.

Ему ни почемъ долгій путь и всѣ его невзгоды. Устанетъ конь, или самъ онъ,—любая балка лучшій пріютъ: всюду тамъ вода, а вокругъ молодая роскошная трава. Придетъ-ли ночь, она окутаетъ его своей темнотой: сѣдло у изголовья, вѣрный конь на „припоні“, а съ боку „мушкетъ добрый“ и испытанная „мати козачая“—сабля.

Петро былъ молодъ, лѣтъ подъ тридцать—не свыше; мужественное загорѣлое лице его отмѣчало и школу и путь, которые онъ прошелъ. Лучшую красу его составляли длинные черные усы, имѣвшіе такое-же естественное положеніе, какъ вьющійся по тыну хмѣль, повиснувшій до низу верхушкою.

На головѣ у него была высокая баранья шапка. Одѣтъ онъ былъ въ старый кобенякъ и широкія шаровары; сапоги на немъ

были старые, но съ блестящими подковами и краснаго цвѣта. Во все время долгаго пути козакъ былъ молчаливъ и задумчивъ. Онъ не оглашалъ пустынной степи заунывной пѣсней. На лицѣ его была написана глубокая скорбь, которую онъ какъ-бы повѣрялъ иногда своему боевому товарищу. „Коню мой, коню, товарищу мій вірный! Руйнують нашу Січь—матірь, забирають наше добро, а насъ мабуть въ панщину, або въ солдаты повернуть! Не будемо мы гуляти съ тобой по широкимъ степамъ, не погріемось въ Польши на пожарі, не політаемо въ чайкахъ по Черному морю. Не стане славнаго товариства... Куды намъ повернутись съ тобою? Чи вже-жъ мені бути гречкосіемъ, та-ще й бабіемъ? Коню мій, коню! Хиба підемъ туркови служити, якъ тамъ тіи майнули?.. Сторона турецькая, віра бусурманьская... Якъ маемо тамъ жити, нехристови служити? А тутъ мати Украина, Лугъ Великій, Дніпръ широкій, тутъ мати моя старенька, „дівчина“ чернобрива... Украино, Украино! Матінко моя рідна! Дивчино кохана! Не покину васъ до віку. А де-жъ воля—доля наша? Де іі шукати? Будемъ тую ратувати... Отъ тілки побачусь зъ вами, та й знову у степъ. Зберемось, землю піднимемъ, неба достанемъ. Панівъ будемъ выгубляти, зъ москалями битись, свою волю-долю ратувати... Украино, Украино! Мордують, плюндрують тебе, сердце зъ тебе выймають... Якъ тебе намъ боронити? Де-жъ самимъ подітись?—А ще-жъ мати наша та не вмерла, коли маемо шаблю при боку. Поміряемось, побачимо, чій батько дужчій“...

Какъ-бы желая призвать кого въ помощь или подѣлиться своею рѣшимостью, козакъ выкрикнулъ было свое завѣтное: „пугу, пугу!“ которымъ долго, долго оглашались степи и лѣса отъ Чернаго моря вверхъ по Днѣпру, до самой Десны и дальше; но отклика не послышалось ни откуду. Пробовалъ онъ пѣть, но и пѣсня его терялась въ безпредѣльной степи, и онъ снова погружался въ думы. „Не дай Боже въ шинку вмерти, въ помыйниці жидівскі, або гречкосіемъ на печи! Чому куля не зразила мене на войні? Поховали-бъ товарищи въ чистому полі, насыпали-бъ надо мною высокую могилу, выпалили-бъ зъ гарматы; нехай знала-бъ Украина, що козакомъ умеръ! А теперь—горе, горе! Матінко моя! Дівчино моя! Мабуть зъ вами мені віку доживати. Не покину, не покину“...

Усталый конь медленно двигался впередъ, щипля по дорогѣ зеленую траву; думы роемъ вились въ головѣ козака и одна смѣняла

другую. Онъ не плакалъ, а *„схиливишись"* на гриву своему доброму коню, весь отдался тяжелымъ думамъ.

Былъ полдень, солнце невыносимо жгло раскаленными лучами. Усталая лошадь чуть-чуть плелась, давно ожидая, когда остановится хозяинъ въ балкѣ и напоитъ ее чистою водой.

Вдругъ козакъ очнулся: гикнулъ, гаркнулъ и понесся по степи. Думы разлетѣлись въ мигъ. Близость гнѣзда роднаго, гдѣ онъ выросъ, гдѣ впервые свѣтъ увидѣлъ и карокую Марту полюбилъ, заставила его думать о другомъ. „Годі вже тужити, годі сумувать! говорилъ онъ самъ себѣ. Есть у мене серденько едине, що вірно любить мене, есть „дівчина" чорнобрива; вона-жъ мене розважить, печаль мою рознесе!" И онъ перенесся мыслями въ Калниболоты, гдѣ находилась его дорогая Марта, и напередъ рисовалъ себѣ картину встрѣчи съ ней на лугу подъ старыми вербами, гдѣ такъ часто съ нею говорилъ и смотрѣлъ въ ея карія очи. Еще нѣсколько часовъ ѣзды и онъ увидитъ свою старую мать и нѣжно любящую его сестру, что „що дня" за ворота выходила, ожидала брата своего. И опять разоренная Сѣчь мерещилась у него въ глазахъ и портила его настроеніе. „Що-жъ робити?—думалъ онъ. Такъ мабуть Богъ судивъ, за гріхи наши наказавъ! Скільки-жъ и мы народу невинного часомъ погубили! Скільки того пьянства, скільки розбіяцтва! Оце-жъ терпи, душе, спасена будешь!.. Тильки-жъ трудно знова въ ярмо шію закладать... Горе наше, горе! Де намъ подітись?"... И снова воображеніе его рисовало ему широкій вольный Днѣпръ, и будто видѣлъ онъ въ туманѣ, какъ товариство на легкихъ чайкахъ отчаливало отъ берега и съ вольной пѣсней уносилось за Дунай... То вдругъ предъ нимъ родныя села и давно знакомая картина ихъ жизни. Прошли сроки вольной селитьбы, миновали щедрыя льготы заселявшихъ Украйну пановъ. Настала полная панщина во всей ея тяготѣ, и въ добавокъ „правенты", десятины и всякіе другіе безчисленные сборы. Отаманы, осавулы еще до свѣта выгоняютъ въ поле народъ—отъ мала до велика. Ланы покрыты измученными людьми: кто пашетъ, кто коситъ, а кто жнетъ. Всюду панскіе приставники—„сіпаки", а по нивамъ разъѣзжаетъ съ длиннымъ „малахаемъ" самъ панъ „окомонъ". Припуждаютъ народъ къ работѣ, бьютъ не щадно, а по вечерамъ отъ экономіи несутся раздирающіе душу звуки... Въ добавокъ гонятъ изъ села „попа благо-

честивого", запирают церковь, уніата „голобородька" велять признавать. Козакъ вспомнилъ все, что видѣлъ отъ дней дѣтства, вспомнилъ „Коліивщину", и страшную за нее расправу, и наставшее потомъ полное рабство; ему представилось, что и его старая мать теперь въ тяжкой работѣ, а на его ненаглядную Марту посягаетъ „заздростный" панъ... У него помутилось въ очахъ и онъ въ оцѣпененіи повисъ головой на гривѣ своего вѣрнаго коня.

Не сознавая себя, не замѣчая ничего вокругъ, онъ въѣхалъ въ лѣсъ, въ глубинѣ котораго находился его родной хуторъ. Здѣсь не было уже дороги, а только небольшая тропинка, извивавшаяся въ чащѣ поросшаго по обѣимъ сторонамъ густаго орѣшника. Древесныя вѣтви, нагнувшись надъ дорожкой, иногда совсѣмъ закрывали ее и тогда приходилось всаднику прилегать на лошади, чтобы не зацѣпиться головою. Полная тѣнь, свѣжесть лѣснаго воздуха заставила очнуться козака. Онъ выпрямился на сѣдлѣ, какъ-бы со сна протеръ глаза, дохнулъ широкой козацкой грудью, повелъ глазами вокругъ и при видѣ поразительной картины лѣса, забылъ все, что тревожило его. Здѣсь все теперь жило, начиная съ мельчайшей былинки, недоступной невооруженному глазу и кончая большимъ столѣтнимъ дубомъ. Стоило прислушаться, чтобы услышать тысячу звуковъ, соединявшихся въ чудную гармонію, такъ успокоительно дѣйствующую на душу. Разцвѣтшія деревья дикой яблони, груши и черешни перегораживали лѣсную зелень бѣлыми стѣнами своихъ цвѣтовъ. Маленькія птички, казалось, сами превратились въ тихое щебетанье. Въ каждомъ кустѣ звучалъ то стальной голосокъ синицы, то тяжелый стонъ горлицы, то протяжный крикъ иволги; только временемъ крикливое карканье вороны, раздавшееся гдѣ-нибудь въ вышинѣ и откликнувшееся эхомъ по всему лѣсу, нарушало эту божественную гармонію голосовъ. Вездѣ пѣсни, щебетанье, а самихъ пѣвцовъ не видно—они ушли въ густую лѣсную зелень и скрылись на лонѣ чарующей природы. Только вверху надъ всѣмъ этимъ, словно распластанный среди воздуха, хищникъ - ястребъ выжидаетъ свою добычу и плавно вьется и паритъ подъ облаками. А въ воздухѣ тихо, тихо, даже листъ не шелохнется.

II.

Чи ты жива, чи здорова,
Моя нене клопотлива?
Изъ малор. пѣсни.

Хуторъ Петра Бондара, въ которомъ жила его старая мать и сестра, находился тогда вдали отъ деревни, въ самой „гущавинѣ“ лѣса. Одиноко, какъ какое-нибудь сказочное жилище, стояла тутъ большая бѣлая хата; съ лицевой ея стороны высокій тынъ охватывалъ небольшое пространство, служившее дворомъ; на высоко торчавшихъ кольяхъ его навѣшены были горшки и другая посуда. Съ трехъ противуположныхъ двору концевъ хаты ее закрывали высокій бурьянъ и крапива, съ протоптанными по нимъ тропинками. Огородъ занималъ мѣсто съ задней стороны хаты и былъ отдѣленъ отъ двора невысокимъ тыномъ съ перелазомъ; на огородѣ была разная зелень и цвѣты, составлявшіе заботу „дівчины“; тутъ были подсолнечники, любистокъ, мята, барвинокъ и много еще другихъ цвѣтовъ, которые и теперь занимаютъ въ украинскихъ огородахъ не послѣднее мѣсто. Дворъ былъ чисто выметенъ, а мѣстами, какъ ковромъ, устланъ шпорышемъ—травой. По срединѣ двора стояла старая груша, на которой висѣло также нѣсколько горшковъ. Позади двора и огорода большимъ полукругомъ расположенъ былъ обширный, нѣкогда роскошный, теперь уже старый и запущенный садокъ. Защищенный со всѣхъ сторонъ густымъ, высокимъ лѣсомъ, онъ давалъ всегда почти богатый урожай самыхъ разнообразныхъ яблокъ, грушъ и сливъ и служилъ большимъ подспорьемъ во вдовьемъ хозяйствѣ старой Бондарихи. Въ тѣ благодатныя времена продажи такихъ плодовъ совсѣмъ почти не было; она просто вымѣнивала ихъ на хлѣбъ и другіе предметы своего скуднаго продовольствія. За садомъ, въ прямомъ направленіи отъ хаты, въ глубокомъ яру былъ родникъ чистой, какъ кристаллъ воды, который еще старый Бондаръ обдѣлалъ въ удобную, неглубокую криничку. Наружный видъ хаты былъ такой-же, какъ и теперешнихъ малороссійскихъ хатъ. Въ этомъ отношеніи народная архитектура не ушла, кажется, нисколько впередъ. Большая, опрятная, но безъ всякой симметріи, хата, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Окна различной величины и какъ нарочно одно выше, а

другое ниже; крыша соломенная, съ крестомъ по срединѣ, выдѣланнымъ изъ соломы. Вверху на „коміні“ водруженъ былъ деревянный пѣтухъ, который служилъ флюгеромъ, поворачиваясь туда, куда вѣтеръ дулъ. Подъ окнами съ двухъ сторонъ точно рощица изъ густо поросшихъ вишень; каждую весну прилеталъ сюда соловей и безбоязненно пѣлъ подъ хатой пѣсни.

Хуторъ Бондарихи заключенъ былъ въ лѣсу, какъ-бы въ высокихъ крѣпостныхъ стѣнахъ. Только и видно было въ немъ, что небо да земля. Ни прохожаго, ни проѣзжаго; проходили недѣли и мѣсяцы,—живой души не увидишь, голоса человѣческаго не услышишь. И не боялись жить здѣсь мать старуха и ея молодая дочь. Такое жилище считалось тогда неприкосновеннымъ и никакой разбойникъ не нападалъ на него. Мать и дочь выходили изъ своего уединенія очень рѣдко, развѣ когда нужно было сходить въ Калпиболоты купить соли, или-же въ большой праздникъ захочется въ церкви побывать.

Въ свою очередь никто не нарушалъ ихъ уединенія; всѣ дни они проводили вдвоемъ, за мелкой, непрерывной работой, изъ которой слагалось незатѣйливое ихъ хозяйство; иногда только ихъ навѣщали жильцы сосѣдняго въ томъ-же лѣсу хутора.

Тихо и незамѣтно текли дни въ хуторѣ. Послѣ того, какъ умеръ мужъ Мавры Бондарки—Семенъ, а сынъ ея Петро сошелъ въ Запорожцы, о хуторѣ совсѣмъ забыли. Никакого хозяйства, никакого и *отбутку*; только иногда, разъ въ годъ, въ панской экономіи вспомнятъ о заброшенномъ хуторѣ съ садомъ и явятся за полученіемъ „десятины“. При полномъ отрѣшеніи отъ міра не знали наши отшельницы никакихъ тревогъ и огорченій. Потребности ихъ были самыя простыя; особыхъ нуждъ они не знали. Всякую живность имѣли изъ своего огорода и ею запасались на всю зиму; недостающее вымѣнивали на то, что давалъ „садокъ“. Мать и дочь были по своему счастливы, а когда наступали весна, лѣто, забытый всѣми уголокъ ихъ становился истиннымъ раемъ. Одно смущало ихъ—отсутствіе Петра. Лѣтъ пять уже старая Мавра не имѣла объ немъ никакой вѣсти. Одна надежда, одна опора, и „той пішовъ десь по світу блукать“. Хотя такіе случаи въ тогдашней Украйнѣ были довольно часты, но это не умаляло горя старухи матери, а долгое, ни чѣмъ не поддерживае-

мое ожиданіе окончательно истощало силы ея, убивало въ ней всякую надежду видѣть своего „Петруся“. Старуха перестала уже плакать, молчала, молилась и лишь изрѣдка вспоминала свою молодость, старыя времена. Только дочь ея—Зинька, не знавшая еще горя, оглашала лѣсъ звонкой пѣсней и съ увѣренностію, но не безъ грусти ждала возвращенія своего брата. Лишь только проникнутъ сквозь чащу лѣсную первые лучи восходящаго солнца, она привѣтствовала его тоскующей пѣсней:

Ой болять ручки та болять ніжки
Та пшениченьку жнучи:
Ой уже-жъ мені та докучило
Та миленького ждучи...

А ждала она не одного Петруся, давно ждала изъ Дона молодого чумака, сына сосѣдняго хуторянина. Съ возвращеніемъ этого послѣдняго должны будутъ повториться ихъ частыя встрѣчи въ въ поздній вечеръ около „криниці“, а съ ними долгіе разговоры.

Тихо было въ хуторѣ, когда подъѣзжалъ къ нему Петро Бондаръ. На дворѣ было пусто; только въ тѣни, подъ разцвѣтшей вишней, на завалинкѣ сидѣла старуха. На лицѣ у нея не было опредѣленнаго выраженія: она, кажется, ни чѣмъ не интересовалась въ этомъ мірѣ, а смотрѣла на все безъучастно. Невдалекѣ отъ нея на травѣ было разостлано рядно съ пшеницей, которую она получила отъ родныхъ и теперь сушила на солнцѣ. Когда на пшеницу прилетали воробьи или приходили куры, она подымалась, дѣлала видъ, будто подымаетъ что-то съ земли и бросаетъ, и хриплымъ голосомъ выкрикивала: „А кишъ, дурни, а кишъ!“ Воробьи улетали и она снова погружалась въ спокойное состояніе, временемъ бормоча какія-то безсвязныя слова.

Петро подъѣхалъ близко къ воротамъ, а старуха его не замѣчала. Онъ межъ тѣмъ оглядывалъ дворъ, хату, огородъ—все было по старому; онъ также не замѣтилъ матери. Сильный стукъ въ ворота заставилъ очнуться старуху: она встала и не глядя впередъ, направились къ воротамъ.

— Де це ты, Зинько, такъ довго була? говорила она. Я уже...

— Матусю, голубко! отозвался козакъ.

— Та це Петро! вскрикнула она, завидѣвъ голову сына чрезъ

ворота и узнавъ его голосъ,—и нервнымъ толчкомъ отбросила подпорку у воротъ.

Покосившіяся во дворъ ворота сами растворились. Суровый запорожецъ упалъ къ ногамъ матери.

— Боже-жъ мій, Боже мій! бормотала старуха, поднимая и обнимая сына. А я-жъ тебе ждала, ждала, та й надію втеряла. Благала Господа, щобъ тебе повернувъ до насъ! Хвалить Ёго ласку небесную!.. Таки довелось мені хочъ передъ смертью побачить тебе... Якъ-же ты постарівъ, та схудъ! Мабуть горе тяжке на тихъ проклятыхъ порогахъ. И хто выдумавъ те кляте Запорожже? Бодай воно никому не снилось!.. Та ты мабуть сёгодни и не івъ ничого. Веди-жъ коня, та ходімъ скоріше до хаты, підживися съ дороги.

— Охъ, Боже мій милостивый! Мати Божа, Мати пречиста!— продолжала Мавра, идя съ сыномъ къ хатѣ. Хвалить вашу ласку святую! Змилувались надо мною, зглянулись на мои слёзы, на мою біду, вернули мені сына неначе зъ того світа. Сыну мій, сыну! стара вже я; не кидай мене, голубчику! Скоро й на той світъ піду, а ты все по-світу блукаешь... Хто-жъ мені очи закрые, хто поховае мене?

Потокомъ лилась рѣчь старой матери. Старческимъ, дребезжащимъ голосомъ она и ласкала и попрекала сына своего. Глядѣла на него и не могла наглядѣться; обнимала и открывала предъ нимъ свое наболѣвшее материнское сердце. Пахнулъ вѣтеръ, шумѣлъ лѣсъ, зеленыя вѣтки старой груши наклонялись, будто слушая разговоръ матери съ сыномъ. Конь съ жадностью глоталъ густой шпорышъ. Петро оживился; онъ былъ радъ, что въ хуторѣ все благополучно: мать жива, сестра жива; хата стоитъ по старому, только немного пошатнулась на бокъ, и груша также стоитъ среди двора, обвѣшанная горшками. Все привѣтливо ему улыбается.

— Отъ тутъ рай! мелькнула у Петра мысль: на що мені тее товариство? Однакъ пропадае. Кину ёго, оженюсь та й будемо всі тутъ въ купці жить!

А старая мать, будто угадывая мысли сына, говорила:

— Продай ты, сыну, коня вороного. На що тобі тее Запорожжя? ты вже погулявъ, объіздивъ мабуть весь світъ. Пора вже й схаменуться, пора до господарства вернуться. Выбери собі тутъ дівчину, яка тобі люба, та й господаруй на батькивщині. Нехай и я

доживу тутъ віка зъ вами, а коли Богъ благословить, то ще й онучатокъ буду доглядать...

— Эхъ, мамо! Не знаешь ты нашои натуры. Що то козакъ? Сказано: козакъ. То—отъ вітеръ въ полі, гуляе, де схоче. Дмухне, здіймецця... не почуешь, не побачишь. Що вже й казать! Отъ треба коня до оборы поставить, та нагодувать, а то мы забалакались...

— Та тамъ сінця на вышкахъ щось трохи зосталось—нашого садового, та ще въ комірчині зъ корякъ ячменю може знайдецця,—сказала мать и направилась къ хатѣ.

Петро отвелъ коня въ сарай, который находился съ глухой стороны хаты, и самъ пошелъ за матерью въ хату.

Тутъ также все было по старому. Вездѣ чисто; за образами пучекъ засушенныхъ цвѣтовъ; „комінъ“ размалёванъ синей и зеленой краской. Петра сразу обдало дѣтскими воспоминаніями: каждый предметъ, каждая вещица напоминала ему прошлое. И жаль ему стало, что уже почти половина его жизни протекла, что миновали его дѣтскіе веселые годы, прошла его юность въ бурныхъ скитаньяхъ. Затаивъ свою грусть, онъ началъ распрашивать мать про житье-бытье въ хуторѣ, про сосѣдей, про панщину и т. п. Мать угощала своего дорогаго гостя; разговоръ принялъ совсѣмъ обыденный тонъ. Вдругъ Петро какъ-бы что-то вспомнилъ, потеръ лобъ, помялся и нерѣшительно произнесъ:

— А Січи наші вже кінець!.. Розорили геть чисто.

— Бодай вона запалась на віки! Мало вона выгубила людей, а теперь и сама пропала.

— Хоть Січь пропала, та не пропала козацькая слава! отвѣчалъ Петро; побачимо, мо̀же ще підъ туркомъ оживе...

— Перехрестись, та схаменись! перебила его мать. То на турка, а теперь підъ туркомъ... Оженись, кажу тобі, та й будемо въ купці жить та Господа хвалить. А вже намъ до турка ничого ходить, хиба самъ сюды прийде,—крый Мати Божа!

Подъ вечеръ пришла изъ Калниболотъ и Зинька. Крѣпко обнялъ козакъ свою добрую сестру; та плакала отъ радости.

— Та чого ты, братіку,—говорила она ему чрезъ нѣкото̀рое время, такій невеселый? Вернувся до насъ, побачились, хвалить Господа, всі живі та здорові: чого-жъ тобі? Есть у тебе кінь вороный, есть шаблюка добра, мушкетъ и списъ, есть и люлька козацькая: чого-жъ

ты такій смутный? И „дівчина“ твоя жива, и такъ само тебе любить, якъ колись любила, прибавила сестра шутливо; ходить по містечку, да тебе выглядае. Не сумуй, братіку!

— Эхъ, сестро, сестро! говорилъ Петро; не знаешь ты моеи печали, и горя мого зъ роду не вгадаешь. Отъ стану я за „дівчиною“ журиться, коли тутъ мати козацькая вмирае... На що вона мені— та дівчина? Тільки-бъ и журбы, що за нею!..—И тутъ-же мысленно произнесъ:

— Голубко моя сизокрылая! Сегодни-жъ прилечу до тебе быстрымъ соколомъ!

III.

Ой у полі вышня
Зъ підъ коріня выйшла:
Не журися, дівчинонько,
Ще-жъ я не женився!

Изъ малор. пѣсни.

„Та не журъ мене, мати,
Бо я й такъ все журюся:
Ой якъ выйду за ворота,
То й одъ вітру валюся!“

Изъ малор. пѣсни.

Насталъ вечеръ. На хуторѣ, подъ хатою вечеряли Мавра и ея дочь. Въ воздухѣ чувствовался дивный ароматъ, но тѣмъ сильнѣе выдавался въ немъ и разносился по всему двору тонкій букетъ только что прижаренаго сала, которымъ полита была стоявшая предъ нашими отшельницами „затірка“. Петра не было съ ними. Гдѣ-то вдали слышались, странно переплетаясь съ звуками отголосковъ, слова пѣсни, такъ отвѣчавшей душевному настроенію Петра. Это пѣлъ онъ своимъ могучимъ голосомъ, пробираясь по лѣсу на своемъ ворономъ конѣ.

Хуторъ, хата, родная мать и сестра, все это привѣтливо и благодѣтельно подѣйствовало на него: онъ ѣхалъ съ бодрымъ и веселымъ видомъ. Гнетущая тоска отлегла отъ сердца. Ему было легко, какъ бываетъ послѣ слезъ. Онъ спѣшилъ къ своей милой, чорнобривой Мартѣ.

Лѣсъ шумѣлъ слегка; шелестѣвшіе листья точно перешептывались между собою. „Бѣлолицый“ то покажется на небѣ и освѣтитъ всю лѣсную чащу, то снова спрячется за тучи. А лѣсъ становился все гуще и гуще. Еще такъ недавно жили здѣсь въ землянкахъ гайдамаки и нападали отсюда на сосѣднія села и мѣстечки. Ихъ набѣги и нападенія были памятны всѣмъ и никто безъ особой надобности не рѣшался проходить или проѣзжать этотъ лѣсъ ночью. Козаку и въ голову не приходило пугаться чего нибудь: онъ свободно ѣхалъ и пѣлъ пѣсню.

Но вотъ кончился лѣсъ; начались поля, покрытыя зеленью высоко поднявшихся хлѣбныхъ всходовъ и травы. Жутко какъ-то становится, когда ѣдешь ночью одинъ въ полѣ. Нигдѣ никого и ничего; только мѣсяцъ посматриваетъ изъ-за тучъ. Всюду тихо, тихо и все какъ-то странно смотритъ на тебя. Какъ ни гони отъ себя всѣ повѣрья и страхи, а все такъ и кажется, будто кто-то хочетъ тебя схватить, будто сзади бѣжитъ за тобой русалка, и смѣется, и киваетъ тебѣ головой...

Вотъ и „Любчина могила“. Одиноко стоитъ она около дороги. Поровнялся съ ней Петро, снялъ шапку, перекрестился и вспомнилъ исторію про бѣдную Любку. А исторія эта вотъ какая:

Давно, очень давно, когда по Украйнѣ сновалъ еще разный неосѣвшій людъ: ляхи, литва, татары и др., въ м. Калниболотахъ у старого сотника была дочь Любка. Во всей этой мѣстности не было краше ея. Такая она была пригожая и добрая, что вся молодежь любила ее, какъ сестру. Безъ Любки и на улицѣ было не такъ весело. Она пѣла и говорила, какъ ласточка щебечетъ своимъ тихимъ голоскомъ.

Засміецця, ажъ Дунай розильецця,
Заспівае, якъ изъ листу читае...

Лѣтомъ, каждый вечеръ, какъ только солнце сядетъ за горами, изъ степи на добромъ конѣ выѣзжалъ молодой козакъ и съ пѣсней направлялся къ мѣстечку. А въ то время здѣсь далеко вокругъ было дико и пусто: степь и лѣсъ шли на всѣ четыре стороны. Козакъ былъ изъ далекаго села. Онъ подъѣзжалъ къ могилѣ и здѣсь ожидалъ „свою любу“. Скоро межъ осокорами и тополями мелькала бѣлая сорочка; то изъ мѣстечка выходила Любка. Она

бросала на улицѣ своихъ подругъ и спѣшила на могилу къ „любому“ козаку. Тутъ они долго „розмовляли“, забывая все на свѣтѣ, и разставались при третьихъ пѣтухахъ. Такъ часто они сходились, миловались, любовались, пока какъ-то не объявленъ былъ по всей Украйнѣ гетманскій универсалъ, призывавшій козаковъ на войну съ татарами. Разсталась Любка съ козакомъ. Козакъ обѣщалъ чрезъ полгода вернуться изъ похода. Свиснулъ и исчезъ въ степи...

Прошло полгода; прошелъ годъ, а козакъ не возвращался и вѣсти о немъ не было. Любка тужитъ, Любка плачетъ и все чаще, и чаще ходитъ на могилу. Посадила тамъ калину и что вечеръ поливала ее слезами. А козака нѣтъ: сложилъ онъ свою козацкую голову на войнѣ съ татарами.

Сохнетъ Любка, стонетъ Любка и какъ тѣнь все ходитъ по мѣстечку. Молча сходитъ на могилу, тамъ поплачетъ и вернется домой. А дома пусто, не весело безъ милаго. И старый сотникъ не можетъ ее утѣшить. Спрашиваетъ бывало:

— Дочко моя, голубко! чого ты тужишъ? чого ты вянешъ?

А она отцу въ отвѣтъ:

— Такъ, тату!

Долго ходила Любка на могилу, пока не нашли ее тамъ мертвой: не выдержала бѣдная разлуки, умерла. Умеръ и сотникъ. Собралась громада, помолилась Богу и похоронила Любку на могилѣ, а отца около церкви. На могилѣ поставили крестъ и посадили калину. Но крестъ подгнилъ и развалился, а калина засохла и вѣтеръ разнесъ по степи ея вѣтви.

Съ тѣхъ поръ и называется эта могила „Любчиною“. „Дівчата“ и теперь привораживаютъ къ себѣ „хлопцовъ“ землей, взятой съ верхушки могилы, а иногда собираются на ней и долго, долго поютъ пѣсни.

И не забываютъ могилу люди: подъ часъ сѣдой старикъ, осматривая свои поля, взойдетъ на нее, перекрестится и вспомнитъ Любку и ея отца.

Про все это Петро слышалъ еще въ дѣтствѣ и чудный разсказъ о могилѣ глубоко запечатлѣлся въ его памяти. Раньше онъ боялся проходить или проѣзжать около могилы, а теперь ничего: отъѣхалъ немного, и снова затянулъ пѣсню, пока не въѣхалъ въ мѣстечко.

А мѣстечко уже спало. Былъ субботній вечеръ. Въ церкви была отправлена вечерня; приходили люди Богу помолиться, потомъ разбрелись по хатамъ и раньше обыкновеннаго легли отдыхать послѣ дневныхъ трудовъ.

Надъ мѣстечкомъ ходилъ мѣсяцъ: то проглянетъ, то скроется за тучи, точно сторожъ за угломъ. Вездѣ было тихо. Въ ночной мглѣ не ясно очерчивались силуэты замка и палаца и бѣлѣлись стѣны хатъ. Тихій вѣтеръ слегка колыхалъ деревьями.

Защелкаетъ порой соловей въ лугу, какъ будто-бы проснувшись отъ сна, и снова замолкнетъ. На выгонѣ завываетъ сова; гдѣ-то на окраинѣ слышится вой собаки. Щемящіе душу звуки! На выгонѣ всегда собирается „улиця“; но сегодня суббота... Здѣсь перекрещиваются двѣ дороги—одна отъ г. Звенигородки, другая изъ села Новоселицы; посрединѣ стоитъ крестъ.

Петро ѣхалъ по улицѣ шагомъ и осматривалъ, что можно было видѣть въ темнотѣ. Лишь только миновалъ онъ крестъ, какъ услышалъ впереди сильное выбиванье трепака и разгульное одиночное пѣніе. Въ тихомъ ночномъ воздухѣ доносились до него слова:

Якъ-бы мені сивый кінь,
Я саночки маю:
Поіхавъ-бы на Вкраину,
Тамъ дівчину знаю!...

Подъѣхавъ къ корчмѣ, Петро увидѣлъ тамъ танцующаго запорожца. Запорожецъ былъ сильно пьянъ.

— Чи тобі-жъ не стыдно, козаче, въ таку лиху годину мокнуть въ жидівськихъ помыяхъ?—говорилъ въ слухъ Петро. Якъ бачу, не буде зъ васъ добра: тамъ Січь руйнують, розганяють запорожцівъ, а вінъ у шинку!—Но слова его не слышны были за гуломъ трепака и шумомъ пѣсни.

Остановивъ коня и присмотрѣвшись, Петро узналъ въ танцующемъ знакомаго ему запорожца, Лавріна Шевця.

Запорожецъ этотъ былъ вольнѣе вѣтра и непостояннѣе дитяти. Скитался онъ по всей Украйнѣ и не имѣлъ постояннаго мѣста жительства. Появится бывало на Запорожьѣ, выкинетъ какую-нибудь штуку, за которую, по сѣчевымъ обычаямъ, слѣдовало-бы его при-

вязать къ позорному столбу и уйдетъ снова на нѣсколько лѣтъ. Прозвище или фамилію онъ получилъ отъ своего ремесла; гдѣ онъ не бывалъ, вездѣ шилъ сапоги. Ремесло это дѣлало его человѣкомъ для всякаго нужнымъ: въ Сѣчи онъ обшивалъ товариство, а въ селахъ крестьянскій людъ.

Такъ онъ и переходилъ съ мѣста на мѣсто, находя вездѣ пріютъ. Родился онъ гдѣ-то около Калниболотъ, а гдѣ именно и кто были его родители, объ этомъ никто не зналъ. Любилъ Лаврінъ крѣпко выпить и иногда выдавалъ себя за колдуна. Ему было около сорока лѣтъ.

— Такъ отъ па що наши запорожци проміняли свою матірь-Січь! говорилъ Петро, обращаясь къ земляку и товарищу. Лаврінъ въ шинку по ій панахиду справляе...

— А самъ-же ты що за плаксивая баба? перебилъ его Лаврінъ; розруйновали—ну и катъ іі бери! Чимъ-же я тутъ виненъ? я собі гуляю... Хочешъ, выпий зо мною чарку горілки, та не лайся: бо й я козакъ, то часомъ щобъ сдачи не давъ!

Петро плюнулъ и съ негодованіемъ произнесъ:

— Нехай чорты съ тобою пьють, а мені не до тебе!—Онъ тронулъ коня и шагомъ поѣхалъ вдоль улицы. Сзади бѣжалъ Лаврінъ и останавливалъ лошадь.

— Постій, постій! кричалъ онъ; ты отъ говоришь, що я въ жидівскихъ помыяхъ купаюсь, а ты, небораче, куда ідешь? Може Січь боронить? Добра Січь—до дівчины на пічь!... Бабій чортіянивъ! Другихъ лаешъ, а самъ до бабы въ пазуху! Кіями-бъ тебе, гнидо! Черезъ васъ блазнивъ и Січь не вдержалась...

Слова эти смутили Петра. Онъ какъ-то вяло проговорилъ: по ділу іду, а не до дівчатъ, и пришпорилъ коня.

Послышался легкій топотъ конскихъ копытъ по мягкой пыльной улицѣ. Лаврінъ въ догонку говорилъ, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ:

— По ділу! Таке тамъ и діло... жениться задумавъ. Що-жъ? женись, женись, коли спідницею тобі запахло. Хочешь, то й дівчину твою выкличу: я знаю—вона тамъ въ клуні спить.

Но Петро уже не слышалъ новой укоризны докучливаго собрата и скоро совсѣмъ скрылся изъ глазъ его, повернувъ въ одну изъ поперечныхъ улицъ, гдѣ жила его Марта. Лаврінъ плюнулъ

въ слѣдъ Петра, повернулся на одной пятѣ и махнувъ отчаянно рукой, потянулъ до шинку.

Петро остановился въ знакомомъ ему мѣстѣ, слѣзъ съ коня, завязалъ ему поводья на шеѣ и пустилъ па лугъ, а самъ взобрался на плетень и прыгнулъ въ огородъ.

Слышенъ былъ трескъ и голосъ: „А, чортове зілля: посмалыло руки й видъ!“ Знать, козакъ попалъ въ крапиву. Потомъ еще нѣсколько времени слышался трескъ, шуршанье и шелесть въ огородѣ. Шумъ удалялся все дальше и дальше, наконецъ гдѣ-то залаяли собаки и все затихло....

— Сердце мое, ты у мене одна осталась! говорилъ Петро, стоя съ Мартой подъ вербой; скажи-жъ, чи ты мене любишъ, якъ и перше? чи може кого другого покохала? Скажи, мое сердце!

— Ой, чудный ты, Петре! тихо отвѣчала Марта: а-жъ тебе ждала-выглядала, якъ ясного сонця, я безъ тебе вяла, тужила, а ты ще кажешь, що тебе я не люблю! люблю, люблю, мій голубе!...

Конь свободно ходилъ по лугу и щипалъ высокую траву. Въ лугу было тихо; весь живущій міръ заснулъ. Одна верба слушала, что говорили Петро и Марта послѣ многихъ лѣтъ разлуки; а больше никто не слышалъ и не видѣлъ. Лишь изрѣдка проглянетъ мѣсяцъ изъ-за тучъ, полюбуется и опять уйдетъ. Проснется птица въ „гаю“ подъ горой, пустить свой голосъ по лугу и замолкнетъ. Тихій говоръ подъ вербой слышался до самаго разсвѣта.

Краснѣлъ восточный край неба, подулъ свѣжій утренній вѣтерокъ; Петро простился съ Мартой, обѣщая завтра вечеромъ пріѣхать, и уѣхалъ изъ Калниболотъ.

IV.

Молодосте-чарівнице!
Хто тебе не знае?
Чого-жъ серце замирае,
Якъ тебе згадае?

Кулишъ.

Такъ какъ время было около мѣсяца мая, то уже вся украинская природа отродилась и мѣстечко Калниболоты одѣлось сплошь въ цвѣтъ и зелень. Вездѣ цвѣтъ и зелень! Только сѣрыя соломенныя

крыши хатъ съ высокими черными трубами выглядываютъ изъ сплошной массы деревьевъ. Небольшіе сады окружаютъ чистыя бѣлыя хаты и покрываютъ своею зеленью все мѣстечко.

Тихо въ мѣстечкѣ; нигдѣ души живой, кажется, будто все спряталось въ чащу зелени, ушло отъ вседневной заботы. На улицѣ сновали только куры и поросята и временемъ проносился вихрь, подымая пыль столбомъ.

Точно горюетъ мѣстечко, что весна должна пройти и покинуть его. И нагнувшіяся вербы, стоя на греблѣ, опустили свои вѣтви, а плакучая ива шелеститъ листьями и стоитъ задумчиво.

Старая церковь, поросшая на крышѣ мхомъ, печально осматриваетъ далекія окрестности мѣстечка.

Но такой видъ Калниболоты имѣютъ только въ жаркій полдень: вечеромъ придутъ съ поля люди и мѣстечко огласится звонкой пѣсней. Воротятся съ поля стада; въ саду близко хаты защебечетъ соловей,—мѣстечко оживится, повеселѣетъ. А теперь ничто не нарушаетъ его тишины, только развѣ съ дуру закричитъ, похлопавъ прежде крыльями, пѣтухъ и голосъ его странно раздастся въ мертвой тишинѣ. Иногда далеко гдѣ нибудь въ густотѣ вербъ начнетъ перекликаться удодъ съ кукушкой, но скоро и они замолкаютъ.

Въ одномъ изъ угловъ мѣстечка, гдѣ больше всего разрослись деревья и откуда часто днемъ лилась звонкая пѣсня, находилась усадьба вдовы Карпивны. Она прилегала съ одной стороны къ пруду, съ другой къ полямъ. Хата стояла на возвышеніи; кругомъ ея деревья. Недалеко отъ хаты огородъ. Въ это время на огородѣ молодая „дивчина", лѣтъ восемнадцати, усердно занималась выпалываніемъ цвѣтовъ. Это была дочь Карпивны, Марта, ради которой Петро Бондаръ оставилъ сѣчевое товариство. Она разбивала на грядкахъ землю и осторожно вырывала всѣ негодныя травы. Тутъ росли ея любимые цвѣты: чорнобрывци, любистокъ, царьска борідка, королівъ цвітъ, кручени панычи, мята, рута и много другихъ. Каждая дѣвушка въ мѣстечкѣ считала необходимостью имѣть въ огородѣ нѣсколько грядъ подъ цвѣтами, на уходъ за которыми она посвящала все свободное время; какъ не обойдется она безъ пѣсни, такъ не обойдется лѣтомъ безъ цвѣтовъ.

Марта усердно работала и въ полголоса напѣвала пѣсню.

Изъ сѣней вышла старуха - мать и начала звать ее:

Марто, Марто! иди, дочко, полотно вмочи! Та поглянь тамъ на гусей, щобъ часомъ не завернули на лугъ и травы не вытоптали. Покинь квітки!

— Заразъ, мамо, заразъ! отозвалась дочь.

Она перелѣзла черезъ тынъ, отгораживавшій дворъ и огородъ. Подъ самыми окнами хаты находился перелазъ, который упирался въ низенькую глиняную призьбу. На призьбѣ она взяла рукава сорочки, которую недавно начала вышивать и пошла за хату. По другой сторонѣ хаты, за огородомъ, находился садъ, немного ниже лугъ; тамъ была „криниця“ и „копанка“; въ послѣдней мочили полотно.

Садокъ Карпивны состоялъ главнымъ образомъ изъ вишень, но между ними было не мало высокихъ черешень, раскидистыхъ грушъ и яблонь. Въ садку росло также нѣсколько густыхъ кустовъ крыжовника, въ которыхъ каждую весну соловей свивалъ себѣ гнѣздо и потомъ оглашалъ всю рощу и усадьбу Карпивны звонкой, раскатистой пѣсней.—Ничто, кажется, такъ не дорого украинцу, какъ его отцовскій или дѣдовскій „садокъ“; онъ любитъ его, заботится о немъ, какъ о самомъ необходимомъ. Для него дорогъ здѣсь каждый уголокъ, каждый кустъ, каждое деревцо: съ ними соединяетъ онъ воспоминанія о своемъ дѣтствѣ, о своихъ молодыхъ годахъ, о которыхъ онъ говоритъ всегда съ особою грустью. Тутъ старыя дуплистыя деревья, въ которыхъ онъ добывалъ воробьевъ и другихъ птицъ; тутъ и фруктовыя деревья, съ которыхъ онъ первымъ пробовалъ еще зеленыя плоды; тамъ часто прятался въ высокой травѣ отъ отзвука собственнаго голоса, который отдавался въ кустахъ и страшилъ его напуганное разными чудовищными разсказами воображеніе... И много, много другихъ воспоминаній бываетъ связано съ „садкомъ“.

По узенькой тропинкѣ, между травой и кустами, пришла Марта къ высокой дуплистой липѣ, гдѣ было разостлано полотно. Она положила на траву шитье и принялась убирать полотно. Въ это время за кустами послышался шелестъ и изъ-за дерева выглянула и снова спряталась дѣтская головка.

— Куку, Марто! А де я?—раздался откуда-то дѣйсткій голосъ.

— То ты, Андрійку? А що ты тамъ робишь?—спрашивала Марта, не отрываясь отъ работы.

Это былъ ея маленькій братъ.

— Не лазь тамъ: тамъ ужъ есть. Иди, поможи мені збирать полотно!

— А де-жъ я? лепеталъ Андрійко. Знайди попереду, то піду. Э, та не знайдешь!

И мальчикъ полѣзъ въ кустъ орѣшника.

— Підожди, отъ я тебе знайду! говорила, какъ-бы стращая, сестра; нехай тілько полотно зберу!—Марта поспѣшно собрала полотно и бросилась за маленькимъ шалуномъ; тотъ уходилъ и прятался, а она все за нимъ по кустамъ, на распѣвъ приговаривая:

Кобре, кобре! ховайся добре,
Бо якъ пійму, шкуру здійму!

И отыскавъ, вывела изъ-за кустовъ Андрійка. Это былъ мальчикъ лѣтъ шести, съ загорѣвшимъ смуглымъ лицомъ, бѣлыми, мягкими, какъ ленъ, волосами и маленькими карыми глазами, которыя разбѣгались во всѣ стороны, какъ-бы чего искали. Какъ два горящіе уголька, блестѣли его глазки. Онъ былъ точь-въ точь сестра, только волосы у той давно потемнѣли.

Рѣзвый шалунъ, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, вырывался отъ сестры и кусалъ ее за руку. Полотняные его штанишки были до колѣнъ въ грязи,—на лугу, въ осокѣ, онъ искалъ дикихъ утокъ,—а въ пазухѣ были разбитыя воробьиныя яица,—самъ не видя, онъ раздавилъ ихъ, когда слѣзалъ съ груши отъ дупла.

Однимъ словомъ: это былъ одинъ изъ тѣхъ мальчугановъ, какихъ можно и теперь встрѣтить во всякомъ селѣ—пасущими ягнятъ или гусей около прудовъ. Онъ не остановится ни передъ чѣмъ и смѣло полѣзетъ въ чужой огородъ, чтобы нарвать тамъ маку, или въ чужой баштанъ за дынями и арбузами, хотя и часто возвращается оттуда съ краснымъ ухомъ и, что хуже, безъ штанишекъ.

Сосѣду трудно сохранить и удержать до Спаса яблоки—этотъ маленькій истребитель тщательно ихъ обтруситъ. „То Богъ родить на всякого долю“,—скажетъ онъ со словъ старшихъ. И не потому онъ обтруситъ, чтобы этого добра не было у нихъ дома, а потому, что таковъ обычай и такой его нравъ.—Ему извѣстно, гдѣ у кого посѣянъ горохъ, гдѣ у кого найбольшая морковь, гдѣ огурцы, гдѣ дыни и гдѣ куры яйца несутъ. И вездѣ онъ облазитъ и обшаритъ, все обнюхаетъ, все узнаетъ. Такъ выросталъ козакъ... И теперь онъ

успѣлъ побывать и на выгонѣ, и около пруда, и у своего сверстника Ивася,—вездѣ. Онъ уже зналъ, что въ хуторъ пріѣхалъ Петро. У Марты Андрійко часто былъ на послугахъ и всегда приносилъ ей извѣстія отъ подругъ и исполнялъ разныя ея порученія. Теперь она заставила его нести одинъ конецъ скатаннаго полотна, а мимоходомъ распрашивала его о подругахъ.

— А Маріи ты не бачивъ?

— Бачивъ; переказала, щобъ ты зарані на улицю выйшла... *И Петра бачивъ!* прибавилъ маленькій Андрійко, и лукаво усмѣхнулся.

— Ну й добре, якъ бачивъ... сконфуженно сказала сестра. А може ты й брешешь, бо Петро козакуе, ёго нема дома.

— Эге, брешу, брешу: добре я ёго бачивъ!

И Андрійко, неся сзади одинъ конецъ скатаннаго полотна, весело подпрыгивалъ и передразнивалъ сестру. Та ему говорила:

— А ты йди на выгінъ до Знахоровои Марусі.

Тупу, тупу, коню,
На высоку гору,
До Марусі,
На подусі...

— Я до Марусі не ходивъ, смѣялся Андрійко, а отъ тобі Петро перстень та сережки давъ! Думаешь, що я не знаю? Знаю. И пісьню знаю!

И онъ началъ тоненькимъ голоскомъ выводить пѣсню, выговаривая вмѣсто ж—з.

Похожано, поброжано
Коло хідки—стежки,
Коло хідки—стежки,
Та коло хідки—стежки!
А той Петро та Мартуні
Покупивъ сережки,
Покупивъ сережки
Та покупивъ сережки!...

Марта не слушала, а быстро пустилась бѣжать внизъ на лугъ, таща за собою съ полотномъ и Андрійка, который долго еще за-

ливался дѣтскимъ смѣхомъ, упираясь ножками въ землю и доканчавая пѣсню.

Полотно было смочено, разостлано на травѣ. Марта, усадивъ возлѣ себя Андрійка, принялась за вышиванье.

— Хочешь? казку буду казать, спросила она брата.

Мальчикъ уши навострилъ.

— Бувъ собі дідъ та баба, начала Марта, та мали собі три дочки и три сыны. Посылае дідъ найстаршого сына козы пасти. А той пасе, пасе та й напоіть. Стае смеркати, то вінъ и жене ихъ до дому. Выйшовъ дідъ противъ ёго, ставъ зъ макогономъ на воротяхъ, у червоныхъ чоботяхъ, та й каже: „Кізоньки моі, кізоньки моі! чи іли вы, чи пили?"—„Ні, дідусю, не іли, не пили; бігли черезъ лісочокъ, вхопили кленовый листочокъ, та й тимъ переділились; бігли черезъ гребельку, вхопили води крапельку, та й тимъ переділились!"...

Тутъ Марта остановилась—на старой липѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, крикливая кукушка выводила свое вѣщее „куку". Марта бросила работу и, переставъ разсказывать, слушала кукушку. Андрійко, чтобъ не спугнуть кукушки, притаилъ духъ и, лишь шепотомъ, указывая на нее пальцемъ, говорилъ:

— Посчитай, сестрице, бо я не вмію!

И Марта, считая по пальцамъ, за каждымъ „куку" выговаривала по слову:

— Зозуле... княгине... скажи мені... скільки я... годъ проживу?... разъ... два... три...

Но кукушка, сдѣлавъ crescendo и не докончивъ счета, улетѣла прочь и сѣла гдѣ-то въ вербахъ на лугу.

Марта принялась снова за сказку, а Андрійко, прилегши на ея колѣняхъ, внимательно слушалъ, пока не заснулъ.

Подъ вечеръ Марта разбудила его и, давъ ему кусокъ хлѣба, послала къ своей подругѣ. Андрійко, выглядывая только одной головой изъ-за высокой травы, бѣгомъ пустился исполнять порученіе сестры, перескочилъ черезъ перелазъ и скрылся за тыномъ.

Марта продолжала работу и пѣла свою любимую пѣсню: „*Черезъ теренъ стежка...*"

День склонялся къ вечеру и тихо уходилъ на покой, уступая свое мѣсто весенней ночи. Вечерняя мгла серебристо-туманнымъ покровомъ окутывала Калниболоты. Мѣстечко оживилось и засуетилось: у колодцевъ заскрипѣли „журавли" и застучали ведра, и кучка „дівчатъ", неся на „вечерю" воду, разсказывала о происшествіяхъ минувшаго дня; веселый смѣхъ и иногда тихая пѣсня разносились по улицамъ. Хрущи и рогатые жуки наполняли воздухъ жужжаніемъ. Слышалось блеянье заблудившихся овецъ, которыя медленно бродили по улицамъ, отыскивая дворы своихъ хозяевъ. Иногда громкій голосъ эхомъ разносился по всему мѣстечку.

— Остапе, займи свою корову, а то геть вытоптала въ городі коноплі!

— Отъ-то, проклятый чередникъ! отзывался другой голосъ на противоположной сторонѣ пруда,—та я-жъ ему наказувавъ!

А изъ хатнихъ трубъ давно уже валилъ дымъ и въ воздухѣ разносился запахъ галушекъ. И трудящійся пахарь, бросивъ работу въ полѣ и перекрестившись, поспѣшалъ въ мѣстечко, гдѣ его семья дожидалась „вечері". Съ непокрытой головой, неся въ рукѣ „истикъ"[1]) и шапку, шагалъ онъ за плугомъ и думалъ, какой-то урожай пошлетъ ему Богъ въ этомъ году. А молодой „погоничъ" беззаботно хлесталъ кнутомъ по наддорожнымъ будякамъ, сбивая ихъ красныя головки, и тихо напѣвалъ:

Та волы въ ёго крутороги,
Погоничі чорноброві,
Плугатарі кривоноги...
Гей—собъ, цабе—тпру!...

Незамѣтно спустились сумерки и воцарилась ночь. Голоса людскіе понемногу стихали, лишь несмѣтныя массы лягушекъ, усѣвшись по берегамъ пруда, начали обычный свой концертъ. Вербы внимали ему, стоя стражами на греблѣ и не смѣя шевельнуть своими листьями. А люди ужинали, кончали всякое прятанье, прибиранье, ко сну отходили. Всплылъ и мѣсяцъ полнолицый и тихо подымался вверхъ по безоблачному небу, освѣщая сады, хаты, ого-

---

[1]) «Истикъ» —маленькая желѣзная лопатка, надѣтая на палку; употребляется для очистки земли съ плуга.

роды, все мѣстечко. Улицы опустѣли. Въ „гаю“ надъ лугами запѣлъ соловей и звонкая его пѣсня разносилась по всему мѣстечку и по всѣмъ ярамъ, окружающимъ Калниболоты. Чудное пѣніе соловья шло въ перебой съ громкими голосами перепеловъ и коростелей, перекликавшихся гдѣ-то далеко въ пашнѣ, и все это сливалось въ какой-то непонятный строй и отдавалось дивными перекатами на далекомъ пространствѣ. Какъ звукъ стальной косы, подъ молоткомъ косаря, далеко, далеко звучалъ голосъ какой-то ночной птицы. На улицахъ царила полная тишина; лишь изрѣдка слышался въ глубинѣ иного двора невнятный говоръ запоздавшихъ къ ужину хозяевъ, или ихъ рабочихъ. Гдѣ-то въ хатѣ у окна женщина убаюкиваетъ дитя, напѣвая однообразную, своимъ мотивомъ и складомъ уносящую въ далекое прошлое, пѣсню:

Ой ходить сонъ коло віконъ,
А дрімота коло плота.
Питается сонъ дрімоты:
Де мы будемъ ночувати?
Тамъ, де хатка тепленька,
Де дитинка маленька!...

Казалось, послѣдніе звуки замираютъ и ночь вступаетъ во всѣ свои права. Вдругъ, какъ изъ тучи громъ, раздалась шумная пѣсня, разливавшаяся рѣкой по мѣстечку. Это начиналась въ Калниболотахъ „улиця“. Заслышавъ пѣсню, парни надѣвали шапку на бекрень и спѣшили на мѣсто сбора гульливой молодежи; а запоздавшія „дівчата“ поспѣшно мыли ложки и миски послѣ вечери, чтобы украдкой отъ старшихъ поскорѣе вырваться на волю и въ веселой компаніи натѣшиться пѣсней и гульбой. Сначала пѣсня слышна была въ одномъ куткѣ мѣстечка, потомъ въ другомъ, въ третьемъ... Она ширилась, росла и залила все мѣстечко потокомъ звуковъ, полныхъ жизни и веселья.

У вдовы Карпивны на подворьи и въ хатѣ было тихо. Наймитъ только что погналъ на ночь воловъ въ поле, а вдова, помолившись Богу, легла спать. Марта, накинувъ на себя легкую свитку, пошла въ клуню спать. Но можно-ли было ей спать? Она и не спала: отворилась и скрипнула дверь отъ клуни, и она, какъ бѣлое привидѣніе, появилась въ одной рубашкѣ на дворѣ; краду-

чись, она потихоньку перешагнула через перелазъ въ садъ и прямо побѣжала на выгонъ, гдѣ уже шумно гудѣла собравшаяся молодежь.

V.

Ой изъ-за горы, та изъ-за кручи
Та риплять возы, йдучи
А попереду та чумаченько
Та выпукуе, йдучи.

Изъ чумац. пѣсни.

Въ хуторѣ Бондаренкивъ все починялось и приводилось въ лучшій видъ. Крыша на хатѣ обновлена. Огорожа вокругъ двора сдѣлана новая. Все, какъ будто-бы, повеселѣло. Вездѣ видна была заботливая рука хозяина. Повеселѣла и старая мать и втайнѣ радовалась, что сынъ забываетъ по немногу Запорожье. Сестра, какъ и прежде, оглашала хуторъ звонкой пѣсней и ожидала своего милаго „чумаченька“.

Каждый вечеръ всѣ трое они садились около порога на дворѣ вечерять, и тутъ-то велись нескончаемыя рѣчи. Мать разсказывала о прошлой жизни и о старыхъ людяхъ. Петро говорилъ о козацкихъ походахъ и приключеніяхъ.

Иногда ихъ навѣщалъ старый пасѣчникъ, сосѣдъ по хутору, Микола Волошинъ, бывшій гайдамака и свидѣтель уманской рѣзни. Петро любилъ слушать, когда старикъ разсказывалъ про „Колліивщину“. Какъ разъ въ тотъ годъ, когда происходила уманская рѣзня, Петро прибылъ въ Сѣчь и вступилъ въ запорожское товариство. Тамъ тогда тоже шли толки объ этой рѣзнѣ и волновали запорожцевъ. Кое-что зналъ объ ней и Петро; но теперь старый гайдамака разсказалъ ему объ этомъ во всѣхъ подробностяхъ. Картины страшныхъ казней, понесенныхъ участниками возстанія, непонятныя дѣйствія русскихъ войскъ, прямо поддерживавшихъ польскихъ пановъ, въ частности поведеніе Кречетникова подъ Уманью, въ связи съ злобою дня — уничтоженіемъ Запорожья, окончательно, кажется, охладили Петра и примиряли его съ избранною теперь имъ ролью...

Скоро возвратился изъ Дону и сынъ пасѣчника, Иванъ. Тогда два сосѣднихъ хутора еще болѣе оживились. Зинька учащала въ „яръ“ до „криниці“ и тамъ долго „розмовляла“ съ своимъ Иваномъ. Ночью въ лѣсу часто слышалась козацкая пѣсня: Иванъ навѣщалъ Зиньку. Наконецъ въ одинъ вечеръ старики, пасѣчникъ и мать Петра, завели разговоръ о томъ, о чемъ ихъ дѣти давно уже порѣшили: пасѣчникъ сваталъ своего сына на Зинькѣ. Поговорили и втихомолку согласились. Другое дѣло рѣшено было раньше: Петро ожидалъ только осени, чтобы посылать въ Калниболоты „старостівъ“ съ хлѣбомъ. А теперь онъ почти каждый вечеръ навѣщалъ свою Марту.

Предварительно Петро наводилъ справки на счетъ своего положенія въ отношеніи къ „пану“, на случай онъ, запорожецъ, объявитъ себя возвратившимся къ хозяйству матери. Оказалось, что опасенія, которыя такъ мучили его, когда онъ возвращался въ свой хуторъ, были напрасны. Тутъ еще раньше настало полное замиренье. Паны не преслѣдовали уже возвращавшихся своихъ подданныхъ. Удовлетворенная чрезъ мѣру месть смягчила ихъ злобу, а преподанный страшный урокъ заставлялъ ихъ по неволѣ быть осторожными. Даже Микола Волошинъ, прямой участникъ „Коліивщины“, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ, хотя и замаскировавшій свои похожденія, сидѣлъ теперь спокойно въ своемъ хуторѣ. Болѣе благоразумные изъ пановъ въ возвращеніи своихъ подданныхъ видѣли увеличеніе рабочихъ рукъ, радовались этому по простому разсчету и снисходительно смотрѣли на отлучку „хлоповъ“, хотя иногда и многолѣтнюю. Притомъ земельныя права, земельныя отношенія тѣхъ и другихъ были до крайности перепутаны отъ непрерывныхъ почти потрясеній въ краѣ. Право земельное опиралось болѣе на памяти, на давности, чѣмъ на письменныхъ документахъ. Въ частности относительно хуторовъ, на которыхъ люди жили, такъ сказать, „съ діда—съ прадіда“, принято было обычаемъ, что съ нихъ взималась десятина отъ пчелъ и овощей, а панщину отбывали лишь тѣ, которые имѣли „грунта и поля“ въ селѣ и водворившіеся на льготный срокъ. Соціальное положеніе Петра юридически трудно было опредѣлить: его отецъ и дѣдъ владѣли тѣмъ-же хуторомъ, а на какомъ правѣ, никто не зналъ. У отца былъ кромѣ того и грунтъ, но тогда еще были льготные сроки: обязательства на немъ

были не только незначительныя, но и крайне неопредѣленныя. Съ смертью отца, съ исходомъ Петра, съ наступленіемъ грозной передряги какъ-то и грунтъ затерялся. Объ этомъ-то грунтѣ помышлялъ теперь Петро, а вмѣстѣ и о томъ, какія наложитъ онъ на него обязательства.

Тѣмъ временемъ представился Петру случай объявиться отчасти передъ міромъ. Сынъ пасѣчника Миколы, женихъ „Зиньки“, Иванъ собрался въ Умань рыбу продавать. Дѣло было послѣ праздника Тройцы. Рѣшился ѣхать и Петро. Небольшая чумацкая „валка“ выѣхала изъ лѣсу, въ которомъ находились хутора. „Валку“ провожалъ старикъ-пасѣчникъ.

— Глядить, дітки, говорилъ онъ на прощаньѣ, пильнуйте свого діла: продавайте рыбу та й до дому повертайтесь... Будете въ Умани, то тамъ на свои очи побачите, якъ гайдамаки „лядською“ кровью землю оросили: мабуть и доси червоніе. Школу розруйновану побачите; тамъ школярівъ гайдамаки повкидали въ глыбокій колодязь. Геть зъ верхомъ наклали... до ста біса ихъ було. Жидівськи будинки до сёго часу стоять розваляни... Та ще отъ що вамъ скажу: коло міста *Греківъ лісъ;* а коло нёго Зализнякъ зъ Гонтою таборомъ стояли. Середъ того лісу есть *галявина*, а на ті галявині стоить стара величенна липа. Отъ підіть туды въ південь и по тіні одъ теи липы одсчитайте сімъ ступенівъ и копайте: тамъ сховано сила грошей. Знайдете,—ваши будуть!

Старикъ вернулся, а тѣ поѣхали дальше. По дорогѣ затянули чумацкую пѣсню подъ скрипъ малеваныхъ яремъ. Волы двигались медленно и жевали жвачку.

Широкій, необъятный просторъ, разлегавшійся во всѣ стороны напомнилъ Петру запорожскія степи. Снова пахнуло на него чѣмъ-то вольнымъ, пріятнымъ. Эта поэтическая обстановка снова пробудила въ немъ козацкій духъ. Давно не скакалъ онъ по степи, не гонялся бѣшено за дикими лошадьми и другими дикими животными, которыми изобиловала въ то время южно-русская степь. Давно не клектали ему орлы въ степи, носясь подъ облаками; не пѣли ему буйные вѣтры, не манилъ его ковыль-трава. Давно онъ не слышалъ, какъ *„у полі могила зъ вітромъ говорила“*. Давно онъ этого не слышалъ, но не забылъ. И сразу обнялъ его жаль: зачѣмъ

я промѣнялъ своего дорогого коня на воловъ? Дума за думой роемъ вилась въ его головѣ...

„Боже, Боже!" промолвилъ онъ шопотомъ и скорѣе зашагалъ по дорогѣ.

А Иванъ впереди напѣвалъ пѣсню и „гукавъ" на воловъ: *гей вы, сірі—половіи!*

Не вдалекѣ отъ лѣса находился высокій курганъ съ „манякомъ" на верху. Это очень давній курганъ. Въ старыя времена на немъ стояли козацкія „чаты", сторожившія татаръ. Сверху деревяннаго столба далеко видно было всѣ окрестности. Тамъ обыкновенно помѣщался сторожевой козакъ и наблюдалъ на тридцать верстъ въ окружности—что дѣлалось въ степи. Теперь тутъ никого не было. Высокій курганъ и крѣпкій столбъ сами осматривали далекія окрестности [1]). Вечеромъ чумаки останавливались, отпрягали воловъ и пускали на „пашу", а сами варили себѣ „кулішъ". Раннимъ утромъ, пока еще не всходило солнце, они отправлялись въ путь.

Такъ они ѣхали до Умани три дня. На третій день вечеромъ чумацкая „валка" въѣхала въ восточныя городскія ворота. Городъ представлялъ печальный видъ: онъ еще не успѣлъ оправиться послѣ гайдамацкаго погрома, не смотря на всѣ старанія уманскихъ губернаторовъ и комиссаровъ. Палисады и ворота были разбиты и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ починены; много еврейскихъ и польскихъ домовъ до сихъ поръ было въ разрушеніи. Гайдамацкая рука оставила здѣсь глубокій слѣдъ. Все тутъ напоминало недавній погромъ, наложившій на городъ особый отпечатокъ. Трусливое еврейское населеніе все еще было въ сильномъ страхѣ. Когда въ городѣ появлялось нѣсколько запорожцевъ, то евреи уже собирались въ синагогахъ и просили Бога о помилованіи. Недалеко отъ воротъ теперь сидѣла около грязнаго дома еврейка и убаюкивала въ люлькѣ дитя, припѣвая:

---

[1]) Андрій Бондарь передавалъ, что впослѣдствіи этотъ «манякъ» сослужилъ службу и панамъ. Во время панщины съ него наблюдали въ подзорную трубу за ходомъ работъ почти во всѣхъ ближайшихъ имѣніяхъ гр. Потоцкихъ, въ звенигородскомъ уѣздѣ. «*Звідтиль*, говорилъ онъ, *можно було посчитать*, *скільки у бабы ходить курчатъ по подвірьі у Бужанці*» (село въ 25 верстахъ отъ кургана). Курганъ этотъ существуетъ и до настоящаго времени, а отъ столба остались лишь однѣ развалины.—*А. С.*

„Ай вей, вей, мамуню,
Ай зукъ, зукъ, любуню!“...

Чѣмъ-то очень древнимъ, палестинскимъ вѣяло отъ этой пѣсеньки. То былъ стонъ и плачъ матери-еврейки надъ люлькою своего дитяти,—отголосокъ не забытаго еще страшнаго погрома. Море горя и всякихъ несчастій выражалось въ этой пѣсенкѣ. Когда еврейка увидѣла въѣзжавшихъ чумаковъ, невольно какъ-то бросилась въ сторону отъ нихъ, унося ребенка и убаюкивая его непонятной еврейской рѣчью, отъ которой долетало страшное слово: *„гайдамака, гайдамака!“*

Иванъ и Петро остановились на городской площади и здѣсь съ возами переночевали.

На ярмарку съѣзжались изъ сосѣднихъ мѣстъ паны, крестьяне и козаки. На другой день она открылась. Масса всякаго люда сновала между возами и еврейскими „крамницами“. Говоръ, скрипъ и стукъ, все это наполняло воздухъ и превращалось въ неумолкаемый шумъ.

Тутъ были представители чуть-ли не всѣхъ сосѣднихъ націй: поляки, татары, цыганы, греки и множество другихъ. Разговоръ происходилъ на различныхъ языкахъ.

Шумъ, гамъ, крикъ носились надъ городомъ и не позволяли даже вблизи ясно разслышать словъ. Иногда громче всего откликалось выкрикиванье: „шевці, кравці, коновалы, шаповалы и такъ добрі люди! сходьтеся—щось маю казать! Отъ буду казати! отъ буду!“ Туда волной хлынула толпа и слушала публикацію стоящаго высоко на возу панскаго приказчика или такъ человѣка. Публикаціи эти были различнаго содержанія: въ нихъ объявлялось о пропажѣ воловъ или другихъ домашнихъ животныхъ; объявлялись вольныя *селища*, приглашались на разныя работы рабочіе и т. п.

Подъ вечеръ, когда являлось мало покупателей рыбы, Петро оставилъ около возовъ одного Ивана, а самъ пошелъ побродить по городу. Ему хотѣлось взглянуть на гайдамацкія руины. Съ торговой площади онъ направился къ разрушенной базиліанской школѣ. Лишь только отошелъ онъ немного отъ возовъ, какъ изъ боковой улицы послышалась музыка; за нею валила толпа народа. Посре-

динѣ, опачканный съ ногъ до головы въ деготь, танцовалъ козакъ. Это былъ Лаврінъ Швець.

— Здоровъ, земляче! кричалъ онъ издали Петру. Що-жъ? обратувавъ ты свое Запорожье? Эге, обратувавъ! Отъ на самоті лаявъ ты мене въ ночи, а я тебе тутъ при всіхъ людяхъ вылаю. Однакъ и лаяться зъ тобою не вартъ; сказано: *бабій*. Иди собі підъ три чорты! Залізь въ пазуху до *своеи дівчины*, та й сиди тамъ мовчки! А Запорожье таки оживе, не на порогахъ, то за Дунаемъ. Черезъ васъ *бабіивъ* пропало воно: не хотіли держаться старого звычаю, зъ *дівчатами* почали кохаться. Отъ тобі докохались!

Лаврінъ на минуту умолкъ; Петро будто съ мыслями собирался, не зная, что сказать. Народъ въ недоумѣніи глядѣлъ. Лаврінъ продолжалъ:

— Отъ ты не хочешь зо мною чарку горілки выпить, а за дівчатами по ночамъ ганяешь, ожениться хочешь, хазяинувать думаешь. Хазяинуй!.. Нехай воля гине! Запрягуть васъ паны та й *москалі* въ ярмо: згадаете мое слово. Пропала воля, пропала доля, та не пропала слава... „*Грайте, музыки!*“ крикнулъ онъ музыкантамъ, которыми были два слѣпыхъ лірника и одинъ скрипачь. Музыканты заиграли. Толпа снова двинулась за Лавріномъ, а онъ въ совершенно трезвомъ видѣ отдиралъ по улицѣ трепака.

Ни слова не промолвилъ Петро и пошелъ дальше улицей. Встрѣча эта была для него совершенно неожиданной. Смутился онъ: какъ будто-бы въ наказаніе посылался ему этотъ Лаврінъ. Въ Калниболотахъ онъ обругалъ его разъ „бабіемъ“, а здѣсь другой разъ и при всѣхъ. Вспомнилъ онъ свое обѣщаніе—умереть за козацкія вольности и задумался. Стыдно ему сдѣлалось.

Жизнь однако имѣла свою *злобу*, свое неодолимое теченіе.

На другой день Иванъ и Петро ходили въ *Грековъ лѣсъ;* нашли старую липу, но клада не отыскали. Вокругъ липы поросли кустарники и деревья и нельзя было по указанному направленію видѣть тѣни. Они оставили кладъ до другаго удобнаго случая, а сами возвратились изъ Умани въ лѣсъ, въ свои родные хутора.

VI.

Ой брязнули на дворі цымбалы;
Озвалися у сінях бояры;
Заспівали дружки у світлиці;
Забилося серце у вдовиці.
Голубонька зъ голубничка лине:
Розлучають зъ матірью дитину,—
Розлучають, віночкомъ вінчають,
Пышно, гучно поіздомъ рушають.

Кулішъ.

Въ одинъ осенній вечеръ старая вдова Бондариха *выряжала* изъ хутора *старостивъ*. Она *выряжала* ихъ съ хлѣбомъ и напутствовала такими словами: *„идіть, люди добрі, нехай вамъ Богъ помогае на все добре!“*

Старостами были два близкихъ родственника Бондаренкивъ. Они съ важно-серьезнымъ выраженіемъ на лицахъ и съ палками въ рукахъ вышли изъ хаты. Зинька была тутъ-же и принаряжала брата. Она уже была просватана за Ивана.

Вдова благословила Петра и онъ ушелъ за старостами. На дворѣ они сѣли на лошадей и поѣхали лѣсомъ въ Калниболоты, той дорогой, которой раньше ѣздилъ самъ Петро. Каждый изъ нихъ перекрестился и произнесъ: *„дай, Боже, часъ добрый!“*

Ночь была темная; погода ненастная. Завывалъ сильный вѣтеръ и шумѣлъ деревьями. Сѣрыя изодранныя тучи неслись по небу и закрывали луну. Въ лѣсу перекликались совы. Ѣхали сначала молча; но потомъ одинъ изъ *старостивъ* прервалъ молчаніе и повелъ разсказъ о трехъ козакахъ, жившихъ когда-то тутъ въ лѣсу.

— Не буде, мабуть, тому и пятъдесятъ літъ, началъ онъ, якъ отъ тутъ таки, въ сёму лісі, де теперъ оце наши хуторі, не сидівъ ще нихто, якъ оце мы сидимо. Отже-жъ кажуть, було тутъ тоді три козаки—гайдамаки. Якогось-то часу поіхали вони всі три до *Кобриновои*, то недалеко тутъ. Тамъ на ихъ напали ляхи и хотіли ихъ вловить. Гайдамаки стали втікать, бо ляхівъ сила була. Гнались довго: ляхи не доженуть, гайдамаки не втечуть. Отъ одному зъ ихъ, що почавъ бувъ отставать, якась ляшуга и встромила въ спину пику. Такъ вінъ зъ теею пикою и примчався въ лісъ. Поховались въ земляну, та й ну того ранного ратувать. А вінъ бачить, що

вже ёму треба вмерти, попрощався зъ товарищами, та й говорить до ихъ: „розділить, каже, нашу добычъ на три части".

Поділили. „Покладіть-же, каже, мою часть мені въ головы, та й закопайте мене тутъ ще живымъ, а на боченку зробіть такій написъ, що хто знайде, нехай въ граматку запише мое имя". Такъ и зробили... Отже-жъ есть ще старі люди, що ще памятають, де та землянка була. Варто було-бъ іі раскопать, може-бъ и гроши знайшли! [1])...

Уже мѣстечко освѣтилось, когда въ него въѣхали старосты съ женихомъ. По старой улицѣ и лугомъ они пріѣхали во дворъ вдовы Карпивны. Здѣсь привязали лошадей; Петро остался, по обычаю, подъ хатой на призьбѣ, а старосты пошли въ сѣни. Вдова съ своей дочкой Мартой раньше знала, что въ этотъ вечеръ будутъ старосты. Они все въ хатѣ приготовили, принарядились и уже ожидали ихъ. Старосты остановились въ сѣняхъ и три раза постучали въ двери. Изъ хаты послышался голосъ:

— Коли добрі люди та зъ добрымъ словомъ, то просимо до господы!

Тогда старосты вошли съ хлѣбомъ въ хату, перекрестились и помолились, а затѣмъ поклонились хозяйкѣ. На столѣ въ это время лежалъ хозяйскій хлѣбъ. Вдова хотя и хорошо знала, кто были вошедшіе люди, но, по обычаю, спрашивала:

— Що вы за люди, и відкиля, и чого васъ Богъ принісъ?

Старшій староста, въ отвѣтъ на это, повелъ такую рѣчь:

— Перше всёго дозвольте вамъ поклониться и добрымъ словомъ прислужиться. Не позгнущайтесь выслухать насъ. А що мы люди честни и безъ худои науки, то отъ вамъ хлібъ святый въ руки!

Вдова приняла хлѣбъ и пригласила гостей сѣсть; при этомъ въ подходящихъ словахъ она предложила вопросъ, изъ какого они царства, изъ какого государства. Старшій староста продолжалъ:

— Мы люди делеки, йдемо зъ турецького царства. Мы собі ловці, бо іздимо на вловы. Якось въ наши землі, пізно въ осінь, вы-

---

[1]) Въ этомъ лѣсу теперь находятъ много старыхъ погребовъ и насыпей. Въ густыхъ трущобахъ и захолустныхъ мѣстахъ есть остатки завалившихся землянокъ. Около лѣса проходилъ въ старину большой «чумацкій шляхъ». — *А. С.*

пала пороша. Я й кажу свому товаришови: година добра! ходимъ, може вышукаемъ якого звіря! Отъ мы й пішли. Іздили скрізь, слідили, и нічого не вышукали. А се въ однимъ лісі іде намъ назустрічъ на воронімъ коні нашъ князь. Порівнявся зъ нами и почавъ до насъ таки речи: Эй вы, ловці, добри молодці! услужите мені службу, покажите дружбу! Оце попалась мені лисиця, чи куниця, а може й красна дівиця. Не можу ни істи, ни спати, а бажаю іі достати. Все вамъ оддамъ, тільки поможіть іі піймати; десять городівъ вамъ не пожалію. Отъ и пішли мы по слідамъ, по всімъ городамъ. Першъ слідъ пішовъ у німечину, а далі въ туречину. Ходили, шукали, а іі не знайшли. Всі царства-государства обійшли, а іі не піймали. Тоді и кажемо князеви: Не тільки звіря въ полі, що куниця: пошукаемо де инче—знайдецця й красна дівиця. А вінъ намъ одказуе: Скільки я по світу не гулявъ, у якихъ царствахъ-государствахъ не бувавъ, а такои куниці, ніби-бъ то красной дівиці не видавъ!

Пішли мы зновъ по світу блукать, куниці, чи-то красной дівиці шукать. Все по сліду йшли и въ се село прийшли. Тутъ зновъ выпала пороша. А мы зновъ давай ходить, давай слідить; сегодня рано встали и заразъ на слідъ напали. Пішовъ нашъ звірь та до васъ у двіръ, а изъ двору до хаты; теперь бажаемо его піймати. Певно вже наша куниця—у васъ у хаті красна дівиця... Нашому слову кінець, а вы зробіте нашому ділу вінець. Віддайте нашому князю куницю, вашу красную дівицю! Може оддасте, а може нехай ще підросте?

Вопросъ поставленъ былъ прямо. Вдова въ томъ-же тонѣ обратилась къ дочери: То се ты, дочко, наробила добримъ людямъ такого лиха? Проси-жъ князя до хаты. А вы, люди добрі, поки що буде, сідайте близче до столу.

Это значило, что Карпивна соглашалась выдать дочку.

Петро вошелъ въ хату. Марта, какъ-бы нехотя, вынула изъ „скрині рушники“, для которыхъ она пряла долгими, осенними и зимними, вечерами и которые сама-же бѣлила и потомъ вышивала. Застѣнчиво—радостно перевязала она ихъ старостамъ. Мать сняла со стѣны образъ и благословила молодыхъ.

Марта со слезами кланялась до земли матери и цѣловала образъ. Жаль было ей разстаться съ бѣдной матерью, которая

сиротой оставалась въ домѣ. Жаль было ей разстаться съ зеленымъ садомъ, съ огородомъ и лугомъ. Все то, что было ей мило и дорого по воспоминаніямъ дѣтства, она должна будетъ покинуть. Должна оставить своихъ подругъ, покрыть свою лелѣянную косу, забыть свои дѣвичьи пѣсни и грезы. Въ родномъ мѣстечкѣ все близко, знакомо, а тамъ чужіе люди, чужая семья. Она горько плакала, а за ней и мать утирала рукавомъ слезы. Какъ-то она разстанется съ своимъ роднымъ дитяткомъ?

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Марта пригласила къ себѣ своихъ подругъ и они расплетали ей косу. Это было въ субботу подъ вечеръ. На дворѣ и въ хатѣ собралось много сосѣдей и родственниковъ. „Молоду“ посадили по срединѣ хаты на скамеечкѣ, покрытой вывороченнымъ кожухомъ, и стали расплетать.

Общее настроеніе было какое-то не веселое, тяжелое. Напрасно „молодиці“, мѣсившія „коровай“, и „дружко“—распорядитель „весілля“ старались шуточными пѣснями развеселить гостей: всѣ какъ-бы проникнулись горемъ невѣсты, которая съ этого момента должна разстаться съ своей дѣвичьей красой—русою косой. А съ ней должно прекратиться и ея дѣвичье гулянье, о которомъ украинка всегда вспоминаетъ съ грустью и слезами.

Обрядъ начался пѣсней:

Благослови, Боже
И отецъ и мати,
Своему дитяти
Косу расплітати!

Долго онъ тянулся, а съ нимъ и пѣсни подругъ,—одна другой грустнѣе и жалобнѣе. Музыка вторила пѣснямъ.

Не одну слезу выронила бѣдная мать при этихъ не веселыхъ пѣсняхъ. И не только мать,—всѣ, до чьихъ ушей доносились звуки этихъ пѣсень, не могли удержаться отъ слезъ. „Дружки“ обнимали свою подругу и не могли наплакаться.

Дочко моя! голубко моя!—говорила горемычная вдова, когда „дружки“ начали пѣть послѣднюю пѣсню. Въ душѣ ея столпились всѣ пережитыя ею воспоминанія, все горе, вся скорбь ея жизни; страшнымъ призракомъ рисовалась одинокая будущность, безпо-

мощная старость. И голосъ и слова пѣсни вторили ея душевному настрою. Полная тяжелыхъ думъ, она стояла блѣдная, подперши рукою лицо и смотрѣла на свою дорогую дочь, которую, казалось, насильно у ней отнимали.

Пѣсня лилась звонко и жалобно.

Ой тихо, тихо Дунай водоньку несе,
А ще й тихіше Мартуня косу чеше.
Ой що начеше, на тихий Дунай несе.
—Ой плыви, косо, підъ матусінъ двіръ просто;
Послухай, косо, що матинька говорить!
Матінька говорить, все смутнесенька ходить:
—Ой теперь мені лихая годинонька,
Що відходить одъ мене рідная дитинонька!...
Ой тихо, тихо Дунай водоньку несе,
А ще й тихіше Мартуня косу чеше.
Ой що начеше, на тихій Дунай несе.
—Ой плыви, косо, підъ свекрутинъ двіръ просто;
Та слухай, косо, що свекруха говорить!
Свекруха говорить, та все веселенька ходить:
—Ой теперь мені добрая годинонька,
Бо йде до мене чужая дитинонька!

Въ тотъ-же самый вечеръ въ хуторѣ *расплетали* Зиньку. Обстановка была еще грустнѣе и печальнѣе. Пѣсни и музыка эхомъ отдавались въ лѣсу и удвоивали невеселое настроеніе.

На другой день, въ воскресенье, въ старой Калниболотской церкви вѣнчались двѣ пары „молодихъ": Петро съ Мартой и Иванъ съ Зинькою. Послѣ вѣнчанья два свадебныхъ поѣзда двинулись за Калниболоты прямо по дорогѣ въ лѣсъ, въ хутора жениховъ.

„Дружки" и „бояри" по дорогѣ пѣли пѣсни.

Поѣзжане, ѣхавшіе въ хуторъ Бондаренківъ, съ трудомъ пробрались по узкой лѣсной дорожкѣ.

Вечеромъ того-же дня и той-же дорогой Марту увезли свадебнымъ поѣздомъ изъ Калниболотъ. Она навсегда простилась съ своими подругами и матерью. На другой день она была уже „молодицею" съ повязанной платкомъ головой.

Тяжеленько таки пришлось Мартѣ на первый разъ въ чужой хатѣ. Ей часто вспоминалось родное мѣстечко и веселые дѣвичьи

годы, проведенные въ немъ. А потомъ она привыкла къ хутору и полюбила эту тихую, уединенную жизнь. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ она навѣщала свою одинокую мать.

А Петро постепенно забывалъ Запорожье и втягивался въ будничную жизнь „гречкосія“, которой онъ раньше такъ боялся. Ему была мила жена, дороги дѣти, хозяйство и весь хуторъ. Только по временамъ онъ вспоминалъ прежнюю бурную козацкую жизнь, полную тревогъ и опасностей; вспоминалъ и посылалъ благословеніе задунайскимъ запорожцамъ, своимъ бывшимъ товарищамъ.

А. Смоктій.

Разновидности марцѣпаннъ и ганнусковой горѣлки.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ доставшуюся намъ изъ бумагъ покойнаго профессора А. И. Ставровскаго рукопись XVIII в. Общее заглавіе этой рукописи не сохранилось, но составъ и назначеніе оной открываются при первомъ ея просмотрѣ. Эта не большая книжечка въ 112 страницъ, въ малую четверку, содержитъ въ себѣ 143 рецепта, или краткія наставленія, какъ дѣлать разныя сладкія печенья и варенья, сладкія и другія водки, равно нѣкоторыя заготовленія въ прокъ. Печенья и водочныя настойки занимаютъ въ нихъ главное мѣсто, и какъ высшею формою ихъ, замѣняющею иногда общее ихъ названіе, доселѣ удержавшееся, являются марцѣпанны, основою-же всѣхъ настоекъ была такъ называемая *ганнусковая* водка, то потому мы и даемъ рукописи вышеприведенное заглавіе.

Печатаемая рукопись принадлежитъ срединѣ XVIII столѣтія, что очевидно по письму и даже бумагѣ. Годъ ея неозначенъ, но писана она одною рукою и, можно сказать, въ одинъ даже пріемъ, изъ чего должно заключить, что она списана съ другой готовой, можетъ быть, болѣе древней рукописи. На первомъ чистомъ листкѣ, по срединѣ, свободнымъ и красивымъ почеркомъ написано: *Иванъ Кулябка*, а подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ въ половинѣ прошлаго столѣтія стародубскій полковникъ. Это указываетъ на среду, въ которой обращалась рукопись, объясняетъ неодинаковое происхожденіе каждой изъ двухъ главныхъ ея частей, изъ которыхъ первая принадлежитъ печеньямъ, а вторая настойкамъ. Названная рецептура, судя по фамиліи и званію ея владѣльца, употреблялась, очевидно, въ классѣ выше средняго, въ кругу богатомъ, даже аристократическомъ; но тогда какъ печенья, съ ихъ иногда

иностранными названіями и отчасти составомъ, занесены къ намъ чрезъ Польшу съ запада, настойки имѣютъ чисто мѣстный, національный колоритъ и букетъ и, какъ увидитъ читатель, едва-ли и могли быть придуманы въ другомъ какомъ мѣстѣ и употребляемы какими-либо другими желудками, кромѣ козачихъ малороссійскихъ. Назначеніе рецептуры не высокое: она должна была служить *чреву*, услаждать и возбуждать вкусъ нашихъ предковъ. Это книга ихъ *живота*, къ сожалѣнію, далеко не полная;—мы не имѣемъ главнаго, не имѣемъ подъ руками подобной, также того времени, рецептуры оригинальныхъ кушаньевъ, составлявшихъ *снiдання, обiдъ, полудень, пiдвечiрокъ и вечерю* нашихъ предковъ. Мы имѣли-бы тогда полное представленіе о ихъ необъятныхъ желудкахъ и феноменальной выносливости этихъ послѣднихъ, дававшей предкамъ нашимъ, если не постигнетъ кого на войнѣ или дома наглая смерть, служить по 80-ти, жить по сту и болѣе лѣтъ, вступать въ бракъ на девятомъ десяткѣ годовъ жизни и рождать дѣтей, каковой примѣръ мы имѣемъ въ въ лицѣ генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, сподвижника Хмельницкаго, начавшаго жизнь въ XVI и кончившаго ее въ XVIII ст.

Не смотря однако на эту неполноту и спеціальный свой характеръ, печатаемая рукопись имѣетъ значеніе вполнѣ историческаго памятника. Это памятникъ жизни и вмѣстѣ памятникъ языка.

Разсматривая въ прошедшемъ жизнь того или другаго народа, мы имѣемъ дѣло съ суммою болѣе или менѣе крупныхъ явленій, обозначающихъ его внѣшнюю или внутреннюю, духовную дѣятельность; какъ слагается и идетъ его физическая жизнь, служащая нерѣдко основою, или сильнѣйшимъ двигателемъ духовной жизни,—это рѣдко, да и совсѣмъ почти не входитъ въ наши соображенія. Мы видимъ такимъ образомъ явленія и не примѣчаемъ иногда отдаленной силы, движущей ими, изслѣдуемъ дѣйствія и не знаемъ главной и существенной ихъ причины, смѣшиваемъ послѣдующее съ предъидущимъ, посредствующее, второстепенное съ первоначальнымъ, основнымъ, признакъ принимаемъ за сущность, условіе считаемъ за причину, и наоборотъ. Здѣсь происходитъ тоже, что допускаемъ мы нерѣдко при объясненіи вообще нашихъ душевныхъ явленій, въ частности при обсужденіи нашихъ и чужихъ поступковъ. Мы забываемъ при томъ, что многія свойства и качества

наши столько-же физическія, какъ и душевныя явленія, что между тѣми и другими трудно иногда бываетъ провести точную границу, и на оборотъ многія наши дѣйствія и поступки, состоянія, стремленія, извѣстный даже образъ дѣйствій имѣютъ подъ часъ свою основу и источникъ въ состояніи и перемѣнахъ нашего физическаго организма, а эти послѣдніе въ свою очередь стоятъ въ тѣсной зависимости, между прочимъ, отъ качества и количества пищи и питья, приправъ въ тѣхъ и другихъ, времени и способѣ ихъ употребленія и т. д., и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣрное знаніе нашихъ душевныхъ явленій, нашихъ дѣйствій и свойствъ возможно лишь при точномъ пониманіи условій и состоянія жизни нашего физическаго организма, и что тоже правило должно быть примѣняемо и къ пониманію жизни народной. Если возможны афоризмы: „скажи мнѣ, какія книги читаешь, или кто твои друзья, и я скажу, каковъ ты самъ“, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно-бы сказать: „скажи мнѣ, что ты ѣшь и что пьешь, въ какой мѣрѣ и когда, и я опредѣлю твою жизнь“.

Съ этой точки зрѣнія, матеріалы, въ родѣ предлагаемаго нами, не только могутъ восполнять общую картину минувшей жизни нашего народа, но нерѣдко пособлять надлежащему ея освѣщенію и безъошибочному представленію. Намъ во всякомъ случаѣ кажется, что эта сторона жизни нашихъ предковъ заслуживаетъ вниманія и намъ остается желать изысканія и приведенія въ общую извѣстность возможно большаго числа такихъ памятниковъ.

Они имѣютъ интересъ и какъ памятники языка, ибо охватываютъ собою такую область жизни, которая сама по себѣ, а вслѣдствіе того и по своей терминологіи и фразеологіи, совсѣмъ неизвѣстна намъ.

Приводимъ поэтому нашъ памятникъ въ цѣльномъ его видѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ почти особенностей его правописанія, за исключеніемъ несущественныхъ, или неподдающихся нашему упрощенному печатному письму.

---

1. *Макороны пекти.*—Взять два фунта мигдалы, истолкти мѣлко зъ рожевою водою, прибавить полтора фунта мѣлкого толченного сахару, змѣшать, послѣ прибавить кордимону, помаранцевои коры, два желтка

яечныхъ и четире бѣлки; и дать часъ бить, потомъ мигдалы крѣпко втерти и на бляты положить, на сковородѣ ставить, прежде ножемъ направить, покуду въ пѣчъ не становить, и потомъ пекти.

2. *Какъ бѣшкокты пекти.*—Взять десять яецъ, одинъ фунтъ сахару, добре вмѣстѣ сколотивъ, потомъ четверть фунта муки помѣшать, и еще мало колотить, прибавить ложку рожевои воды и пекти.

3. *Марцѣпаны робить.*—Взять одинъ фунтъ мигдаловъ, мало рожевои воды, толкти, одинъ фунтъ толченного сахару прибавить, толкти добре съ сахаромъ и мало приварити въ побѣляной кострюлѣ, чтобъ не выгорѣло, добре мѣшать; потомъ можно всякіе мукстра вирѣзовать, можно зъ сего тѣста вѣнки дѣлать, потомъ на марцѣпаны налить глянсъ, взять самого найчистѣйшого канарского сахару, стерти очень мѣлко, чтобы какъ мука крупичная, бѣлокъ розбить яечній, чтобы пѣна держалась на ложки, и мѣшать ис сахаромъ, чтобы густо было, и намазать на марцыпалъ, или з рожевою водою сахаръ стертія и лить на марцыпалъ, пекти въ печѣ; должно, чтобы пѣчъ не весма гарячая была, и сахаръ долженъ не весма жидокъ быть, чтобъ можно кистю мазать.

4. *Корынтень кухень.*—На двѣ яйцѣ чвертку сахару и чвертку муки, корынковъ золотниковъ шесть. Первѣе яйця вбыть совсѣмъ такъ, якъ на бѣшкокты, а послѣ съ сахаромъ добре бить, чтобы густо стало, а двома днями прежде муки чвертку ростерти съ тимъ холоднымъ масломъ, а масло должно быть весма холодное и крѣпкое, и такъ терти, чтобы оно сухо и не роставало въ рукахъ, а муки на ночъ у пѣчъ постановить, чтобы она суха была, а съ печи винявши, на ліоду поставить, чтобы холодное, а стерши зъ масломъ, на ліоду поты стояло, покы яйця убъются добре, а когда все готово, взять муку всыпать у яйця и мѣшать добре ополоникомъ долгенко; въ ту пору секту усыпать полложки, якъ время у пѣчъ, и терти уже непрестанно, послѣ галку толченную цѣлую всыпать и мѣшать, а послѣ корынки усыпать и въ хоромки (формочки) выливать и пекти.

5. *Инымъ способомъ корынковки* (робить).—Взять одинъ фунтъ сахару, восемь яецъ—купно съ сахаремъ часъ колотить, одинъ фунтъ масла положить топленого холодного, одинъ фунтъ муки съ масломъ терти, потомъ яйця положить и полчаса мѣшать, потомъ полфунта корынку, два мушкатніе орѣхи и двѣ ложки секту прибавити и въ формы лить. Должно топленному маслу быть и муку на ночъ въ печѣ становить, чтобы суха была.

6. *Яечніе шкарлупы.*—Взять дванадцять яецъ, съ которыхъ изъ девяти бѣлки отобрати, и по охотѣ сахару, курдимону положить: впередъ яйця съ сахаромъ добре столкти, потомъ муки подмѣшать, чтобъ густо

было, потомъ кругліе формы дѣлать, и мало топленнимъ масломъ помазать, и мало сахару и корицѣ посыпать, кругло качать и въ печѣ пекти.

7. *Пряники медовіе дѣлать.*—Взять чотыри фунты патоки, три фунты муки, муку въ пѣчъ на ночъ поставить, чтобы суха была, десять яецъ—половину бѣлковъ отобрать и бить добре паростами такъ, якъ на бѣшкокты, прибавить кардимону, корицѣ, перцю, и патоку добре убыть, чтобы бѣлая была, и змѣшать у купу и наливать въ бумажніе скринечки; опѣкши, порѣзать.

8. *Маліе цукеръ кухеръ у формахъ.*—Взять одинъ фунтъ сахару, полфунта муки, чотыри яйця, курдимону, корицѣ: когда весма добре помешается, отдѣлить надобно фунтъ толченныхъ мигдаловъ въ тѣсто, выжавши, и въ печѣ пекти. На форму выдавлiовать. Прозываются куклы.

9. *Кимель кухенъ* такъ дѣлать надобно: муку въ пѣчъ ставить, чтобы суха была; сахару чвертка, масла, такъ якъ на чверть, вымыть завременно и на платку на ліоду поставить, и мука чтобы на ліоду была, и розбить одинъ жолтокъ цѣлій, а другого четвертая доля, и бить добре въ часцѣ ложкою такъ, якъ на бѣшкокты, чтобы было густо и бѣло, съ сахаромъ бить добре, а когда убѣтся, то воды рожевой ложку, а другой четвертую долю, муку такъ перетерти зъ масломъ, якъ на корынсовой, и на ліоду поставить, покуду яйця убъются, а послѣ на полумиску муку розгорнуть на пять частей и кмѣну умѣшать въ муку, и сыпать яйця купками, мѣшать и змѣсить, качалкою роскотить и румкою выдавлiовать, веделками на три части поколоти, на бляху класти. Муки безъ двохъ золотниковъ чвертка, сахару цѣлая чвертка, масла полчвертки, толко-бы холодное было.

10. *Выдавлiованній макаронъ.*—Три части сахару, четвертая мигдаловъ: толкти мигдалы добре, побризкуючи рожевою водою, а послѣ посѣявши сахару мѣлко, толкти въ купу; бѣлокъ розбить яечній, ложечокъ двѣ чайнихъ прибавить, и змѣшать надобно: драgантовъ немножко положить и втокти добре, роскотить тоненько и выдавлiовать чаркою, а по серединѣ наперсткомъ выдавить, или пальцемъ кружкомъ крутить, поколь дѣрка станетъ.

14. *Марселъ дѣлать съ фіалками и рожевымъ цвѣтомъ.*—Сахаръ толко въ воду вмочить, чтобъ гараздъ обмочился, а послѣ варить якъ найскорѣе на великомъ огнѣ, чтобы пузирѣ летали, или въ воду съ кропу уложить: ежели переломится, заразъ цвѣты у сахаръ класти и якъ найскорѣй мѣшать, чтобы не позеленѣло, и въ скорости выворочувать въ бумажніе коробочки и скорѣе-жъ кастролкою заразъ навернуть, чтобы вѣпаръ не зійшолъ. Цвѣтъ надобно рожевой мало привялить, или ножемъ

покрышить. Можно персики нарѣзать, цукату по кореннямъ и съ кофемъ. Симъ манеромъ можно дѣлать.

12. *Перчаніе орѣхи дѣлать.*—Взять четыре яйца, которіе мало розбить, туда фунтъ сахару, потомъ прибавится корень рѣзаной корицѣ, вепхель, мушкатного орѣха рѣзаного и мало перцю, инберу, кормандру, кубебы и три чверткы фунта муки, чтобъ можна рѣзать, потомъ красно пекти. Мыгдалей мѣлко рѣзанихъ, цитрыни, мылоны тудажъ надобно нарѣзать.

13. *Мандельторты дѣлать.* — Взять одинъ фунтъ мѣлко толченій, десять яець, полфунта сахару, спрежде сахаръ зъ яйцями добре мешать, потомъ мыгдалы положить и безпрестанно мешать, покудова в печъ становить, в миске полчаса колотить.

14. *Маліе цукеръ кухень.*—Взять одинъ фунтъ сахару, четыри яйця, кардимону, столко муки, чтобъ можно тѣсто выдавить, разние фѣгуры дѣлать и пекти всякими фѣгурами.

15. *Плетеные бублыки.*—Взять полфунта сахару, пятнадцять яець, половину бѣлка отложить, пятнадцать ложекъ сладкои сметаны, пять или шесть ложекъ масла, кардомону, мушкатного цвѣту, или галки, мукы столко, чтобъ можно добре мешать, яйця паростомъ розбыть, притомъ сахару прибавить и добре колотить, потомъ сметану, масло и муку, по изволенію, положить шафрану немного; такъ дѣлать всякими вдарами.

16. *Ензерь кухень палчики.*—Взять полштофа яичного яйця желтка, полштофа сладкой сметаны, прибавить мушкетовъ, кардамону, сахару, рожевой воды и малое число масла и муки, и добре вмести смешать, дѣлать твердое тѣсто, тѣсто в залѣзку пекти. Половину жолтковъ, а половину совсѣмъ яець—найлучше.

17. *Феркезъ.*—Взять сладкого молока, шеснадцять яець, сахару, рожевой воды, дать вскипѣть и процедить на ситце, и отдавить добре воду; положить потомъ в горщикъ и придай тры каплѣ рожевого олѣйку, три каплѣ коришневого олѣйку и мало цедро, десять ложекъ сладкой сметаны, восемь ложокъ топленаго масла, и вмѣсте сколотить паростомъ, чтобъ пѣна стала, потомъ положить в блюдо и здѣлать кругло, какъ сиръ: обтачъ мыгдалами и сахаромъ.

18. *Малделмусъ.*—Взять свѣжихъ яець и свѣжого молока, сколотить добре у купу; поставъ на огонь, чтобъ кипѣлы, чтобъ яйца збѣжались, потомъ сыроватку однять и яйця на сито положить и протерты, и четверть фунта толченихъ мыгдалей, протертіе яйця з мыгдаламы, сладкой сметани розвести, какъ кисель, надобно, мало рожевой воды и сахаръ подмѣшать, потомъ в блюдо положить и толченымъ сахаромъ и корыцею потрусивъ и мало кардымону, по изволенію, и кушать; такъ можна яблока дѣлать.

19. *Канель кухень.*—Взять два цѣліе яйця, два жолтка яичнихъ, муки, здѣлать тѣсто, срѣзать кругло и пекти въ масле, потрусить сахаръ да корыцѣ, толко качать надобно.

20. *Аглицкіе кухень.*—Два фунта муки, два фунта масла, два фунта сахару, десять яець, одинъ фуртъ корынковъ, мушкатного цвѣту.

21. *Яблочніе лепешкы.*—Сахаръ съ яйцями бить, а потомъ масла холодного положить и терти виполосканное масло, взять кипячой воды мало, шесть яець, одынъ фунтъ муки, одну румку крѣпкой водки, яблока крѣпко порѣзать, тѣсто все вкупѣ розбыть, яблока туда змѣшать, ложкою брать, у маслѣ смажить.

22. *Гейдныше кухень, бесурманскіе лепешкы.*—Взять 15 яецъ, пять цѣлыхъ, десять жолтковъ, кардымону, сахару того, какъ бесурманскіе лепешкы, тоже прибавить сладкой сметаны, тонко роскотившы, у маслѣ пекты.

23. *Шприць кухень инно манеръ.*—Взять муки, молокомъ подколотивши такъ, какъ на галушенное тѣсто, взять въ котлѣ воды, дать вскипѣть и кусокъ масла положить, величиною какъ куриное яйце, и туда тѣсто положить; когда доспѣетъ, вынять, додать яець столко, чтобъ можно сприца выдавить, и в топленномъ маслѣ жарыть.

24. *Энглише шкѣтъ вафелы.*—Взять 5 яець, 10 ложекъ сметани сладкой, или молока, мушкатного цвѣту, сахару, корицѣ, рожевой воды, подмѣшатъ муки, чтобъ такъ густо стало, какъ тѣсто на млинцѣ, положить мало масла и положить в глыбокую кастроль, положить сверху и снизу огонь, дать пектись, чтобъ твердо стало, потомъ вынять, розрѣзать на шматки и жарить въ маслѣ.

25. *Трихтеръ кухень.*—Взять 5 желтковъ яечныхъ, 10 ложекъ молока, сахару, мушкатного цвѣту, подмѣшать вмѣстѣ такъ густо, какъ тѣсто на вафелы, и дать сквозь лѣйку у кипячое масло бежать.

26. *Мигдалніе лепешки инимъ манеромъ*—Взять 1 фунтъ сахару, одинъ фунтъ толченихъ мыгдаловъ, 8 яець, кардымону, 4 ложки солодкой сметаны, 2 ложки рожевой воды, два конца отъ ножа поташу, муки столко, чтобъ можно тѣсто здѣлать. Куклы дѣлать, смѣжніе грушки, три стакана молока, семъ стакановъ муки, дванадцять яець, отъ шести бѣлки отобрать, молоко должно прежде быть варенное, потомъ в него муку положить, добре варить, и въ маслѣ жарить, ложкою кипячее масло брать.

27. *Пряныки медовіе или сахаръ медовій.*—Взять три фунта патоки, сварыть и простудыть, потомъ взять 30 яець, отъ которыхъ десять бѣлковъ отнять, та добре наростомъ бить, потомъ означенной три фунта патоки прибавить холодной, и еще добре бить, покудова скоро в печъ становить, то прибавъ столко пшеничной муки, чтобъ стало такъ густо,

какъ тѣсто на цукеръ бротъ, и заразъ в печъ постановить; кардымону должно положить и въ формы вылить, а потомъ рѣзать.

28. *Красны лѣтры или слова дѣлать.*—Взять одинъ фунтъ мѣлкого сахару, полфунта толченихъ мындалей, три лота корицѣ мѣлко толченной, одинъ золотникъ мѣлко толченного перцю, полтора фунта пшеничной муки, красного болусу, сколко надобно, или напримѣръ три золотныка, два яйца, рожевой воды, сколко надобно для уготовання, потомъ все вмѣсто смѣшать в ступу каменную, какъ тѣсто, чтобъ можно качать и дѣлать, лѣтери слова складть вмѣсте и пекти в теплой печи, потомъ той хлѣбъ вынять, можно всякіе фигуры въ формахъ дѣлать, на бумагѣ или бляхахъ, прежде масломъ помазавъ пектить.

29. *Тонкіе цѣномоновіе лепешки дѣлать.*—Десять яецъ, отъ четырехъ бѣлки отнять, молока по разсужденію, 8 ложекъ масла, три лота толченыхъ мигдалей, корицѣ, кардымону, ганису, мушкатного орѣха, муки столко, какъ на млинцѣ горсть сахару, въ желѣзку пекти.

30. *Досвѣдченно красніе лѣтеры дѣлать.*—Полфунта сахару, чвертку мигдаловъ мѣлко толченыхъ, перве ложку всыпать въ самые мигдалы, а послѣ съ сахаромъ столкти, другую ложку всыпать, а послѣ корицѣ полтора лота, мѣлко толченной, а полъ золотника перцю мѣлко толченного; корицѣ всыпавши, знову воды ложку всыпать и товкти, болусу полтора золотника всыпать, одно яйце зъ желткомъ убить и толкты все вмѣстѣ, дѣлать слова или взоры всякіе, перець тогда всыпать и толкти з мукою добре и дѣлатъ.

31. *Макорони постніе такъ дѣлать.*—Мигдаловъ полфунта онъ столкти мѣлко и всыпать рожевой воды ложку, а послѣ другую ложку и толкти, а послѣ сахаръ толченый и просѣяный всыпать, ежели хотѣти, три чвертки сахару, или ровно, положить, прижарить на бляхѣ и прохолодивши дѣлать, а ежели скоромный, то на полфунта одинъ бѣлокъ розбыти добре, такъ товкты, якъ з рожевою водою, и сыпать тогда бѣлокъ, якъ добре втолчутся мигдалы з рожевою водою и сахаромъ, а когда стать прижаровать, дуже мѣшать ложкою и дѣлать, з бѣлкомъ нѣмало не толкти, толко змѣшать и прижарить, а воды на чвертку двѣ ложки или болшъ, добре надобно толкти.

32. *Бѣшкокты з мигдаламы дѣлать.*—Чвертку мигдаловъ мѣлко столкти, помочивая водою рожевою,—такъ пробовано макороны,—полфунта сахару, першее толкти мигдалы з рожевою водою, двѣ ложки всыпать и все толкти вимѣшуючи, а послѣ розбить в пѣну два бѣлка на полфунта и класти хочъ разомъ, хочъ по одной ложки, вимѣшуючи добре утолкти, чтобы густы и бѣлы стали, а послѣ сахаръ разомъ усыпать, вымѣшать

и толкти, покы бѣлы и густы стануть, и давать сприцомъ, оченъ хорошы будуть.

33. *Макароны дѣлать.*—Взять одинъ фунтъ мигдалей, три чвертки фунта сахару, и когда мигдалы весма мѣлко утолчены, то прибавить нѣсколко ложекъ холодной воды, точію мигдалы принуждены быть мѣлко толчены, потомъ взять сахаръ налить рожевою водою, напримѣръ 5 ложекъ на одинъ фунтъ мигдалей, и дать мало кипѣть, здѣлать сиропъ и положить мигдалы, поставить на огонь и дать кипѣть, покуду загуснетъ, чтобъ можна макоронная дѣлать, потомъ прибавится напримѣръ фунтъ мигдаловъ, два яйця, которіе добре розбить, чтобъ все вмѣстѣ было, и когда с огня снѣмать, то ложкою пѣну бить, вмѣшать добре и снявъ дать простигать, и класти ложкою на бляху разнымы фигурами, какъ макороны, и дать стоять, чтобъ выстоялы в печѣ или в долгой сковородѣ; точію надобно толстую бумагу подложить,—одну макорону для пробы поставить, покудова пѣчъ в поре станетъ.

34. *Перечніе или поташовіе лепешки дѣлать.*—5 фунтовъ мѣлкого сахару, на густой сиропъ свареннoго, простудить, всякого корѣння подмешать, ложку поташу, пшеничную муку подмѣшать такъ густо, какъ надобно, на ночъ въ теплое мѣсто поставить, чтобъ сходыло, а на утро пекти, четвероуголнимы пранықамы дѣлать.

35. *Широкой сахарной хлѣбъ дѣлать.*—Взять 14 яець, съ которыхъ бѣлки отбирать, потомъ розбить оніе яйця добре, потомъ прибавить полфунта сахару, добре важеного, самого чистого, и стерти наймѣлше и просѣять, смѣшать съ яйцями, мѣшать, покудова бело будетъ, потомъ взять самой чистой, крупичной, пшеничной муки, подмѣшать оніе вещи всы вмѣстѣ, дабы рожно было, и можно подмѣшать мало цинамоновой воды, а когда сіе усе готово, озьмется форма, в которую тѣсто класть, и внутре обольется везде масломъ топленимъ, и витрахнуть форму, чтобъ ничего масла в ней не осталось, потомъ тѣсто положится и поставится форма въ сухую порожную сковороду, и прикрить кришкою и положить сверху доброй огонь, подъ исподомъ точію малой огонь; когда в сковородѣ выдно, что зажарился, потомъ взять желтокъ яичной и ложку воды, добре смѣшавъ, помазать, потомъ кришкою еще накрыть и по должности спекти, и когда готово, вынять съ формы, дать остигнуть и рѣзать полосами, и дать въ тепле схнуть, и такъ готово.

36. *Лецеты дѣлать.*—Взять одно яйце и добре розбыть, потомъ прибавить чверть фунта толченого сахару и просѣяного и смѣшать, потомъ чверть фунта пшеничной муки и добре подмѣшать, такожъ и корѣння малое число, толченихъ гвоздиковъ, кордымону, порѣзанного з указу, и цитринной корки смаженой, потомъ взять на столъ и роскотить ка-

чалкою, и порѣзать на шматки, тѣ шматки въ форму вдавить, потомъ надобно бляху в паштетной сковородѣ добре витерти и масломъ помазать, потомъ взять тѣсто съ формы и положить на бляху в сковороду, и дать отчасти доброй огонь, на кришку подъ сковородою гараздъ легчей огонь, и дать пектись, покудова поспѣеть.

37. *Пиренберскіе лепешки пекты.*—Взять два фунта обыкновенной патоки, одинъ фунтъ простого сахару, смѣшать съ патокою и положить в положенную кастролю или горщокъ, дать на огнѣ потуда кипѣть, покуду покраснѣетъ, потомъ прибавить резанихъ цитронныхъ корокъ, суданы и еще гвоздыковъ, кардамону, мушкатного цвѣту и перцю, все столкти и особно по охотѣ подмѣшать, потомъ подмѣшать полтора фунта пшеничной муки, покудова тѣсто станеть, потомъ прибавить полълота поташу, роспустить въ колодяжной водѣ и толкти, покуду мѣлко будетъ, и подмѣшать въ тѣсто, потомъ порѣзать въ шматки, какъ велики лѣпешки надобни будуть, и надобно шматки равно вѣсить, чтобъ всы однимъ вѣсомъ были, и роскотить шматки на столѣ качалкою, а егдабъ тѣсто могло ко столу прилипать, можно малое дѣло муки подкинуть и котить; когда доволно роскатано, положить въ форму и натрусить на бляху въ паштетную сковороду пшеничной муки, потомъ выбрать лепешки съ формы, положить на бляху и на кришку сковороды доброй огонь положить, подъ сковороду легкій огонь, дабы вскорѣ подойшли, и такъ готови.

38. *Аблати с персикы.*—Взять четверть фунта персики, само мелко ростолкти рожевою водою, четверть фунта сахару мѣлко толченого, потомъ два яйця, а третого бѣлокъ добре съ сахаромъ розбить, покудова бѣло и густо станетъ, потомъ толченой персики въ сахаръ положить, добре смѣшать и въ печи пекти, покудова пожолтѣетъ.

39. *Волоскіе орѣхи съ сокомъ кветомъ.*—Взять два бѣлка яичнихъ и розбить въ густую пѣну, и подмѣшать малое дѣло сахару, чтобъ не рѣдко с ложки текло, положить на бумагу и пекти на деревяной дошки въ теплой печи; когда готови, то снять и положить малое дѣло соку, двѣ вмѣсте сложить, чтобъ стали какъ волоскіе орѣхи, и дать высохнуть.

40. *Сахарній хлѣбъ, называемый цукеръ бротъ.*—Взять бѣлковъ отъ семи яецъ и розбить въ пѣну, покудова отъ пароста не будетъ стекать, потомъ подмѣшать отъ пяти яецъ желтки, и четверть фунта сахару, и полъчвертки фунта муки, понемногу и подмалу подмѣшать, и заразъ въ печъ поставить и пекти въ малыхъ капселяхъ, потрусивши канарскимъ сахаромъ; у бумажкахъ пекти.

41. *Персики аблаты дѣлать.*—Взять полъчвертки фунта сахару, персики три, полъчвертки фунта сахару, столчи персыку мѣлко, два бѣлка яечнихъ розбить на пѣну и прибавить ложку сахару и одну ложку

пѣны, чтобъ стало густо, какъ надобно, положить на бумагу и пекти въ печи круглыми лепешками; впередъ надобно, чтобъ персики добре высушены были, на чвертку персика — четыре бѣлка, хочъ мало и останется, чтобы не очень рѣдко.

42. *Дутой сахаръ.* — Сахару, полъфунта облупленныхъ мигдаловъ, 12 лотовъ сахару, вмѣстѣ столкти, а вмѣсто рожевой воды два бѣлка яечнихъ положить, въ форму выдавить и у печѣ пекти; надобно бѣлокъ розбить добре, такъ и класты ложкою.

43. *Макороны дѣлать.* — Взять фунтъ обчищенныхъ мигдаловъ, мѣлко столкти въ чистой водѣ, взять одинъ фунтъ сахару скудно важеного, розрубать в мѣлкіе шматки, въ казанокъ положить, придай 8 ложекъ рожевой воды, и дать сахару роспуститься, поставить на легкой огонь, дать кипѣть и пѣну скидать, положить въ то мигдалы и добре мѣшать, чтобъ роспустилисъ, чтобъ кусковъ не было, дать добре кипѣть, покудова отъ котла отстанетъ, потомъ прибавъ 5 бѣлковъ яечнихъ, розбить добре и пѣну туда положить и добре смѣшать, потомъ снять съ огня и положить на тарелку и дать остынуть.

44. *Тѣсто на тортъ.* — Одинъ фунтъ муки, полъфунта масла, одинъ фунтъ мигдалей, три чвертки фунта сахару, два желтка яечнихъ и одно цѣлое яйце — тортъ и пирожки дѣлать.

45. *Масленіе лепешки.* — Полфунта сахару, одинъ фунтъ муки, три четверти фунта масла, корицѣ, яецъ столко, чтобъ можно тѣсто качать, якъ схотѣть дѣлать.

46. *Рѣзанніе мигдалы.* — Полфунта мигдалей, одинъ фунтъ сахару, восемъ бѣлковъ яечнихъ въ пѣну розбить, потомъ въ сахаръ подмѣшать, рѣзанніе мигдалы на руки мѣшать съ тѣмъ сахаромъ, вмѣсти смѣшавъ, чтобъ кругло было, на бумагу положить и на сковородѣ пекти; на руку положить мигдалы и пѣну класти и качать.

47. *Разніе мигдалы инымъ способомъ.* — Мигдалы почистить и порѣзать, ссушить на рѣшетѣ фунтъ цѣлій и розбить восемъ бѣлковъ добре, полфунта сахару толченного змѣшать зъ бѣлками и притовкти, а послѣ зъ мигдалами змѣшать, качать круглими, на бумагу класти и пекти — укачуючи въ пѣну, чтобъ не рѣдки были.

48. *Корычніе вѣнки дѣлать.* — Мигдалы долго порѣзать чищенніи и отважити чвертку, побризкать рожевою водою, чтобы они вогки стали, а послѣ полчвертки сахару толченного и корицѣ два, или полтора золотника змѣшать, и накладать туда мигдалы, на платкахъ порѣзовавши вѣнчики, бѣлками помазавши, чтобы мигдалы пристали, накладать остренко на платки, а зверху сахаромъ чистимъ присыпать, бляху намазывать масломъ, на которой пекти, чтобы вѣнки не пристали.

49. *Цитроны вецленсъ такъ дѣлать.*—Чвертку мигдаловъ столкти очень мѣлко, зъ однимъ бѣлкомъ яечнимъ, а послѣ чвертку сахару толченного положить и добре толкти, чтобы якъ тѣсто было, и здѣлать всякими взорами, якъ найменшими штучками, и золотить зверху.

50. *Макароны цытронніе съ кореннямъ.*—Мигдаловъ чвертку столкти, а послѣ яйце одно зъ желткомъ розбить, и столкти перве саміе мигдалы, немножко водою побризкать, а послѣ зъ яйцемъ, въ ту пору сахару толченного чвертку всыпать, утолкти и положить корѣння, нарѣзать цитронной корки, лимоніи галки, мѣлко порѣзать, змѣшать и дѣлать; накладать долгіе тоненко на тяблицу, сіи можно лакомъ намазовать, и крупцами насыпать цукату, курдимону, помаранцевой коры.

51. *Цитронніи инымъ манеромъ безъ мигдаловъ.*—Цѣлій бѣлокъ розбить въ можчиръ, или половину, не розбываючи ложкою, заразъ съ сахаромъ толченимъ толкти укупѣ, а послѣ лимонной корки свѣжой, самого жолтенкого втерти и всыпать въ сахаръ, бѣлокъ первѣе клучкомъ ростерти, дѣлать всякіе взоры папѣрніи, прикладовать и вырѣзовать, что схотѣтъ, а зъ бѣлого желѣза форомками выдавловать, а послѣ муки подсыпавши, въ пѣчъ въ легкій духъ посадить.

52. *Жефермысъ такъ дѣлать.*—Яйце зъ желткомъ розбить добре, а послѣ рожевой воды ложку всыпать и убить добре, мигдаловъ толченихъ положить и розбить вкупѣ, а послѣ муки такъ вмѣшать, чтобы можно кругленко качать, и пекти на бляхи; порѣзавши цитроны, понакладать зъ верху, въ кореннія всыпать и пекти.

53. *Бѣшкокты инымъ манеромъ.*—Полфунта сахару, 15 яецъ, перве саміе бѣлки бить такъ, чтобы нѣмало с пароста не спадалы, очень густы и бѣлы были-бы, а послѣ обчистить съ пароста и положить желтки, по одному класти, да все ложкою сребною мѣшать, десять желтковъ змѣшавши, желтки заразъ ссыпать, сѣяній сахаръ жменею, муки фунтъ крозъ ситце сѣять, мѣшать, якъ найскорѣй, не в мисцѣ, но в полонику бить тогда, якъ у печѣ добре нагорить, и всыпать въ маленкіе бумажніе хоромки, и канарскимъ сахаромъ сверху присыпать, и пекти.

54. *Канель кухень.*—Два яйця розбить, чвертку сахару, толченного мѣлко, положить и бить добре, а послѣ топленого масла отважить чвертку и бить укупѣ, корицѣ толченной полчвертки или болше збить добре, муки отважить полторы чвертки, змѣшать, кругленко качать и класти на гарячу форму, переворочаючи, пекти.

55. *Куклы кордимонніе дѣлать.*—На чотыри яйци фунтъ сахару, розбить яйця въ яндолцѣ ложкою, а послѣ сѣянного сахару всыпать и бить добре, покамѣсть сахаръ убьется и бѣло станеть, а послѣ замѣсить тамже въ мисцѣ мукою, чтобы не очень круто было, ростирать ложкою,

выдавлiовать на форму, посыпаючи мукою, а обрѣзовать колцемъ, на мѣдной бляхи пекти, помазавши масломъ; сiи можна зъ мигдалами дѣлать: на чвертку сахару одно яйце, съ сахаромъ добре розбить, а полчвертки мигдалей добре столкти, побризкавши рожевою водою, немножко прижарить мигдалы, ростерти добре съ тѣмъ тѣстомъ, а послѣ зъ мукою, положить корицѣ, кордимону, и выдавлiовати всякими взорами, и пекти.

56. *Анискухень такъ пекти.*—Розбить три яйцѣ в яндолѣ ложкою, а послѣ горсть или двѣ сахару толченного всыпать и розбить добре, а послѣ молока всыпать чашечку и муки, розбить добре, такъ якъ сметану гущиною, а послѣ всыпать масла три ложки не повныхъ, сребныхъ, топленого и бить добре, а послѣ знову муки; розбивши добре зъ мукою, тогда молока сыпать и ростирать, чтобы грудокъ не было, форму вытерши масляннымъ платкомъ, а не мазать формы, сыпать по ложки деревяной, доброй, на гарячую форму и переворочать часто на огнѣ.

57. *Другое, въ желѣзку печоное, курдимонное дѣравее тѣсто.*—Два яйця зъ бѣлками, а два желтки розбить добре, а послѣ съ сахаромъ, двѣ горсти всыпавши, бить, масла три ложки сребнихъ топленого всыпать, зливокъ густихъ шесть ложекъ всыпать и бить, курдимону всыпать, а послѣ зъ мукою смѣшать ложкою и замѣсить, чтобы можно тоненко роскачивать; поти руками тѣсто качать, покамѣсть до рукъ и до стола не приставатиметъ; тѣсто, покамѣсть поробить, все качать и здѣлавши заразъ класти на гарячую форму, переворочати, пекти; сiи можна такъ дѣлать: 5 яецъ съ бѣлками, 5 самихъ желтковъ, масла шесть или пять ложекъ, зливокъ густихъ 10 ложекъ, сахару полфунта, бить перве съ сахаромъ, а послѣ зъ масломъ бить, а далѣ з зливками, въ ту пору муку всыпать, замѣсить, подѣлавши всякими взорами, въ печѣ пекти.

58. *Орѣшки такъ дѣлать.*—Двѣ яйцы зъ бѣлками, а два желтка, зливокъ на каждое яйце по доброй ложкѣ, сахару, якъ схотѣти, положити и замѣсить: дѣлать формы и палчики и смажить въ маслѣ.

59. *Въ желѣзку пекти инымъ манеромъ найлутче.*—Четыре яйцѣ совсѣмъ, а 4 желтка, сахару на каждое яйце по ложкѣ, бить добре, масла топленого полтретѣ ложки, а убивши положить кардамону, мушкатного цвѣту немножко и змѣсить зъ мукою и котить, поки не приставатиметъ до стола, роскотивать тоненко и класти на гарячую форму.

60. *Варенiе бѣшкокты.*—Бѣлковъ 12, а желтковъ 11, бить добре, а послѣ сахару всыпать фунтъ и бить; когда станутъ бѣлiе, то поставить на огонь и мѣшать все ложкою, а послѣ на дворѣ прохолодить, тогда три чвертки муки всыпать и змѣшать добре, роскотить, прѣснiе коржики покласти тоненко на цѣновную тарѣлку, помазанную масломъ, и вылить тое тѣсто; въ пѣчъ заразъ, пекти.

61. *Постніе разніе мигдалы.*—Попарить и порѣзать удовжь и засушить на подситку, отважить фунтъ мигдаловъ сухихъ, а фунтъ сахару толченного, всыпать рожевой воды въ сахаръ ложку и товкти добре, драганту полчвертки у рожевой водѣ сварить, или намочить, и крозъ платокъ выдавить у сахаръ, мѣсто бѣлка, и столкти добре, послѣ змѣшать зъ мигдалами и качать кругло, чтобы остренко было, и класти на бумагу.

62. *Мигдалы заробловить цѣліе—чищеніе и нечищеніе.*—Сиропъ густо смажить, мигдалы укидать, чтобы добре всмажился, выбирать ложкою и вкачовать въ разніе крупцѣ, или в бѣлий сахаръ, мягко стертій, и позасушовать.

63. *Дутій сахаръ такъ дѣлать.*—Драганту намочить полгарцы на ночъ, или сколко схотѣть, сахаръ чтобы былъ мѣлко стертій, зъ сахаромъ у каменномъ можчирику смѣшать такъ густо, чтобы можна качалкою роскачовать, и выдавлiовать на форомки, и обрѣзовать колцемъ, и пекти въ полномъ духу, посыпавши на бляху крупичной муки, пекти; сіи можно закрашовать фарбою, якъ найскорѣй, чтобы тѣсто не схло.

64. *Марцѣпаны инымъ манеромъ.*—Мигдаловъ чищенныхъ фунтъ толкти мѣлко зъ рожевою водою, и сахаръ зъ рожевою водою притолкти немножко, и положить мигдалы въ сахаръ, и товкти добре, чтобъ якъ тѣсто было,—роскачать качалкою, вырѣзовать всякіе взоры папѣрніе, прикладовать, качать обручикы, класти на томъ марцѣпаны и общиповать щипчиками кругомъ, сажать въ легкій духъ весма у пѣчъ, абы толко посялы, а не спеклись, а вскорѣ повибырать съ пѣчи, розбить свѣжій одинъ бѣлокъ, чтобы на ложцѣ стримѣло, сахаръ чтобы самій чистій канарскій былъ, мѣлко столченъ и просѣянній, и мѣшать съ тѣмъ бѣлкомъ и накладать на марцѣпанъ глянсъ, если схотѣти, фарбою красною и блакитною, съ сахаромъ и бѣлкомъ ростерши палцемъ, въ печѣ позасушовать. *Лакомъ якъ наводити блакитнимъ или краснымъ*: змѣшать бѣлокъ съ сахаромъ, тогда мѣлко толченной фарбы всыпать и на печенныхъ бѣшкоктахъ намазовать на бѣломъ ляку пензлемъ.

65. *Бѣшкокты кубы отдавлiованны.*—10 яечнихъ желтковъ, а 5 яецъ зъ бѣлками, фунтъ сахару толченного и сѣянного, саміе яйця немного бить, а съ сахаромъ бить, добре покамѣсть густіе и бѣліе станутъ, замѣсить крупичною мукою, чтобы не очень круто было, роскачовать качалкою, выдавлiовать кубкомъ, чтобы толщиною были на полпалця, а кругомъ палцемъ пообдавлiовать, масломъ топленымъ перомъ зверху помазать, сахаромъ и корицею зверху посыпать, и на самомъ черенѣ у печѣ пекти; сіи можна такъ дѣлать, чтобы 15 яецъ, а фунтъ сахару.

66. *Другіе бѣшкокты.*—10 яецъ, фунтъ сахару, три чвертки муки, бить добре, у форомкахъ или на тарѣлкахъ пекти.

67. *Кислое тѣсто формовое учинять.*—Кубочокъ яецъ, кубочокъ масла или полкубочка, молока два кубочки или зливокъ густыхъ, и убить добре, а послѣ муки усыпать, чтобы густенко было и дрожчей прибавить, а когда зійдетъ, форму роспекти, сыпать на гарячую форму и пекти.

68. *Макороны найлутче дѣлать.*—Мигдалы почистивши полфунта, толкти добре зъ рожевою водою, первіе одну ложку, а послѣ другую и третую всыпать и добре толкти, чтобъ якъ тѣсто было, а послѣ съ сахаромъ толченнымъ мѣлко сѣяннымъ толкти, розбить два бѣлка очень густо и зъ бѣлкомъ змѣшать, а не толкти, и прижарить на блюдѣ мѣдномъ, и мѣшать ложкою, чтобъ не пригорѣло, выдавлiовать спрпцомъ всякіе взоры и пекти.

69. *Тортъ мигдалной дѣлать.*—Взять 2 фунта лупленныхъ сладкихъ мигдаловъ, 12 золотниковъ лупленыхъ-же горкихъ мигдаловъ, зъ рожевою водою мѣлко истолкти, какъ густое тѣсто, а послѣ 3 фунта толченного сахару мѣлко вкупѣ смѣшать и в слоики выкласти туго, а если схотѣть—лѣпить, розводить чистою водою и лѣпить.

70. *Крупцы такъ дѣлать.*—Розмочить водою вишневого клею, или кумы арабы-кумъ, ростерти, а сахаръ добре столкти мѣлко, и змѣшать густенко, и терти ножемъ на подсытку, рубать и дать засушить.

71. *Вафолы учиняеміе.*—Кубочокъ яецъ свѣжихъ розбить добре, масла топленого, той же кубочокъ розбить, а послѣ муки всыпать густенко и розбить, а послѣ дрожчей полкубочка и мукою такъ загустить, чтобы ложка стояла, а послѣ пареным молокомъ розвести тіи кубочки топленымъ, чтобы не весма горячое было, и поставить, чтобы сходило, у полтора часа пекти, прежде молока добре убить надобно.

72. *Такъ и тортъ мигдалей можна.*—Полфунта мигдаловъ зъ рожевою водою толкти, а послѣ 5 яецъ зъ желтками бить, такъ, якъ на бѣшкокты—исъ сахаромъ бить; якъ время у пѣчъ, то мигдалы умѣшать ложкою деревянною, потоль мѣшать, поколь время у пѣчъ, и пекти.

73. *Тортъ мигдалы настоящіе дѣлать.*—На фунтъ мигдаловъ 10 яецъ, а чвертка сахару, столкти мигдалы, побризкуючи водою, а послѣ въ деревянной мисцѣ терти также сучкомъ деревяннымъ, а бить по одному яйцю пять и все терти, а послѣ отъ другихъ пяти яецъ желтки по одному терти, заразъ и сахаръ усыпать, а 5 бѣлковъ паростами розбить, и когда часъ у пѣчъ, якъ найскорѣе умѣшать и заразъ въ пѣчъ, масломъ холоднымъ не солонымъ полумысокъ вымазати и пекти; мушкатного цвѣту и корицѣ надобно прибавить.

74. *Разніе мигдалы дѣлать.*—Чвертку рѣзанныхъ мигдалей иссушить, полчвертки сахару столкти, или двѣ, толко не класти обохъ, убить такъ, якъ на бѣшкокты, чтобы стояло на ложкѣ, и змѣшать сахаръ съ

пѣною густо, и мигдалы заразъ змѣшать не рѣдко, и брать пѣны на долоню, и качать кругло и класти на сковороду и пекти; найлутче такъ дѣлать, толко-жъ по разсмотрѣнію класти бѣлокъ, чтобъ не розридить, а поболше пѣны мѣшать, то лутчій и разсыпатся (будетъ).

75. *Цитронной сахаръ.*—Взять мигдалей полфунта, 36 золотниковъ сахару, вкупѣ столкти, а вмѣсто рожевой воды яечныхъ бѣлковъ два, и съ тимъ гораздо толкти, а вносля формою выдавить и пекти.

76. *Тѣсто на тортъ такъ дѣлать.*—Два бѣлка добре убить у мисцѣ ложкою, а послѣ кубочокъ воды чистой, другой кубокъ, усыпавши двѣ ложки водки крѣпкой, усыпать у кубочокъ у воду, а послѣ третій кубочокъ воды усыпать, и все розбивать и замѣсить мукою не очень крѣпко и не мякко, а послѣ зъ мукою три раза качать, на четверо перегорнувши зъ мукою, а три раза зъ масломъ, посыпаючи мукою, качать три раза или четыре, а масло чтобы свѣжое и полосканное, у платку, на ліоду, готовое было, толко роскачанное.

77. *Вафолы какъ дѣлать.*—Взять яецъ три, розбить, всыпать молока и розбить зъ мукою, такъ чтобъ не очень и рѣдко и густо было, и пекти на сковородѣ, чтобы и зверху и знизу былъ огонь; перве яйця зъ мукою розбить густо, а послѣ молокомъ розвести такъ, якъ надобно, а когда спечется, порѣзать удовжъ, на два палца шириною, а послѣ впоперекъ и крайки понарѣзовать: якъ масло закипить, жарить у маслѣ.

78. *Пасху такъ учинять надобно.*—Мука чтобы хороша была, поставить сполдня медовую, якъ закипить медъ, запарити висѣвки, чтобы гараздъ обмочились и всолодали, а когда простигнуть, въ то время розвести съ теплымъ медомъ и всыпать дрожчей певныхъ; якъ зійдеть, процѣдить на сыто; якъ время учинять—когда до утрени зазвонять, двѣ шклянки желтковъ, а полшклянки масла чистого, холодного,—теплого четвертую долю, надобно болшъ запары—двѣ шклянки, перве розбить зъ желтками, а послѣ запару всыпать и шафрану, рѣдко вчинять, не очень густо; а когда зійдеть, кореня всыпать, сахару, галки, корицѣ толченной, замѣсить, если схотѣть; заразъ скачать или трошки подождать, покамѣсть зойдетъ рѣдченко, что лутче; ежели заразъ—покачать, змѣсивши.

79. *Тѣсто на тортъ инымъ способомъ дѣлать.*—Масло заготовить добре, вымить въ холодной водѣ и на платку качалкою роскотить, такъ якъ тарѣлка деревянна,—смотря по тѣсту, чтобъ двѣ части тѣста, а третая часть масла,—тѣсто смѣсить съ мукою сметаною, не мякко, надъ нею надобно ложку воды всыпать; замѣсивши добре, бить качалкою на столѣ, покамѣсть тугко станетъ, мукою посыпаючи, а убивши зъ мукою два раза, роскотить, а четыре раза зъ масломъ роскотить не толсто, на холодъ вынести и розбить пирожки или торты.

80. *Медъ ставленній такъ дѣлать.*—Патоки взять и роспустить рѣчною водою, и варить добре, такъ якъ схотѣть—чи солодко, чи якъ; когда простигнетъ, взять мякушки булки и всыпать дрожчей на булку и вкинути у медъ, а поставить въ теплой избѣ переночевать, чтобы выгрался, а послѣ на холодъ, чтобы якъ устоится, спускать разовъ сколко, и заправить кореннямъ: циномономъ, кордимономъ, гвоздиками и корыцею.

81. *Способъ, какъ матеріи чистить.*—Меду розбить простого чистого, поколь пѣною возмется и будетъ рѣдокъ, потомъ мыла простого накришить и зъ мыломъ бить медъ совокупно, и положить бѣлокъ яечній одинъ или два, смотря по матеріи; ежели много мить, бѣлую или другимъ цвѣтомъ, ежели-жъ желтую, совсѣмъ зъ желткомъ яйце положить, одно или два, и тѣмъ намазовать матерію зъ одной стороны—зъ лица, марануюи не марануюи, и звить, на качалку завернувши, холстомъ тонкимъ и поливать водою рожевою, поколь чиста будетъ, поливая часто и крѣпко качаючи рублемъ, выполоскавши водою чистою, а потомъ высушить, а потомъ котить, поколь сохнуть станетъ; такъ можно сребро и золото позмывагь и сѣтки чистить.

82. *Фарбы, которыми закрашовать бѣшкокты, макороны и сахарніе скрупцы всякими цвѣтами.*—Пулвѣсъ, куркуме и коморъ фиолацеусъ, пополамъ смѣшать—будетъ зеленая краска; ланка, инглобулятъ—будетъ свѣтлая; анабрисъ фактицка—будетъ еще свѣтлѣе.—Коліоръ фиолецеусъ будетъ блакитній, пулвѣсъ куркуме будетъ желто, найлутче первое фарбу терти съ сахаромъ, а послѣ зъ бѣлкомъ терти, потроху бѣлка прибавлять у сахаръ и фарбу.

(Окончаніе будетъ).

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 года.

(Окончаніе).*

Чтобы не разбивать оставшихся у насъ документовъ изъ Румянцевской переписки о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г., мы рѣшились не только продолжить, но и закончить ихъ печатаніе въ настоящей книжкѣ.

Въ обзорѣ помѣщенной прежде большей части этихъ документовъ мы остановились на самомъ главномъ актѣ разыгравшейся въ Украйнѣ великой народной драмы, именно на томъ, какъ сломлено было первое, найболѣе сильное движеніе возставшаго народа и какъ усмирители онаго, успокоившись на мысли, что оно совсѣмъ подавлено, стали на досугѣ подводить ему итоги... Они ошиблись однако,—возстаніе не могло прекратиться при тѣхъ способахъ, какіе были приняты для его укрощенія, и тѣхъ условіяхъ, на которыхъ смиряли возставшій народъ. Оно неизбѣжно должно было возобновиться вскорѣ, длиться долго; но ему предстояло теперь вступить въ новый фазисъ, принять нѣсколько иной колоритъ, съ которыми и познакомитъ насъ помѣщаемая теперь серія документовъ, представляющая нѣкоторые новые, совсѣмъ неизвѣстные историческіе факты.

Есть нѣчто непонятное, нѣчто фатальное въ судьбѣ злосчастнаго украинскаго народа и его послѣдняго возстанія. По странному теченію политической игры усмирителями этого возстанія, поднятаго на защиту вѣры православной, въ охрану народности русской, во

*) См. сент. и октяб. кн. «Кіев. Старины» за 1882 г.

имя объединенія съ Россіею, являются русскіе генералы и русскія войска. Заправители русской политики, русскіе вельможи, стоявшіе такъ сказать у самаго дѣла, очевидцы происходящихъ событій, не могутъ составить себѣ и понятія объ истинныхъ цѣляхъ возстанія. Они трактуютъ возставшихъ, какъ своевольниковъ, воровъ, грабителей и разбойниковъ; преслѣдуютъ и разбиваютъ ихъ отряды, ловятъ и арестуютъ ихъ массами и въ одиночку, и однихъ сами подвергаютъ суровымъ наказаніямъ и ссылкѣ въ Сибирь, другихъ, притомъ большую часть, отдаютъ на казнь ихъ мучителямъ и врагамъ. Русская политика, русская армія является какъ-бы служебнымъ орудіемъ интересовъ польскихъ, на перекоръ своимъ собственнымъ. Такъ всегда запутывается въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ безучастная къ народнымъ страданіямъ дипломатія, преслѣдуя свои близорукія цѣли. Россія, преслѣдуя возставшихъ противъ нея и короля конфедератовъ, поддерживала приверженцевъ короля; но и тѣ и другіе были одинаково мучителями и гонителями всего подвластнаго имъ православно-русскаго населенія. Спасеніе Польши не могло входить въ ея разсчеты, и если ужъ надо было съ ней покончить, стоило предоставить ее ея собственной судьбѣ. Дипломатія судила иначе, но и народъ, не вѣдавшій ея тонкостей, шелъ своимъ путемъ.

Онъ рѣшился умереть, или отстоять свою вѣру и такъ или иначе свергнуть съ себя ненавистное польское иго; но на пути стояла Россія, на которую онъ возлагалъ все свое упованіе, къ единенію съ которой стремился теперь изо всѣхъ силъ. Что оставалось ему дѣлать?

Мѣсяца два прошло въ нѣкоторомъ затишьѣ; но уже въ сентябрѣ гайдамаки стали снова собираться тамъ-же, гдѣ первоначально поднято было знамя возстанія. До Румянцева дошли свѣдѣнія, что они укрываются въ самомъ мотренинскомъ монастырѣ. Подполковникъ Бринкенъ разбиваетъ одинъ изъ отрядовъ близъ села Лубянокъ 16 сентября. Въ тоже время шведскій ямбургскаго полка ротмистръ, *Ире*, подвергся нападенію гайдамакъ и потерпѣлъ неудачу: въ его отрядѣ убито нѣсколько человѣкъ, гайдамаки-же, послѣ нѣкотораго сопротивленія, побросавъ лошадей, успѣли скрыться въ густомъ лѣсу. Донося объ этомъ, кн. Прозоровскій проситъ у Румянцева присылки пѣхоты для истребленія гайдамакъ въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ неудобно дѣйствовать кавалеріею. Румянцевъ даетъ объ этомъ приказъ генералу фонъ-Дальке, дѣлаетъ ему нотацію за оплошность шведа Ире, а самаго Ире велитъ предать суду и вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ произвести обыскъ у старцевъ мотренинскаго монастыря (№№ XXVII и XXVIII). Вскорѣ послѣ этого онъ предписываетъ тому-же Дальке изъ числа пойманныхъ гайдамакъ-запорожцевъ отправлять въ генеральный судъ, а съ крестьянами польскихъ пановъ поступать по секретному его ордеру 21 сентября (№ XXIX), т. е. отпускать подъ присягой, что будутъ сидѣть смирно.

Нападеніе гайдамакъ на отрядъ Ире не было первымъ проявленіемъ возбужденія возставшихъ противъ тѣхъ, которыхъ по началу они считали своими покровителями и защитниками. Раньше сего партія гайдамакъ сдѣлала нападеніе на русскую команду въ Ташлыкѣ, по увѣщанію атамана этого мѣстечка Дранаго и подъ его-же предводительствомъ. Такое настроеніе украинскаго населенія въ отношеніи къ русскимъ войскамъ не представляетъ собою ничего удивительнаго. Надо взять во вниманіе, что ихъ ждала одинаковая почти участь, возвращались-ли они къ своимъ панамъ, или попадались въ руки русскихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Между тѣмъ совершилась уже и неслыханная казнь Гонты; попавшіе въ плѣнъ конфедераты спокойно прослѣдовали чрезъ Кіевъ въ Казань, а ихъ противниковъ-гайдамакъ, схваченныхъ подъ Уманью съ Желѣзнякомъ во главѣ, тутъ-же на глазахъ ихъ били кнутомъ и, вырвавши имъ ноздри, какъ злодѣевъ и преступниковъ отправляли въ Сибирь. Какъ не возмутиться тутъ народному чувству? Недовѣріе смѣнилось негодованіемъ; послѣднее росло и скоро нашло сочувствіе въ самой русской арміи.

Въ декабрѣ, или нѣсколько раньше, капитанъ чернаго гусарскаго полка Станкевичъ, выпросивъ у генерала Исакова позволеніе вербовать въ гусары, отправился изъ Ново-Сербіи въ Украйну и поднялъ тамъ затихавшее вновь возстаніе. На призывъ его собралось болѣе тысячи человѣкъ. Началась обыкновенная расправа съ панами и жидами. Пока партія формировалась и вооружалась, никто, кажется, не зналъ о ея назначеніи, но скоро она стала извѣстна подъ именемъ гайдамакъ. Тогда порутчикъ ямбургскаго полка Вепрейскій, занимавшійся съ ротмистромъ того-жъ полка Дертеномъ истребленіемъ остатковъ гайдамацкихъ партій, пошелъ на него

открыто. Станкевичъ вступилъ въ бой, но былъ разбитъ и захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 200 гайдамакъ. Гайдамацкія партіи между тѣмъ усиливались. Это встревожило русскихъ генераловъ: кн. Прозоровскій боялся быть отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ Кіевомъ, Румянцевъ двинулъ отрядъ генерала Племянникова изъ Переяслава и просилъ содѣйствія Воейкова, располагавшаго войсками, стоявшими на сухопутной границѣ отъ Ново-Сербіи. Вдругъ другой репортъ приходитъ, что новая партія гайдамакъ, въ числѣ болѣе 1000 человѣкъ, атакуетъ порутчика Вепрейскаго въ м. Смѣломъ и силится отбить у него захваченныхъ имъ изъ отряда Станкевича. Румянцевъ хотя отправилъ прибавочныя команды, но чувствовалъ опасеніе, что съ ослабленіемъ его силъ пламя возстанія можетъ быть переброшено на ту сторону Днѣпра, въ восточную Украйну, и счелъ нужнымъ особымъ письмомъ извѣстить объ этомъ графа Никиту Ивановича Панина (№ XXXI). Поручика Вепрейскаго замѣнили маіоромъ Вурмомъ, вѣроятно, усиливъ его команду; но опять новая партія гайдамакъ, числомъ въ тысячу человѣкъ, съ ожесточеніемъ напала на него 15 декабря, и хотя была разбита, но опять не безъ урона, а что важнѣе—при одномъ изъ убитыхъ атамановъ найдено было письмо къ нему офицера гусарскаго Марьяновича, который звалъ этого атамана съ артелью къ Могилеву на Днѣстрѣ, конечно, съ тѣмъ, чтобы поднять возстаніе на Подольи и отвлечь туда военныя силы. Румянцевъ отправилъ къ Панину курьера, настаивая на удаленіи пойманныхъ гайдамакъ во внутренніи мѣста Россіи и на принятіи относительно ихъ болѣе строгихъ мѣръ. Онъ съ раздраженіемъ обзывалъ въ своемъ письмѣ (№ XXXII) возставшихъ сволочью, бездѣльниками, злодѣями и разбойниками, съ досадою замѣчаетъ, что противъ такой сволочи надо вооружаться; но всего болѣе озабочиваетъ его то, куда дѣвать и чѣмъ содержать всю эту сволочь. Замѣчательно, что таже забота одолѣвала въ тоже время и короннаго маршала Браницкаго и самаго короля Понятовскаго, и они сошлись на томъ, что лучше казнить, чѣмъ даромъ кормить.

Но въ то время, когда русскіе военачальники съ такимъ рвеніемъ старались силами, направляемыми съ трехъ сторонъ, задавить несчастныхъ страдальцевъ, доведенныхъ до отчаянія конфедератами, эти послѣдніе напрягали всѣ усилія, чтобы возбудить противъ Россіи страшную коалицію, притянувъ къ ней Францію,

Австрію, турокъ и татаръ; вмѣстѣ съ тѣмъ они стягивали, подъ страхомъ смертной казни, всякія замковыя и надворныя команды, чтобы отблагодарить *москалей*, ради ихъ благополучія проливавшихъ братнюю кровь (№№ XXXIII—XXXV), а эти команды вездѣ состояли и вновь формировались изъ тѣхъ-же притѣсняемыхъ украинскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, когда на всемъ пространствѣ западной Украйны шло губительное возстаніе доведеннаго до крайности народа, обѣ воевавшія тогда стороны изъ того-же народа извлекали послѣднія силы, одна—чтобы подавить возстаніе, другая—чтобы напасть на подавляющихъ. Совершается, по удивительной игрѣ случая, очевидное народное самоистребленіе. И въ то-же время ханъ татарскій, во главѣ 60 тысячъ дикой орды, стоящій въ Балтѣ, имѣетъ повелѣніе идти чрезъ Умань въ Смѣлянщину, для искорененія того-же злосчастнаго народа, и официальнаго его палача, на глазахъ котораго совершилась лютая казнь Гонты, приглашаетъ соединиться съ нимъ (№ XXXVI).

Хотя ханъ и не исполнилъ своего намѣренія проникнуть въ Смѣлянщину для искорененія гайдамацкихъ партій, тѣмъ не менѣе одна изъ трехъ татарскихъ колоннъ вторглась въ пограничныя украинскія мѣста и произвела страшное разореніе. Терзаемый со всѣхъ сторонъ, оставленный безъ всякой защиты и никѣмъ не руководимый народъ не зналъ, куда ему обратиться, что предпринять и какъ поступать. Одни переселялись за Днѣпръ, другіе заявляли желаніе вступить въ службу ея императорскаго величества и еще иные рѣшались биться противъ кого-бы то ни было, только-бы „защищать вѣру христіанскую“. Въ то время, какъ прапорщикъ Ларси въ Уманщинѣ и другихъ мѣстахъ навербовалъ изъ мѣстныхъ крестьянъ до 200 козаковъ и надѣялся собрать еще до 500, въ Смѣлянщинѣ запорожскій атаманъ Губа имѣлъ при себѣ 700 вооруженныхъ людей. Первые шли, полагаясь на неизвѣстныя намъ увѣренія офицеровъ-вербовщиковъ, и ихъ просто прикомандировывали къ корпусу Прозоровскаго, другіе хотя также присягали служить царицѣ и не щадить живота, но желали, кажется, прежде знать, на что и противъ кого они будутъ обращены, оставляя за собою свободу дѣйствій и имѣя въ намѣреніи одно—добиться освобожденія изъ польскаго ярма, подъ знаменемъ-ли царицы, или вопреки дѣйствіямъ ея войскъ. „Ляховъ мнѣ нѣчего бить, а буду рѣзаться съ

москалями,“—объявлялъ подъ рукой Губа, когда къ нему подходили на соединеніе 500 запорожцевъ; но это было лишь выраженіе дикаго остервененія, съ какимъ безсильная кошка силится впиться своими когтями въ могучаго орла. О Губѣ пошла переписка до высшей команды (№№ XXXVII — XXXIX), его стали преслѣдовать и 6 апрелѣ 1769 г. онъ, отдѣлившись гдѣ-то отъ своей команды, былъ захваченъ русскимъ отрядомъ въ расплохъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія погибъ вмѣстѣ съ своими товарищами, не хотѣвшими сдаться живыми. За три дня предъ тѣмъ была разбита донцами небольшая партія гайдамакъ подъ Рохмистровкою, а 21 апрѣля другая, также небольшая партія, подъ Лысянкою (№ XL).

Въ Украйнѣ царилъ невообразимый хаосъ: русскія войска, запершіе ее съ стрехъ сторонъ, сновали по ней вдоль и поперекъ, лѣса покрыты были большими или меньшими партіями гайдамакъ, которыя пополнялись большею частію изъ среды крестьянства и обнаруживали отчаянную дерзость и отвагу, по свидѣтельству начальниковъ русскихъ отрядовъ. Мнѣнія возставшихъ раздѣлялись: одни желали сопротивляться до конца, другіе искали какого-нибудь порядка и покоя и сами призывали русскія войска. Въ средѣ гайдамакъ послѣдніе вызывали мщеніе и разореніе; въ свою очередь мстили и грозили имъ торжествовавшіе паны и ихъ многочисленные агенты. Урожай предъидущаго года остался во многихъ мѣстахъ не собраннымъ и погибъ на корню; поля оставались не засѣянными, цѣлыя семьи крестьянъ скитались въ лѣсахъ. Такъ проходило лѣто 1769 г. и среди такой сумятицы, къ довершенію полнаго ужаса и отчаянія народнаго, въ Украйну вступили, подъ предлогомъ продовольствія, королевскія войска, находившіяся подъ командою Стемпковскаго, и разсыпавшись мелкими отрядами, подъ видомъ искорененія гайдамакъ, стали причинять „духовенству и жителямъ вѣры благочестивой“ неслыханныя насилія и раззоренія, а стоявшій въ близи русскій генералъ Кречетниковъ равнодушно смотрѣлъ на ихъ дѣйствія. Понадобилось вмѣшательство Румянцева, который въ рѣзкихъ выраженіяхъ пишетъ объ этомъ Кречетникову, требуя обуздать расходившіяся партіи Стемпковскаго, грозя при первомъ извѣстіи о продолженіи ихъ своевольствъ, настоять на выводѣ всей команды Стемпковскаго изъ Украйны. (№ XLI).

Дальнѣйшая судьба народнаго возстанія въ Украйнѣ, какъ она намѣчается въ документахъ печатаемой переписки, шла въ томъ-же направленіи и тянулась долгіе годы, можно сказать, вплоть до присоединенія къ Россіи всего юго-западнаго края. Настоящая переписка не обнимаетъ и половины ея и въ немногихъ документахъ сообщаетъ о ней лишь самыя отрывочныя и краткія свѣдѣнія, дающія только общее представленіе о ея ходѣ и направленіи. Двѣ главныя враждующія стороны продолжаютъ стоять въ положеніи бойцовъ, рѣшившихся побѣдить или умереть, но не уступать, въ силу перешедшаго всякіе предѣлы взаимнаго ожесточенія и непримиримой ненависти другъ къ другу. Съ одной стороны разсвирѣпѣвшая шляхта не знаетъ границъ свой мести и лютому остервененію; съ другой народъ, съ его завѣтными стремленіями охранить свою вѣру и свободу, окостенѣлъ какъ будто въ своемъ упорствѣ и ожесточеніи и, не смотря на полное истощеніе, продолжаетъ проявлять ихъ то дикою, больше уже одиночною расплатою съ своими притѣснителями, то непрерывными изъ году въ годъ жалобами, идущими ко всѣмъ русскимъ властямъ, то просто глухою оппозиціею. Промежду ихъ стоитъ грозная русская власть, главнымъ образомъ въ лицѣ Румянцева, которая, взявъ на себя усмиреніе возстанія, то старается обуздать дикія проявленія своевольства и насилія съ той и другой стороны, то силится создать для нихъ невозможный уже по силѣ ихъ ожесточенія *modus vivendi*; а позади этой высшей власти, витающей въ области дипломатическихъ сношеній и соображеній, стоятъ ея исполнители лицемъ къ лицу съ ожесточенными сторонами и поддерживаютъ то одну, то другую, смотря по приказамъ свыше, и только изрѣдка пробьется неподдѣльное сочувствіе къ многострадальному народу то въ неумершемъ еще Запорожьѣ, то въ рядахъ русскихъ войскъ.

Въ исходѣ 1769 г. Румянцевъ, не добившись отъ Стемпковскаго, ни самъ, ни чрезъ посредство Кречетникова, прекращенія насилій, причиняемыхъ украинцамъ его своевольными партіями, обращается въ Варшаву къ смѣнившему Репнина князю Волконскому съ просьбою добиться у тамошняго двора вывода изъ Украйны войскъ Стемпковскаго, вызываясь, въ случаѣ неуспѣха его домогательствъ, и самъ найти „приличный“ къ тому способъ (№ XLII). Осенью 1770 г. онъ еще встрѣчаетъ поводъ просить содѣйствія

стоявшаго на границѣ отъ Ново-Сербіи генерала графа Панина о „загражденіи прохода“ формирующимся на польскомъ побережьѣ „изъ самихъ нашихъ войскъ“ гайдамацкимъ партіямъ и истребленіи ихъ, гдѣ покажутся (№ XLIII). Въ 1774 г. Румянцевъ поставляется въ необходимость подтвердить находящимся въ Украйнѣ генераламъ русскихъ войскъ о невмѣшательствѣ ихъ отрядовъ въ продолжавшуюся тамъ вѣроисповѣдную борьбу между православными и уніатами, а это распоряженіе его указываетъ на другія по тому-же предмету, бывшія въ предшествовавшіе два года (№ XLIV). Послѣднее его въ этой перепискѣ письмо—къ новому посланнику нашему при варшавскомъ дворѣ барону Штакельберу представляетъ драгоцѣнное для вѣрнаго пониманія украинскаго возстанія 1768 г. изложеніе его взгляда на это событіе, высказываемаго конфиденціально, а потому вполнѣ искренно. Это тотъ-же взглядъ, который онъ 10 лѣтъ назадъ высказалъ въ письмѣ къ графу Панину, въ самый разгаръ возстанія. Теперь этотъ взглядъ укрѣпился путемъ 10-ти лѣтняго наблюденія и ознакомленія съ ходомъ дѣлъ. И теперь Румянцевъ видитъ въ возникшей и такъ долго длящейся борьбѣ православныхъ украинцевъ съ ихъ панами-католиками и клевретами послѣднихъ—уніатами одну лишь религіозную основу, считаетъ тѣхъ мучениками, а этихъ гонителями, и находитъ, что установленное усиліями дипломатіи *statu quo* польскія, духовныя и мірскія, власти только обратятъ „на исполненіе своего мщенія надъ людьми, ничѣмъ другимъ неповинными, кромѣ *приверженности своей къ намъ по единовѣрію*“. По мнѣнію Румянцева, „фанатизмъ римской вѣры не можетъ быть успокоенъ“ на этомъ *statu quo;* паны-католики и то за обиду себѣ принимаютъ, „ежели не могутъ варварски удручать нашихъ единовѣрцевъ“. Политическій взглядъ его прояснился,—онъ вѣритъ, что „доколѣ не угаснетъ въ томъ краю благочестіе,—мы къ своей сторонѣ всегда имѣть будемъ сердца жителей преклонными“. Но онъ видитъ надъ Украйной „*грозу крайней погибели*“ и убѣждаетъ Штакельберга путемъ дипломатіи предотвратить ее, дабы не убить послѣдней надежды въ „народѣ, столь твердымъ узломъ съ нами сопряженномъ“ (№ XLV).—Переписка заключается трогательнымъ письмомъ къ Румянцеву Иларіона, епископа переяславскаго, которому подчинена была Украйна по дѣламъ вѣры. Оно указываетъ отчасти на занятое давно Румянцевымъ положеніе

какъ-бы патрона Украйны и дорисовываетъ очерченную помѣщенными здѣсь документами мрачную картину страданій украинскаго народа, отъ которыхъ ему суждено было избавиться еще весьма не скоро (№ XLVI).

XXVII.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генералъ-порутчику фонъ-Дальке о командированіи въ Украйну съ надежнымъ офицеромъ ста человѣкъ пѣхоты, въ виду усиленія гайдамакъ и для истребленія оныхъ, о производствѣ обыска въ мотренинскомъ монастырѣ, о судѣ надъ ратмистромъ Ире, допустившемъ разбить его отрядъ гайдамакамъ и проч.

29 сентября (1768 г.). № 1035.

Ордеръ господину генералъ-порутчику фонъ-Дальке.

Господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ князь Прозоровскій двома мнѣ рапортами представляя о гайдамацкихъ происшествіяхъ въ Польшѣ близъ границъ нашихъ, и въ послѣднемъ—что командою кодполковника Бринка, 16-го числа сего мѣсяца, разбита оныхъ шайка близъ села Лубенокъ, но посредствомъ бывшихъ тамъ лѣсовъ ушли многіе отъ поимки, проситъ ради истребленія гайдамаковъ, прячущихся въ лѣсахъ, чтобъ я отправилъ пѣхотную команду, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ нужду отозвать уже съ тѣхъ мѣстъ эскадронъ московскаго полку.

Посему я вашему превосходительству рекомендую сто человѣкъ пѣхоты, съ подлежащимъ числомъ офицеровъ, командировать тотчасъ въ Польшу, въ тѣ мѣста, гдѣ посланныя отъ васъ команды находятся; и поелику изъ допросовъ пойманныхъ гайдамакъ помянутый господинъ генералъ-маіоръ князь Прозоровскій утверждаетъ, что партіи сихъ злодѣевъ дѣйствительно свои убѣжища имѣютъ въ мотренинскомъ монастырѣ, и теперь туда же пошли, то, чиня надъ ними поиски, прикажите командующему офицеру нечаянно когда окружить помянутый мотренинскій монастырь и учинить обыскъ въ немъ вездѣ, не сыщутся ли тамъ гайдамаки. Сей обыскъ произвести, но сіе толь осмотрительно, чтобъ ничего не только оскорбляющаго, но и предосудительнаго, при

семъ случаѣ, не нанесено тамошнимъ старцамъ или мѣстамъ освященнымъ. Вы тутъ получите мой ордеръ отозвать отъ команды ротмистра Ире и судить въ его поступкахъ. Такъ за симъ ежели вы найдете нужнымъ вновь отправляемую команду и прежде посланную кавалерійскую препоручить штабъ-офицеру, я то оставлю въ разсмотрѣніе ваше, примѣтивъ однакоже вашему превосходительству, что примѣръ слабости и незнанія своей должности ротмистра Ире, который тѣмъ вредъ многой собственно сдѣлалъ своей командѣ, долженъ васъ упражнять, чтобъ въ такія посылки употребляли вы офицеровъ не неизвѣстной исправности и искусства; слѣдственно и нынѣ отправляемому дайте наставленіе, чтобъ онъ, яко имѣть будетъ дѣло съ гайдамаками въ лѣсахъ, то чѣмъ теснѣе къ проходу его будутъ пути, тѣмъ найбольше бы онъ имѣлъ вокругъ себя осторожности, и къ одолѣнію ихъ употреблялъ бы средства всемѣрныя, то есть въ густыхъ лѣсахъ окруживъ ихъ убѣжища, запереть всѣ проходы и малые заставами командъ и засѣками, гдѣ можно, къ чему способы встрѣтить вездѣ можетъ искуство офицера знающаго свое дѣло.

XXVIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ командующему корпусомъ въ Ново-Сербіи, князю А. А. Прозоровскому съ извѣщеніемъ по содержанію даннаго генералу фонъ-Дальке предписанія и съ просьбою сообщить свѣдѣнія о движеніи конфедератовъ.

29 сентября (1768 г.) № 1036.

Милостивый государь князь Александръ Александровичъ!

На полученный отъ вашего сіятельства съ симъ курьеромъ репортъ объявить имѣю, что я послалъ ордеръ господину генералъ поручику фонъ-Дальке командировать сто человѣкъ пѣхоты въ тѣ мѣста, гдѣ гайдамаковъ неудобно одолѣть кавалерійскимъ командамъ. Я велѣлъ, дѣлая надъ ними всемѣрные поиски, окружить когда нечаянно мотренинской монастырь, гдѣ ваше сіятельство считаете быть имъ убѣжище, и тамъ ихъ вездѣ обыскать, сохраняя всякую при томъ умѣренность, чтобъ не нанесть никакого въ томъ огорченія тамошнимъ старцамъ. Касательно до ротмистра ямбургскаго полку Ире, который

недавно опредѣленъ въ мою дивизію изъ шведской службы, скажу вашему сіятельству, что я, изъ увѣдомленій вашихъ, и после по рапортамъ генералъ-порутчика фонъ-Дальке, отъ котораго онъ туда командированъ, видѣвши, къ сожалѣнію, его поступки противъ гайдамакъ оплошные и не кажущіе въ немъ не только исправнаго, но ни же малое знаніе о военной службѣ знающаго офицера, велѣлъ его отъ команды отозвать и судить въ нанесенномъ вредѣ отъ злодѣевъ, въ ввѣренной ему противъ нихъ командѣ.

Ваше сіятельство изволите писать, что при разбитіи гайдамацкой шайки многіе изъ нихъ, бросивъ лошадей, ушли въ лѣсъ. Не будетъ-ли между оставленными лошадьми отбитыхъ у козаковъ малороссійскихъ, которыхъ отдачею прошу возвратить имъ потерянныя. Офицеръ, который надъ пѣхотною и кавалерійскою командою, посланною на истребленіе гайдамакъ, приметъ начальство, получитъ отъ господина генерала-порутчика фонъ-Дальке наставленіе, чтобъ ему гораздо осмотрительнѣе поступать, нежели то дѣлалъ ротмистръ Ире.

Сихъ злодѣевъ происшествія не много насъ упражнять могутъ, и нѣтъ сомнѣнія вскорѣ ихъ истребить; но я больше ожидаю отъ вашего сіятельства извѣстія о движеніяхъ сосѣднихъ войскъ, которыя противъ себя въ виду имѣете; о томъ свои мнѣ завременно прошу подавать примѣчанія или достовѣрность пезнанную.

Я пребыть честь имѣю и т. д.

XXIX.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генералъ-порутчику фонъ-Дальке о разслѣдованіи обстоятельствъ неудачи ротмистра Ире, объ устрашеніи жителей Украйны, помогавшихъ появившимся вновь отрядамъ гайдамакъ и о томъ, какъ поступать съ пойманными въ числѣ послѣднихъ запорожцами и польскими подданными, т. е. украинскими крестьянами.

9-го октября (1768 г.).

Ордеръ генералъ порутчику фонъ-Дальке.

Распоряженія вашего превосходительства въ посылкахъ командъ за границу для истребленія гайдамакъ, какъ рапортомъ отъ 29 сен-

тября мнѣ объявляете, всѣ благоразумны; но господинъ ротмистръ Ире въ своемъ поступкѣ, гдѣ его команды карабинера и козака разбойники ранивъ ушли многіе отъ поимки, не кажетъ себя человѣкомъ военное искусство знающимъ, ибо правило первое для командирующаго, чтобъ знать своего противника положеніе и какъ при наступленіи на его полезнѣе подѣйствовать. Такимъ образомъ господинъ Ире ежелибъ не упустилъ навѣдаться, какъ и гдѣ расположились злодѣи, и по мѣстоположенію тѣсному пошелъ бы на нихъ пѣшо, то, конечно, онъ ихъ всѣхъ захватить бы могъ и не допустить на себя еще нападать. Ваше превосходительство не упустите, по возвращеніи, въ семъ отъ него взять отвѣтъ, такъ къ доказательству лучшему потребовать изъясненія и отъ другихъ чиновъ, въ командѣ его находящихся,— какъ они при семъ случаѣ поступили. Польскихъ жителей, которые дѣлали вспоможеніе гайдамакамъ, не бравъ, устрашать только оружіемъ, что взяты и наказаны будутъ, ежели они дальше злодѣямъ пособлять будутъ. Представленныхъ разбойниковъ велите полковой канцеляріи, которые изъ запорожскихъ козаковъ, отправить въ судъ генеральный, а съ польскими жителями поступить въ сходство даннаго отъ меня оной канцеляріи, отъ 27 сентября, секретнаго ордера.

XXX.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генералъ-порутчику фонъ-Дальке о поимкѣ гайдамацкаго атамана Дранаго, напавшаго на русскій отрядъ въ м. Ташлыкѣ, равно помогавшихъ въ подобныхъ нападеніяхъ.

30 октября (1768 г.). № 1040.

Ордеръ генералъ-порутчику фонъ-Дальке.

Господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ князь Прозоровскій, репортуя меня о пойманныхъ, при разбитіи гайдамацкой шайки командою подполковника Бринка, двухъ гайдамаковъ, приложилъ ихъ допросы, гдѣ они показуютъ: что по совѣту и предводительству мѣстечка Ташлыка атамана Драпаго и съ нимъ того жъ мѣстечка одного жителя, прозваніемъ неизвѣстнаго, учинено ими нападеніе въ томъ мѣстечкѣ Ташлыкѣ

на состоящую команду. Посему ваше превосходительство прикажите отправленной командѣ за границу для истребленія гайдамакъ, чтобъ не упущено стараться поймать и представить къ вамъ какъ означеннаго ташлыцкаго атамана Дранаго, яко и другихъ тамошнихъ обывателей, которые дѣлаютъ вспоможеніе гайдамакамъ противъ нашихъ командъ.

XXXI.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графу Н. И. Панину о возобновленномъ капитаномъ русской службы Станкевичемъ въ Украйнѣ народномъ возстаніи, о разбитіи его отряда, о принимаемыхъ Румянцевымъ мѣрахъ, испытываемыхъ затрудненіяхъ и проч.

1768 года, 18 декабря. № 1314.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Ваше сіятельство извѣстны были, что отъ нѣкотораго уже времени продолжалось спокойство при границахъ нашихъ въ Польшѣ, по истребленіи гайдамацкихъ ватагъ. Но теперь возродились вновь волненія въ Смѣлянщинѣ отъ таковыхъ же гайдамакъ (только не слышно, чтобъ между оными были запорожцы), и по поводу вовсе неожиданному.

Гусарскаго чернаго полка капитанъ, какъ теперь мнѣ извѣстно стало, Станкевичъ, выпросивши позволеніе отъ генералъ-маіора Исакова вербовать въ гусары, въѣхалъ въ ту сторону и поднялъ продолжающееся смятеніе; къ нему пристало болѣе тысячи польскихъ жителей, съ которыми онъ дѣлалъ тамъ грабленія; наконецъ какъ его артель извѣстна стала подъ именемъ гайдамакъ, то ямбургскаго полку поручикъ Вепрейской, находившійся съ ротмистромъ того жъ полку Дертеномъ для истребленія нѣкоторыхъ остатковъ прежнихъ гайдамакъ въ Польшѣ, пошелъ на его съ командою, противъ которой онъ дѣлалъ вооруженное сопротивленіе, однакожъ отъ того поручика разбитъ и пойманъ съ гайдамаками болѣе 200 человѣкъ.

На дошедшій ко мнѣ о семъ репортъ я только что успѣлъ отписать Өедору Матвѣевичу [1]), чтобъ онъ взыскалъ: какъ отправленіе сіе послѣдовало помянутому капитану, нашедшемусь между разбойниками, мимо вѣдома моего и безъ объявленія нашимъ заграничнымъ командамъ? и чтобъ взятые гайдамаки съ самымъ капитаномъ доставлены были въ Кіевъ, препоручая Өедору Матвѣевичу, по близости къ тѣмъ мѣстамъ, съ лучшею удобностію, что заблагоразсудитъ, опредѣлить ко истребленію появившихся гайдамакъ, для чего и далъ ордеръ генералу-поручику Племянникову, находячемусь въ Переяславѣ съ своею командою, исполнять по его повелѣніямъ. То отъ помянутаго поручика приходитъ другой репортъ, что гайдамаки, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ, атакуютъ его въ мѣстечкѣ Смѣломъ, въ намѣреніи отбить плѣнныхъ и тамо содержащихся. Ко вспоможенію его хотя того жъ времени прибавочныя команды отъ состоящихъ при границахъ генераловъ отправлены къ Смѣлому, но о дальнѣйшемъ увѣдомленія ни отъ Өедора Матвѣевича, ни же отъ посланныхъ командъ еще не имѣю; и только что могу вашему сіятельству доложить, сколько мое положеніе во всякомъ случаѣ имѣетъ свои трудности, ибо мѣстечко Смѣлое лежитъ между Новороссійскою губерніею и Днѣпромъ; ежели войска въ подкрѣпленіе ввесть, то сіи самыя артели разбойничьи, толь многочисленныя, пустятся и въ нашу сторону на грабленія, которыя одна только теперь Польша сноситъ. Мнѣ князь Прозоровскій также представляетъ о сихъ возродившихся гайдамакахъ, чтобъ они не пресѣкли ему сообщенія съ Кіевомъ. На успокоеніе новаго происшествія я всѣ мѣры возму, а о непріятельскихъ обращеніяхъ ничего новаго на сей случай не имѣю.

И предавъ себя въ непремѣнную милость вашему сіятельству, пребываю съ совершеннѣйшею преданностію и проч.

---

[1]) Воейкову, кіевскому генералъ-губернатору.

XXXII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину съ извѣстіемъ о поимкѣ въ Полтавѣ подозрительнаго человѣка, по фамиліи Ката, объ усилившихся въ Украинѣ гайдамакахъ, объ открытомъ нападеніи ихъ на русскія войска, о слѣдахъ участія въ народномъ возстаніи другаго русскаго офицера—Марьяновича, о необходимости принятія болѣе строгихъ мѣръ относительно пойманныхъ гайдамакъ и проч.

Декабря 30 (1768 г.). № 1386.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Ваше сіятельство изъ представленныхъ отъ Ѳеодора Матвѣевича переводовъ письмамъ къ кошевому отъ перекопскаго каймакана Самихъ-Аги въ одномъ видѣть изволили, что онъ въ окончаніи говоритъ: „нашъ-же перекопской купецъ Ката, предъ симъ лѣтнимъ временемъ. изъ Запорожской Сѣчи поѣхалъ въ Сумы, и чрезъ толикое время не возвратился; того ради употребите ваше стараніе о возвращеніи сюда онаго“. Сей Хата или Ката, ибо тѣмъ и другимъ его пишутъ, явился теперь въ Полтавѣ и показалъ пашпортъ, данной ему отъ запорожскаго полковиика самарскаго Дмитрія Кулика, въ которомъ назвали его войсковыхъ запорожскихъ вольностей жителемъ Сака Ращенокъ, а онъ себе самъ показуетъ, въ согласіе каймаканскому письму, что родомъ изъ города Бакцисара, армянской вѣры, и житель перекопской. Сіе сомнительство заставило меня его къ себѣ потребовать, во мнѣніи, не есть-ли онъ какой подзорщикъ, или не можетъ-ли онъ подать какихъ либо о той сторонѣ свѣдѣній, такъ какъ и удостовѣриться, по какой причинѣ запорожской полковникъ наименовалъ его нашимъ подданнымъ.

При семъ вашему сіятельству, къ сожалѣнію, объявить имѣю, что въ Смѣлянщинѣ отъ времени возрастаетъ множественное число гайдамацкихъ артелей, такъ что тысяча человѣкъ изъ нихъ, 15-го числа, на команду маіора Вурма, стараясь отбить у него препровождаемыхъ гайдамакъ, взятыхъ до сего порутчикомъ Вепрейскимъ, учинили нападеніе, и хотя ихъ въ сраженіи болѣе трехъ сотъ убито и поймано съ атаманами нѣсколько, однакожъ не безъ урону собственнаго, ибо

убито: карабинеръ одинъ и козаковъ малороссійскихъ два, и отъ тяжелыхъ ранъ на завтра послѣ того померли: ямбругскаго полка весьма достойный офицеръ, ротмистръ Дертенъ, и карабинеръ одинъ. Посему съ прискорбіемъ сказать можно, что хотя злодѣевъ гибнетъ многое число, но намъ дороже одинъ солдатъ, нежели тысяча живыхъ и побитыхъ разбойниковъ; а непріятелю небезъавантажно по крайней мѣрѣ сіе, потому что мы вооружаться должны на сію сволочь бездѣльниковъ, и еще нерѣдко и изъ самихъ нашихъ подданныхъ. Ибо и при семъ случаѣ при убитомъ гайдамацкомъ атаманѣ нашлось письмо чернаго гусарскаго полку оберъ-офицера Марьяновича, который съ его артелью призывалъ убитаго къ Могилеву. Я оное отослалъ къ генералъ-маіору Исакову на слѣдствіе.

По симъ обстоятельствамъ, хотя военною силою и будутъ истребляемы возрождающіеся злодѣи, но къ утушенію сего пламени пособитъ много, мнѣ кажется, ежели взятыхъ разбойниковъ употреблять станемъ къ работамъ, или разсылать въ гарнизоны во внутрь государства нашего, въ отдаленныя мѣста, отнимая черезъ то всѣ воображаемыя ими удобности, чрезъ побѣги и другіе образы, къ своему спасенію, поелику способы кротости и снисходительства не успѣваютъ, извѣстные имъ изъ публикованныхъ манифестовъ, понеже самые отпущенные, въ сходство письма ко мнѣ отъ 19 сентября вашего сіятельства, за взятіемъ съ нихъ присяги о житіи въ тишинѣ, обращаются къ прежнимъ злодѣйствамъ, яко нѣкоторые изъ нихъ въ гайдамачествѣ и пойманы. Для сего я нарочнаго курьера схотѣлъ отправить къ вашему сіятельству, испрашивая себѣ предписанія—куда я могу дѣвать пойманныхъ гайдамакъ, которыхъ нѣсколько сотъ препровождается теперь къ Переяславлю, а я впередъ, безъ сомнѣнія, пріостановлю такіе присылки, ибо въ Малороссіи употреблять ихъ не прочно, потому менѣе и менѣе будетъ на нихъ издержано.

XXXIII.

Приказъ предводителя польскихъ, конфедератовъ Казиміра Пулавскаго, ротмистру замковыхъ козаковъ въ Мястковѣ Голуховскому о явкѣ его съ командою въ 4-хъ-дневный срокъ къ нему Пулавскому, въ м. Цикиновку, подъ страхомъ смертной казни. 11 ноября 1768 г.

(копія съ черноваго. Переводъ).

Казимиръ на Пулавѣ Пулавскій, староста жезуленицкій, полковникъ, ордена св. Креста кавалеръ, панцырный товарищъ, региментарь и комендантъ войскъ коронныхъ конфедерацкихъ.

Даю сей ордеръ господину Голуховскому, ротмистру войскъ козацкихъ Мястковскихъ и деревень принадлежащихъ, находящихся въ замковой службѣ, дабы онъ, по принятіи того ордера, съ отпуска непремѣнно въ четыре дни явился съ командою людей своихъ вооруженною и надлежащею амуниціею, въ мѣстечкѣ *Цикиновкѣ*, гдѣ и самъ я съ командою моею находиться буду, опасаясь за просрочку и за неисполненіе того ордера жестокой экзекуціи на всѣ вотчины къ мѣстечку принадлежащія, а собственно для себя, въ силу артикуловъ, смертной казни; и сіе исполнить по неотмѣнности судовъ военныхъ найстрожайше повелѣваю. Данъ въ Цикиновкѣ, ноября 11 дня 1768 г. Казимиръ Пулавскій, региментарь. (Мѣсто печати).

XXXIV.

Приказъ того-же Пулавскаго полковнику Бардецкому о сборѣ въ его подольскихъ имѣніяхъ козаковъ и явкѣ къ нему въ лагерь.—2 января 1769 г.

(копія съ черноваго. Переводъ).

Казимиръ Пулавскій, староста жезуленицкій, поручикъ знака панцернаго, ордена св. Креста кавалеръ, региментарь свѣтлейшей конфедераціи войскъ коронныхъ.

По власти и достоинству региментарскому, даю сей ордеръ господину Бардецкому, полковнику и товарищу знака панцырнаго, дабы по полученіи онаго, взявъ въ маетностяхъ нашихъ побережныхъ въ готов-

ности находящихся козаковъ, шелъ съ оными какъ къ Забокрычью, Мястовкѣ, Цикиновкѣ, Крутымъ, Рыбницѣ, такъ и къ Чечельнику, и слѣдуя съ оными, также и другими, если гдѣ могутъ сыскаться, къ намъ въ назначеное отъ насъ мѣсто. Сохранять въ маршѣ всякое спокойствіе повелѣваю. Учинено въ Жванцѣ, 2 генваря, 1769 года. Казимиръ Пулавскій. (Мѣсто печати).

XXXV.

Приказъ маршала компутовыхъ и конфедерацкихъ войскъ, гр. Іоакима Потоцкаго, управителю немировской волости о доставкѣ къ нему въ обозъ пойманныхъ гайдамакъ, вмѣстѣ съ палачемъ, а также о снаряженіи и приводѣ въ его лагерь назначенныхъ отъ браславскаго воеводста войскъ, съ выплатою имъ впередъ жалованья.

Іоакимъ Карлъ графъ Потоцкій, подчашій великаго княжества литовскаго, маршалъ конфедераціи воеводства брацлавскаго, войскъ наряженныхъ изъ воеводствъ: русскаго, брацлавскаго, кіевскаго и черниговскаго, генеральный регментарь и Бѣлаго Орла кавалеръ. Изъ Чечельника, отъ 3 февраля 1769 года.

По силѣ и власти достоинства моего генеральнаго региментарства надъ войскомъ компутовымъ и конфедерацкимъ, даю сей ордеръ, одинъ, за три дѣйствіе свое имѣющій, господину эконому или-же управителю волости немировской, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по полученіи сего ордера съ вышепоказаннаго числа непремѣнно въ три дни, прислалъ въ Бершадъ находящихся тамо подъ арестомъ бунтовщиковъ и гайдамакъ, купно съ палачемъ, опредѣля къ онымъ для конвою тридцать козаковъ, подъ командою надежнаго человѣка. Также чтобъ отправилъ неотмѣнно, въ три или четыре дни по отпускѣ сего, наряженныя изъ воеводста брацлавскаго войска, конныя или пѣшія, со всею амуниціею и военными припасами, выдавъ имъ за полгода жалованье, считая пѣшему на мѣсяцъ по 10 золотыхъ, а конному и на фуражъ столько-же, къ корпусу конфедераціи нашея, для защищенія вѣры и вольности, подъ опасеніемъ за неисполненіе жестокой экзекуціи и строгаго наказанія, предписаннаго въ судахъ нашихъ конфедерацкихъ. Данъ въ главной квартирѣ Чечельникѣ. І. К. Потоцкій. (Мѣсто печати). (Копія съ копіи).

XXXVI.

Переводъ съ письма татарскаго хана къ великому гетману коронному, графу Браницкому, съ извѣщеніемъ о переговорахъ султана съ австрійскимъ императоромъ о присылкѣ 60 т. войска для защиты Польши отъ Россіи и намѣреніи его хана двинуться отъ Балты въ Смѣлянщину для истребленія гайдамакъ, а также съ предложеніемъ Браницкому соединиться съ нимъ для общаго дѣла.

Называясь княземъ христіанскимъ, вы тѣмъ болѣе обязаны, вступясь за свое отечество, стараться защищать давнія онаго права и вольности, которыя съ нѣкотораго времени опровержены Россіею. Вы, какъ истинный патріотъ, должны усиливаніямъ сей державы всевозможное дѣлать сопротивленіе.

Послѣдніе мирные трактаты нетокмо въ точности ихъ не наблюдаются, но, напротивъ того, Россія нарушеніемъ оныхъ старается въ отечествѣ вашемъ осногать себѣ неограниченную власть. Вы можете быть увѣрены, что сей ея поступокъ всѣ сосѣдственныя державы къ неусыпному побуждаетъ примѣчанію; а особливо должно мнѣ васъ увѣдомить, что султанъ, мой государь, найболѣе вступается за сію несправедливость. Онъ не только собственными войсками старается поддержать къ паденію клонящуюся республику польскую, но всевозможныя употребляетъ силы, дабы цесарской дворъ согласить къ принятію въ справедливое уваженіе нынѣшняго состоянія оной. Мой всемилостивѣйшій государь отправилъ къ австрійскому двору посла съ предложеніемъ, что онъ уступаетъ вѣчно Бѣлградъ и пр., если помянутый дворъ дастъ 60 тысячъ вспомогательныхъ войскъ. Дворъ цесарской согласился на сіе предложеніе и въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая войска назначенныя вступятъ въ Польшу. Мой государь не требуетъ, чтобъ сіи войска съ его арміею соединились, но дабы оныя, стѣснивъ силы россійскихъ въ Польшѣ, старались тамъ возстановить прежнюю вольность и права, уничтоженныя Россіею. А сверхъ сего онъ искренно желаетъ, чтобъ республика и сама собою изъ столь опаснаго положенія всѣми силами освободиться старалась; а за лучшій мы считаемъ способъ, чтобъ всѣ воеводства сконфедеровались, чего мы и надѣемся, какъ нынѣ къ тому

найлучшій дается способъ, а государь мой съ удовольствіемъ-бы принялъ, еслибъ вся конфедерація со мною соединилась.

Я нынѣ стою въ Балтѣ съ 60 тысячами войска, и имѣю повелѣніе чрезъ Умань тянуться еще къ Смѣлянщинѣ для искорененія оставшихся еще гайдамаковъ и потомъ обратно переправиться. И такъ можете изъ сего усмотрѣть, сколь великое мой государь въ дѣлахъ вашего отечества пріемлетъ участіе. Вы равнымъ образомъ, какъ вѣрный патріотъ, не преминете привесть къ точному исполненію того, чего мы столь усердно желаемъ.

Балта, февраля 4 дня 1769 года.

XXXVII.

Письмо атамана запорожскаго Губы къ прапорщику Ларею, которымъ онъ требуетъ отъ него подлиннаго приказа кн. Прозоровскаго о формированіи въ Украйнѣ козаковъ для удостовѣренія относительно цѣли онаго и проч. 4 марта 1769 г.

(точная копія съ подлиннаго письма).

Благородный господинъ прапорщикъ!

Увѣдомился я съ вашего письма, что есть приказаніе его сіятельства князя Прозоровскаго такія войска собирать, однакъ я вамъ не вѣрю, потому что вы не прислали мнѣ копіи съ того приказа; я жъ и самъ намѣренъ защищать вѣру христіанскую, соединясь съ цѣлымъ ключемъ Смилянскимъ, ибо уже и подписку на себя дали, и поѣхали къ главной командѣ, подъ присягою обязались служить ея императорскому величеству и живота своего не щадить; я жъ теперь войска не больше семи сотъ человѣкъ вооруженныхъ имѣю, о чемъ я и далъ уже знать главной командѣ, ожидая повелѣнія отъ той-же главной команды. Хотяжъ ты и писалъ ко мнѣ на вѣтеръ, однакъ на томъ увѣриться не могу, и ежели не пришлешъ ко мнѣ копіи съ приказа его сіятельства, то и самъ будь опасенъ, и пришли оную чрезъ кого-нибудь военнаго и постояннаго козака, на которомъ-бы увѣриться можно было. Въ чемъ и подписуюсь, Миронъ атаманъ Губа команды запорожской. 6 марта 1769 году.

Гдѣ жъ буду стоять—можешъ увѣдомиться.

XXXVIII.

Копія репорта прапорщика Ларся капитану Палеологову съ препровожденіемъ приведеннаго письма къ нему атамана Губы и съ выраженіемъ подозрѣнія и опасенія относительно намѣреній какъ состоящаго подъ его начальствомъ отряда, такъ и другихъ вербуемыхъ въ Украйнѣ русскими офицерами козаковъ, желающихъ вступить въ русскую службу, и проч. 14 марта 1769 г.

По повелѣнію вашего благородія, я въ уманской губерніи и другихъ мѣстахъ козаковъ до двухъ сотъ доброхотныхъ собралъ, которые доброхотно желаютъ въ службу ея императорскаго величества вступить, только чрезъ угрозы здѣсь находящихся шляхтичей и диспозиторовъ опасаются, а просятъ, дабы отъ его сіятельства было предложено ихъ господину, воеводѣ кіевскому, чтобъ онъ дозволилъ имъ итти въ службу ея императорскаго величества; а таковыхъ охотниковъ еще и до пяти сотъ собрать будетъ можно. Въ ключѣ-же смилянскомъ собранныхъ козаковъ имѣется до семи сотъ, при атаманѣ Губѣ, къ которому я писалъ, и въ отвѣтъ онъ мнѣ письмо прислалъ, которое при семъ прилагаю, о чемъ изволите его высокоблагородію представить, дабы они, при нынѣшнихъ обращеніяхъ, другаго какого дѣла вщать не могли, ибо мнѣ мужики объявили, что онъ предъ ними объявляетъ, что „ляховъ мнѣ нечего бить, а буду рѣзаться съ москалями“, и что всѣ надлежащіе податки съ ключа смилянскаго приказалъ чтобъ ему отдавали, и уже многое число ему подано. Извѣстно-жъ еще мнѣ, что къ нему запорожскихъ козаковъ пришло чрезъ чуту сотъ до пяти, которые съ нимъ соединиться намѣрены. Я-жъ съ командою собранною слѣдую въ мѣстечко Комарградъ, о чемъ вашему благородію репортую. 14 марта 1769 года.

XXXIX.

Копія репорта кн. Прозоровскаго главнокомандующему 1-ю арміею кн. А. М. Голицыну съ препровожденіемъ въ копіяхъ письма атамана Губы къ прапорщику Ларсю и репорта этого послѣдняго капитану Палеологову и съ просьбою о распоряженіи схватить атамана Губу. 16 марта 1769 г.

(копія съ подлиннаго).

Его сіятельству, высокопревосходительному господину генералъ-аншефу, главнокомандующему первой арміи, ея императорскаго величества дѣйствительному камергеру и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеру, князю Александру Михайловичу Голицыну, репортъ.

Какъ я въ рапортѣ моемъ, отъ 12 числа, вашему сіятельству доносилъ, что, по приложенной копіи съ письма отъ козака запорожскаго, приказалъ стараться, какъ можно, чтобъ онаго изловить; а сейчасъ получилъ рапортъ отъ прапорщика Ларся къ капитану Палеологову, которой находится съ новонабраннымъ полкомъ козаковъ, съ приложеніемъ письма къ Ларсю; съ которыхъ копіи прилагаю и покорнѣйше прошу вашего сіятельства находящимся около Бѣлой-Церкви полкамъ приказать стараться онаго изловить, дабы изъ того худыя слѣдствія выйтить не могли. Генералъ-маіоръ князь Прозоровскій. 16 марта 1769 года, м. Базалія.

XL.

Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій 1-й арміи о разбитіи русскими войсками отряда атамана Губы близъ м. Рохмистровки и гайдамацкой партіи близъ м. Лысянки.

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій арміи ея императорскаго величества, 1769 года въ апрѣлѣ 11 числа, между прочимъ сказано:

„Въ то-жъ время отъ посланной въ польскую Украйну, большею частію по прошенію тамошнихъ жителей, для истребленія усиляющихся гайдамаковъ. которые имъ превеликіе разореніи, неслыханные мучительства и самые смертоубійства причиняютъ, команды донскихъ козаковъ, при стабъ-офицерѣ, рапортъ полученъ, что 3 числа сего мѣсяца наѣхавъ

помянутая команда, въ Смѣлянщизнѣ, близъ села Рохмистровки, разбойническую, изъ всякаго зброда состоящую и гайдамаками называющуюся партію, въ десяти человѣкахъ, разбила и пять человѣкъ живыхъ взяла, а протчихъ, по ихъ супротивленію, на мѣстѣ побила; а потомъ, 6 числа сего-жъ мѣсяца, какъ при атаманѣ ихъ, именуемомъ Губѣ, 23 человѣка живыхъ взяла, а остальныхъ всѣхъ, въ числѣ которыхъ и самъ атаманъ находился, за сильнымъ-же супротивленіемъ и когда отнюдь живыми здаться не хотѣли, до смерти побить принуждена была".

21 апрѣля. „Въ то-жъ время и отъ находящагося въ польской Украйнѣ для искорененія гайдамаковъ, съ донскими козаками маіора Вуича, рапортъ полученъ, что какъ онъ отправилъ атамана Сулина для соединенія съ корпусомъ князя Прозоровскаго, то на семъ его пути нашелъ подъ мѣстечкомъ Лисянкою въ лѣсахъ гайдамацкую партію, изъ которыхъ до 40 человѣкъ на мѣстѣ побилъ, а 24 человѣка въ полонъ взялъ; но какъ сіи и прежде взятые гайдамаки большею частію холопи польскихъ дворянъ, то для раздачи ихъ помѣщикамъ и отосланы они въ Бѣлую-Церковь; со всѣмъ тѣмъ, по дерзкой отважности сихъ злодѣевъ, и съ нашей стороны при семъ случаѣ козацкой полковникъ Туровѣровъ и одинъ козакъ убиты, а одинъ есаулъ и сотникъ ранены".

Примѣч. Выписка эта сдѣлана покойнымъ М. А. Максимовичемъ; внизу ихъ помѣта: эти рапорты доставлены были князю Александру Михайловичу Голицыну, командующему 1-ю арміею.

XLI.

Ордеръ гр. П. А. Румянцева генералъ маіору Кречетникову о не допущеніи партій региментаря польскихъ войскъ Стемпковскаго производить, подъ предлогомъ поимки гайдамакъ, опустошенія и насилія въ Украйнѣ и о невмѣшательствѣ сего послѣдняго въ дѣло усмиренія возставшихъ, подъ угрозой удаленія оттуда его отряда.

Будучи извѣщенъ, что отъ польской команды региментаря Стемпковскаго посылаются партіи, подъ видомъ поимки гайдамаковъ, къ Бѣлой-Церкви и за оную, даже уже къ нашимъ границамъ, и по своевольству своему толь ненавистному удручаютъ они всѣми образы духовенство и

жителей благочестивой вѣры греческой, о чемъ оттуда какъ священство прислали мнѣ жалобы, такъ и стоящій въ Бѣлой-Церкви генералъ-маіоръ Череповъ доноситъ,—дивиться долженъ, коль ваше превосходительство не воспрещаете тому войску такъ много расширяться или, сказать, дѣйствовать за вашею спиною. Припомните мой ордеръ отъ 10 мая подъ № 133, въ которомъ я изъяснилъ, въ вашу предосторожность, сколь надобно примѣчать вамъ на положеніе онаго. Дѣлавъ при границахъ нашихъ разъѣзды, еще они успѣютъ и въ томъ намѣреніи, чтобъ пресѣкти способы польскимъ жителямъ переселяться въ нашъ край; и для того ваше превосходительство имѣете отъ своего имяни отписать господину региментарю Стемпковскому, выразивъ, чтобъ, хотѣвъ согласіе хранимое доселѣ продолжать, прекратилъ посылать въ ту сторону свои партіи. Укажите ему, что искорененіе гайдамаковъ и спокойство той стороны хранилось нами, и сложилъ-бы впредь оное на попеченіе нашихъ командъ тамо стоящихъ, что мы имъ возстать никогда не попускали и не попустимъ. Напослѣдокъ скажите, сколь вамъ извѣстно и то, что его королевское величество соизволилъ обнадежить меня, что сія команда господина региментаря Стемпковскаго, единаго ради продовольстія въ содержаніи себя, въ томъ краю расположена, чего инде имѣть съ подобною выгодою не можетъ, почему я, во удовлетвореніе его величества воли, приступилъ оскудить собственныя войскъ мнѣ ввѣренныхъ потребы, бывъ въ томъ лучшемъ мненіи, что господинъ Стемпковскій обуздаетъ всею строгостію къ спокойному пребыванію свои войска и ни на какой предосудительный шагъ не попуститъ, а инако и первое извѣстіе о семъ, дошедшее до меня, неминуемо возбудитъ прежнія мои настоянія о выводѣ сихъ войскъ.

Примѣчаніе. Въ рукописномъ сборникѣ Максимовича не означено, чей это ордеръ, равно не проставлена его *дата*; но ни кѣмъ другимъ онъ не могъ быть данъ, кромѣ Румянцева, которому подчиненъ былъ Кречетниковъ, а какъ время вступленія Стемпковскаго въ Украйну падаетъ на осень 1769 г., то и этотъ ордеръ, согласно при томъ нумераціи сборника, надо отнести къ концу октября, или началу ноября 1769 г.

XLII.

Выписка, сдѣланная М. А. Максимовичемъ изъ письма Румянцева къ Панину Петру, командиру руссскихъ войскъ въ Ново-Сербіи о недопущеніи въ Украйну и истребленіи вновь формируемыхъ изъ русскихъ войскъ гайдамацкихъ отрядовъ и преграждeніи сочувствія къ нимъ въ самомъ Запорожьѣ.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ въ письмѣ своемъ, отъ 19 октября 1770 года, къ графу Петру Ивановичу Панину между прочимъ пишетъ:

„Изъ приложеннаго въ копіи репорта ко мнѣ отъ генералъ поручика фонъ-Эссена ваше сіятельство узнаете, сколько новые злодѣи, изъ самихъ нашихъ войскъ, на побережьѣ Польскомъ возстаютъ; сіи грабители опаснѣе быть могутъ самаго непріятеля, ибо они, подъ именемъ своихъ, вездѣ пройтить могутъ и разорять, слѣдовательно противъ ихъ вящше нужна стража, нежели противъ татаръ. Всѣ транспорты, идущіе къ арміи, неминуемо пресѣкутся, если хотя мало дать время таковымъ шайкамъ гайдамацкимъ въ польскихъ, уже и безъ того разоренныхъ, имѣніяхъ подѣйствовать. Прошу ваше сіятельство своимъ постамъ приказать—съ лучшимъ бденіемъ заграждать проходъ таковымъ злодѣямъ, и истреблять гдѣ покажутся, да и самому кошевому запорожскому велѣть о укрощеніи въ ихъ войскѣ оныхъ“.

XLIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу при варшавскомъ дворѣ князю Волконскому объ освобожденіи короннаго подчашія Чацкаго и о выводѣ изъ Украины всей команды региментаря Стемпковскаго, въ виду производимыхъ ею „лютыхъ остервененій“ надъ православнымъ населеніемъ и священствомъ Украйны. 9 ноября 1769 г.

Милостивый государь мой, князь Михайла Никитичь!

Въ проѣздъ мой чрезъ мѣстечко Полонное имѣлъ я случай видѣться съ подчашимъ короннымъ Чацкимъ, который тамъ подъ арестомъ содержится. Скорбный видъ его и чувствительность общая о

терпимомъ имъ жребіи какъ тогда примѣтны мнѣ были, такъ и послѣ подтверждалися чресъ многія удостовѣренія; почему и писалъ я, съ прибытія моего къ арміи, къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, чтобъ его или освободить, или-же, когда предстоятъ препятствія къ тому, перевезть изъ сего мѣста въ наши границы, дабы удалить отъ общихъ глазъ предметъ огорчающій.

На сіе мнѣ его сіятельство отвѣчалъ, что содержаніе сего вельможи, имѣя единственную и безпосредственную связь съ теченіемъ негоціаціи вашей въ Варшавѣ, зависитъ потому самому отъ рѣшимости вашей-же, что вы не оставите о томъ снестись со мною, и что по открытіи новаго политическаго явленія скоро настанетъ то время, когда вамъ можно будетъ рѣшиться о жребіи господина Чацкаго. Я ожидая свершенія тѣхъ дѣлъ и купно вашего о томъ увѣдомленія себѣ, не вчиналъ прежде моего отзыва, какъ уже теперь, когда господинъ Чацкій убѣждаетъ меня чувствительными просьбами по крайней мѣрѣ о облегченіи своего состоянія, чтобъ ему дозволить подъ стражею выѣхать изъ Полоннаго, гдѣ воздухъ своему здоровью чувствуетъ вреднымъ, въ ближайшую свою деревню.

Посему и прошу я всепокорно вашего сіятельства объявить мнѣ, коль долго настоящую свою судьбину безъ перемѣны долженъ сносить сей именитый чиновникъ, и не могутъ-ли обстоятельства уже дозволить на освобожденіе его? Причина его ареста мнѣ инако не извѣстна, какъ только, что къ оному довелъ его съ самого начатія диссидентскаго дѣла собственный фанатизмъ. И такъ я, съ одной стороны нынѣшняго его пребыванія, вашему сіятельству могу открыться, что не безъ предосужденія оное настоитъ, когда въ своей землѣ и между своихъ собратій толь знаменитый человѣкъ такъ долго уже содержится въ заточеніи.

По поводу моихъ представленій въ прошломъ году, ваше сіятельство имѣли отъ двора повелѣнія—представить королю и министерству доказательства о переводѣ и удаленіи всей команды региментаря Стемпковскаго, которая при границахъ нашихъ и за спиною нашей арміи расположена. Сами по себѣ сіи вѣтренныя войска хотя и не могутъ быть намъ опасны, но военный резонъ не терпитъ, чтобъ за собою ихъ оставить въ столь неспокойное время, ради многихъ произойтить отъ того могущихъ слѣдствій.

Но не одно еще сіе заставляетъ меня припомнить вашему сіятельству о переводѣ изъ сего края таковыхъ польскихъ командъ; ихъ нельзя и потому сносить, что лютыя остервененія производятъ надъ крестьянами и самимъ священствомъ благочестивымъ, какъ на сихъ дняхъ изъ губерніи Каневской приходили ко мнѣ священники, представляя, что изъ команды господина Стемпковскаго нѣкто региментарь Мисевичъ, въ селѣ Купіеватой, изъ церкви и самаго алтаря, влѣзши въ окошко, вытащилъ священника, по названію Ивана Швабича, билъ и мучилъ его тирански; и подобныя сему удрученія приключаютъ имъ ежечасно. Я хотя писалъ къ помянутому Стемпковскому о содержаніи строгомъ своей команды и о наказаніи продерзостныхъ, но ежели ваше сіятельство возобновленнымъ своимъ требованіемъ не получите отъ двора польскаго повелѣній о переведеніи сей команды въ другія мѣста, то, лишь-бы не принято было то къ неудовольствію, я самъ могу употребить близкій, напротивъ, и приличный способъ выжить всѣ польскія войска оттуда. Однакожъ къ тому не приступаю, не испросивъ прежде на сіе вашего мнѣнія.

Всегда пребуду съ нелицемѣрнымъ высокопочитаніемъ, вашего сіятельства....,

Примѣчаніе. Въ Сборникѣ Максимовича также не означено, что это письмо Румянцева, а послѣ года и числа означено лишь: *Волконскому;* но о принадлежности его Румянцеву, говоритъ не только весь складъ и вторая половина содержанія, но и употребленныя въ этой части тѣже выраженія, что и въ ордерѣ его Кречетникову по тому-же предмету, особено это: *за спиною нашею.*

XLIV.

Ордеръ гр. П. А. Румянцева генералъ-Маіору Ширкову о невмѣшательствѣ подкомандныхъ ему, въ Украйнѣ расположенныхъ русскихъ войскъ, въ происходящую тамъ борьбу православныхъ съ католиками и уніатами. 14 мая 1774 г.

По жалобѣ находящихся въ польской Украйнѣ, кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ, греческаго закона исповѣдниковъ, о чинимыхъ имъ отъ римлянъ и уніатовъ разныхъ обидахъ и гоненіяхъ, предлагалъ я,

февраля отъ 23-го 1772 года, комадовавшему тогда въ Польшѣ генералъ-маіору князю Долгорукову—дать свои повелѣнія, чтобъ въ упомянутыхъ воеводствахъ обитающимъ исповѣдникамъ греческой вѣры наши ближайшія команды давали охраненіе отъ насильствъ и гоненій, происходящихъ отъ римлянъ и уніатовъ, но при томъ означеннымъ командамъ подтвердить, чтобъ они, вступаясь въ охраненіе гонимыхъ, не дали тѣмъ поводу дѣлать имъ самовольное преслушаніе своимъ властямъ, или же бы посягать на обиду католиковъ и уніатовъ. А прошедшаго 1773 года сентября 17-го, по требованію отъ пребывающаго при польскомъ дворѣ нашего полномочнаго министра, господина дѣйствительнаго камергера барона Стакельберга, приказано отъ меня вамъ и генералъ-маіору князю Щербатову—подтвердить вообще для всѣхъ войскъ въ Польшѣ состоящихъ ввѣренной мнѣ арміи, дабы они не дѣлали никакой помощи въ присоединеніи уніатскихъ церквей къ православію, запрещая, и того больше, всякое вспоможеніе на обиду какову либо персонѣ или имѣнію поповъ или жителей унитовъ; словомъ, чтобъ и парафіи, и отправленіе богослуженія, осталось для одной и другой стороны въ такомъ самомъ положеніи, въ какомъ тогда находилось, и о семъ бы имѣли ваше превосходительство наблюденіе

Но какъ и затѣмъ приносятся отъ делегаціи нашему министерству жалобы въ утѣсненіи отъ войскъ въ Польшѣ находящихся, подъ командою вашею и генералъ маіора князя Щербатова, уніатскихъ церквей и обывателей, то въ прекращеніе, сколь оныхъ, такъ и другихъ причинъ ради, относящихся къ настоящему дѣлу положеній, рекомендую я симъ вашему превосходительству, въ подтвержденіе вышеписаннаго даннаго вамъ отъ меня ордера, предписать всѣмъ въ Польшѣ находящимся войскамъ команды вашей, чтобъ они собою и безъ требованія министра, господина Стакельберга, отнюдь не вступались во внутреннія польскія дѣла, ни въ распри тамошнихъ разнозаконниковъ, менѣе же всего въ отнятіе церквей уніатскихъ, и довольствовались только наблюдать во внутренности своей всю нужную военную осторожность противу всякихъ злодѣйствъ вредныхъ. Равнаго сему содержанію данъ отъ меня ордеръ нынѣ и генералъ маіору князю Щербатову.

№ 100. 1774 года, мая 14 дня.

XLV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу при варшавскомъ дворѣ, барону Штакельбергу, съ обстоятельнымъ и откровеннымъ изложеніемъ его взгляда на положеніе и значеніе борьбы между православнымъ населеніемъ Украины и его притѣснителями—римско-католиками и уніатами, способа его дѣйствій и нѣкоторыхъ новыхъ распоряженій. 17 сентабря 1779 г.

Милостивый государь мой!

Симъ имѣю честь благодарить вашему превосходительству за почтеннѣйшее ваше отъ 28 числа августа (письмо), пріемля въ одолженіе себѣ сдѣланныя мнѣ увѣдомленія о состояніи дѣлъ министеріяльныхъ, въ которыхъ съ произведенными успѣхами я васъ поздравляю, и желаю всеусердно, да воспріимутъ оныя вскорѣ свое совершенство.

Въ разсужденіи тѣхъ пунктовъ, въ коихъ ваше превосходительство требуете моего содѣйствія, полагая въ томъ быть пользу высочайшихъ интересовъ, спѣшу васъ увѣдомить слѣдующимъ: я имѣю повелѣніе—находящимся въ польской Украинѣ. кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ греческаго закона исповѣдникамъ, чрезъ наши команды въ томъ краю пребывающія, въ случаѣ чинимыхъ имъ отъ уніатовъ обидъ, оказывать защищеніе. По мѣрѣ сего предписанія, а отнюдь не болѣе, распространялось отъ нашихъ войскъ покровительство на единовѣрцовъ въ неисчетныхъ удрученіяхъ, о которыхъ они непрестанно чинятъ прозьбы на своихъ гонителей--римско-католиковъ и греко-унитовъ.

Не считалъ я никогда своимъ дѣломъ разбирать обоюдныя прошенія духовнаго чина, въ разсужденіи ихъ правъ парафіяльныхъ; и по случаю отзыва ко мнѣ о томъ бискупа львовскаго Шептицкаго, писалъ какъ къ нему, такъ и нашему епископу переяславскому, въ образѣ совѣта, чтобъ каждый съ своей стороны не расширяли ни уніи, ни православія, какъ которыя токмо церкви и жители издревле принадлежатъ властямъ того и другаго исповѣданія. Но дабы слѣдовать во всемъ удовлетворенію, которое отъ меня ваше превосходительство имѣть желаете, то посылаю я теперь повелѣнія чрезъ генералъ маіоровъ и кавалеровъ, Ширкова и князя Щербатова, вообще для всѣхъ войскъ въ томъ краю состоящихъ ввѣренной мнѣ арміи, дабы они не дѣлали

никакой помощи въ присоединеніи унитскихъ церквей къ православію, запрещая и того больше всякое вспоможеніе на обиду какову либо персонѣ или имѣнію поповъ или жителей унитовъ, хотя и доселѣ въ томъ никогда оружіе наше не участвовало; словомъ, чтобы и парафіи, и отправленіе богослуженія, осталось для одной и другой стороны въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ теперь находится, чего, разумѣю я, требуетъ израженіе ваше „*statum in quo*“. Но не думаю, чтобъ фанатизмъ римской вѣры былъ тѣмъ успокоенъ; они и изъ за сего удовлетворенія вознесутъ свои жалобы, по привычкѣ вмѣнять и то себѣ за обиду, ежели не могутъ удручать варварски нашихъ единовѣрцовъ въ настоящемъ положеніи оружія. Не мѣшаясь знать причины стремленія политической въ семъ пунктѣ, скажу я только въ партикулярную конфиденцію вашему превосходительству, что доколѣ не угаснетъ въ томъ краю благочестіе, мы къ своей сторонѣ всегда имѣть будемъ сердца жителей преклонными; и потому и мню я, что на истребленіе сего душевнаго и отъ предковъ наслѣдуемаго въ народѣ расположенія напрягаются тѣ настоянія, какіе идутъ на лишеніе всѣхъ способовъ существовать въ тѣхъ мѣстахъ единовѣрію съ нами.

Ваше превосходительство собственнымъ проницаніемъ лучше объять можете настоящую и будущую судьбину сихъ угнетенныхъ одновѣрцевъ нашихъ, а я взирая часто только на состояніе ихъ, сколько приноситъ сліяніе дѣлъ таковыхъ съ дѣлами моей части, весьма въ томъ увѣренъ, что положеніе *statum in quo* обратятъ духовныя и мірскія власти на исполненія своего мщенія надъ людьми ничѣмъ другимъ неповинными, кромѣ приверженностію своею къ намъ по единовѣрію. И сколько сіи послѣдніе къ горести своей воспримутъ, узнавъ, что ихъ жребій, противу ихъ упованія на наше покровительство, преданъ въ руки ихъ гонителей. Когда и въ настоящемъ положеніи наши одновѣрцы, которые только попались въ руки католиковъ, не видятъ больше свѣта,—то что уже тогда съ ними будетъ, когда месть и злобу употреблять каждый можетъ по собственному произволенію? Вы видите сами, ваше превосходительство, даже въ подаваемыхъ отъ польскаго министерства нотахъ, что они и говорить о семъ не могутъ инако, какъ употребляя термины ругательные, которые по крайней мѣрѣ не прилично-бы предлагать нашей сторонѣ.

Я увѣренъ, что ваше превосходительство, по своему благоразумію и искусству, изыщете средства удалить, елико можно, грозу крайней погибели для нашихъ одновѣрцевъ, предохраняя, въ актахъ заключаемыхъ, ихъ пользу и свободу, дабы не пало въ сосѣднемъ народѣ, и толь твердымъ узломъ сопряженнымъ съ нами, всякое къ намъ упованіе, которое питать въ ономъ небезполезнымъ кажется моему соображенію.

Все сіе сообщаю вашему превосходительству въ видѣ моего испытанія дѣлъ, какъ они теперь суть, не присвояя отнюдь себѣ того, что свойственно проницанію дальновидныхъ политиковъ; и для того я все исполнилъ, что вы отъ меня требовали.

Включая здѣсь дошедшія ко мнѣ отъ генералъ-маіора Щербатова увѣдомленія о проискахъ, которые бискупъ Шептицкій уже заранѣе разсѣваетъ, и еще челобитную поданную мнѣ отъ общества чиновъ исповѣдующихъ греческую вѣру въ воеводствахъ брацлавскомъ и кіевскомъ, съ прошеніемъ покровительства на утвержденіе ихъ древнихъ правъ,— предоставляю собственному благоразсужденію вашего превосходительства сдѣлать изъ оныхъ таково употребленіе, въ чемъ-бы вы находили какову либо пользу.

О попахъ держимыхъ въ Бердичевѣ коль только дошло мнѣ вѣдать, прежде сего я приказалъ генералу-маіору Ширкову освободить всѣхъ, кромѣ ежели которые нашлись-бы взятыми по особливымъ каковымъ преступленіямъ, а не по причинамъ относящимся до религіи; ибо о винахъ и ихъ заключеніи еще не дошли и по днесь ко мнѣ рапорты. Но чтобъ не замедлить ихъ освободить, я и теперь послалъ повелѣніе реченному генералу о выпускѣ оныхъ, кромѣ виновныхъ по какому либо злодѣянію.

О возвращеніи секвестрованнаго имѣнія князю Мартыну Любомирскому получитъ вслѣдъ за симъ мое повелѣніе господинъ Ширковъ. Впрочемъ, по толь убѣдительному требованію его королевскаго величества о непереводѣ войскъ господина Стемпковскаго, я принужденъ ихъ терпѣть въ тѣхъ только округахъ, которые, по условію съ княземъ Щербатовымъ, для ихъ пропитанія и помѣщенія предоставлены, хотя я въ томъ и самъ увѣренъ, и васъ обнадежить могу, что оныя не отъ нужды снабдѣнія себя здѣсь водворились, но дабы удержать жителей порубежныхъ отъ переселенія въ наши границы и неистовство-

вать надъ оными гонительствомъ въ томъ пунктѣ, что они настоящее время считаютъ благословенныхъ себѣ для исповѣданія вѣры предковъ своихъ, которая превращена чрезъ насиліе папистовъ.

Пребываю съ непремѣннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

1773 года, сентября 17 дня. № 326. Барону Отто Стакельбергу.

XLVI.

Письмо епископа переяславскаго Иларіона къ гр. П. А. Рюмянцеву съ просьбою объ оказаніи защиты и покровительства православному населенію Украйны отъ непрерывныхъ и крайнихъ притѣсненій онаго со стороны католиковъ и уніатовъ, 16 іюня 1779 г.

(копія съ подлиннаго).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

О происходящихъ въ польскомъ краю отъ уніатовъ надъ православными слѣдствіяхъ непріятныхъ, какъ и самимъ вашему высокографскому сіятельству довольно извѣстны, о многихъ не упоминаю я; а единственно прилагаю у сего подлинныя, на сихъ числахъ ко мнѣ отъ двухъ протопоповъ доношенія, съ коихъ ваше высокографское сіятельство благоусмотрѣть изволите, что сіе гонимое духовенство до сихъ поръ, хотя сосѣдческо, безъ прихода и домовства своего, могли однако нѣкоторое въ тѣхъ мѣстахъ имѣть пристанище; нынѣ-же, съ точнаго поводу наложенныхъ на нихъ повелѣнныхъ публикацій, въ тѣхъ приложеніяхъ означенныхъ, и того лишаютъ уже. Не одинажды просилъ я Семена Ермолаевича[1]) и другихъ въ Польшѣ господъ командующихъ, не объ отборѣ церквей отъ уніятовъ, отнятыхъ ими у православныхъ, но крайней мѣрѣ о недопущеніи послѣднихъ къ уніятскому насилованію, на основаніи законовъ и послѣдняго отъ его королевскаго величества въ 1776 годѣ послѣдовавшаго манифеста. Со всѣмъ тѣмъ не могли однако просьбы мои никакова имѣть успѣху, извѣтомъ, что отъ вашей команды не имѣютъ на то повелѣнія. Изъ сего правильную я причину имѣю предъ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ изъясниться о прописанномъ, и

---

[1]) Ширкова.

просить милостиваго на бѣдныхъ призрѣнія и покровительства въ невинномъ гоненіи и страданіи ихъ.

Гдѣ имъ, сіятельнѣйшій графъ, истиннаго христіанина и защитительнѣйшаго найти отца, какъ не въ единой вашего высокографскаго сіятельства особѣ? А если и сія отымется отъ нихъ надежда, то какова уже ожидать имъ конца?

Пріймите, ваше высокографское сіятельство, во уваженіе милостиво все, и не оставте погибнуть до конца ожидающимъ въ скорбѣхъ и терпѣніи мнозѣ.

Благосклоннѣйшему вашего высокографскаго сіятельства высокихъ милостей продолженію поручая ихъ и себя, пребываю съ достодолжнѣйшимъ высокопочитаніемъ, вашего высокографскаго сіятельства, милостиваго государя, всеусерднѣйшимъ богомольцемъ и покорнѣйшимъ слугою, Іларіонъ епископъ переяславскій.

№ 112. 1779 года, іюня 16 дня, Переяславъ.

Библіографія.

Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ, 1883. XXII+668. Ц. 3 р. Съ портретами 6 руб.

Разработка областной и мѣстной исторіи займетъ видное мѣсто въ русской исторіографіи послѣдняго двадцатипятилѣтія. Почти не проходитъ года, чтобы не появился какой-нибудь трудъ, болѣе или менѣе дополняющій прежнія свѣдѣнія о древнихъ городахъ и достопримѣчательныхъ мѣстностяхъ Россіи. Невознаградимымъ остается то, что не въ силахъ бываетъ восполнить новый изслѣдователь. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: прежніе погромы и пожары были причиною того, что не сохранилось почти никакихъ вещественныхъ памятниковъ старины древняго Витебска (упоминаемаго уже въ началѣ XI в.). Но гораздо печальнѣе, когда исчезаютъ историческіе памятники и матеріалы, по небрежности людей, располагавшихъ ими въ позднѣйшее время. Такъ, подлинныя грамоты и привилегіи витебской магдебургіи, отосланныя въ 1803 г. черезъ витебскаго прокурора министру юстиціи, въ слѣдствіе просьбъ жителей о сохраненіи за ними всѣхъ правъ и привилегій, полученныхъ въ прежнее время, не были найдены, не смотря на всѣ усилія издателя настоящаго сборника. Поэтому издателю пришлось пользоваться спискомъ этихъ грамотъ и привилегій, внесенныхъ въ особую книгу въ 1733 г. Всѣ подлинныя грамоты и привилегіи до начала XVII в. писаны на русскомъ языкѣ, но переписчики замѣнили кирилловскія буквы польскими. Другой списокъ этихъ грамотъ хранится въ Виленской публичной библіотекѣ.

Но издатель значительно расширилъ свою задачу. Онъ постарался сгруппировать, по возможности, полный матеріалъ *для историко-статистическаго описанія г. Витебска*, состоящій, главнымъ образомъ, изъ двухъ отдѣловъ: 1) извѣстій *русскихъ и литовскихъ лѣтописей* о Витебскѣ, обнимающихъ время съ XI до второй половины XVI в.; 2) *гра-*

моты и привилегіи, и это самый обширный и важный отдѣлъ книги (стр. 15—454). Онѣ представляютъ собою исторію Витебска съ 1229 г. по настоящее время въ разные ея періоды. Сюда вошли всѣ относящіеся къ ней акты, начиная съ договора смоленскаго князя Мстислава Давидовича до указа объ открытіи въ Витебскѣ комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ (1858 г.); здѣсь найдете и акты напечатанные уже въ разныхъ сборникахъ, какъ-то: въ изданіяхъ археографической коммисіи, витебской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, въ отдѣльномъ сборникѣ, подъ названіемъ: Витебскіе акты, въ Вѣстникѣ юго-западной Россіи, въ Витебскихъ-Губернскихъ Вѣдомостяхъ, многіе годы которыхъ стали давно библіографическою рѣдкостью, въ Памятныхъ Книжкахъ, въ разныхъ польскихъ изданіяхъ и пр., и архивные матеріалы, нигдѣ еще не напечатанные, причемъ документы на другихъ языкахъ сообщены въ русскомъ переводѣ. Всѣ вошедшіе въ настоящій Сборникъ акты касаются исторіи города, церкви, суда, повинностей, экономическаго состоянія и т. п. Въ числѣ историческихъ матеріаловъ находимъ и извѣстный разсказъ о пребываніи въ Витебскѣ и Псковѣ Іеронима Пражскаго, открыто заявившаго свое сочувствіе православному исповѣданію. Къ этому-же отдѣлу принадлежатъ особыя группы документовъ: а) матеріалы, касающіеся жизни и дѣятельности Іосафата Кунцевича, 2) документы о правахъ Свято-троицкаго Маркова монастыря (XVII и XVIII стол.), 3) свѣдѣнія о еврейскомъ населеніи г. Витебска (XVII и XVIII 4) матеріалы о событіяхъ 1812 года (въ числѣ ихъ напечатана такса на съѣстные припасы, составленная во время занятія Витебска французами), 4) витебское мыто (вѣдомость о взиманіи таможенныхъ пошлинъ на витебской заставѣ въ январѣ 1605 г.), 5) инвентари православныхъ церквей, имущества полоцкой архіепископіи и г. Витебска; о дворовыхъ участкахъ города (1797 г.); списокъ всѣхъ евреевъ, живущихъ въ Витебскѣ по свѣдѣніямъ 1765; статистическія свѣдѣнія за 1784 г.; свѣдѣнія о витебской губерніи за 1808 г.; еврейская ревизія 1811 г.; однодневная перепись жителей Витебска 1863 г. и др. статистическія данныя о жителяхъ города (о землевладѣніи—по исповѣданіямъ, сословіямъ и пр.). [1]).

---

[1]) Въ интересахъ современности вопроса, обратимъ вниманіе на слѣдующіе выводы: хотя евреи издавна были въ Витебскѣ, какъ видно изъ документовъ разсматриваемаго сборника, но ни въ инвентарѣ 1641, ни въ инвентарѣ 1687 г. о нихъ не говорится особо. Во второй половинѣ XVIII в. ихъ было также мало. По переписи 1765 г. ихъ значится 346 душъ мужескаго пола и 321 душа женскаго пола. Съ этихъ поръ число ихъ быстро возрастаетъ и въ 1881 году на 48,206 человѣкъ всего населе-

Въ дополненіе къ этому матеріалу, издатель присоединилъ: 1) лѣтопись города Витебска мѣщанъ Михаила Панцырнаго, Гавріила Аверки и Степана Аверки (1760—68 г.), представляющую краткій перечень событій относящихся къ краю, съ древнѣйшихъ временъ, выписанный изъ разныхъ хроникъ, а потомъ краткую запись событій, относящихся къ г. Витебску, веденную составителями лѣтописи (она помѣщена въ переводѣ съ польскаго); 2) оглавленіе статей полнаго сборника законовъ, касающихся Витебска и витебской губерніи съ 1654 г. по 1877 г.; наконецъ списки витебскихъ князей, епископовъ, настоятелей монастырей, уніатскихъ полоцкихъ епископовъ, витебскихъ воеводъ, каштеляновъ, бѣлорусскихъ генералъ-губернаторовъ и витебскихъ губернаторовъ.

Матеріалы, изданные въ сборникѣ, сопровождаются отчетливо сдѣланными снимками печатей и гербовъ г. Витебска и витебскаго воеводства, значительнымъ числомъ факсимиле грамотъ (также съ печатями) и подписей королей польскихъ, канцлеровъ литовскихъ, епископовъ православныхъ (Георгія Конисскаго и др.), а также уніатскихъ, воеводъ и пр., картами полоцкаго и витебскаго княжествъ, полоцкаго и витебскаго воеводствъ (1579 г.), снимками съ древнихъ рукописей, планомъ витебскаго замка XVI в., изображеніемъ древнѣйшихъ храмовъ, а къ нѣкоторымъ экземплярамъ присоединены, кромѣ того, фотографическіе портреты мѣстныхъ (уніатскихъ и православныхъ) епископовъ.

Не смотря на значительное собраніе матеріаловъ и сочиненій, разсмотрѣнныхъ авторомъ (см. примѣчанія) настоящаго изданія, онъ присоединилъ къ нему только *краткій историко-статистическій очеркъ Витебска* (стр. 559—632), обѣщая издать въ послѣдствіи *обстоятельную исторію* этого города. Во всякомъ случаѣ, издатель настоящаго сборника доставилъ и въ такомъ видѣ любителямъ старины обстоятельное, систематически составленное собраніе матеріаловъ, разсѣянныхъ во множествѣ изданій, а также еще не напечатанныхъ, и обставилъ ихъ всѣми необходимыми пособіями для желающихъ воспользоваться ими съ научною цѣлью.

Настоящій сборникъ вышелъ по распоряженію статистическаго комитета, что дѣлаетъ честь мѣстнымъ дѣятелямъ, находящимъ возмож-

---

вія города приходится 24,171 чел., причемъ христіанское населеніе едва увеличилось въ $3^1/_2$ раза, а еврейское почти въ 14! Въ 1667 г. евреямъ не принадлежало *ни одной усадьбы* собственно въ городѣ; въ 1797 г. число ихъ домовъ (всѣхъ 1884) составило 19,5%; въ 1882 г. 53,8%, а число каменныхъ домовъ въ общей массѣ составляетъ даже 72,2%. Стр. 640.

ность подвизаться на научномъ поприщѣ вдали отъ центровъ науки, что, какъ извѣстно, сопряжено у насъ съ весьма большими затрудненіями. Нашлись также жертвователи, оказавшіе матеріальное содѣйствіе при выходѣ въ свѣтъ настоящаго сборника. Пожелаемъ побольше такихъ сборниковъ, относящихся къ мѣстной исторіи.

В. И.

Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ—православный храмъ и существовавшее при немъ братство. Ар. Лонгиновъ. Варшава. 1883 года.

Брошюра въ 50 страницъ, въ восьмую долю листа, съ литографированнымъ изображеніемъ люблинской иконы Божіей Матери и такимъ-же видомъ древней Спасо-Преображенской церкви въ г. Люблинѣ, изданіе холмскаго богородичнаго братства. Брошюра печаталась въ Варшавѣ, составлена въ Люблинѣ. Авторъ оной, какъ намъ извѣстно, занимаетъ въ послѣднемъ городѣ видное мѣсто въ судебныхъ учрежденіяхъ.

Не смотря на то, что названная монографія составлялась въ провинціальномъ городѣ, вдали отъ центровъ учености, библіотекъ, ученыхъ пособій, не смотря на ограниченный, повидимому, мѣстный интересъ сюжета и мѣстную-же практическую цѣль брошюры, въ ряду изданій такого рода рѣдко можно встрѣтить книгу, такъ обстоятельно и съ такими солидными пріемами составленную, гдѣ такъ тщательно собрано все, что можно было найти о памятникѣ совсѣмъ заброшенномъ, никому не извѣстномъ и впервые всплывающемъ на историческую поверхность, и все разработано вполнѣ добросовѣстно и умѣло.

Исторія какой либо церкви, какъ зданія, есть вмѣстѣ исторія ея прихода, мѣста, въ которомъ прихожане живутъ, общества, въ составъ котораго входятъ, иногда и отчасти исторія ея строителей, служителей, ревнителей, многихъ прихожанъ, вообще-же исторія вѣры, которую они исповѣдывали, народности, которой принадлежали. Такъ и понялъ это почтенный авторъ названной брошюры. Его монографія не есть сборъ разрозненныхъ, мелкихъ историческихъ фактовъ, изъ старыхъ записей извлеченныхъ и касающихся предмета, мало кого интересующаго; но и не есть компиляція общихъ свѣдѣній о мѣстѣ и краѣ, пріуроченныхъ къ избранному предмету. Нѣтъ; это живой, понятно, краткій очеркъ

судебъ православія и народности русской, какъ они отразились въ судьбѣ православной русской общины въ Люблинѣ.

По кропотливому изслѣдованію автора, г. Люблинъ не такъ чуждъ намъ, какъ принято вообще признавать. Если по признанію нѣкоторыхъ польскихъ историковъ границы первобытной Польши никогда не заходили дальше Вислы, а по общему свидѣтельству русскихъ и польскихъ источниковъ русскія поселенія шли даже по берегамъ Вислы и Сана, естественною-же границею Руси и Польши со стороны Люблина была р. Вепрь, отъ которой Люблинъ въ разстояніи 25—30 верстъ, то понятно, что русское поселеніе въ немъ, какъ и въ сосѣднемъ, надъ Вислой лежащемъ Казимірѣ и даже завислянскомъ Опатовѣ, могло водвориться очень рано. Въ XIII ст. Люблинъ 57 лѣтъ находился во власти русскихъ: завоевавшій его русскій князь, Даніилъ Романовичъ Галицкій построилъ въ немъ свой замокъ и вѣроятно и церковь. Церковь, которой посвящена брошюра, является въ концѣ первой половины XV ст. Ее построила дочь какого-то кіевскаго князя Ивана, Марія, состоявшая въ родствѣ съ царствовавшимъ тогда въ Польшѣ королемъ Казиміромъ IV, сыномъ кіевской-же княжны, питавшимъ поэтому первоначально сочувствіе къ греко-восточному обряду.

Судьба этой церкви, о которой имѣются непрерывныя почти свидѣтельства въ теченіи болѣе 4-хъ столѣтій, служитъ вѣрнымъ отраженіемъ судьбы православія и народности русской въ предѣлахъ б. польскаго королевства. Отъ общаго положенія и правъ этихъ послѣднихъ въ б. Польшѣ зависѣло то увеличеніе, то уменьшеніе ея имущественнаго достоянія и благолѣпія, равно спокойнаго существованія; первые удары борьбы господствовавшаго католичества съ другими исповѣданіями отражались на судьбѣ православной люблинской церкви. Въ общемъ это весьма печальная судьба: годы и вѣка непрерывной борьбы, постояннаго нарушенія утверждаемыхъ королями, сеймами и международными договорами правъ и привилегій церкви, вслѣдствіе необузданнаго фанатизма окружавшей среды и личнаго въ ней своеволія и буйства. Выдавались годы относительнаго спокойствія, безопасности, торжества надъ врагами, но они смѣнялись ужасами захватовъ, насилій, разоренія, иногда подъ вліяніемъ буйства какой-либо толпы іезуитскихъ учениковъ, или ошалѣвшаго мѣщанства.

Люблинская церковь и ея приходъ были передовымъ постомъ православія и народности русской, отъ стороны Червонной, позже Холмской Руси. Ихъ значеніе усиливалось съ усиленіемъ политическаго значенія

Люблина, съ половины XV в. ставшаго мѣстомъ частыхъ и наиболѣе важныхъ сеймовъ, а потомъ центромъ верховнаго судилища для присоединенныхъ къ Польшѣ русскихъ областей. Русскіе всѣхъ званій и сословій съ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ Волыни, Подолья и Украйны стекались въ Люблинъ иногда въ огромномъ числѣ, должны были бывать въ немъ болѣе или менѣе часто, проживать болѣе или менѣе долго. Отсюда необходимость для всѣхъ, не для однихъ жившихъ въ Люблинѣ русскихъ, имѣть тамъ свою церковь, и вотъ отчего эта церковь пользуется общимъ отъ всѣхъ сочувствіемъ, составляетъ предметъ заботъ и попеченія князей и дворянъ, является особою статьею домогательствъ Хмельницкаго и Выговскаго, добывается и отстаивается козаками съ оружіемъ въ рукахъ. Еще въ послѣдней четверти XVI ст. при ней является братство съ школою, госпиталемъ, а въ спискѣ братчиковъ красуются имена богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ рускихъ князей: Острожскихъ, Вишневецкихъ, Корецкихъ, Чарторыйскихъ, Четвертинскихъ, Сангушекъ, Путятъ и множества знатныхъ дворянъ. Заботами и иждивеніемъ подобныхъ братчиковъ въ 30-хъ годахъ XVII ст., вмѣсто сгорѣвшей деревянной, устроена была въ Люблинѣ каменная церковь, которую освящалъ самъ митрополитъ кіевскій Петръ Могила, на обратномъ пути изъ Львова послѣ своего посвященія. Другой митрополитъ Сильвестръ Коссовъ лично отобралъ эту церковь изъ рукъ уніатовъ въ 1650 г., по силѣ зборовскаго трактата, и передалъ ее православнымъ, изгнавъ поселившихся при ней уніатскихъ монаховъ. Это была пора наибольшаго торжества для всего южно-русскаго народа, въ частности для люблинской его общины и ея церкви; но затѣмъ наступили иныя времена. Часть южной Россіи отошла въ московское подданство, въ остальной знатнѣйшіе русскіе роды постепенно слились съ Польшею, козачество перестало существовать въ самой Украйнѣ. Не стало опоры, поддержки и на всемъ пространствѣ оставшихся за Польшей русскихъ областей православіе и народность русская были постепенно поглощаемы преобладающимъ полонизмомъ и католичествомъ. Туже участь, при томъ раньше другихъ, испытала православная русская община съ своею церковью и монастыремъ въ Люблинѣ. Число ея членовъ постепенно уменьшается, въ спискахъ братскихъ рѣже и рѣже встрѣчаются лица съ сколько-нибудь виднымъ общественнымъ положеніемъ, доходы церкви оскудѣваютъ, земельное имущество ея расхищается. Въ 1695 г. бывшіе при ней монахи василіане не выдержали неравной борьбы и приняли унію, а вмѣстѣ съ ними надолго перешла въ унію и самая церковь.

Извѣстна судьба самой уніи, подъ покровомъ которой, какъ подъ пепломъ, до нашего времени едва сохранилась искра русской народности. Такъ было вездѣ, тѣмъ болѣе такъ должно было случиться въ Люблинѣ. Даже бывшіе здѣсь греки примкнули къ уніи и въ ней утратили свою народность.

Наступившія здѣсь, съ окончаніемъ послѣдняго возстанія, реформы не застали въ Люблинѣ ни русскаго духа, ни русскаго имени и едва сохранилось названіе уніатской церкви и при ней десятки уніатовъ. Уцѣлѣвшій при ней до 1864 г., подъ названіемъ уніатскаго, монастырь имѣлъ значительный, въ большей части похищенный повстанцами, а можетъ быть и прямо имъ отданный капиталъ въ 24,000 р. с., но съ закрытіемъ его въ этомъ году церковь оказалась въ такомъ запустѣніи, что даже по возобновленіи ея въ 1867 г. она не имѣла надлежащаго вида. «А понеже ризниця въ ій вохкая була, говорилъ намъ въ 1868 г. новоназначенный настоятель церкви изъ галичанъ, для того вшистки апарата ся попсулы»...

Такова въ общихъ чертахъ исторія люблинской спасо-преображенской церкви, возвращенной православію въ 1875 г. при общемъ возсоединеніи уніатовъ Царства Польскаго. Тогда-же викарій переформированной холмско-варшавской епархіи получилъ наименованіе епископа люблинскаго и, какъ видитъ читатель, не безъ нѣкотораго историческаго основанія.

Подробности исторіи люблинской церкви разработаны авторомъ разбираемой брошюры самымъ тщательнымъ образомъ. Кромѣ общихъ русскихъ и польскихъ источниковъ, вы найдете у него ссылки на изданія рѣдкія, малодоступныя, на записи церкви и консисторіи, на архивы магистратскій и б. трибунальскій, на бумаги Главнаго въ Варшавѣ архива и рукописи частныхъ лицъ. Дорогая сердцу русскому святыня нашла достойнаго себѣ историка, а холмское братство въ этомъ умномъ изслѣдованіи надежное средство къ распространенію въ средѣ возсоединеннаго населенія точныхъ понятій о его минувшихъ судьбахъ.

Выражая полное одобреніе и сочувствіе такимъ изданіямъ холмскаго братства, мы позволимъ себѣ, по поводу настоящей брошюры, сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя, можетъ быть, не лишни будутъ при новомъ ея изданіи.

1) Брошюра, при своемъ солидномъ и богатомъ содержаніи, не имѣетъ полной общедоступности и живости изложенія. Требованіе, мо-

жетъ быть, черезъ-чуръ большое, но не невозможное для исполненiя, желательнаго въ цѣляхъ братства.

2) Говоря съ полною обстоятельностiю о судьбахъ люблинской православной древне-русской церкви, почтенный авторъ ничего не говорить о люблинской иконѣ Божiей Матери, изображенiе которой приложено къ брошюрѣ Неуже-ли такъ-таки и не осталось объ этой иконѣ никакихъ записей, никакого преданiя? Икона несомнѣнно древняя: объ этомъ говоритъ ея темный ликъ и строгость стиля, на то-же указываетъ и богатая ея риза съ чуднымъ рисункомъ. Что въ особенности значитъ это поражающее съ перваго взгляда изображенiе на ней полумѣсяца? Судьба иконы не менѣе дорога и поучительна, какъ и судьба церкви, ее хранившей.

3) Не упомянуто вовсе объ учрежденной при церкви въ 1868 г. русской школѣ, существующей, вѣроятно, и теперь. Это было вновь водруженное знамя погребенной на *Чвартки* русской народности. Отъ этого, а не иного корня появлялись первые ростки возраждавшагося сознанiя русской народности. Такихъ фактовъ, если при томъ они на глазахъ, обходить молчанiемъ не слѣдовало-бы.

4) Снимокъ церкви сдѣланъ такъ, что впереди всей фигурой выступаетъ колокольня, а церкви совсѣмъ почти не видно.

Явленiе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событiями на Руси. В. Т. М-чъ Варшава. 1883 годъ.

И эта брошюра, какъ и предъидущая, есть изданiе холмскаго богородицкаго братства, и явилась она одновременно въ печати; но о ней нельзя сказать ничего того, что сказали мы о прежде разобранной. Автору названной теперь брошюры предстояло разсказать исторiю чудотворной иконы въ д. Лѣснѣ (сѣдлецкой губернiи, бѣльскаго уѣзда), составляющей предметъ спора между православными и католиками; но исторiи икона не имѣетъ, по крайней мѣрѣ эта исторiя очень немногосложна и до крайности запутана. По дѣйствительному положенiю относящихся къ ней фактическихъ данныхъ объ иконѣ нельзя было-бы составить брошюры, которая понадобилась холмскому братству въ его миссiонерскихъ цѣляхъ, или-же это дѣло потребовало-бы гораздо больше времени и

труда и заставило-бы говорить, кромѣ вѣковъ прошедшихъ, о временахъ недавнихъ, что не всегда бываетъ удобно. Не самъ собою, вѣроятно, авторъ и пришелъ къ мысли написать книжицу объ этой спорной иконѣ, а взялся можетъ быть только послужить, такъ сказать, *святымъ* цѣлямъ братства. Отсюда особая точка зрѣнiя, особые прiемы, особая постановка предмета, которыя дали названной брошюрѣ главный характеръ полемическiй, а не историческiй.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что въ концѣ XVII в., на Подлясьѣ, въ селѣ Буковичахъ, съ населенiемъ русскимъ и долго православнымъ (такимъ упоминается въ визитѣ 1595 г.), мѣстными пастухами, въ лѣсной чащѣ найдена была на вѣтвяхъ груши икона Божiей Матери, написанная на темно-красномъ камнѣ. Кто занесъ туда икону и зачѣмъ тамъ оставилъ, осталось, конечно, неизвѣстнымъ; но икона, какъ это всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, признана чудесно явившеюся, а потому и заслуживающею особаго почитанiя. Икона, понятно, была снята съ дерева и поставлена въ мѣстной буковичской церкви. Началось поклоненiе, стеченiе народа, а за ними потекли богатые доходы въ пользу церкви и мѣстнаго священника. Позавидовалъ этому ксендзъ Яницкiй, жившiй въ 2-хъ верстахъ отъ Буковичъ, въ м. Лѣснѣ, или Лешно, имѣнiи того-же помѣщика Михаловскаго. Борьба между католичествомъ и православiемъ была тогда въ полномъ разгарѣ. Помимо богатыхъ доходовъ отъ иконы, въ интересахъ пропаганды много значило, въ чьихъ рукахъ находится народная святыня. Не прошло и 3-хъ лѣтъ со времени обрѣтенiя иконы, какъ она очутилась въ Лѣснѣ и помѣщена въ новоотстроенномъ тамъ костелѣ. По обычаямъ и нравамъ того времени можно допускать, что ксендзъ выкралъ икону, ибо иначе нельзя объяснить перваго проявленнаго его чуда, именно—что ее несли ангелы изъ Буковичь въ Лѣсно—предъ разсвѣтомъ, что будто-бы видѣли трое изъ жителей этого села. Сообразительный ксендзъ завелъ книгу, пустилъ въ ходъ чудеса и за одно время своего настоятельства записалъ ихъ въ книгу 500, но чудо о перенесенiи иконы ангелами занесено уже спустя около 30 лѣтъ, когда перемерли очевидцы того, какъ икона взята была изъ Буковичъ въ Лѣсно. Но признать икону чудотворною, по постановленiю тридентскаго собора, могъ только епископъ, при томъ обслѣдовавъ ея чудеса. Ксендзъ усиленно хлопоталъ объ этомъ и только у третьяго епископа добился назначенiя коммисiи. Свидѣтелей явилось всего четыре, и въ числѣ ихъ помѣщица; показанiя ихъ о чудесахъ были смутны и сбивчивы, тѣмъ не менѣе составленъ былъ протоколъ 1700 г.,

24 ноября, и икона объявлена чудотворною. Такъ и осталась икона навсегда въ Лѣснѣ. Принадлежность ея латинянамъ не могла, по видимому, подвергаться сомнѣніямъ; но вышло одно странное обстоятельство: въ теченіи двухъ столѣтій ксендзамъ, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, не удалось установить время особаго чествованія этой иконы въ такіе дни, которые празднуются въ римской церкви, напротивъ и католики и уніаты до послѣдняго времени приходили сюда на богомолье въ дни праздниковъ восточной церкви, именно 8 сентбяря, въ Рождество Богородицы и 14 сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня. Въ 1752 г. лѣснянскій костелъ съ иконой перешелъ въ руки монаховъ-паулиновъ, которые, выстроивъ новый обширный костелъ, окружили чудотворный образъ новыми богатыми украшеніями и торжественными процессіями, соорудили громадныхъ размѣровъ органъ, игру котораго можно, говорятъ, было слышать на разстояніи 10-ти верстъ, и въ теченіи съ небольшимъ ста лѣтъ успѣли совратить все почти окружное православное и уніатское населеніе. Въ 1863 г. лѣсненскій паулинскій монастырь съ его русской иконой ревностно служилъ цѣлямъ возстанія: массы богомольцевъ, въ ихъ числѣ и русскіе, слушали здѣсь революціонные гимны и проповѣди, призывавшія къ бунту.—Правительство закрыло этотъ монастырь, оставивъ, какъ и въ другихъ, одного монаха для совершенія богослуженія. Въ періодъ очищенія уніатскаго обряда 1865—1875 г. бывшій монастырь сталъ опять мѣстомъ агитацій и возмущенія уніатскаго;—правительство обратило костелъ въ православную приходскую церковь, возвративъ по принадлежности несомнѣнно русскую древнюю икону, предметъ народнаго почитанія. Массы богомольцевъ не перестаютъ и теперь приходить къ ней на поклоненіе; но ни споровъ, ни призыва къ бунту уже нѣтъ.

Такова не длинная исторія лѣсненской иконы. Разойтись тутъ не на чемъ, по крайней мѣрѣ для обрисовки времени и мѣста иконы понадобилось-бы много напряженнаго и серьезнаго труда. Чтобы заполнить чѣмъ-нибудь иконную исторію, въ которой авторъ выставляетъ захватъ, насиліе, обманъ, онъ пристегнулъ къ ней два будто аналогичные разсказа, гдѣ также дѣйствуютъ захватъ, насиліе, обманъ. Это разсказъ о томъ, какъ въ XVI в. католическій ксендзъ г. Красностава, родственникъ православнаго холмскаго владыки Ивана Сосновскаго, Григорій Сосновскій совратилъ въ латинство своего племянника, и длинная повѣсть о злодѣяніяхъ Іоасафата Кунцевича, признаннаго у католиковъ и уніатовъ святымъ. Авторъ, очевидно, пожелалъ допечь латинянъ, не перестающихъ и теперь вредить православію въ Холмщинѣ и Подлясьѣ, охраненіе котораго приняло на себя холмское братсво; но допекать, такъ

ужъ за одно—разсказать побольше объ ихъ продѣлкахъ. Автора не смутило то, что гдѣ Холмъ, и гдѣ Витебскъ, и гдѣ Лѣсно; единство мѣста, времени, предмета въ сторону; благо вездѣ эта несносная латинопольская пропаганда, а ее облаять надо и всѣ ея коварства выставить. Пусть возсоединенные нами знаютъ, кого они слушались и за кѣмъ шли.

Понятно, что отъ этого брошюра не выиграла, а напротивъ проиграла, ибо одно спокойное и простое изложеніе исторической истины способно дѣйствовать на ту среду, которую облюбовало себѣ холмское братство. Тонъ брошюры страстный, даже непріятный, изложеніе неясное, отчасти спутанное, живости, увлекательности разсказа совсѣмъ нѣтъ, языкъ тяжелый, изобилующій иностранными терминами и вовсе не приспособленный къ пониманію простого народа, разсказъ перемѣшивается съ обличеніемъ и исторіи мѣстной мало, да и самые источники совсѣмъ не первой руки и даже не первой свѣжести. Словомъ: авторъ прогадалъ, и мы просто совѣтовали бы братству пересоставить и переиздать брошюру, которая, по основному сюжету, такъ пригодна для его цѣлей. Вѣдь братство въ свою очередь ведетъ пропаганду, хотя, быть можетъ, только охранительную, и оно обязано ее вести по своей задачѣ; но и пропаганду вести надо умѣючи. А это что? Ахъ вы, молъ, аршинники, арбузники, огуречники! А они, пожалуй, вамъ отвѣтятъ: а вы *kapustniaki*... И стыдно тогда будетъ.

Фратеркулюсъ.

Не судилось. Драма I. Старицкаго.

Украинскій альманахъ «Рада» удостоился уже въ «Кіевской Старинѣ» рецензіи Къ сожалѣнію, почтенный рецензентъ не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на помѣщенную тамъ драму: «Не судилось». Быть можетъ, это сдѣлалось по предубѣжденію къ автору, появлявшемуся въ печати съ такими произведеніями, которыя не возбуждаютъ сочувствія и не вызываютъ похвалъ. Мы такъ-же не принадлежимъ къ большинству почитателей г. Старицкаго и уже выражали неодобрительный отзывъ о его переводахъ и подражаніяхъ, которыми онъ думалъ знакомить на малорусскомъ нарѣчіи читателей съ произведеніями разныхъ знамени-

тостей европейскихъ литературъ; мы приписываемъ неудачу его слишкомъ первобытному состоянію языка малорусскаго, осужденнаго быть только языкомъ простонародія, а потому не доросшаго еще до возможности передавать на немъ умственныя работы, созданныя въ образованныхъ обществахъ. Теперь, по чистой совѣсти, не можемъ не признать новое самобытное произведеніе пера этого писателя однимъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ и достойныхъ вниманія явленій въ небогатой количествомъ книгъ малорусской литературѣ. Авторъ затронулъ самыя живыя струны современной общественной жизни, раскрылъ недугъ, чувствуемый повсюду въ наше время и изобразилъ его въ такихъ чертахъ, въ какихъ онъ проявляется въ современномъ малорусскомъ обществѣ. Это увлеченіе народностію, побуждающее молодыхъ интеллигентныхъ людей сближаться съ простонародіемъ. Такое стремленіе можетъ вести къ самымъ желательнымъ послѣдствіямъ и мы можемъ указать на благотворные плоды его въ трудахъ, касающихся этнографіи, археологіи, исторіи, филологіи и обработки языка; но у многихъ такое стремленіе, сталкиваясь съ противодѣйствующими жизненными условіями, совершенно не удается и порождаетъ явленія отрицательныя, иногда просто достойныя смѣха, а иногда и печальныя. Одно изъ такихъ нерѣдкихъ въ дѣйствительности явленій изобразилъ въ своей драмѣ г. Старицкій.

Молодой студентъ, только что окончившій университетскій курсъ, сынъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ, пріѣхавши въ родительское имѣніе и уже достаточно пропитанный духомъ народолюбія, сходится съ простонародіемъ, затѣваетъ учить сельскую молодежь, но съ разу уже видимо поддается лѣни и влюбляется въ дѣвушку изъ крестьянскаго званія. Она также любитъ его. Онъ намѣревается вступить съ нею въ бракъ, но колеблется, не имѣя столько воли, чтобъ стать въ упоръ съ предразсудками своихъ родителей; своимъ колебаніемъ и нерѣшительностію онъ доводитъ дѣвицу—предметъ своей страсти—до того, что она подвергается отъ его родителей и ихъ дворни поруганіямъ, потомъ въ припадкѣ тоски кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Кромѣ главныхъ лицъ—героя и героини драмы, здѣсь является родительница героя, развратница, прикрытая лоскомъ благовоспитанности, съ дворянскимъ званіемъ, но готовая подставить свою красоту каждому встрѣчному, лишь-бы этого не знали люди; родитель—помѣщикъ стараго закала, говорящій по украински не по любви къ народу, а по собственному невѣжеству, пентюхъ,

не имѣющій никакихъ другихъ идеаловъ, кромѣ сна и обжорства, но жадный ко всякаго рода прибыткамъ и потому находящійся въ тенетахъ у еврея; кузенъ родительницы, помѣщикъ иного закала, человѣкъ порядочный, разсудительный, свѣтски образованный, употребляющій въ разговорахъ французскія фразы, и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности пошлый; — противоположность ему составляетъ медикъ, товарищъ школьный героя драмы, характеръ честный, прямодушный, готовый всегда на добро; онъ отвергаетъ съ пренебреженіемъ ласки развратной матери своего пріятеля, и правильно понимаетъ всю безхарактерность и несостоятельность молодого человѣка. За этими, такъ сказать, лицами первой величины въ драмѣ являются лица второй величины — сестра героя драмы, дѣвочка — подростокъ, уже подъ вліяніемъ матери усвоивающая въ завязи ея пороки, гувернантка француженка, жалкое доброе существо, брошенное въ далекій чужой край, принужденное терпѣть оскорбительное обращеніе, не знающее никакого другаго языка, кромѣ своего природнаго, но съ достоинствомъ отвергающее ласки стараго чувственника, въ домѣ котораго пришлось ей проживать; — барская покоевка-крестьянка, набравшаяся въ господскомъ домѣ пошлаго чванства передъ сословіемъ, изъ котораго сама вышла, лакей — какъ лакей, пьяная, развратная баба, бывшая когда-то барскою полюбовницею и съ цинизмомъ хвастающая этимъ, мать героини драмы — горничная вдова, честная и суровая, типъ малороссійской старухи, сельскій молодецъ, влюбленный въ героиню драмы, пылкій, не сдержанный, страстная натура, способная на совершеніе преступленія въ пылу страсти. Всѣ эти лица изображены очень выпукло, съ явными чертами, свойственными какъ личности каждаго, такъ и средѣ, въ которой они вращаются. Всѣ они реальны и законченны. Языкъ во всей драмѣ правиленъ и рѣчь вездѣ соотвѣтствуетъ мыслямъ. Прочитавши эту драму, можно съ перваго разу замѣтить, что авторъ находился подъ вліяніемъ Шекспира: не даромъ онъ былъ переводчикомъ Гамлета. Это вліяніе не выразилось однако такъ, чтобъ на то или на другое мѣсто можно было указать, какъ на снимокъ того, что находится въ томъ или другомъ произведеніи Шекспира; рабскаго подражанія нѣтъ. Вліяніе Шекспира отразилось духомъ великаго англійскаго драматурга, проникающимъ всю пьесу, въ ея построеніи и сопоставленіи характеровъ. Мы не вмѣняемъ автору этой черты въ недостатокъ, и скорѣе можемъ неодобрительно отозваться о

финалѣ драмы, напоминающей разныя французскія мелодрамы. Героиня убиваетъ себя атрофиномъ, оставленнымъ медикомъ, лѣчившимъ глазную боль ея матери. Это намъ кажется искуственнымъ, и гораздо болѣе народенъ конецъ драмы Квитки: *«Щира любовь»*, по содержанію нѣсколько похожей на *«Не судилось»* г. Старицкаго, не смотря на сентиментальность, отъ которой не свободно это произведеніе харьковскаго драматурга, наравнѣ съ большею частію его произведеній.

Н. Костомаровъ.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЯРМАРКА.

(Корреспонденція „Кіев. Старины").

Мнѣ кажется, что я нисколько не выйду изъ общепринятыхъ для историческаго журнала рамокъ, избравъ для моей замѣтки форму корреспонденціи, а сюжетомъ оной взявъ такое явленіе народной жизни, которое представляетъ не одинъ этнографическій, но вмѣстѣ и историческій и, если хотите, отчасти даже археологическій интересъ.

Пришлось мнѣ быть нынѣшнимъ лѣтомъ въ разныхъ мѣстахъ полтавской губерніи, преимущественно въ лубенскомъ уѣздѣ. Много тамъ историческихъ достопримѣчательностей, многое о нихъ сказать-бы можно: я ограничусь одной изъ нихъ,—рѣдкой, чрезвычайной, просто даже безпримѣрной.

Если вы заговорите съ лубенскимъ обывателемъ о мѣстныхъ достопримѣчательностяхъ, то онъ прежде всего спроситъ васъ: а были вы въ „*Криницѣ?*" и получивъ отрицательный отвѣтъ, настоятельно станетъ совѣтовать вамъ отправиться туда „на десяту пятницю" и побывать на тамошней ярмаркѣ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я былъ въ „Криницѣ" въ означенное время, видѣлъ тамошнюю ярмарку и тѣ любопытные обряды, какими она сопровождается, и вынесъ убѣжденіе, что всякому, кто только интересуется изученіемъ народной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ, будетъ-ли онъ этнографъ, историкъ, даже музыкантъ,—всѣмъ имъ дѣйствительно стоитъ посѣтить „Криницу". Помню, лѣтъ восемь назадъ меня

очень заинтересовало коротенькое сообщеніе объ этой „Криницѣ“, слышанное мною въ одномъ изъ засѣданій блаженной памяти кіевскаго отдѣла географическаго общества и впослѣдствіи напечатанное во II т. его Записокъ. Въ настоящей замѣткѣ многое по необходимости явится лишь повтореніемъ однажды уже напечатаннаго, но я надѣюсь прибавить къ нему кое-что и новое.

Мѣстность, извѣстная подъ именемъ „Криницы“, находится въ долинѣ р. Удая, на правомъ его берегу, вблизи с. Біевецъ и въ 15-ти верстахъ отъ г. Лубенъ. Это—глубокая впадина, образующаяся изъ соединенія трехъ расходящихся по разнымъ направленіямъ овраговъ или балокъ. Съ трехъ сторонъ ее окружаютъ довольно высокіе холмы; изъ нихъ особенно красива восточная гора, имѣющая форму правильнаго конуса и увѣнчанная кудрявымъ лѣсомъ, переходящимъ по мѣрѣ спуска внизъ въ такъ называемый „чагарникъ“. У подошвы этой горы раскинулась довольно ровная луговая площадь, западная половина которой, понижаясь, образуетъ топкое мѣсто, поросшее осокою и другими болотными злаками. Здѣсь находится и самая „криница“, давшая названіе всей этой мѣстности, а на сухой и болѣе возвышенной части долины, у самой подошвы конусообразной горы, обыкновенно располагается ярмарка. Надъ криницей заботливый причетъ сосѣдняго села построилъ большую каплицу, куда на время ярмарки приносятся изъ церкви иконы, передъ которыми горитъ множество свѣчей.

Ярмарка, какъ сказано, собирается здѣсь „на десяту пятницю“, бывающую обыкновенно на 2-й недѣлѣ Петрова поста и продолжается не болѣе двухъ дней. Сама по себѣ ярмарка не представляетъ ничего особеннаго; это—одна изъ тѣхъ сельскихъ украинскихъ ярмарокъ, о которыхъ можно сказать словами украинской комедіи: „що Боже, ты мій Господы! чого нема на тімъ ярмарку: колеса, скло, дёготь, тютюнъ, ремінь, цыбуля, крамарі усякі“... Особеннаго развѣ лишь то, что ярмарка открывается водоосвященіемъ, совершаемымъ надъ крыницею, крестнымъ ходомъ между рядами „ятокъ“ и окропленіемъ св. водою людей и товаровъ, послѣ чего народъ весь день толпится у крыницы, почерпая воду, и въ короткое время взбалтываетъ ее до такой степени, что она буквально превращается въ жидкую грязь бураго цвѣта; тѣмъ не менѣе всѣ охотно пьютъ эту воду, въ увѣренности, что она облада-

етъ чудесными свойствами. Съ той-же поры въ каплицѣ начинается безпрерывное пѣніе молебновъ и акаѳистовъ, по заказамъ прибывшихъ на ярмарку крестьянъ. Для этой цѣли вблизи криницы устроены двѣ „ятки", въ нихъ продаются свѣчи и записываются имена „о здравіи". Записывающіе взимаютъ должную плату. Тутъ-же неподалеку раздается стройное и чрезвычайно оригинальное пѣніе: „Ой хто сей сонъ содержае, того Господь схороняе, одъ пожару соблюдае",—это поетъ хоръ, состоящій изъ слѣпыхъ женщинъ-нищихъ, замѣчательно спѣвшихся и распѣвающихъ духовные канты о снѣ Богородицы, двѣнадцати пятницахъ и т. под. Народъ густою толпою окружаетъ поющихъ и съ видимымъ удовольствіемъ заслушивается ихъ гармоническаго пѣнія. А со стороны ярмарки несутся громкія зазыванія торговцевъ и говоръ тысячной толпы, звонъ желѣза, мычаніе воловъ и лошадиное ржаніе. А тамъ, на самой вершинѣ горы и по ея скатамъ, расположились группами парубки и дивчата, и ярмарочный гамъ не въ состояніи заглушить ихъ звонкаго смѣха и веселыхъ пѣсней.

Такъ продолжается цѣлый день. Къ вечеру толпы молодежи прибываютъ, располагаются по уступамъ горы и скоро покрываютъ всѣ ея скаты. Пѣніе усиливается; поютъ мужскіе и женскіе хоры, и хотя слышатся еще разныя пѣсни, какъ и днемъ, но преобладающимъ мотивомъ становятся постепенно такъ называемыя „петрівчани пісні" или „петрівочки". При наступленіи сумерекъ ярмарочная толкотня понемногу улегается, торговцы прячутъ свои товары, «ятки» пустѣютъ и говоръ народа постепенно стихаетъ. Не слышно болѣе и «парубочихъ» хоровъ, но за то растутъ и крѣпнутъ женскіе голоса и мотивъ «петрівочокъ» окончательно наполняетъ долину и гулко отдается въ воздухѣ теплой іюньской ночи. Вотъ неподалеку отъ каплицы блеснули огоньки, стали быстро размножаться и разноситься въ разныя стороны. Одновременно и въ другихъ пунктахъ ярмарочной площади заблестѣли такіе же огоньки—и черезъ нѣсколько минутъ вся долина освѣтилась тысячами маленькихъ восковыхъ свѣчей. Свѣчи эти покупаются тутъ-же, въ каплицѣ, у церковнаго старосты, или приносятся изъ дому. Чтобы составить нѣкоторое понятіе о томъ, сколько расходуется на эту оригинальную иллюминацію свѣчей, достаточно сказать, что приходская церковь ежегодно продаетъ ихъ въ день ярмарки на сумму 250—300

рублей, не смотря на то, что весьма многіе приносятъ съ собою свѣчи домашняго приготовленія. Зажженныя свѣчи прикрѣпляются рѣшительно ко всему, къ чему только можно прилѣпить ихъ: къ возамъ, поднятымъ вверхъ оглоблямъ, къ воткнутымъ въ землю виламъ и граблямъ, а на скотной половинѣ ярмарки ихъ прилѣпляютъ даже къ рогамъ воловъ, коровъ и барановъ. Многіе приносятъ съ собою цѣлыя связки заостренныхъ палокъ, втыкаютъ ихъ рядами въ землю и лѣпятъ къ нимъ зажженныя свѣчи. Скоро такіе-же огоньки появляются на склонахъ горы, на растущихъ тамъ кустарникахъ, быстро перебѣгаютъ съ одного дерева на другое и наконецъ появляются на вѣтвяхъ стараго развѣсистаго дуба, растущаго на самой вершинѣ горы. Въ прежнее время, говорятъ, этотъ дубъ обязательно иллюминовался снизу до верху; и обязанность эта обыкновенно возлагалась на парубковъ; но при теперешней дороговизнѣ воска поневолѣ приходится поступиться старымъ обычаемъ, и въ нынѣшнемъ году все ограничилось тѣмъ, что какой-то смѣльчакъ ухитрился прикрѣпить толстую восковую свѣчу къ самой верхушкѣ завѣтнаго дуба, да на боковыхъ вѣтвяхъ слабо мерцало нѣсколько огоньковъ. Кромѣ того, у его подножія былъ разложенъ огонь и парубки время отъ времен высоко подбрасывали къ нему кучи пылавшей соломы, подъ звуки откуда-то появившагося здѣсь кларнета.

Въ это время на площади, между возами, водворяется полная тишина, проникнутая оттѣнкомъ какого-то торжественнаго и, какъ мнѣ казалось, почти религіознаго настроенія. Здѣсь оставались лишь старые да малые: одни молились на сонъ грядущи, другіе молча ужинали или укладывали подъ возами спящихъ дѣтей, третьи сосредоточенно слушали пѣніе. Я забылъ упомянуть, что самое зажиганіе свѣчей, сколько я видѣлъ, большею частью сопровождалось крестнымъ знаменіемъ, какъ-то бываетъ въ церкви, когда сельскій человѣкъ ставитъ свѣчу предъ иконой. Вообще вся ярмарка имѣла такой видъ, какъ будто-бы тамъ, на склонахъ горы пѣли не „дивчата“, а совершалось какое-то священнодѣйствіе. Самые эти хоры, группами расположенные по уступамъ горы, исполняли свое дѣло съ такимъ усердіемъ, серьезностью и столь сосредоточенно, что невольно напоминали церковные хоры въ моментъ богослуженія: ни шутокъ, ни смѣха, ни какихъ-либо шалостей нельзя было замѣтить

среди нихъ. Дѣвушки каждаго изъ сосѣднихъ селъ группировались въ отдѣльныя гурты и каждый гуртъ не щадилъ глотокъ, чтобы превзойти остальныхъ. Царствовавшая въ долинѣ тишина позволяла теперь явственно различать слова пѣнія:

Малая нічка петрівочка,
Не выспалася наша дівочка.
Всю нічъ не спала, та біль білила,
Та до теи белі говорила:
Беле-жъ моя, беле, тонка, біла!
Якъ піду я за милого,
То я тебе, беле, шановатиму,
У новую скрыню замыкатиму. и т. д. [1])

Въ тоже время изъ другой группы доносился безпрестанно повторяемый припѣвъ:

Білая березонька—парубки,
Червоная калинонька—дівоньки.

Каждая группа (а ихъ было до 20-ти) пѣла хотя и разныя слова, но однимъ и тѣмъ-же напѣвомъ и даже однимъ тономъ, только лишь не одновременно; къ тому-же каждый куплетъ заканчивался продолжительнымъ *fermatto*. Въ итогѣ, конечно, получалась дисгармонія; но среди нея то и дѣло прорывались такія чудныя (конечно, случайныя) гармоническія сочетанія, что смѣло можно рекомендовать ихъ вниманію всѣхъ любителей музыки, не говоря уже о записныхъ музыкантахъ и композиторахъ, которыхъ подобныя сочетанія несомнѣнно могли-бы вдохновить на что-нибудь необыкновенное. Я оставался на ярмаркѣ до 2-хъ часовъ ночи и все это время наслаждался чуднымъ, оригинальнымъ, какъ сама природа, и по истинѣ грандіознымъ пѣніемъ, подобнаго которому нельзя услышать нигдѣ въ цѣломъ мірѣ. Когда я оставлялъ ярмарку, иллюминація близилась уже къ концу:—то тамъ, то сямъ еще горѣли свѣчи; но пѣніе по прежнему лилось безпрерывно и въ голосахъ поющихъ все еще не было слышно признаковъ уста-

---

[1]) Текста этой «петрівки» я не нашелъ ни въ одномъ изъ доселѣ изданныхъ сборниковъ народныхъ украинскихъ пѣсень.

лости. Я слышалъ, будто такъ продолжалось до полнаго разсвѣта.

Пробывъ цѣлый день на ярмаркѣ и проживъ въ ближайшемъ селѣ еще нѣсколько дней, я старательно развѣдывалъ о томъ, какой смыслъ и значеніе имѣетъ все видѣнное мною у „Криницы", какъ объясняетъ его самъ народъ и какіе вообще существуютъ толки по этому предмету; но, къ сожалѣнію, узналъ немногое. Обращался я съ такими-же вопросами къ представителямъ мѣстной интеллигенціи, въ не маломъ числѣ ежегодно пріѣзжающихъ сюда изъ Лубенъ и другихъ мѣстъ посмотрѣть ярмарку, выпить и повеселиться; но они ничего не могли объяснить мнѣ, или-же сообщали свои личныя соображенія, до которыхъ они дошли собственнымъ умомъ. Одинъ изъ такихъ философовъ пресерьезно увѣрялъ меня, будто всѣ эти оригинальные обряды составляютъ не что иное, какъ остатокъ стариннаго языческаго празднества въ честь божества *Лада*, бога любви. „Вотъ увидите, вразумлялъ онъ меня: наступятъ сумерки, вездѣ зажгутся огни—и парни станутъ *„умыкать"* дѣвицъ въ ближайшіе кусты и фактически вступать съ ними въ браки; и повѣрьте, что народъ совсѣмъ не считаетъ этого грѣхомъ, во вниманіе къ древнему значенію праздника". Философъ былъ отчасти правъ: дѣйствительно, по наступленіи ночи можно было замѣтить нѣсколько случаевъ *умыканія* дѣвицъ—не въ кусты, а въ нарочито выстроенные для „господъ" курени; но только героями этихъ умыканій были исключительно пріѣзжіе изъ города веселые прожигатели жизни „панычи", всю ночь напролетъ кутившіе въ своихъ куреняхъ, а жертвами—прибывшія оттуда-же прелестныя, но падшія созданія; что-же касается молодежи изъ народа, то предсказаніе самоувѣреннаго философа, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось ничѣмъ незаслуженной клеветой.—Болѣе цѣнны тѣ немногія свѣдѣнія о „криницѣ" и ярмаркѣ, какія удалось мнѣ услышать изъ устъ мѣстныхъ простолюдиновъ. Прежде всего, на мой вопросъ: какъ давно существуетъ ярмарка въ „криницѣ" и всегда-ли она сопровождалась такими-же обрядами?—большею частью получался отвѣтъ, что теперешніе старики слыхали въ дѣтствѣ отъ своихъ дѣдовъ, что и за ихъ памяти ярмарка всегда существовала и съ тѣми-же обрядами, что и нынѣ. О происхожденіи-же самой криницы разсказываютъ слѣдующее: когда-то на томъ

мѣстѣ, гдѣ собирается теперь ярмарка, на лугу одинъ человѣкъ косилъ траву. Вдругъ, откуда ни возьмись, подходитъ къ нему сама „свята *пятниця*“, въ образѣ бѣдной женщины, и спрашиваетъ: „скажи, будь-ласкавъ, дядьку: де-бъ тутъ мені сісти одпочинути?“ Косарь былъ не въ духѣ и, указывая на болото, сердито буркнулъ странницѣ: „сідай, коли хочъ, оттамъ!“ Странница, поблагодаривъ его за совѣтъ, такъ и сдѣлала: вошла въ болото, сѣла въ немъ и вдругъ сдѣлалась невидимой. Заинтересованный ея исчезновеніемъ, косарь подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ только-что сидѣла женщина, и увидѣлъ, что тамъ появилась криница, хотя до того времени ея тамъ никогда не было.—Но вопросъ-же о томъ, что означаетъ зажиганіе огней, пѣніе обрядовыхъ пѣсней, отъ всѣхъ получался одинъ отвѣтъ: „не знаемо; не за насъ це стало; а робимо, якъ и батьки наші робили“. Впрочемъ, относительно пѣнія одинъ парубокъ сообщилъ мнѣ слѣдующій не лишенный интереса эпизодъ. Въ прошломъ году, по наступленіи ночи, когда вся долина засвѣтилась огнями и огласилась пѣніемъ „дівчатъ“, онъ замѣтилъ, что у самой подошвы горы усѣлись нѣсколько старыхъ-престарыхъ бабъ, воткнули предъ собою рядъ палокъ съ зажженными свѣчами и старческими голосами стали „затынать петрівочки“. Парубокъ разсмѣялся ихъ пѣнію и спросилъ: что это вамъ, старымъ бабамъ, вздумалось пѣть?—„И ради-бъ мы не співати, такъ коли-жъ сегодня такъ годиться: *десята-пятныця* приказуе співати ій петрівочки“. Этотъ отвѣтъ, въ связи съ легендою о происхожденіи криницы и урочнымъ днемъ, въ который ярмарка собирается, даетъ основаніе сдѣлать предположеніе, не имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣла съ остатками стариннаго народнаго чествованія *св. пятницы*, которая и въ другихъ случаяхъ несомнѣнно олицетворяется народомъ (есть даже молитвы, обращенныя „до матінки пятінки“) и быть можетъ скрываетъ за собою какое либо древнее, до-христіанское народное божество. Вѣдь и самый праздникъ „десятой пятницы“, повсемѣстно чтимый въ Малороссіи, не имѣетъ никакого основанія въ церковномъ календарѣ. Очевидно, что въ честь этого божества когда-то всю ночь жгли огни и пѣли нарочитыя пѣсни, что безотчетно дѣлается и понынѣ. Что-же касается чествованія *криницы*, то по всему можно заключить, что въ данномъ случаѣ это—мотивъ второстепенный и побочный: криницу

чествуютъ потому, что она обязана своимъ происхожденіемъ чудесному дѣйствію св. пятницы. Что это такъ, можно заключать по слѣдующему соображенію. Въ лубенскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, есть много такъ называемыхъ „святыхъ“ криницъ, чтимыхъ народомъ *постоянно;* такова, напр., ближайшая къ данной мѣстности криница въ с. Гонцахъ, куда народъ въ теченіе *всего* года приходитъ служить молебны, пить воду и исцѣляться отъ недуговъ своихъ. Но та криница, о которой мы ведемъ рѣчь, цѣлый годъ находится въ полномъ пренебреженіи, и только одинъ разъ въ году, именно—въ день ярмарки, „на десяту пятницю“, надъ ней зажигаютъ свѣчи, торжественно освящаютъ воду и приписываютъ ей разныя цѣлебныя свойства. Наконецъ, что касается происхожденія ярмарки, то дѣло извѣстное, что тамъ, гдѣ бываетъ стеченіе народа по какому-бы то ни было поводу, всегда возникаютъ сначала базары, а затѣмъ и ярмарки, какъ то можно наблюдать и теперь повсемѣстно, напр., въ дни празднованій мѣстныхъ чудотворныхъ иконъ, въ храмовые праздники и т. п.

Нельзя умолчать еще объ одномъ интересномъ обычаѣ, который, впрочемъ, теперь уже не практикуется. У подошвы конусообразной горы растутъ четыре старыхъ липы, подъ тѣнистыми вѣтвями которыхъ прежде творился народный самосудъ. Чуть бывало кто „прокрадется“ на ярмаркѣ, т. е. стащитъ что-либо у зазѣвавшагося „крамаря“, такого немедленно ведутъ къ одной изъ этихъ липъ и привязываютъ къ ней на цѣлый день, а на шею цѣпляютъ похищенный предметъ. Случалось и такъ, что при семъ удобномъ случаѣ „громада“ какого-либо села начинаетъ припоминать, кто изъ ихъ односельчанъ въ теченіе года былъ особенно неразборчивъ въ своемъ и чужомъ; такого тоже выставляли на публичный позоръ подъ липами. Но съ тѣхъ поръ, какъ на ярмарку стали ежегодно пріѣзжать урядники, становые пристава и даже самъ уѣздный исправникъ, подобные акты суда народнаго признаны были незаконными и подверглись преслѣдованію.

Въ заключеніе—анекдотъ объ одномъ не въ мѣру ревнивомъ администраторѣ. Пріѣхалъ однажды такой администраторъ въ „Криницу“ на ярмарку, увидѣлъ, вѣроятно, нѣсколько случаевъ того „умыканія“ дѣвицъ, о которомъ мы упоминали, и не разоб-

равъ, кто правъ, а кто виноватъ, бухъ высшему начальству представленіе о необходимости закрытія ярмарки, дабы положить предѣлъ яко-бы народному разврату. Къ счастью, объ этомъ своевременно провѣдали мѣстные земцы, съѣздили къ высшему начальству, опровергли донесеніе легкомысленнаго администратора, выставили на видъ соображенія о вѣковой давности ярмарки и ея своеобразныхъ обычаевъ, о привязанности къ ней народа и т. под., и тѣмъ успѣли спасти ее отъ грозившей опасности закрытія. Честь и хвала людямъ, спасшимъ это древнее и крайне оригинальное учрежденіе! Они были совершенно правы, когда утверждали, что закрытіе ярмарки было-бы безцѣльнымъ и грубымъ нарушеніемъ вѣковаго народнаго обычая, отнятіемъ у народа прекраснаго и вмѣстѣ невиннѣйшаго и любимаго имъ развлеченія. Дѣйствительно, мѣстное населеніе любитъ и даже какъ-бы гордится своею ярмаркою: когда я выражалъ крестьянамъ удовольствіе по поводу всего видѣннаго на ярмаркѣ, мнѣ говорили съ видомъ нескрываемаго удовольствія: „ніде правды діти—такого ярмарку, якъ у насъ, мабуть ёго і на цілимъ світі нема!“

О. Левицкій.

ШПИТАЛЬ ВЪ М. БОРОМЛѢ.

Въ первой половинѣ XVII ст. малоруссы цѣлыми толпами переходили изъ Кіевщины въ просторныя и плодородныя земли по верхней Ворсклѣ, Пслу и сѣверному Донцу. По Удаю, Мерлу, Боромлѣ, Коломаку, Осколу, Айдару и другимъ притокамъ Ворсклы и Сѣвернаго Донца возникли многочисленные украинскіе поселки, хутора и города. Въ новыя мѣста своего жительства малоруссы внесли заднѣпровскіе общественные порядки, украинскія гражданскія начала. Въ правобережной Украинѣ, въ Кіевѣ, Луцкѣ, Брестѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, были церковныя братства со школами и шпиталями, или пріютами для нищихъ. Учрежденія эти были перенесены и въ Слободскую Украину. Самое раннее документальное свидѣтельство о церковномъ братствѣ въ Слободской Украинѣ относится къ 1700 году. Въ документахъ Куряжскаго монастыря подъ 1700 г. упоминается братство при харьковскомъ соборѣ. Первое документальное упоминаніе о слободско-украин-

скомъ шпиталѣ относится къ 1704 г. Въ этомъ году священникъ Андрусскій сдѣлалъ запись о существованіи въ с. Сѣнномъ, богодуховскаго уѣзда, шпиталя для „убогихъ сиротъ". Въ церковной переписи 1732 г. перечисляются шпитали въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Харьковѣ два, въ Сумахъ два и по одному въ г. Валкахъ, въ с. Рогозянкѣ харьковскаго уѣзда, въ с. Деркачахъ того-же уѣзда, въ с. Прорубѣ сумскаго уѣзда, въ с. Бѣлопольѣ зміевскаго уѣзда, въ с. Бишкинѣ лебединскаго уѣзда, въ с. Межиричахъ того-же уѣзда, въ Шелудковкѣ сумскаго уѣзда и въ с. Левковкѣ изюмскаго уѣзда [1]). Всѣ шпитали были при церквахъ; такъ харьковскіе шпитали при соборѣ и троицкой церкви, сумскіе при покровской и при троицкой церкви, деркачевскій при николаевской церкви и т. д.

Въ церковной описи 1732 г. братскія школы упоминаются гораздо чаще, чѣмъ братскіе шпитали. Повидимому, шпитали уже въ это время находились въ упадкѣ, въ слѣдствіе упадка самихъ церковныхъ братствъ старожитнаго украинскаго характера. Неизвѣстно, какіе порядки господствовали въ слободско-украинскихъ шпиталяхъ. Сохранилась одна любопытная отмѣтка: евангеліе львовскаго изданія 1636 г. было куплено старостой и братіей бѣлопольскаго шпиталя и, впослѣдствіи, когда шпиталь былъ закрытъ и на его мѣстѣ поставлена сторожка, перешло въ бѣлопольскій преображенскій храмъ [2]). Изъ этой оброненной мимоходомъ замѣтки въ старинной церковной описи можно вывести то заключеніе, что въ Слободской Украйнѣ, какъ ранѣе въ Украйнѣ правобережной, шпиталь представлялъ своеобразную нищенскую общину, исполнителемъ воли которой былъ выборный староста.

Любопытнымъ и чуть-ли не единственнымъ остаткомъ старинной народной филантропіи въ Слободской Украйнѣ представляется шпиталь, находящійся съ слободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда харьковской губерніи.

Боромля возникла въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVII ст. Въ старинное время это было торговое мѣстетко, называвшееся городомъ, съ 4 большими ярмарками, съ духовнымъ правленіемъ,

---

[1]) Арх. Филаретъ, Истор.-стат. Опис. харьк. епарх. II. 44, 45, 140; III. 296, 303, 419, 430, 465, 503, 513; IV. 156; V. 91.

[2]) Ibid., III. 419.

или протопопіей, съ 6 церквами и нѣсколькими дьячковскими школами. Въ настоящее время въ Боромлѣ болѣе 5 тыс. жителей, почтовая контора, камера мироваго судьи, земскій врачъ, земская больница, образцовое двухъ-классное училище съ 5 наставниками, помѣщающееся въ прекрасномъ двухъ-этажномъ каменномъ зданіи. Боромлянцы сохранили свой старинный украинскій характеръ въ языкѣ, повѣрьяхъ, нравахъ, одеждѣ, постройкахъ.

Архіепископъ Филаретъ въ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, представляющемъ капитальное изслѣдованіе и драгоцѣнный сборникъ матеріаловъ по Слободско-Украинской исторіи, не упоминаетъ о боромлянскомъ шпиталѣ. Шпиталь, однако, въ его время несомнѣнно существовалъ. Боромлянскіе священники, доставлявшіе матеріалъ для „Историко-статистическаго описанія,“ умолчали о шпиталѣ на томъ основаніи, что онъ во время архіеп. Филарета не имѣлъ уже связи съ церковью, не получалъ отъ нея пособія и не зависѣлъ отъ нея. Боромлянскіе старожилы начало шпиталя возводятъ въ незапамятную для нихъ старину.

О существованіи боромлянскаго шпиталя за послѣдніе тридцать лѣтъ, о его скромной исторіи за это время намъ сообщилъ настоящій шпитальный староста Трофимъ Перетятько, полуслѣпой, восьмидесятилѣтній старикъ. Болѣе двадцати лѣтъ назадъ волостное начальство помѣстило его въ шпиталь. Какъ староста, Перетятько возстановляетъ порядокъ среди склонныхъ къ ссорѣ нищихъ, сообщаетъ волостному начальству о нуждахъ шпиталя, собираетъ по слободѣ хлѣбъ для больныхъ и немощныхъ шпитальныхъ нищихъ, хоронитъ умершихъ въ шпиталѣ.

Лѣтъ тридцать назадъ шпиталь находился въ самомъ бойкомъ мѣстѣ слободы, вблизи базарной площади. Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ нашелъ неприличнымъ и нечистоплотнымъ помѣщеніе шпиталя въ центрѣ слободы, и шпиталь былъ перенесенъ на конецъ слободы, къ царинѣ. Въ настоящее время онъ занимаетъ послѣднюю хату по большому ахтырскому шляху. Хата старая и мрачная. Потолочныя доски (стелины) начинаютъ падать.

Сколько Перетятько въ состояніи припомнить, шпиталь не получалъ отъ церкви пособія. Священникъ николаевской церкви, вблизи которой въ настоящее время находится шпиталь, подъ праздники Рождества Христова и Пасхи заходитъ въ шпиталь съ мо-

литвой и приноситъ нѣсколько хлѣбовъ въ милостыню. Умершихъ въ шпиталѣ нищихъ священникъ хоронитъ безплатно. Взымается только 15 коп. за вѣнчикъ.

Шпиталь зависитъ отъ волостнаго правленія и получаетъ отъ него скудное пособіе. Волостное начальство даетъ шпиталю хату, отпускаетъ дрова въ зимнее время, выдаетъ доски на гробъ для умершаго въ шпиталѣ и посылаетъ людей хоронить его.

Мѣстная администрація въ лицѣ становаго пристава недавно оказала косвенную поддержку шпиталю, воспретивъ захожимъ изъ другихъ селъ нищимъ просить милостыню въ Боромлѣ.

Зимою 1883 года въ шпиталѣ было 12 человѣкъ, большею частью женщины. Дѣтей въ шпиталѣ не бываетъ. Какъ-то была помѣщена въ шпиталѣ идіотка съ груднымъ ребенкомъ, дѣвочкой. Шпитальные нищіе выростили и выкормили. Теперь дѣвочкѣ 6 лѣтъ. Шпитальные нищіе никакихъ ремеслъ не знаютъ. Кобзарей между ними нѣтъ и не было. Тѣ кобзари, которые во время ярмарокъ посѣщаютъ Боромлю, въ шпиталь не заходятъ. Въ лѣтнее время въ шпиталѣ остается двѣ-три больныхъ старухи. Нищія женщины расходятся по селамъ, а старухи сидятъ у царины въ куреняхъ сторожами и оберегаютъ засѣянное озимымъ хлѣбомъ общественное поле отъ скота.

Н. Сумцовъ.

Харьковъ.

БРАТСТВА И СОЮЗЫ НИЩИХЪ.

Въ статьѣ моей „Шпитали въ Малороссіи“ указаны историческіе факты относительно существованія въ старину въ западной и южной Руси братствъ или цеховъ нищихъ. Но тамъ приведены лишь отривочныя извѣстія, которыя хотя подтверждаютъ дѣйствительность существованія цеховъ нищихъ, но не даютъ яснаго понятія объ этихъ нищенскихъ организаціяхъ. При чтеніи-же названной статьи въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ были сдѣланы мнѣ два указанія относительно этого предмета: членъ общества А. С. Лебедевъ указалъ на замѣтку о нищенскихъ цехахъ, перепечатанную Московскими Церковными Вѣдомостями [1])

[1]) 1880 г., № 37.

изъ Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, членъ общества М. Д. Линда сообщилъ слышанное имъ отъ одного старика нищаго преданіе объ обширной организаціи, обхватывавшей всѣхъ нищихъ Украйны. Приводимъ здѣсь то и другое сообщеніе, какъ прекрасно иллюстрирующіе переданные мною отрывочные факты.

Въ Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатаны свѣдѣнія объ организаціи нищенства въ мѣстечкѣ Семежовѣ и его окрестностяхъ (слуцкаго уѣзда, минской губерніи). Всѣ нищіе этой мѣстности на довольно далекомъ окружномъ пространствѣ составляютъ совершенно правильно-организованную общину, подъ названіемъ *нищенскаго цеха*, съ выборнымъ изъ среды себя особымъ начальникомъ, съ званіемъ нищенскаго *цехмистра*, съ особыми правилами и обычаями и съ особымъ нищенскимъ языкомъ. Главнѣйшіе обычаи и правила, соблюдаемые членами нищенскаго цеха слѣдующіе: каждый членъ именуется *товарищемъ*. Для вступленія въ цехъ обязательно соблюденіе нѣкоторыхъ условій. Прежде всего всякій, имѣющій право на нищенство, т. е. имѣющій какіе нибудь тѣлесные недостатки и увѣчья, обязанъ пробыть извѣстное время ученикомъ у нищаго-товарища, при чемъ онъ вписывается въ особую тетрадь и обязывается вносить въ цеховую братскую кружку опредѣленную плату. Срокъ ученія обыкновенно 6-ти лѣтній и плата 60 коп; но желающіе могутъ сократить этотъ срокъ, тогда возвышается и *вписовая* плата иногда до 8 руб. въ годъ. Переименованіе ученика въ товарища совершается съ особою церемоніей. Ученикъ приводится въ собраніе нищихъ. Послѣ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, цехмистеръ экзаменуетъ ученика въ знаніи молитвъ, нищенскихъ кантовъ и нищенскаго языка; затѣмъ ученикъ обязанъ поклониться и поцѣловать руку каждому присутствующему въ собраніи товарищу нищему и уже тогда получаетъ право именоваться такимъ-же товарищемъ. Въ заключеніе дѣлается угощеніе на счетъ новичка и здѣсь онъ въ первый разъ садится рядомъ съ другими. Нищенскій цехмистеръ избирается на неопредѣленное время и большею частію изъ слѣпыхъ нищихъ; онъ собираетъ цехъ для нужныхъ дѣлъ и для наказанія, между прочимъ, виновныхъ. Наказанія виновныхъ сосоятъ большею частью въ покупкѣ воска (для братской свѣчи), но въ прежнія времена практиковалось и тѣлесное наказаніе. Но самымъ большимъ и позорнымъ наказаніемъ считается обрѣзываніе *торбы*, т. е. нищенской сумы; этимъ обрядомъ виновный лишается права на

нищенство. Для храненія и расхода цеховыхъ суммъ избирается ключникъ. Собранія нищихъ бываютъ экстренныя и ежегодныя. Послѣднія пріурочены къ опредѣленному дню—понедѣльнику первой недѣли великаго поста, или Троицыну дню. Въ этотъ день становится въ церкви новая братская свѣча. Вообще цеховыя нищенскія суммы расходуются большею частію на церковныя потребности, и теперь лучшее облаченіе въ Семежовской церкви устроено на средства нищихъ. На обязанности нищихъ лежитъ также наблюденіе за чистотою церковнаго погоста и вообще содержаніе церковнаго зданія въ чистотѣ. У нищихъ свой особый языкъ, который они стараются держать въ секретѣ отъ постороннихъ.

Вотъ что сообщилъ М. Д. Линда изъ своихъ воспоминаній о старикѣ нищемъ, передавшемъ ему разсказъ о союзахъ нищихъ. „Въ 70-хъ годахъ еще жилъ въ Харьковѣ на Холодной Горѣ, въ собственной хатѣ, старикъ козакъ Хома Семененко, которому въ началѣ моего знакомства съ нимъ было 102 года; знакомство-же продолжалось около 3—4 лѣтъ. Когда онъ умеръ, не знаю; знаю только, что около полугода до смерти онъ не выходилъ уже изъ хаты въ городъ по слабости; кормили-же его другіе нищіе, удѣлявшіе ему изъ напрошеннаго по старой памяти товарищества. Онъ происходилъ изъ довольно зажиточной козацкой семьи, отличавшейся крѣпостью физическихъ силъ и крутымъ козацкимъ нравомъ ея членовъ. На холодногорскомъ кладбищѣ еще недавно стояли кресты на могилахъ его братьевъ, умершихъ въ очень преклонныхъ лѣтахъ. Самъ Хома былъ уже *безріднымъ*, т. е. никого уже не было въ живыхъ изъ его рода. По бѣдности онъ ходилъ за подаяніемъ въ городъ, преимущественно по дворамъ конторской улицы. Речитативомъ произносилъ свои *вирши* или *думки*, за что ему радушно отпускалось подаяніе. Если случалось, что ему давали—по его мнѣнію—много, то онъ роздавалъ напрошенное дѣтямъ, или даже и взрослымъ, при чемъ приговаривалъ: „старечого хліба — соли не цурайся: вінъ Христа ради напроханый, святый“. Чаще всего онъ, послѣ обхода дворовъ, усаживался на берегу рѣки Лопани, вблизи Конторскаго переулка, собиралъ вокругъ себя дѣтей и взрослыхъ и что-нибудь имъ разсказывалъ о старинѣ или распѣвалъ свои пѣсни, между которыми попадались и козацкія думы. Между разными разсказами о прошлыхъ временахъ я помню одинъ и о прежней жизни нищихъ. Когда онъ еще

не старцювавъ, у нищихъ были свои ватаги и свои *отаманы*, свои *соцьки* и *десяцьки*, *чоловічи* и *жиночи*. Эти лица выбирались на весеннемъ сходѣ нищихъ, который чаще всего бывалъ между Переяславомъ и Кіевомъ, у Броваровъ, подъ лѣсомъ. Послѣ выборовъ происходилъ судъ надъ виновными, потомъ назначалось приданое для тѣхъ, кто выходилъ замужъ или женился и особенно для тѣхъ, кто, побрачившись, уходилъ въ міръ, т. е. выбывалъ изъ нищенства. Эти собранія происходили около весенняго Николая. Другія собранія назначались около 1-го или 2-го Спаса тамъ-же. Независимо отъ указанныхъ были еще собранія нищихъ возлѣ Курска, во время ярмарки. Но что было на этихъ собраніяхъ, не помню. Изъ разныхъ эпизодовъ нищенской жизни, переданныхъ Хомою, яснѣе всѣхъ помню слѣдующій. Разъ, къ такой ватагѣ, покончившей уже всѣ свои суды и распорядки, и собравшейся попировать, подъѣхалъ козакъ, поздоровался, пожелалъ нищимъ Божью помочь и кинулъ имъ нѣсколько грошей. Нищіе, ничего не опасаясь, провели его въ средину табора, гдѣ сложены были на ряднахъ цѣлыя горы и столбцы рзныхъ *пряженыхъ*, *смаженыхъ* и т. д. печеній, между которыми былъ и *стовпець коржей зъ чоловіка заввышки*. Козакъ, подъѣхавши къ этому мѣсту, выпивши *добру чарчину горилки*, *подякувавши старцямъ*, вдругъ со всего размаха ткнулъ пикою въ стовпець коржей, прокололъ его до низу, поднялъ въ верхъ и, какъ стрѣла, бросился вонъ изъ табора. Нищіе, числомъ тысячь до трехъ, бросились догонять его и обнаружили такую быстроту, что козакъ только съ величайшимъ трудомъ успѣлъ убѣжать и унести всѣ коржи. Разсказчикъ добавлялъ: „якъ-бы піймали, то-бъ розирвали на шматки“. Къ переданному г. Линда прибавилъ еще слѣдующее. „Изъ конца 50-хъ годовъ я помню въ подольской губерніи ватаги нищихъ, ходившихъ щедровать и колядовать. Эти ватаги составлялись или изъ малороссовъ, или изъ мазуровъ. Послѣдніе ходили съ колокольчикомъ и иногда входили и въ дома. Православные рѣдко подходили къ домамъ католиковъ. Католики же не различали своихъ отъ чужихъ и даже подходили къ окнамъ православнаго причта. Въ той-же подольской и херсонской губерніяхъ (на границѣ съ подольскою и кіевскою) во время храмовыхъ праздниковъ устраивалось угощеніе и для нищихъ. Общимъ угощеніемъ завѣдывали священникъ и староста, а нищенскимъ

только *братчики*, т. е. составившіе между собою на срокъ, или на всегда, нѣчто въ родѣ побратимства и посестримства. Братчики даже не участвовали сами въ общемъ пиршествѣ, а только угощали нищихъ и уже по окончаніи угощенія трапезовали и сами. При поминкахъ варились въ отдѣльныхъ котлахъ или горшкахъ стравы для нищихъ, изъ того-же самаго матеріала, какъ и для всѣхъ не нищихъ.

Приведенные факты даютъ чрезвычайно интересныя указанія съ одной стороны на характеръ и частности въ устройствѣ цеховъ нищихъ, съ другой стороны на общую организацію, обхватывавшую всѣхъ нищихъ нашего юга, въ которую входили нищенскіе цехи, какъ составные элементы. Не считаемъ здѣсь умѣстнымъ долго останавливаться на приведенныхъ фактахъ, такъ какъ объ этомъ будемъ говорить въ статьѣ о цехахъ вообще, а скажемъ лишь, что нищенскія братства какъ въ существенныхъ чертахъ, такъ и въ деталяхъ почти не отличались отъ обыкновенныхъ сельскихъ ремесленныхъ цеховъ. Какъ на спеціально нищенскія обыкновенія можно указать развѣ на цѣлованіе рукъ всѣмъ нищимъ со стороны вступающаго въ цехъ, на обрѣзываніе, въ видѣ наказанія, нищенской *торбы*, или существованіе спеціально нищенскаго языка. Для тѣхъ, кто, въ виду теперешнихъ стѣсненій, претерпѣваемыхъ нищими (мы разумѣемъ запрещеніе нищимъ выходить изъ предѣловъ своей волости, разбиваніе кобзъ у бандуристовъ и т. п.), усумнился-бы въ возможности существованія и въ прежнее время общей для всѣхъ нищихъ организаціи, въ видѣ обширнаго союза, укажемъ на аналогическій фактъ изъ давняго прошлаго. Всѣ цыгане, жившіе въ Малороссіи, не смотря на ихъ кочевую жизнь, представляли нѣчто цѣлое. У всѣхъ ихъ былъ одинъ старшій, который назывался атаманомъ (въ польскихъ областяхъ такой атаманъ назывался цыганскимъ королемъ). Онъ, между прочимъ, бралъ на откупъ денежные сборы съ цыганъ и взималъ ихъ съ каждаго лица въ отдѣльности. Уже для выполненія одной этой функціи нужно предположить прочную организацію всего цыганства [1]. Если оффиціально была допускаема общая организація для всѣхъ цыганъ, то нѣтъ сомнѣнія, что, при тогдашнихъ соціальныхъ порядкахъ, могъ

---

[1]) Дневныя записки Якова Марковича, ч. 1-я, стр. 44, подъ 1724 годомъ.

быть допущенъ и общій союзъ нищихъ. Въ заключеніе сообщимъ, что по настоящему предмету, т. е. о нищенствѣ въ южной Руси. есть отдѣльная статья Крашевскаго, подъ названіемъ. „Нищіе въ древней Польшѣ и Украйнѣ"; но она въ настоящее время недоступна для читателей, такъ какъ помѣщена въ газетѣ „Сѣверная Пчела" за 1846 годъ (№ 123).

П. Ефименко.

ГЕТМАНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ.

Намъ досталась рукопись начала XVIII ст., дающая понятіе о томъ, каково было представительство малороссійскаго гетмана при русскомъ дворѣ, т. е. какъ велика бывала свита гетмана и изъ кого она состояла, во что обходился пріемъ этого именитаго гостя, какое давалось ему и его свитѣ довольствіе и какіе получали они подарки отъ двора при своемъ отъѣздѣ. Гетманъ, не смотря на то, что давно уже былъ однимъ изъ подданныхъ царя, не имѣлъ въ числѣ ихъ равнаго себѣ, состоялъ по крайней мѣрѣ въ особомъ, исключительномъ положеніи, служилъ представителемъ и повелителемъ обширной страны, пользовался большими прерогативами власти и суда, какъ ни ограничивало ее царское самодержавіе. Понятно, что онъ долженъ былъ являться ко двору съ нѣкоторою помпою, которая служила-бы внѣшнимъ знакомъ его высокаго, исключительнаго положенія; дворъ долженъ былъ при пріемѣ поддерживать это внѣшнее его достоинство, а при отъѣздѣ отдаривать гетмана и его свиту, такъ какъ и они прибывали не съ пустыми руками. Это притомъ было въ нравахъ того времени. И вообще пріѣздъ гетмана напоминаетъ во многомъ продолжающееся и доселѣ прибытіе ко двору повелителей разныхъ народовъ, отъ времени до времени подчиняемыхъ такъ или иначе. Тутъ обыкновенно ихъ чествуютъ, угощаютъ, величаютъ и ласкаютъ, пока постепенно не войдутъ они въ разрядъ обыкновенныхъ подданныхъ. Стушевались мало по малу и гетманы и самое достоинство ихъ упразднено. Кириллъ Разумовскій былъ уже въ полномъ смыслѣ чиновникъ, хотя и съ огромнымъ содержаніемъ. Намъ любопытны даже мелкія,

внѣшнія черты гетманскаго достоинства; прослѣдимъ ихъ и теперь по имѣющейся у насъ рукописи.

Рукопись озаглавлена такъ: „*Выписка о жалованьи господину гетману, генеральнѣй старшинѣ, полковникамъ и другимъ чинамъ, по чему при пріѣздѣ и на отпускѣ давано*". Свѣдѣнія объ этомъ со многими подраздѣленіями представлены въ формѣ вѣдомости, неудобной для печатанія въ томъ-же самомъ видѣ и размѣрѣ. Мы дадимъ имъ лишь другую группировку, сохранивъ ихъ точность и полноту.

Вѣдомость даетъ свѣдѣнія по указанному предмету за 1700, 1703 и 1705 гг. Это годы гетманства Мазепы. Хитроумный Мазепа, вращавшійся во многихъ сферахъ, умѣлъ поддерживать свое достоинство даже при грозномъ Петрѣ, улещивая его самыми сладкими и униженными письмами и рѣчами; въ тоже время онъ не скупился на подарки царскимъ приближеннымъ и самому царю. Вотъ что давалось и жаловалось ему и его свитѣ во всѣ три пріѣзда, каждому противу его чина, или кто чего достоинъ. Дача состояла въ „поденномъ корму, питіи и иномъ".

1) И такъ жаловалось на каждый день: денегъ 1 рубль, вина двойнаго 8 чарокъ, меду варенаго полъ ведра, меду бѣлаго ведро, пива 2 ведра и конскаго корму на 20 лошадей, считая по 10 ф. на лошадь на сутки; кромѣ того при отъѣздѣ пожаловало ему въ 1700 году: кафтанъ венгерской, бархатной, исподъ соболей, пластинчатой, съ пугвицѣ золотыми, съ изумрудами и яхонтами, въ 757 рублевъ, въ 1703 году: матерія золотная въ 102 р., мѣхъ соболій въ 700 р., сорокъ въ 280 р., сорокъ въ 250 р., сорокъ въ 80 р. и 2 пары по 30 р., всего на 1472 р.; въ 1705 году: собольми вмѣсто матеріи золотной, и мѣха соболья, и паръ на 875 рублевъ.

2) Генеральной старшинѣ, именно: генеральному писарю Савичу, бунчужному Лизогубу и полковникамъ черниговскому и гадяцкому— по 5 алтынъ, по 5 чарокъ двойнаго вина и по 3 кружки меду варенаго и пива, а конского корму —первому на 12 лошадей, второму на 5, третьему на 27, четвертому на 12 и пятому на 22; сверхъ того при отпускѣ каждому изъ нихъ въ 1700 и 1703 гг. дано по штукѣ серебряной матеріи, по сукну кармазину, по атласу, по тафтѣ, по 40 соболей, по 80 рублевъ и по сороку; а въ 1705 г. соболми на 126 рублевъ.

3) Ассистентамъ и канцеляріи, именно: гетманскому племяннику, шести знатнымъ войсковымъ товарищамъ, двумъ изъ числа генеральной старшины, одному полковничьему сыну и шести кацеляристамъ, въ числѣ которыхъ одинъ старшій—по 4, по 3 и по 2 алтына деньгами въ день, смотря по рангу, вина *простого* по 4 чарки, меду *бѣлого* и пива по 3 кружки, а конского корму только войсковымъ товарищамъ, кождому на 5 лошадей; сверхъ того при отпускѣ въ 1700 г. по сукну кармазину, по камкѣ, по тафтѣ, соболей и по 30 рублевъ, а канцеляристамъ соболей и по 5 рублевъ, въ 1703 г. однимъ товаръ и соболи, какъ прежде, а канцеляристамъ за соболи по 5 р., а въ 1705 г. знатнымъ товарищамъ по 42 р., а канцеляристамъ на 17 рублевъ съ полтиною.

4) Сотенной старшинѣ, именно: двумъ сотникамъ при гетманѣ, двумъ сотникамъ при полковникахъ, одному дворянину (?) и одному трубачу—первымъ по 2 алтына, остальнымъ по 4 деньги, по 3 чарки вина простого и по 2 кружки *бѣлого* меду и по стольку-же пива, а конского корму каждому сотнику на 6 лошадей, а дворянину на 3. Изъ подарковъ при отъѣздѣ показано только для трубача сукно англинское, пара соболей и два рубля денегъ—въ 1700 г., за 1703 г. не показано никакихъ подарковъ, а въ 1705 г. показано, безъ означенія лицъ, сукна на 10 р., атласъ, пара и 5 рублевъ.

5) Придворному штату, или домовымъ людямъ, именно: маршалку, конюшему, обозному, 6-ти слугамъ и 1 ключнику—по 2 алтына въ день, по 2 чарки вина *простого*, по 1 кружкѣ *бѣлого* меду и по одной кружкѣ пива. Подарковъ въ 1700 г. не было, въ 1703 г. каждый получилъ по сукну англинскому, по тафтѣ и за соболи по 3 рубля, а въ 1705 г. соболми на 10 рублевъ съ полтиною, а инымъ на 8 рублевъ 24 алтына.

6) Надворной стражѣ, именно: одному гайдуку, шести жолнерамъ и двадцати козакамъ—по 10 денегъ, по 2 чарки простого вина, по 1 кружкѣ бѣлого меду и по 2 пива, а также при отъѣздѣ по сукну англинскому и по 2 рубли въ 1703 г., а въ 1705 г. соболми на 4 р. съ полтиною.

7) Кухоннымъ и конюшеннымъ людямъ: шести поварамъ и шести конюхамъ въ день по 6 денегъ, по чаркѣ простого вина и по кружкѣ пива, да по сукну англинскому и за соболи по рублю въ 1703 г. и по 2 рубли на человѣка въ 1705 г.

8) Состоящимъ при генеральной старшинѣ, при полковникахъ и другихъ чинахъ, именно: двумъ писарямъ, одному полковому товарищу, двадцати семи слугамъ и восьмидесяти козакамъ — первымъ 3-мь по 6 денегъ, по 2 чарки вина простого и по 2 кружки пива, остальнымъ по 6 денегъ, по 1 чаркѣ вина простого и по 1 кружкѣ пива. Изъ подарковъ первымъ по англинскому, вторымъ по гамбургскому сукну въ 1703 г., а въ 1705 г. вторымъ только по 2 р. на человѣка.

Въ примѣчаніи значится: „сукна партище 5 аршинъ, а цѣна кармазину 10 рублевъ, полкармазину 5 рублевъ, англинское 4 рубли, гамбургское 2 рубли; атласу партище 10 аршинъ—8 рублевъ, камки лаудани 8 аршинъ—4 рубли, 13 алтынъ, двѣ денги, тафты 5 аршинъ—3 рубли".

ВОСПОМИНАНІЕ О ШЕВЧЕНКѢ.

Почти ни одного разсказа про Шевченка я не слышалъ, въ которомъ-бы личность его выступала не легендарной. Народъ не находитъ для него обыкновенной мѣрки. Чтобы видѣть какой, благородной популярностью пользуется его имя, стоитъ только послушать разсказы какого нибудь старика или старухи, которые знали его или слышали о немъ; они со слезами на глазахъ передаютъ различные случаи изъ его жизни [1]).

Не очень многимъ онъ извѣстенъ, какъ поэтъ: съ этой стороны его знаютъ только тѣ, которымъ довелось читать или слышать его произведенія.

Многія его думки и даже отрывки изъ поэмъ распространены въ Малороссіи повсемѣстно, но принимаются за народныя пѣсни. Онъ больше извѣстенъ, какъ человѣкъ и какъ борецъ за крестьянскую волю.

Даже тѣ, которые живутъ далеко отъ его родины и очень мало о немъ знаютъ, на вопросъ—кто такой Шевченко, отвѣчаютъ: „це бувъ такий великий воинъ".

---

[1]) Смотри въ «Кіевской Старинѣ» за сентябрь 1882 г. мою замѣтку «Взглядъ народа на Шевченка».

Народъ прочтетъ его безсмертныя думы—слезы, когда научится читать, а теперь пока ходятъ о немъ только устныя преданія; тогда всякій крестьянинъ будетъ знать, что Шевченко дѣйствительно „воинъ", но такой „воинъ", который воевалъ словомъ за святое дѣло и посвятилъ на это всю свою жизнь.

Разъ одна старуха, увидѣвши у меня на окнѣ бюстъ Шевченка, начала такъ:

„Спасибі ёму! Нехай Богъ хочъ на тімъ світі успокоить ёго душу, бо на цімъ світі вінъ богацько поніcъ за насъ, та за нашу волю... Мині таки доводилось на віку бачити ёго, та я не знала, шо то бувъ вінъ. Разъ якось мій старый сидівъ у Звенигородці въ турмі: паны за шось засадили. Отъ я взяла въ торбину хліба та ше де-чого, та й пішла до нього. А въ Вільхівці [1]) догапяю старого Онойка, шо вінъ, якъ знаете пасічникомъ бувъ надъ скарбовыми пасіками. Отъ и питаю ёго, куда вінъ іде? А вінъ міні нишкомъ и каже: „отъ-се, серце, на мене напасть... Чи не здибала ти часомъ за селомъ москаля? поіхавъ бідкою. Приіздить вінъ до мене вчора ввечері та й проситься на-нічъ. Я ёго й пустивъ: у мене дітей нема, хата велика, то чого й не пустить,—не перележить за-нічъ хати. Отъ вінъ въ мене й заночувавъ. Каже, шо самъ зъ Керелівки и іздить собі такъ по селахъ та по людяхъ. Зветься вінъ Шевченкомъ. Багацько вінъ мині росказувавъ про себе, про панщину, то-шо, и дуже просивъ, шобъ нікому не казати. Показувавъ всю свою одежу и все, шо зъ собою везе. Отъ-се вінъ вбраный москалемъ, а то зробиться старцемъ и іздить собі помижъ людьми; а якъ схоче, то передягнеться такимъ таки чоловікомъ, або паномъ. Вранці чуть світъ вінъ собі й поіхавъ и зновъ просивъ, шобъ нікому не казати, шо вінъ у мене ночувавъ. I ніхто-жъ ёго й не бачивъ и не знавъ, шо вінъ въ мене ночуе, тільки я, та жинка. А це прибігають зъ Звенигородки и требують уже туди: довідались якось наші паны та й донесли. Не знаю, шо мині за це буде?"... „А я таки передъ Вільхівцемъ зострічала чоловіка, бідно одягняный, въ картузі и въ московські одежі, поіхавъ бідкою на Попівку"... Росказала я свому старому, а вінъ и каже: „бувъ тутъ такий чоловікъ, але-жъ ёго тільки ввели въ турму, та заразъ и выпустили"...

---

[1]) Село въ 7 верстахъ отъ Звенигородки, въ противоположную сторону отъ Кириловки.

Вы кажете, шо вінъ таки вмеръ, а отъ я чула, шо вінъ есть живый, а привезли ёго тільки клятьбу въ домовині, шо вінъ поклавъ на папівъ. Кажуть, шо закопали ту домовину на высокі могили недалеко одъ Киева, але-жъ я не бачила теєи могилы, хочъ и ходила въ Киевъ. Везли домовину дванадцять паръ волівъ, а на могилу виносило дванадцять дівокъ.. Я й невістокъ ёго знаю зъ Керелівки; якъ вінъ ото умеръ, то вони іздили за нимъ плакати...

А було те, якъ я ёго бачила, тоді, якъ зачиналось добро, недалеко передъ волею, рокивъ буде зъ двадцять три... Спасибі ёму: хочъ и Богъ такъ давъ, що панщину одмінили, а все-жъ таки вінъ за насъ клопотався, та терпівъ. Нехай наши діти дякують!"

Августа 1883 г. **А. Смоктій.**

ЗАПОРОЖСКАЯ ПѢСНЯ, ЗАПИСАННАЯ НѢМЦЕМЪ ОТЪ НѢМЦА.

Въ 1802 г. Въ Гамбургѣ издана небольшая въ 16-ю долю листа книжка подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Волыни въ Херсонъ (въ Россіи) въ 1787 г.* Авторъ этого сочиненія нѣкто Іоганнъ Миллеръ, служившій нѣкогда при варшавскомъ дворѣ, состоялъ потомъ членомъ минералогическаго общества въ Іенѣ и вестфальскаго общества естествоиспытателей. Названное сочиненіе представляетъ и для настоящаго времени весьма много интересныхъ наблюденій въ осмотрѣнной авторомъ мѣстности, преимущественно въ естественно-историческомъ отношеніи, но мы нашли здѣсь особаго рода рѣдкость: авторъ, странствуя по Новороссіи, встрѣтилъ своего соотечественника, нѣкоего Шака, который жилъ по сосѣдству съ Запорожьемъ, былъ въ сношеніяхъ съ сѣчевиками, вѣроятно симпатизировалъ имъ и перенялъ отъ нихъ нѣкоторыя ихъ пѣсни. Одну изъ этихъ пѣсенъ Шакъ передалъ Миллеру и тотъ записалъ ее, какъ могъ, а для читателей приложилъ къ искаженному подлиннику значительно вольный переводъ. Кто виновникъ не точной записи и отступленій въ переводѣ—Шакъ, или Миллеръ, сказать, конечно, трудно, но нельзя не видѣть въ переводѣ стремленія уяснить и какъ-бы дополнить малопонятный подлинникъ. Заглавіе пѣсни слѣд.: Klagelied der Zaporoger wegen Verlust ihrer Freiheit (Жалобная

пѣсня запорожцевъ объ утратѣ ихъ вольностей).—Приводимъ и текстъ и переводъ.

Skazaly nam Deputaty
Imi do Stolizi
A! zto bilo po Starnum
Proschati Czarizu.
As on nasch Deputaty
Gorazdo wzinily;
Rottmistra Globu y Golowka
W Kaidani song.
O! tepper mi doschodaly
Lihoy Godiny.
Sa zto brali sa Stepp Weliu
Sbatkiu desiatinu.
Ustomp Senka stogo Swata
Prosiat tebir Liudy
Poday Nogam do Czarizy
Po Staremu bude.

Unsere Obern sagten:
Lasst uns zur Hauptstadt gehen
Und die Kaizerin bitten
Dass es bei uns auf dem alten Fuss bleibe.
Aber man hat sie dort in Fesseln geschmiedet.
Ach! ietzt erfahren wir erst
Unser ganzes Unglück!
Sag uns Vater! warum
Hat man uns unsere grosse Steppe genommen?
Und du liebe Mutter komm
Aus der andern Welt wieder;
Deine Kinder bitten dich,
Fall der Kaiserin zu Füssen
Und bitt' Sie, dass Sie es
Beim Alten lasse.

Приведенная пѣсня, не смотря на нѣкоторыя искаженія, безъ сомнѣнія, ближе всякихъ ея варіантовъ къ первоначальному подлиннику, такъ какъ пѣсенныхъ записей прошлаго столѣтія вовсе не существуетъ. Въ этомъ вся ея особенность и значеніе. Остаются вопросы, кого надо разумѣть подъ именемъ „*Сенки*" въ подлинникѣ пѣсни и кого подъ именемъ отца и матери въ переводѣ? Объясненіе могли-бы дать варіанты, но, не имѣя въ настоящую пору подъ руками Сборниковъ пѣсенъ, по необходимости оставляемъ эти вопросы открытыми. По той-же причинѣ не можемъ привести здѣсь наиболѣе близкаго варіанта, а вмѣсто того помѣщаемъ текстъ пѣсни, по времени происхожденія весьма близкой къ записанной Миллеромъ и даже ей предшествующей, по рукописному сборнику А. А. Скальковскаго.

Ой встань, батьку,
Ой встань, Петре!
Кличуть тебе люди
Та підемо до Цариці,
По старому буде.

* * *

Тече річка невеличка,
Промывае піски,
Туды іхавъ панъ Кошовый,
Назадъ прийшовъ пішки.

* * *

Тече річка не величка,
Промывае кручи.
Ой заплакавъ нашъ Кошовый,
Отъ Цариці йдучи.

* * *

Ой ходимъ всі до столиці
Прохати Цариці,
Нехай-же намъ Січь приверне
По прежніи границі.

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

ТРАДИЦІОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

Прибылъ въ Кіевъ путникъ изъ далекаго конца; ходитъ онъ по городу, смотритъ городъ и людей.

Идетъ путникъ по Подолу, а на встрѣчу ему монахъ. Монахъ шелъ медленно, важно и задумчиво.

— Здравія желаю, сказалъ путникъ.—Вотъ пріѣхалъ въ Кіевъ, никого не знаю. Спросить смѣю: изъ какого будете монастыря?

Монахъ поднялъ палецъ вверхъ, провелъ по лбу и пошелъ своимъ путемъ.

Идетъ путникъ въ Старый Кіевъ, здѣсь опять монахъ. Путникъ низко поклонился, взялъ благословенье и спросилъ:

— Изъ какого, честной отецъ, монастыря?

— Гмъ! сказалъ монахъ, какъ-то сладко улыбнулся, поднесъ три пальца къ губамъ, потянулъ въ себя воздухъ, откинувъ голову назадъ и, пошатываясь, пошелъ впередъ.

Пошелъ путникъ на Печерскъ; видитъ въ перевалку спѣшитъ куда-то монахъ. Полы раскинуты, клобукъ подался назадъ.

— Не во гнѣвъ будетъ васъ, отецъ, спросить: изъ какого монастыря? сказалъ путникъ.

Монахъ весело взглянулъ, хлопнулъ по карману всей рукой и мимо путника прошелъ.

Идетъ путникъ дальше; глядитъ, точно гора къ нему на встрѣчу—преогромнѣйшій монахъ. Ноги чуть движутся, ряса шелеститъ, весь онъ точно плыветъ, а за нимъ во всемъ новомъ послушникъ молодой. Путникъ остановился, отдалъ поклонъ и несмѣло произнесъ:

— Изъ какого, батюшка, монастыря?—смѣю васъ спросить.

— Спитай мого хлопця! густымъ басомъ прогремѣлъ на ходу отецъ и продвинулся еще.

Вышелъ путникъ совсѣмъ за городъ, бредетъ по оврагамъ, перелѣскамъ и садамъ,—вдругъ изъ-за дерева монахъ,—худой,

тощій и плохо одѣтый. Поглядѣлъ онъ изъ подлобья, а путникъ смѣло его окликнулъ:

— Отколь, чернецъ, изъ какой пустыни?

— А тобі яке до мене діло! и—хлопъ его въ ухо.

Пошелъ путникъ, не узнавши, какіе въ Кіевѣ монастыри.

Монастыри всякому извѣстны, но чтобы понять сдѣланные каждымъ изъ монаховъ отвѣты, надо хоть немного припомнить исторію каждаго изъ монастырей. Одинъ славился ученостію, другой такими шинками, съ которыми не могъ соперничать „царевъ кабакъ", третій огромными богатствами, четвертый своимъ привилегированнымъ и очень высокимъ положеніемъ, а пятый... бился съ „печерянами" за перевозъ, съ ляхами за имѣнія, съ уніатами за вѣру и потерявъ все, кромѣ вѣры, озлобился на міръ.

М. П.

ПО ПОВОДУ ПОРТРЕТА ЖЕНЫ ГОНТЫ.

Помѣстивъ въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за минувшій годъ біографію уманскаго сотника Ивана Гонты и его портретъ, мы надѣялись и даже обѣщали нашимъ читателямъ въ слѣдъ за тѣмъ, къ одной изъ ближайшихъ книжекъ приложить портретъ его жены. Вышло иначе: случились обстоятельства, вовсе неинтересныя для читателей, но въ силу которыхъ мы получаемъ возможность приложить портретъ жены Гонты только теперь и даже не въ той отдѣлкѣ, на какую мы имѣли полное основаніе разсчитывать. Словомъ: тутъ произошелъ цѣлый рядъ тѣхъ курьезныхъ и нерѣдко фатальныхъ случайностей и неудачъ, какія приходилось, вѣроятно, испытывать и вамъ, читатель, дѣлая заказы вещей гораздо менѣе интересныхъ и когда между заказчикомъ и исполнителями дистанція огромнаго размѣра. По неволѣ пусть будетъ такъ, какъ уже случилось.

Быть можетъ, кому либо изъ читателей покажется страннымъ и безъосновательнымъ самое помѣщеніе портрета жены Гонты. Кто она и что она для потомства? Ничто болѣе, какъ жена Гонты, и ничего болѣе о ней сказать мы не можемъ; была-ли даже она шляхтянка, или крестьянка, православная или католичка, и того утверждать положительно нельзя. Но что такое самъ Гонта?—Сотникъ, скажутъ, козачій, даже не настоящаго, запорожскаго или реестроваго козачества, но надворныхъ козаковъ польскаго помѣщика, не бывавшій въ походахъ, не участвовавшій въ сраженіяхъ, не ознаменовавшій себя никакими подвигами, ни военною доблестью. Онъ просто «подданный», «хлопъ», измѣнившій своему пану,

заплатившій ему черною неблагодарностью за всѣ его милости,--бунтовщикъ, казненный, какъ и другіе бунтовщики того времени .. И однако этотъ человѣкъ покорилъ себѣ сердца народныя, завоевалъ симпатіи потомства, живетъ и не перестанетъ жить въ памяти народной, дорогъ и милъ ей. Чѣмъ и какъ? Мимолетно и не громко было появленіе его на поприщѣ жизни общенародной, но онъ отдаетъ ей всего себя, все свое и семьи своей счастье и самую свою жизнь, вмѣняется какъ разбойникъ и несетъ позорнѣйшую и мучительнѣйшую казнь. Но онъ приноситъ себя въ жертву народу въ эпоху «крайней его погибели», какъ засвидѣтельствовалъ величайшій полководецъ и администраторъ того времени Румянцевъ, въ періодъ полнаго подавленія и истощенія народныхъ силъ. Его отчаянный порывъ поднимаетъ духъ народный, колеблетъ разсвирѣпѣвшее море шляхетнаго буйства и страстей, наноситъ имъ послѣдній и самый тяжкій ударъ и въ потокахъ крови, въ ужасахъ смертей спасаетъ намъ нашу вѣру и народность. Надо было имѣть великій умъ, или самое тонкое чутье, чтобы въ одно мгновеніе съ самаго невысокаго пьедестала обнять самый сложный и запутанный ходъ событій, возвыситься надъ нимъ, прозрѣть грядущее; надо было имѣть геройскую душу, чтобы въ виду ужасовъ настоящаго, въ виду полной безнадежности, несокрушимыхъ препятствій, забывъ все на свѣтѣ и самаго себя, ринуться въ бушевавшій вокругъ водоворотъ народныхъ страстей. Вотъ подвигъ, совершенный безвѣстнымъ дотолѣ и потомъ сотникомъ! Но въ этомъ подвигѣ есть и другая сторона. Движеніе народное 1768 г. поднимается во имя рѣшительнаго отторженія Украйны отъ Польши и объединенія съ Россіею, и Гонта, взлелѣянный панствомъ и шляхетствомъ, не задумывается порвать съ ними всякую связь, примкнуть въ рѣшительную минуту къ своему народу, стать рядомъ съ безстрашнымъ Желѣзнякомъ и вмѣстѣ съ нимъ водрузить предъ глазами народа знамя Екатерины, котораго она имъ не дала. Такимъ образомъ эти ославленные дикіе разбойники являются величайшими уніонистами, патріотами въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. И вотъ почему народная память свято чтитъ память ихъ, какъ самыхъ дорогихъ героевъ-мучениковъ, не смотря на позоръ, которымъ окружила ихъ неблагодарная и близорукая современность.

Но во сколько дорогъ намъ образъ самаго Гонты, во столько дорого и все, что имѣетъ къ нему какое либо отношеніе, а тѣмъ болѣе образъ подруги его жизни, понесшей, конечно, всѣ тяжкія послѣдствія его геройской рѣшимости. И тѣмъ большую онъ получаетъ цѣну, чѣмъ менѣе мы знаемъ объ изображаемомъ имъ лицѣ и томъ лицѣ, отъ котораго оно заимствуетъ все свое значеніе.

Въ археологическомъ отношеніи портретъ жены Гонты не имѣетъ никакого почти значенія; ея прическа и костюмъ относятся къ той шляхетской средѣ въ которой вращался Гонта. Но Гонта былъ старостою церковнымъ въ мѣстечкѣ Володаркѣ, сквирскаго уѣзда, кіевской губ., и портреты его и его жены, по давнему обычаю, были

помѣщены въ церкви; что указываетъ на то, что оба супруга были благотворителями ея. Портреты сохранялись въ церкви до 60-хъ годовъ, потомъ пріобрѣлъ ихъ тамошній помѣщикъ, принимавшій участіе въ послѣднемъ возстаніи, а когда имущество его было конфисковано и продавалось съ публичнаго торгу, портреты достались профессору Антоновичу. Подлинность ихъ точно имъ обслѣдована и не подлежитъ никакому сомнѣнію.—Ред.

Примѣчаніе. *Слѣдующая книжка выйдетъ 1-го ноября; къ ней приложенъ будетъ изготовленный уже портретъ князя Константина Острожскаго, а къ декабрьской книжкѣ портретъ его жены Софіи, урожденной графини Тарновской.*

Поправка. Въ настоящей книжкѣ на стр. 237 Иванъ Кулябка ошибочно названъ *стародубскимъ* полковникомъ; на самомъ дѣлѣ съ 60-хъ годовъ XVIII ст. онъ былъ полковникомъ *лубенскаго* полка.—Ред.
